ВИТАЛИЙ ВАВИКИН
Электрические сны
фантастика
киберпанк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как бы настойчиво нас ни убеждали, какие бы догмы ни вбивали в сознание, люди все равно остаются людьми. Мы не можем стать бесчувственными машинами: чувства есть, и чувства эти возьмут верх над любыми внушенными истинами, когда придет время…

- Виталий Вавикин
  -
  - История первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
  - История вторая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
  - История третья
    - Часть первая
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
    - Часть вторая
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
    - Часть третья

        - Глава первая
        - Глава вторая
        - Глава третья
- История четвертая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
- История пятая
    - Вместо пролога
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Эпилог
- История шестая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая

Виталий Вавикин
Электрические сны

© Вавикин В. Н., 2014
© ООО «Литературный Совет», 2015

История первая
Двери в безграничность (Тек-Амок)

1

Никто уже не помнил тот день, когда ученые научились сжимать пространство. Так же, как никто не помнил и о перенаселении – проблема просто решилась и все. Были, конечно, недостатки, но их старались не замечать. Люди привыкли. Крохотная квартира могла превратиться в огромные апартаменты, стоило войти в дверь. Неказистый дом мог прятать за своими стенами целый город. Это не только решило проблему перенаселения, но и сократило в сотни раз расходы на транспорт. В мегаполисах воздух стал чище.

Несколько веков после открытия сжимающегося пространства ученые пытались сосчитать реальную площадь развернувшегося в подпространстве мира, но так и не смогли – старые дома шли под снос, на их месте возводились новые. Оставались ниши в подпространстве – заброшенные квартиры, а иногда и целые города, от которых отказались бывшие хозяева, выбрав более новые и совершенные. Мертвые города и квартиры. Невидимые снаружи, но пропахшие гнилью и смертью внутри.

Иногда дороги к ним могли обнаружиться в самых неподходящих местах – человек покупал в подпространстве дом, открывал дверь на чердак и видел старый подвал. Вначале подобные открытия казались забавными. Строители дома в подпространстве выплачивали компенсацию, дверь в заброшенный город или квартиру замуровывали, и инцидент забывался, тем более что брать в тех покинутых жилищах было все равно нечего – прежние хозяева не оставляли нужных вещей, но потом в подобных местах начали селиться бездомные, преступники, скрывающиеся от закона. Иногда там находили подростков, желавших сбежать от родителей или просто пощекотать себе нервы. Живые и мертвые. Некоторые тела лежали в забытых городах веками. Эти истории начали обрастать тайнами, легендами. Но вскоре забыли и об этом, лишь дети продолжали пугать друг друга, придумывая все новые и новые страшилки.

Одна из таких страшилок была в отеле «Омега». Дешевый отель с такой же дешевой тайной. Чарльз Маривин услышал ее как-то раз вечером, вернувшись с работы. Ключ остался в шкафчике со сменной одеждой, и нужно было ждать управляющего. Собравшиеся в круг дети дошкольного возраста притихли, слушая, раскрыв рты, сына Дарлы Моузли. Трэй был худощавым и похожим как две капли воды со своей матерью. Та единственная ночь, которую Чарльз Маривин провел с Дарлой,

закончилась катастрофой, когда ее сын застал их утром в одной кровати. Мальчик не помнил своего отца, но… Нет, Чарльз не хотел вспоминать, что было после.

Он курил, ждал консьержа и заставлял себя не слушать глупые истории, которые травил Трэй. Истории о номере 534, на этаже, где жили Дарла Моузли и Чарльз Маривин. Последний жил в отеле уже пять лет, но не помнил, чтобы кто-то снимал номер 534, а Трэй утверждал, что видел, как из номера выходит девушка. Высокая, красивая. С черными, как ночь, волосами и зелеными глазами.

– Клянусь, она настоящая ведьма, – взволнованно сказал Трэй друзьям.

Маривин снова попытался его не слушать, но история засела в голове, как слова назойливой песни.

– Думаю, дети – лучшие рассказчики в этом мире, – сказал Маривину вернувшийся консьерж. – В отличие от нас, они все еще верят в свои сказки, – он посмотрел на Трэя, и когда тот поднял голову, подмигнул ему.

Мальчик улыбнулся и махнул консьержу рукой.

– А меня этот маленький чертенок просто ненавидит, – признался Маривин.

– Понимаю, – сказал консьерж.

– Понимаете? – растерялся Маривин. – Что это значит?

– Вы ведь встречались с его матерью, верно?

– Откуда вы… – Маривин недовольно покосился на десяток мониторов за спиной консьержа, на экране которых висели картинки коридоров отеля. – Вам больше заняться нечем, как следить за людьми?

– Это просто работа, – консьерж примирительно улыбнулся, но Маривин остался хмур.

Он взял запасной ключ и поднялся в свой номер. Лифт не работал, и подъем на девятый этаж отнял последние силы.

– Нужно менять работу, – ворчал Маривин, собирая себе ужин. – Работу, квартиру, район…

Он снова вспомнил историю Трэя о высокой девушке из номера 534.

– Чертовы дети!

Маривин заварил кофе. Пара лишних сигарет разбудила задремавшую боль в желудке – нужно было давно показаться врачу, но Маривин откладывал. Он знал, что это язва, и знал, что ничего не исправить. Ему назначат лечение, но толку это не даст. Из десяти коллег по работе у троих была язва, и все они в один голос заявляли, что от этого нет лекарства. «Просто нервы. Просто жизнь. Дерьмо случается», – как-то так они говорили,

Маривин уже не помнил точно.

– Клянусь, она настоящая ведьма, – вспомнил он слова Трэя, а следом и его историю о незнакомке из номера 534.

Воспоминания были такими четкими, что Маривину показалось, будто дети собрались у его двери и снова рассказывают свою байку. Он слышал их смех – звонкий, издевательский.

– Чертовы засранцы! – он распахнул дверь, но на пороге никого не было. Коридор был пуст. Почти пуст…

Маривин растерянно уставился на открытую дверь в номер 534.

– Чертовы засранцы! – снова проворчал Маривин, решив, что дети все-таки набрались смелости и проникли в номер, где живет их вымышленная ведьма.

Он вспомнил консьержа и камеры наблюдения. «И почему этот вуайерист следит только за любовными романами и игнорирует детские игры?» – подумал Маривин. Он позвал Трэя по имени, надеясь, что сорванец испугается и выбежит из пустующего номера.

– Не заставляй меня вытаскивать тебя оттуда за ухо, – сказал Маривин.

Тишина.

– Чертовы засранцы!

Он подошел к номеру 534. Дети с визгом выскочили в коридор, едва не сбив его с ног, и побежали к лестнице. Хлопнула дверь, застучали шаги по ступеням. Маривин не двигался, стоял на пороге и смотрел в черную, смолистую глубину номера. «Неужели детям совсем не страшно играть здесь? – думал он. – Или же им нравится это чувство страха?» Он увидел открытые двери стенного шкафа. Дети сорвали старый замок, который весел на этих дверях не один год.

– Всего лишь шкаф, – проворчал Маривин. Смущал лишь замок. Если это просто шкаф, зачем закрывать его? А что если Трэй не соврал и через этот номер действительно можно пройти в затерявшийся, заброшенный мир? Если так, то нужно сказать консьержу. И пусть выберет на этот раз замок понадежнее…

Маривин обернулся, желая убедиться, что дети не следят за ним, и вошел в номер. Ничего особенного, сверхъестественного. Он подошел к стенному шкафу. Темнота внутри была абсолютной, но Маривин не смог дотянуться до стены в глубине шкафа. «Выходит, маленький засранец не врал?» – подумал Маривин, шагнув вперед. В нос ударил запах пыли и сырости. Маривин не был любопытным. Нет. Он просто хотел убедиться, что не ошибся, прежде чем сообщать консьержу. А может быть,

завтра, возвращаясь с работы, он сам купит новый замок и закроет этот шкаф, отправив детей играть в другое место.

Маривин споткнулся, едва не упал, уперся рукой в дверь в заброшенный мир. Старые петли скрипнули. Да. Теперь сомнений не было – в номере 534 действительно была дверь в подпространство: темное, одинокое, пыльное. Маривин прислушался. Ничего. Никого. Абсолютная тишина. Никакой жизни. Маривин вспомнил рассказ Трэя о зеленоглазой ведьме и улыбнулся.

Теперь вернуться в отель, в свой номер, лечь спать…

Ведьма. Маривин встретил ее утром у окна на лестнице. Она просто стояла и смотрела на него, словно знала о нем какую-то тайну. Платье легкое, почти воздушное. Такой же и шарф. Глаза зеленые. Волосы черные.

– С какого вы этажа? – спросил Маривин, убеждая себя, что эта женщина не может быть той ведьмой, о которой рассказывал друзьям маленький Трэй. – Я не видел вас прежде. Вы недавно приехали в отель?

Женщина не ответила, больше – она отвернулась и стала подниматься по лестнице. Маривин видел, как за ней закрылась дверь девятого этажа. Весь день этот образ преследовал его. Особенно ее запах – сладкий, цветочный. Он преследовал его, цеплялся к нему – за рабочим станком, в магазине, где Маривин покупал новый замок, даже в номере 534, куда он пришел вечером, чтобы закрыть стенной шкаф. Здесь запах словно обрел плоть, заставив Маривина снова вспомнить детскую страшилку о зеленоглазой ведьме.

– Да нет. Не может быть. Глупости, – сказал он себе, но снова заглянул в стенной шкаф.

Запах усилился. Он манил его, звал в подпространство, в темноту, мрак.

– Что за черт? – насторожился Маривин, услышав детские голоса в смолистой ночи подпространства.

Он буквально увидел, как Трэй и его друзья играют где-то там, в темноте. И как теперь закрыть этот шкаф?

– Трэй? – позвал мальчика Маривин.

Без ответа.

– Трэй, обещаю, что не стану ругаться. Просто выйди оттуда. Я не скажу твоей матери.

Тишина.

Маривин выругался. Дверь впереди, в глубине стенного шкафа, ждала его. Как ждал и запах зеленоглазой незнакомки.

– Вот маленькие засранцы!

Маривин открыл скрипучую дверь. Битое стекло захрустело

под подошвой ботинок. Детский смех звучал где-то далеко, в глубине. Маривин достал зажигалку. Желтое дрожащее пламя вспыхнуло как-то неестественно ярко, выхватив из темноты стены, оклеенные зелеными обоями. Длинный коридор напоминал коридор отеля. Маривин снова позвал Трэя. Детский смех стих, но теперь можно было слышать, как десятки крошечных ног бегут по старым деревянным ступеням.

– Трэй, черт возьми! – начал терять терпение Маривин.

Он поднялся по лестнице на верхние этажи следом за детьми. Сорванцы смеялись где-то совсем рядом. Длинный коридор тянулся вдаль, пялясь на незваных гостей открытыми дверями в пустующие номера.

– Трэй!

Ответ долетел далеким угасающим смехом. Зажигалка в руке нагрелась, обожгла пальцы. Маривин выругался, дождался, когда железо остынет. Кремень безрезультатно высек искры один раз, другой. Маривин замер, чувствуя сладкий цветочный запах, словно девушка, встреченная днем, прошла где-то рядом. Темнота вокруг показалась абсолютной. Кремень снова высек сноп искр. С третьего раза зажигалка разродилась дрожащим языком желтого пламени.

Женщина. Ведьма с зелеными глазами. В воздушном шарфе и таком же платье. Она шла по коридору. Маривин видел ее спину. И еще дети. Не Трэй. Нет. Дети с молочно-белыми глазами, выбежавшие в коридор из открытых номеров. Они принюхивались, прислушивались, но не видели. Слепые, как кроты. Им не нужны были глаза в этом мире. В их мире. Но женщина… Женщина с зелеными глазами. Она же была нормальной. Маривин видел это, знал.

– Эй! – позвал он ее.

Она обернулась. Веер черных волос вздрогнул, разрезал воздух.

– Постойте!

Маривин шагнул к женщине. Один ребенок ударил его по ноге тяжелым гаечным ключом. Маривин не сразу почувствовал боль от удара: сильную, жгучую. Ребенок снова замахнулся. Маривин перехватил его руку, отобрал ключ и бросил в темный угол. Звук удара привлек внимание остальных детей. Словно свора голодных собак, они бросились за ключом.

Женщина с зелеными глазами. Маривин видел, как за ней закрылись двери лифта.

«Дзинь».

– Какого черта? – никогда прежде он не слышал, чтобы в покинутом подпространстве сохранялись источники

электроэнергии.

Лифт снова звякнул, загудели электромоторы, поднимая кабину на последний этаж. Слепые дети отыскали выброшенный ключ и снова начинали подступать к Маривину. Дороги назад не было. Да он и не хотел сейчас возвращаться.

Ведьма. Женщина с зелеными глазами.

Маривин шел за ней. Лифт поднимал его на последний этаж.

Длинный, изогнутый коридор.

Зажигалка снова нагрелась. Маривин увидел лишь подол воздушного платья, мелькнувший за мгновение до того, как женщина выскользнула на лестницу, ведущую на крышу.

– Постойте!

Он попытался идти в темноте, наощупь. Споткнулся, выругался. Лифт за спиной снова загудел. Детский смех. Двери открылись.

«Дзинь».

Маривин выскользнул на лестницу. Зажигалка не успела остыть, но ему нужен был свет. Сноп искр. Желтое пламя. Вокруг паутина, пыль.

Женщина с зелеными глазами задержалась на последних ступенях, чтобы он успел заметить ее.

Дети выбрались из лифта. Маривин слышал, как они рыщут по коридору.

Подняться наверх, на крышу.

Воздух был свежим и пах цветами – так же, как и женщина, которая привела сюда Маривина. Ветер. Теплый, свежий. Он сорвал с нее шарф – белый лоскут, устремившийся вдаль, в пустоту. Это был не дом – это был целый город, оставленный в подпространстве, где была жизнь: странная, чуждая, рожденная в этой густой темноте.

Черепица под ногами Маривина хрустнула, заставив его застыть.

– Подожди, – крикнул он зеленоглазой женщине.

Она обернулась. Зажигалка в руках Маривина, казалось, была способна осветить не только лицо незнакомки, но и весь этот странный, чуждый Маривину мир.

– Кто ты? – спросил он незнакомку.

Она не ответила. Лишь ярче вспыхнули янтарные глаза. Ветер колыхнул ее воздушное платье. Маривин попятился. Впервые, оказавшись в этом странном месте, он испытал страх. Вернее не страх. Маривин давно перестал бояться. Скорее тревога. Холодная, липкая. Она пробудила его язву, отозвавшуюся тупой болью.

– Зачем ты привела меня сюда? – спросил Маривин

незнакомку.

И снова без ответа. В зеленых глазах ни тени понимания. Маривин вспомнил преследовавших его слепых детей. Не было сомнений, что все они родились здесь, в этом странном мире. «Ведьма», – вспомнил Маривин слова Трэя о незнакомке. И почему сейчас начинало казаться, что в них был смысл? Кто она? Почему живет здесь?

Маривин вздрогнул, увидев мертвенно-бледный силуэт, поднимавшийся по крыше с другой стороны. Мужчина: высокий, тощий. Его глаза были белыми. Зубы желтые. Он подошел к женщины, которую преследовал Маривин, и обнял ее, наклонился к ней, пытаясь поцеловать. Она ответила на поцелуй. Маривин почувствовал, как боль в желудки стала сильнее. Он смотрел на ведьму с зелеными глазами и тощего монстра, кожа которого была такой тонкой, что под ней виднелись синие пучки вен, и думал, что эта пара вполне может оказаться родителями слепых детей.

Раскалившаяся зажигалка начала жечь пальцы, но Маривин не мог погасить ее. Не сейчас. Нет.

Слепой ребенок с гаечным ключом выбрался на крышу и, принюхиваясь, начал ползти к Маривину, нетерпеливо стуча ключом по старой черепице.

– Не нужно бояться, – сказало ему тощее существо, обнимавшее зеленоглазую ведьму. – Ты привыкнешь. Ты научишься. Ты уже почти умеешь.

На крышу выбралась еще одна уродливая тварь: высокая, бледная, тощая. «Женщина!» – успел разглядеть Маривин прежде, чем зажигалка взорвалась в его руке. Яркая вспышка ослепила глаза. Рука вспыхнула нестерпимой болью.

– Моей сестре нужен партнер, – услышал Маривин голос обнимавшей ведьму твари.

Ноги сами понесли его прочь. Загремела, ломаясь, черепица.

Бежать! Неважно куда. Лишь бы подальше отсюда.

Маривин споткнулся, потерял равновесие. Черепица раскололась, не выдержав груза упавшего на нее тела. Острые осколки впились в ладони, разрезали пальцы, когда Маривин попытался схватиться за ломаные грани, чтобы не упасть с крыши. Хлынула кровь: теплая, слизкая. Маривин чувствовал, как черепица выскальзывает из пальцев. Он катился вниз, к краю крыши, и не мог предотвратить это неизбежное падение.

Оставалось лишь закричать.

2

Хорас Клейн приехал в отель «Омега» спустя шесть дней после исчезновения Чарльза Маривина. Законник средних лет с русыми, коротко постриженными волосами и бледным шрамом на правой щеке – память о первых днях работы патрульным. Проститутка, которую он пытался арестовать, ударила его стилетом в лицо, разорвала щеку, выбила пару зубов и проткнула язык. Его наставник громко смеялся. Клейн не знал почему, но он запомнил этот смех на всю жизнь. Смех и вкус собственной крови. Это не было его единственным ранением. В него стреляли, его били, обжигали серной кислотой. Последняя слизнула кожу с его правого плеча. Но запомнил он именно стилет и проститутку. Ее лицо. Цвет ее глаз. За тот поступок ей дали пять лет. Джин Валентайн – так ее звали. Когда она вышла, наставник Клейна по имени Захария Ривкес позвонил ему и сказал, что пришло время избавиться от дурных снов и воспоминаний. Он назвал адрес, где остановилась Джин Валентайн.

– Просто навести ее и сделай то, что должен был сделать пять лет назад, – посоветовал Ривкес.

Клейн пообещал, что подумает.

– Только не думай долго, – скрипуче рассмеялся старый Ривкес и напомнил о программе «Амок». – Скоро всем нам вскроют черепа и установят в мозг чертовы камеры. Так что, пока можешь, навести Джин.

С того дня прошло семь лет. Сейчас, разговаривая с консьержем отеля «Омега», Хорас Клейн невольно думал о том, что все это записывается и просматривается. Шрам от трансплантации устройства на левом виске был совершенно незаметен, но… Но после того, как программа «Амок» начала действовать, число желающих стать законником сократилось втрое. Несколько раз поднимался вопрос о том, чтобы закрыть проект, но дальше обсуждения дело не заходило. Казалось, что так теперь будет всегда. Одно утешало Хораса Клейна – его наблюдателем был старый Захария Ривкес, получивший повышение вместо выхода на пенсию. Но как долго старый друг сможет покрывать его? Клейн трижды находился под подозрением третьей степени и однажды каким-то чудом сумел соскочить с обвинения четвертой степени.

– Я все понимаю, – говорил ему Ривкес, – в этом мире невозможно всегда поступать правильно. Чертовы инструкции придумывают те, кто никогда сам не патрулировал улицы.

Клейн слышал, что ученые разрабатывают новую программу.

«Амок» должен стать первой ступенью. Сначала они планировали приручить законников, затем добраться до обычных граждан. Некоторые шептались, что «Амок» не только записывает то, что видит и слышит патрульный, но и фиксирует его эмоции, возможно, даже мысли. Хорас Клейн не верил в это. Если бы что-то было, то Захария Ривкес обязательно сказал бы ему. Но слухи ходили, и не замечать их было невозможно.

Больше всех кричали обычные люди, напуганные тем, что ученые работают над препаратом, способным свести воздействие наркотиков и алкоголя на мозг к минимуму. Все эти разговоры всегда заканчивались одним – обвинениями в адрес законников, неспособных справиться с распространившейся преступностью. «И как тут забыть свое первое ранение?» – думал Хорас Клейн, когда слышал обвинения в адрес законников.

Джин Валентайн отсидела пять лет за нападение на полицейского, вышла на свободу и вернулась на улицы. Как с такими, как она, бороться, черт возьми? А с бесконечными химические лаборатории? Сотни наркотических веществ, на запрет которых суды не успевают выносить постановления. Наука развивается быстрее, чем самосознание. Человек всегда найдет уловки и ухищрения, чтобы обмануть закон, соседей, себя. Особенно в последние века, когда мир разорвался на сотни скрытых в подпространстве миров.

«Если что-то и нужно запрещать и лечить, так это все эти города и квартиры в подпространстве», – так считал Хорас Клейн. Искать правонарушителей становится все сложнее и сложнее. Они скрываются, прячутся, маскируются. Если бы подпространство закрыли хотя бы на пару лет, то большинство беглых преступников непременно отправились бы в тюрьмы. Но ученые не знали, как закрыть творения рук своих.

– Так ваш сын утверждает, что Чарльз Маривин ушел в подпространство? – спросил Клейн Дарлу Моузли. Она кивнула, покраснела. – Ваш сын тоже играл иногда в подпространстве? – догадался Клейн.

– Да.

– А откуда он знает Чарльза Маривина?

Дарла покраснела сильнее.

– Вы были с ним любовниками? – снова устало догадался Клейн.

– Кто вам сказал?

– Ваше лицо. – Клейн закурил, предложил сигарету Дарле Моузли и осторожно спросил разрешения поговорить с ее сыном.

– Я думаю, что его забрала ведьма, – серьезно сказал мальчик.

– Ведьма? – Клейн почему-то подумал, что сейчас станет свидетелем очередного любовного треугольника. – Ты знаешь, где живет эта ведьма? – Клейн уже видел, как находит Чарльза Маривина в объятиях очередной любовницы – вот и вся история.

– Ведьма приходит из подпространства, – сказал маленький Трэй Моузли.

– Из какого именно подпространства? – спросил Клейн. – В вашем отеле много номеров, расширенных подпространством.

– Я говорю не об этом подпространстве, – Трэй нахмурился, покосился на мать.

– Можешь рассказать, – кивнула она.

– И ты не будешь ругать меня за то, что я играл в мертвом подпространстве?

– Так ты говоришь, что та женщина приходила из мертвого подпространства? – спросил Клейн.

Трэй кивнул. Клейн повернулся к его матери.

– В вашем отеле есть мертвое подпространство?

– Я не знаю. Спросите консьержа.

– Я могу показать, – осторожно подал голос Трэй, почувствовав волнительную близость приключений. – Это рядом. На нашем этаже. В номере 534.

– Я посмотрю, – пообещал ему Клейн, но следовать за собой запретил.

Он спустился к консьержу, взял ключ.

– Как дети пробираются в этот номер? – спросил Клейн.

– Дети могут многое из того, о чем мы не догадываемся, – уклончиво сказал консьерж, проследил взгляд Клейна, устремленный к мониторам от камер наблюдения, и растерянно пожал плечами. – Думаю, они воспользовались пластиковой картой, чтобы добраться до защелки.

Клейн кивнул, подошел к лифту, вспомнил, что тот не работает, и свернул к лестнице. Когда он поднялся на девятый этаж, в коридоре его встретил Трэй и Дарла Моузли.

– Он хотел посмотреть, как вы поймаете ведьму, – извиняясь, сказала мать мальчика.

– Ведьм не существует. – Помня о том, что камера внутри его головы все записывает, Клейн посоветовал Дарле Моузли увести сына.

Он дождался, когда за ними закроется дверь, и только после этого вошел в номер 534. Внутри было тихо и пыльно. Когда здесь кто-то жил в последний раз? Год назад? Десять лет? Клейн подошел к стенному шкафу, о котором говорил Трэй. Внутри была темнота: густая, липкая. Клейн включил фонарик. Белый луч утонул в подпространстве. «Что ж, выходит, мальчишка не

соврал». Клейн ухмыльнулся – Захарии Ривкесу будет что посмотреть на досуге.

Мир, где он родился, остался за спиной. Клейн поймал себя на мысли, что, наверное, никогда не сможет привыкнуть к этим переходам, да и к этим мирам. Что-то в них было неправильным. Чего-то не хватало. Словно это был другой мир, где меньше звуков, меньше запахов, меньше цветов.

Клейн вышел в неестественно изогнутый коридор и позвал Чарльза Маривина по имени. Тишина. Идея о любовном треугольнике задрожала, стала зыбкой. Неужели кто-то может заниматься любовью в подобном месте? В смысле, настоящей любовью – публичные дома в подпространстве Клейн встречал за свою жизнь довольно часто. И лаборатории, где делают наркотики. И… Он замер – на мгновение ему показалось, что где-то далеко вскрикнул ребенок. Или женщина?

– Мистер Маривин?

Клейн шел вперед, надеясь, что слух не играет с ним злую шутку. Выход из мертвого подпространства оставался все дальше и дальше за спиной. Коридор уперся в лифт. Лампочка вызова светилась в темноте.

– Что за черт? – растерялся Клейн. Он бывал в мертвых подпространствах довольно часто, но еще ни разу не видел, чтобы здесь что-то работало.

Клейн недоверчиво нажал на кнопку вызова. Загудели моторы, поднимая лифт с нижнего этажа. «Дзинь», – открылись старые двери. Свет в кабине лифта не горел. Стекла от разбитой лампы хрустнули под ногами. Клейн посветил на кнопки, выбрал самую затертую и нажал. «Дзинь», – закрылись двери. Кабина задрожала и нехотя поползла вниз. «Да, Захарии определенно будет на что посмотреть», – думал Клейн.

Он вышел на подземной стоянке. «На кой черт в подпространстве автостоянки?» Клейн не хотел отпускать лифт, но двери уже закрылись за его спиной. Оставалось лишь осмотреться. Ни людей, ни машин. Лишь запах бетона, да и тот какой-то ненастоящий, словно кофе без кофеина. Клейн осторожно шел вперед. Заброшенная стоянка заканчивалась сломанным шлагбаумом. Дорога круто уходила вверх, на улицу, куда и вышел Клейн.

Кровь. Клейн увидел ее на тротуаре. Много крови. Карманный анализатор показал, что она принадлежит человеку. Связь в подпространстве не работала, поэтому вызвать базу и проверить, принадлежит эта кровь Чарльзу Маривину или нет, было невозможно. Клейн запрокинул голову, пытаясь определить окно, из которого мог выпасть человек. Случайность исключалась.

Иначе куда делось тело? Оставалась зеленоглазая женщина, ведьма, о которой рассказывал маленький Трэй Моузли. Но куда она могла спрятать тело? Да и могла ли? Ведь Чарльз Маривин был крупным мужчиной, а здесь не было ни следов, ни шлейфа крови. Не несла же она его на руках?!

Клейн снова запрокинул голову. Нет. Слишком много вариантов, чтобы понять, откуда выпал Маривин. Если только… Клейн направил луч фонаря на край крыши. Он видел города в подпространстве. Большинство из них было построено еще в первый век существования этой субреальности, но еще нигде он не встречал подобных крыш. В подпространстве не было дождей, не было солнца. Так зачем же строить дом так, словно он создан для реального мира? Клейн попытался разглядеть соседний дом – еще одна настоящая крыша. «Что за дурак построил это место? Зачем?»

Клейн подумал, что было бы неплохо забраться на одну из этих крыш и посмотреть, насколько велик этот город. А еще лучше убраться отсюда и просто заглянуть в архивы. Вот только… Клейн смотрел на засохшую на асфальте кровь. «Что, черт возьми, случилось с Чарльзом Маривином?» Он замер, уловив едва заметное движение возле лестницы в соседний дом. Ребенок затаился. Слепой ребенок, который мог слышать Клейна, чувствовать его запах, но не мог видеть. Клейн наблюдал за ним пару минут, но ребенок не двигался, слившись с темнотой. И если бы не случайное движение, то Клейн никогда бы не заметил его. Сейчас – и то ребенок был для него лишь неясным силуэтом, сжавшимся возле каменной лестницы. Клейн осторожно запустил руку под куртку, расстегнул нагрудную кобуру и достал оружие. Теперь развернуться, направить луч фонаря на затаившегося незнакомца. Белый пучок света осветил ребенка, но он даже не вздрогнул. Клейн выругался, увидев белые, лишенные зрачков, слепые глаза. Вот теперь ребенок вздрогнул. Его худое тело напряглось. Вены под прозрачной водянистой кожей вздулись.

– Не надо бояться, – сказал Клейн. – Я полицейский. Я не причиню тебе вреда.

Ребенок услышал его голос, услышал шаги. Тело его отреагировало мгновенно. Пружина плоти разжалась. Мальчик запрыгнул на лестницу, находившуюся в несколько раз выше его собственного роста, и побежал в дом.

– Подожди! – крикнул Клейн, устремляясь следом.

Слепой ребенок бежал быстро, словно знал наизусть каждый коридор, каждую ступеньку. Клейн видел, как мальчик завернул за угол, слышал, как хлопнула дверь, застучали шаги по деревянной лестнице. Ребенок выбрался на крышу, побежал по

старой черепице, легко, порхая, словно бабочка с цветка на цветок. Затем так же легко перемахнул на крышу соседнего дома, замер, прислушиваясь, пытаясь понять, смог сбежать или нет. Но Клейн не собирался останавливаться. От удара черепица под его ногами раскололась. Ее осколки полетели вниз, зазвенели, разбиваясь об асфальт. Мальчик дернулся, побежал дальше.

– Ну уж нет! – Клейн ухватил его за руку.

Мальчик закричал: дико, истошно, вцепился в руку Клейна. Его зубы были острыми, тонкими. Они разорвали кожу, прорезали мясо. Брызнула кровь.

– Успокойся! – Клейн встряхнул его за плечи.

Белые, лишенные зрачков глаза ребенка уставились в пустоту. Изо рта текла кровь Клейна. Ребенок облизнулся.

– Кто ты такой? – спросил Клейн. Без ответа. – Как ты попал сюда?

Мальчик снова облизнулся.

– Ты понимаешь, о чем я говорю? – спросил Клейн.

Ребенок дернулся, попытался опять укусить его.

– Хватит! – Клейн потащил его к выходу из дома.

Они покинули крышу, вышли на улицу. Где-то далеко Клейн услышал детский смех: призрачный, нереальный.

– Да что же здесь происходит, черт возьми? – он замер, но смех, казалось, действительно был всего лишь галлюцинацией.

Слепой мальчишка снова начал вырываться.

– И не надейся, – Клейн потянул его в дом, где находился выход из этого странного подпространства.

Он пересек подземную автостоянку, вызвал лифт.

– Пожалуйста, не делай этого, – раздался тихий голос.

Женщина. Высокая. Черноволосая. Клейн направил луч фонаря ей в лицо. Не вооружена. Глаза зеленые. Лицо бледное, но кожа естественная, не водянистая, как у слепого ребенка.

– Тридцать второй не выживет вне этого мира, – сказала женщина.

– Тридцать второй? – Клейн понимал, что должен достать оружие, но это значило либо освободить руку, убрав фонарь, либо отпустить слепого ребенка.

– Тридцать второй – это имя ребенка, которого ты поймал, – женщина улыбнулась, и мальчик, словно почувствовав это, улыбнулся в ответ.

– Этому ребенку нужно в больницу, – сказал Клейн первое, что пришло в голову.

– Ты убьешь его, если заберешь отсюда.

– Как ты убила Чарльза Маривина?

– Кого?

– Мужчину, который пришел сюда несколько дней назад.

– Он не умер.

– Я видел кровь на тротуаре. Думаю, его вытолкнули из окна или столкнули с крыши.

– Он сам упал… И он не умер. Сильно покалечился, но не умер.

Клейн вспомнил, что маленький Трэй Моузли называл эту женщину ведьмой. Он не знал почему, но в этих словах, казалось, был смысл.

– Я покажу вам, если обещаете, что никому не расскажете о нас, – сказала женщина.

– Покажете что? – растерялся Клейн.

– Мужчину, который упал с крыши, – она шагнула вперед.

– Стойте, где стоите.

– Не надо меня бояться.

– Вы здесь одна?

– Нет.

Клейн сомневался лишь мгновение, затем выпустил руку слепого мальчика и достал оружие. Он ни в кого не целился. Стоял и смотрел, как убегает ребенок. Что ж, у него в любом случае останется эта зеленоглазая ведьма. Женщина не сможет сбежать от него.

– Я не сбегу, – заверила его женщина, словно прочитав мысли. – И не нужно бояться. Самый опасный человек здесь вы. – Она опустила глаза к оружию в руке Клейна. – Уберите это, пожалуйста, Хорас. Это лишнее.

– Откуда вы узнали мое имя?

– Это несложно.

– Это не ответ.

– Меня зовут Двадцатая.

– Причем тут ваше имя?

– Теперь вы тоже знаете его. Разве это было сложно?

– Вы назвали мне свое имя. Я вам свое не называл.

– Это почти одно и то же.

Женщина развернулась и пошла прочь.

– Стойте! – крикнул Клейн.

– Мне казалось, мы идем посмотреть на мужчину, который упал с крыши, – сказала, не оборачиваясь, женщина.

Они вышли на черную улицу. Клейн старался держаться в шаге от незнакомки. Ведьма с зелеными глазами. «А это имя? Двадцатая? Что это, черт возьми, за имя?!» Клейн собирался спросить об этом женщину, когда они вышли на перекресток.

Лишенный света мир. Лишь карманный фонарь разрезает вечную ночь.

– Что это за место? – спросил Клейн. – Никогда не видел ничего подобного. Это словно… Словно кто-то хотел сделать все как в нормальной жизни.

Он увидел пожарный гидрант и тихо выругался. Город казался необъятным. «Вряд ли здесь работают генераторы кислорода, но с такими размерами этого и не нужно. Может быть, здесь растут деревья и есть озера…» – думал Клейн, вспоминая заброшенные в подпространстве дома, в которых воздух превращался в яд. Там невозможно было находиться, не то что жить, но здесь…

– У нас нет проблем с кислородом, – сказала зеленоглазая женщина, снова прочитав его мысли.

Клейн уже не сомневался, что она каким-то образом забирается ему в голову. Никогда прежде он не слышал, что подобное возможно, но прежде он и не видел таких городов.

– Оз Литвак говорит, что создавать такие города – почти то же самое, что создавать планеты, – сказала зеленоглазая женщина.

– На планетах есть свет.

– Свет нам не нужен.

– Свет нужен всем. Свет – это жизнь.

– Древние, усталые истины.

Они прошли еще один перекресток, за которым дорога круто уходила вниз, к странным окраинам города. Клейн не понимал как, но он видел их в темноте. Искрящиеся, пульсирующие. Казалось, что вся материя, формировавшая окраины города, плывет, перетекает из одного состояния в другое. Даже озеро, черная гладь которого, преодолевая законы притяжения, поднималась капля за каплей к бездонному, несуществующему небу, к густому брюху бесконечной ночи. Оно глотало все, что попадает в него: озеро, деревья, почву, ближайшие дома, дороги. Небо пропускало все это сквозь себя и выплевывало назад густой слизью, неспешно стекавшей по невидимым границам подпространства назад, на землю, снова становясь водой озера, домами, дорогами, землей. Этот процесс рождал несильный, но свежий ветер.

«Что это такое, черт возьми?» – подумал Клейн, и женщина с зелеными глазами сказала, что Оз Литвак называет этот процесс новым двигателем для созданных в подпространстве миров.

– Вечным двигателем, – добавила она не оборачиваясь.

Клейн смотрел ей в затылок, сверлил взглядом. Сомнений не было – эта женщина может читать мысли. Его мысли. Она видит все, о чем он думает, слышит, чувствует. «Это еще хуже, чем камеры наблюдения, вживленные в мозг. Еще хуже, чем

прогрессирующий проект «Амок» в правоохранительных органах».

– Думаю, «Амок» как-то связан с тем, что я могу читать твои мысли, – сказала зеленоглазая женщина.

– Как это? – растерялся Клейн.

– Талья Йоффе говорит, что когда-нибудь людям будут не нужны слова.

– Талья Йоффе?

– Она возглавляет проект «Амок», – женщина обернулась и заглянула, словно играя, Клейну в глаза. – Но ты ведь и так знаешь об этом. Верно?

– Так у тебя в голове тоже есть имплантат?

– Не такой, как у тебя, чуть более современный, но, в общем, да.

– А тот ребенок? Слепой мальчик?

– Он не слепой. Он видит. Не так, как мы, но видит.

– У него есть имплантат?

– Его поколению уже не нужны имплантаты.

– Что значит «его поколению»?

– Ты видел этого мальчика? Думаешь, он когда-то был нормальным человеком?

– Хочешь сказать, что над ним проводили какие-то эксперименты?

– Не над ним. Над его родителями. И не говори, что не слышал об этом.

– Я слышал только о проекте «Амок» и его модификациях.

– И для чего, по-твоему, создан «Амок»?

– Для снижения агрессии.

– Это для законников. Для простых людей разрабатывается другой вариант.

– Это просто сплетни.

– «Амок» для законников тоже был когда-то сплетнями.

– Никто не станет удалять людям отвечающие за удовольствие части мозга.

– Никто не говорит об удалении. Их могут просто заменить чем-то более рациональным. Как имплантаты у законников в голове. Разве пару веков назад кто-нибудь мог подумать о том, что такое возможно?

– Это другое.

– Почему? Люди сходят с ума от порнографии, наркотиков, алкоголя и насилия по телевидению. Гомосексуализм и проституция давно стали частью общества. Никто не хочет продолжать род, а если дети и рождаются, то у большинства обнаруживается целый букет отклонений в первые годы жизни. Это дегенерация, Хорас, и никто не сможет остановить распад

естественным путем.

– Говоришь как безумный ученый.

– Я не ученый.

– Тогда что ты делаешь здесь? В этом подпространстве? С этими детьми? Ты ведь самая обыкновенная, верно? По крайней мере, родилась обыкновенной. И что это за дурацкое имя – Двадцатая? Тебе ведь дали его уже здесь? Как тебя звали раньше.

– Мое прошлое не имеет значения.

– Но ведь оно было.

– Я не хочу об этом говорить.

– И все-таки?

– Нет.

Они спустились по улице, остановились возле дома на краю искрящегося озера, плоть которого тянулась к несуществующему небу. Дверь была открыта. Внутри пахло кровью, пылью и разлагающейся плотью. Зеленоглазая женщина отвела Клейна в комнату, где лежал Чарльз Маривин – изуродованное тело, каким-то чудом продолжавшее жить, но когда Клейн вошел в комнату, Маривин смерил его трезвым, спокойным взглядом.

– Он упал на колени, – сказала Клейну зеленоглазая женщина. – Кости были раздроблены так сильно, что ноги пришлось удалить.

– Я вижу, – сказал Клейн, косясь на окровавленные обрубки, брошенные в темный угол комнаты. – Почему вы, черт возьми, не унесли их?

– Кого?

– Его ноги.

– Талья Йоффе не говорила, чтобы мы избавились от ног.

– Но ведь они гниют!

– Это просто еще один запах в череде других запахов. – В зеленых глазах женщины мелькнули сомнения. – Может быть, когда-то раньше, когда у меня еще было другое имя, я бы отнеслась к этому так же, как и вы, но сейчас… Сейчас это просто запах.

– А как же он? – Клейн кивнул, указывая на Чарльза Маривина.

– А что он?

– Он ведь как я. Он просто человек.

– Уже нет.

– Нет? – Клейн только сейчас увидел шрам на виске Маривина. – Вы что, вживили ему в голову какой-то имплантат?

– Боль была слишком сильной.

– И кто проводил операцию?

– Талья Йоффе.

– Ей место в тюрьме.

– Я сам попросил ее об этом, – тихо сказал Чарльз Маривин.

Клейн повернулся к нему.

– Я сам пришел сюда. Сам виноват в том, что упал с крыши. К тому же эти имплантаты не так уж и плохи, Хорас.

– Ты тоже умеешь читать мысли?

– Это интересно.

– Интересно? Тебе отрезали ноги, а ты говоришь, что это интересно?

– Я заглянул в будущее, Хорас. Кто-то расплачивается за это не только ногами. – Взгляд Чарльза Маривина стал колким, цепким. – Ты ведь тоже теперь заглянул в будущее.

– Это не будущее. Это лишь подпространство. Настоящий мир там, за дверью, в гостинице «Омега». Не здесь.

– Тот мир умирает, Хорас, гибнет, увядает. А здесь распускается жизнь.

– Жизнь? – Клейн покосился на женщину с зелеными глазами. «Как, она сказала, ее зовут? Двадцатая?» – Сколько всего здесь человек? Я имею в виду, не таких, как я, а… – он шумно выдохнул, так и не решив, как назвать то, что увидел здесь.

– Если хочешь, то я могу познакомить тебя со своим мужчиной, – предложила ему зеленоглазая женщина.

– С мужчиной? – Клейн вспомнил слепого мальчишку, которого поймал здесь.

– Нет. Он не мой ребенок, – сказала зеленоглазая женщина. – Но если ты хочешь, то я могу познакомить тебя и со своим сыном. И да, он тоже слепой, как и все дети нового поколения.

– Сколько же вас всего здесь, черт возьми?

– Много, Хорас. Намного больше, чем ты думаешь. И нас, и мест, подобных этому.

– Мест?

– Доктор Оз Литвак говорит, что есть места, где эволюция опережает нашу на несколько поколений, – зеленоглазая женщина прищурилась, вглядываясь Клейну в глаза. – Почему ты не веришь нам?

– Поставь себя на мое место.

– Я уже была на твоем месте.

– Когда у тебя было другое имя?

– Да.

– И что ты думала, когда увидела все это?

– Я была слишком напугана, чтобы думать.

– Я думал, ты полюбила этот мир с первого взгляда.

– Меня пугало не это место. Меня пугал мир, который я оставила. Здесь же, наоборот, все было просто и понятно. Спроси

Маривина. Спроси о том, каким он был и каким стал.

– Он стал калекой.

– Он обрел смысл.

– По-моему, он обрел только свои гниющие ноги в том дальнем углу.

– Но тем не менее он не вернется с тобой назад. Его дом здесь.

– Это всего лишь заброшенное подпространство. Здесь запрещено кому-либо жить.

– Значит ли это, что я не смогу убедить тебя остаться?

– Остаться?! – Клейн растерянно рассмеялся.

– От тебя могло бы получиться хорошее потомство.

– Что?

– Это лучше, чем умереть.

– Ты угрожаешь мне?

– Нет. Здесь тебе ничего не угрожает. Угроза ждет тебя, как только ты покинешь этот мир. И это не метафора, Хорас. Человеку, узнавшему об этом месте, не позволят жить извне с подобным знанием. И если ты будешь молчать, о том, что ты был здесь, все равно станет известно. Твой имплантат пошлет сигнал наблюдателю сразу, как ты покинешь подпространство.

– Наблюдатель мой друг. К тому же я не верю, что все именно так, как ты мне рассказала. Я видел здесь лишь тебя, слепого ребенка да свихнувшегося толстяка, которому отрезали ноги. А это, поверь мне, не самое страшное из того, что мне приходилось встречать в подпространстве.

3

Ее звали Джейн – зеленоглазую женщину из подпространства. Звали до того, как она стала частью проекта «Амок-16», когда ей вживили имплантат и дали имя Двадцатая. Врача, проводившего операцию, звали Талья Йоффе – женщина тридцати лет. Тогда тридцати лет. Она зашила раны на теле Джейн, успокоила ее. Помогла справиться с ломкой. Тогда Джейн казалось, что она обрела вторую мать. И настоящего мужчину: заботливого, нежного. Мужчину, отыскавшего ее в подпространстве – напуганную, окровавленную. Мир сошел с ума – так думала Джейн. Сидела, забившись в угол, и кровь из глубокого пореза на лбу текла по ее лицу, попадала в глаза. Волосы слиплись от крови. Ее густые черные волосы. Ее гордость. Волосы, которые хотел забрать Билли.

Джейн встретила его в клубе «Эриксон». Он искал ее дилера, задолжавшего кому-то деньги. Джейн никогда прежде не видела Билли. Он был не в ее вкусе, особенно его холодный взгляд, но вот улыбка… Что-то в ней было особенного, неповторимого, волнительного.

– Я знаю пару мест, где может быть мой дилер, – сказала Джейн.

Они колесили по городу около часа, но дилер, казалось, исчез, испарился, сбежал.

– Ладно, давай я отвезу тебя назад в «Эриксон», – устало сказал Билли.

– В «Эриксон»? – Джейн нервно затянулась сигаретой. – Я что, уже тебе надоела?

Билли повернулся, смерил ее холодным взглядом, ледяным. Но лед таял. Мог таять. Джейн хотела его растопить – это было для нее как игра, приключение на эту ночь.

– Если хочешь, мы можем поехать ко мне, – сказал Билли.

– Так сразу? – смутилась Джейн.

– Тебя это смущает?

– Да нет. Просто… – она так и не нашлась, что сказать.

Дом Билли находился на окраине города: невысокий, старый, но ухоженный.

– Там спальня, там туалет, там кухня, – по-хозяйски объяснил Билли, когда они вошли. – В холодильнике еда и вино. Собери что-нибудь на стол, а я пока приму душ. У меня был тяжелый день.

Он вернулся раньше, чем Джейн успела осмотреться – лишь поставила на стол холодную еду да открыла вино.

– Я оставил включенным душ, – сказал он, садясь за стол. – Давай выпьем вина и ты сходишь помыться.

– Ты считаешь, что я грязная? – спросила Джейн.

– Нет, – Билли перестал жевать, смерив ее взглядом. – Но помыться все равно сходи.

Джейн хотела поспорить, но снова не нашла нужных слов. Когда она вышла из душа, Билли встретил ее с веревкой и ножом в руках. Коротким изогнутым ножом для снятия шкур с животных. В его доме – старом, одиноком – была дверь в кладовку, но вела она в подпространство. Туда и отвел Билли Джейн. Искусственное освещение разгоняло мрак. Освещение, которое устроил здесь Билли. Это была его комната трофеев.

– У тебя очень красивые волосы, – сказал он Джейн.

Она не услышала его, стояла и смотрела на десятки снятых скальпов, развешанных на стенах. И мрак заливал своим черным дегтем весь мир и мысли Джейн.

– Ты станешь достойным экземпляром, – сказал Билли.

Немота сковывала тело. Джейн понимала, что должна сопротивляться, но не могла.

– Если хочешь, то можешь кричать, – сказал Билли. – Здесь все равно никого нет. Никто не услышит тебя.

Он подошел к Джейн. Заглянул ей в глаза. Руки Джейн были связаны за спиной так сильно, что онемели, стали чужими. Все тело онемело.

– Встань на колени, – сказал Билли.

Она подчинилась. Он взял ее за волосы левой рукой, потянул вниз, заставляя запрокинуть голову.

– Будет больно, – предупредил Билли, приставляя нож ей ко лбу.

Сталь обожгла кожу. Хлынувшая кровь попала в глаза. Боль. Острая, яркая. Она пробуждала, прогоняла немоту, страх. Джейн закричала, вскочила на ноги. Но бежать было некуда. В этом мире была лишь пустота и эта комната. Или же нет? Черное окно манило, притягивало. Джейн не знала, что находится за этим окном, но она знала, чего за ним нет – Билли. Зазвенели стекла. Острые грани вспороли Джейн бедро. Она видела это, чувствовала. Реальность, казалось, застыла. Даже Билли, охотник, – и тот двигался как-то медленно, неспешно. Оконная рама треснула, не выдержала навалившегося на нее веса. Ветер засвистел в ушах. Джейн падала в ночь, в пустоту, черную смолистую мглу. И в этом замедленном восприятии казалось, что так будет всегда – бесконечное падение. Джейн успела рассмотреть высунувшегося из окна Билли. Он был окружен блеклым силуэтом света, словно отверженный ангел, словно…

Удар о землю спутал мысли. Ключица хрустнула, сломалась. Дыхание перехватило. Град осколков от разбитого окна окатил Джейн, наградив десятком новых порезов.

Теперь подняться на ноги, бежать. Но куда? Что это за место? Неужели подпространство может быть таким огромным?

Джейн увидела Билли. Он вышел из дома и оглядывался по сторонам, разгоняя сплошную тьму ярким белым светом мощного фонаря. Это и был ориентир для Джейн – маяк, прочь от которого нужно бежать. Она услышала голос Билли – громкий, хриплый. Он звал ее по имени.

– Я все равно найду тебя, Джейн.

Она заставила себя подняться на ноги. Глаза ничего не видели, поэтому Джейн просто шла прочь от Билли, натыкалась, на стены, лестницы домов, гидранты. Она ни о чем не думала – сил хватало лишь на то, чтобы идти.

Луч фонаря уперся ей в спину – Джейн буквально почувствовала его прикосновение.

Не оборачиваться. Топот ног. Билли бежал за ней – значит, она тоже должна была бежать. Страх, недавно забиравший все силы, впрыскивал в кровь адреналин, заставляя ноги нести израненное тело вперед. Луч фонаря в руках Билли метался где-то за спиной, вспарывая брюхо тьмы. Улица казалась бесконечной. Джейн застонала. Нет, так ей не удастся спастись. Она свернула в подворотню.

Двери многоквартирных домов были открыты. Джейн взбежала по лестнице наверх. Теперь прямо по коридору. Она увидела открытое окно и не сразу поняла, что выпрыгнула из дома. Земля оказалась ближе, чем думала Джейн. Ноги подогнулись. Хруст. Она снова что-то сломала, но сейчас это было не главным – все тело и так болело, и больше боли, казалось, быть не могло. Джейн попыталась подняться, наступила на сломанную ногу, упала, поползла прочь, в темноту, в вечную ночь этого странного, неестественно огромного подпространства, потом забилась в угол, затихла, закрыла глаза.

Она не знала, сколько прошло времени. Может быть, час, может быть, день. Ее вернула в сознание боль. Невозможно было двигаться. Невозможно было даже дышать. И эта тишина! Может быть, она умерла? Джейн застонала, услышала свой голос и поняла, что жизнь еще теплится в ее теле. В ее изувеченном теле.

Джейн попыталась подняться, но не смогла. Сил хватило лишь на то, чтобы пошевелиться, но это движение спугнуло кого-то незримого, затаившегося в густой темноте.

– Кто здесь? – спросила Джейн. – Билли? – голос ее дрогнул.

Она пыталась разглядеть в темноте хоть что-то, но не могла.

От этих бесплодных попыток у нее заболели глаза. «Нет, это не может быть Билли, – решила Джейн. – Если бы это был Билли, то я была бы уже мертва». Она вспомнила развешанные на стене скальпы других девушек. Странно, но это не вызвало в ней никаких чувств. Она стояла на краю смерти. Она дважды выпрыгивала в окно, не зная, выживет или нет. И сейчас она черт знает где – лежит, не в силах пошевелиться. Нет. Скальпы не напугают ее больше. Не теперь. Не напугают и шорохи.

Джейн снова попыталась подняться. И снова ее движение спугнуло кого-то. Она вспомнила о зажигалке в кармане. Достать ее оказалось настоящим подвигом. Желтый язык пламени вспыхнул, ослепив глаза. Джейн вздрогнула, увидев склонившегося над ней ребенка. Глаза его были белыми. Кожа – настолько прозрачной, что виднелись пульсирующие под ней пучки вен. На голове нет волос. Руки худые, тонкие. Ребенок затаился, не зная, что Джейн видит его.

– Как ты попал сюда? – спросила она.

Ребенок вздрогнул, попятился.

– Не бойся. Я… Я не причиню тебе вреда.

Зажигалка нагрелась. Снова темнота. Ни страха, ни отвращения. Джейн закрыла глаза. Может быть, она уже умерла? Может быть, это ее собственный ад? Она дождалась, когда зажигалка остынет. Снова свет: желтый, дрожащий. Свет в этом мире ночи. Но ребенок исчез. Джейн долго вглядывалась в темноту, но так никого и не увидела. «Наверное, показалось», – решила она. Но ребенок вернулся, когда Джейн уже готова была закрыть глаза и заснуть навсегда. Она слышала шаги, хотела включить зажигалку, но сил уже не было. Кто-то опустился рядом с ней на колени. Долго изучал, обнюхивал, затем поднял на руки. Боль вспыхнула, и Джейн потеряла сознание.

Она очнулась в небольшой комнате. Горел ночник. Кровать была чистой, мягкой. На столе рядом с кроватью стояла тарелка с едой. И снова Джейн подумала, что умерла, закрыла глаза, но сознание вцепилось в реальность. Где она? С кем? Что это за дом? Неужели это все еще подпространство? Или же кто-то забрал ее в реальный мир? И все эти раны… Джейн попыталась пошевелить рукой, повела сломанным плечом. Кто-то наложил ей повязку, зафиксировал сломанные кости. Она прикоснулась здоровой рукой к лицу – швы. Джейн заставила себя снова открыть глаза. Мужчина. Такой же худой, как и ребенок. С такими же белыми, слепыми глазами. Она не слышала, как он подошел, но, видя его худобу, можно было поверить, что двигается он почти бесшумно.

– Не бойся, – сказал он. – Мы не причиним тебе зла.

– Билли… Мужчина, который преследовал меня.

– Мы никого не видели.

– Он сумасшедший. Он коллекционирует скальпы людей.

– Зачем ему это нужно?

– Я не знаю. – Джейн попыталась подняться, сесть в кровати.

– Давайте помогу, – предложил слепой незнакомец.

Или же не слепой? Джейн видела его белые глаза. Такие глаза не могут видеть. Но этот мужчина знал все, что происходит вокруг. И это почему-то пугало Джейн сильнее, чем трофеи Билли.

– Это вы принесли меня сюда? – спросила она своего спасителя.

– Да.

– А кто наложил повязки и швы? Только не говорите, что тоже вы. Я вижу ваши глаза. Вы слепец.

– Швы наложила доктор Талья Йоффе.

– Доктор? Она здесь? Я могу поговорить с ней?

– Она сказала, что вы должны лежать, ваша нога…

– Она человек? – спросила напрямую Джейн. – Я имею в виду, она нормальный человек? Такая же, как я? С нормальными глазами и… – она замолчала, боясь, что обидела своего спасителя.

– Она такая же, как вы, – тихо сказал он. На его лице не дрогнул ни один мускул.

– Простите, я не хотела вас обидеть, – сказала Джейн.

– Почему вы считаете, что могли меня обидеть?

– Ну… ваш внешний вид…

– Вы считаете это недостатком?

– А вы нет?

– Это просто тело. Жизнь намного глубже. Смысл намного глубже.

– Что это значит?

– Простите, вам не понять.

– Почему вы просите прощения?

– Потому что я не хотел вас обидеть.

– Вы меня не обидели. – Джейн вспомнила ребенка, которого видела здесь, спросила о нем своего спасителя.

– Это Седьмой, – сказал он.

– Седьмой?

– Его имя.

– А вы?

– Я Третий.

– А я Джейн.

4

Доктор Талья Йоффе. Она навещала Джейн дважды в неделю. Навещала девочку, которая напоминала ей ее дочь. Но дочь умерла. Несмотря на все знания матери, несмотря на всю науку и безграничное денежное финансирование, болезнь забрала ее. Это случилось два года назад и не было внезапным ударом. Болезнь прогрессировала долгие годы, давая возможность смириться, принять неизбежность. Но Талья Йоффе не смирилась, не приняла. Думала, что смирилась, но как только дочери не стало, все потеряло смысл. Она продала дом, ушла от мужа. Думала о том, чтобы бросить свою работу – что толку строить все эти миры будущего, когда ты не можешь спасти своего ребенка.

– У меня есть старый револьвер, – сказал доктор Оз Литвак, когда она сообщила ему, что уходит из проекта «Амок». – Такого уже не найдешь, но… ради тебя…

– Причем здесь револьвер, черт возьми? – спросила Талья.

– Уедешь куда-нибудь и пустишь пулю себе в лоб. Ты ведь этого хочешь?

Он открыл сейф и положил на стол завернутый в черную тряпку револьвер, словно хотел подчеркнуть, что не шутит. Талья Йоффе растерялась.

– Он заряжен и смазан. Механизм прост. – Оз Литвак не мигая смотрел доктору Йоффе в глаза.

– А почему бы и нет, черт возьми?! – сказала она.

Дорога до загородного дома заняла больше часа. Талья Йоффе не собирала вещи для этой поездки, не планировала график. Лишь остановилась в первом попавшемся на глаза магазине и купила пачку сигарет и бутылку минеральной воды. О револьвере, который ей дал Оз Литвак, она тоже не думала. Он просто был. Ее выход. Ее последний друг. И все закончится на закате. Талья Йоффе хотела сидеть на крыльце и смотреть, как алеет небо. Смотреть в свой последний раз. Так она думала. Но когда два дня спустя приехал Оз Литвак, она все еще была жива.

– О! Так ты не… – растерялся он, и Талья Йоффе в очередной раз убедилась, что он не шутил, дав ей оружие. – Извини, что побеспокоил. Просто думал, что ты уже… Ну…

– Застрелилась?

– Да… Хотел забрать револьвер. Все-таки это ценная вещь, старая… И… не хочу, чтобы на работе думали, будто это я толкнул тебя в эту пропасть. Не хочу быть в глазах коллег Иудой. Понимаешь?

– Ты редкий сукин сын, Оз. Ты это знаешь?

– А ты хочешь застрелиться, – пожал он плечами.

Пауза.

– Сделай одолжение, – сказал Литвак, рассеянно оглядываясь. – Когда наконец-то решишься, позвони мне. Не хочу больше ездить впустую.

– Хорошо.

– Ну тогда я пойду?

– Иди.

Талья Йоффе ждала прощаний, но Литвак просто вышел из дома, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Подожди! – крикнула она, выбегая следом за ним.

Он замер, растерянно обернулся.

– Ты голоден? – спросила Талья.

– Немного, а ты?

– Я ничего не ела два дня.

– Я думал, ты хочешь застрелиться, а не умереть от голода.

– Не смешно.

– С чего ты взяла, что я шучу?

– А разве нет?

– Ну, если только немного.

– Сейчас я бы лучше предпочла немного поесть.

– Кажется, я видел недалеко отсюда небольшую закусочную.

– Да, кажется, я тоже видела.

– Хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

– Пока еще не знаю.

– Застрелиться можно и на сытый желудок. Не думаю, что хороший обед что-то изменит.

Они провели вместе остаток дня, вечер и ночь.

– Что теперь? – спросил утром Литвак.

– Я не знаю, – сказала Талья.

Они лежали в кровати дешевого мотеля. Талья курила, пуская к низкому потолку кольца дыма. Никто не знал, где они и с кем. Телефоны – и те были отключены.

– Куда теперь? – спросил Литвак, когда они покинули мотель.

Дорога была пустынна. Широкая, длинная, она ныряла за горизонт. И с одной стороны был город и работа, а с другой – загородный дом Тальи Йоффе. Литвак остановил машину на этом перекрестке и ждал, что скажет Талья.

– Решай сам, – сказала она и, закрыв глаза, устало откинулась на спинку сиденья.

Литвак отвез ее в город. Никто ни о чем не спросил их. Не разговаривали о случившемся и они. Не разговаривали ни с кем. Даже друг с другом. Просто коллеги. И ничего больше. По крайней мере, в первый месяц. Потом Талья Йоффе вспомнила о

револьвере, оставленном в загородном доме, и решила, что должна вернуть его Озу Литваку. Она пришла к нему вечером и осталась на ночь.

– Это ничего не значит, – сказала Талья утром, но спустя неделю снова оказалась в его постели.

Когда она встретила Джейн – девочку, похожую на ее дочь, они с Литваком все еще говорили, что между ними ничего нет. Они взрослые, занятые люди. У них нет времени на чувства и прочие глупости… Но Джейн, эта маленькая, изувеченная девочка, – она что-то всколыхнула в Талье Йоффе.

– Я хочу, чтобы ты дал мне свой револьвер, – сказал она Озу Литваку.

Он не спросил, зачем. Просто достал завернутое в клочок черного хлопка оружие и положил на стол. От стали пахло маслом – Талья чувствовала это, когда блуждала по заброшенным домам подпространства, где нашла Джейн. Ей нужен был Билли. Нужна была его жизнь. Казалось, если она остановит его, то сможет искупить свою вину за то, что не смогла спасти дочь. Вместо нее она спасет других. Таких же живых. Таких же молодых.

– Помогло успокоиться? – спросил Оз Литвак, когда с Билли было покончено.

– О чем ты? – притворилась удивленной Талья Йоффе.

– Этому месту не помешала бы охрана.

– Что?

– Могут быть и другие двери.

– Так ты знал о Билли?

– Мне рассказал Третий.

– Откуда он узнал об этом? Я никому не говорила, что хочу сделать.

– Он рассказал лишь о том, что случилось с той девочкой. Джейн, да, кажется? Потом ты взяла у меня револьвер.

– Я должна была это сделать.

– Я тебя не упрекаю.

В этот вечер они расстались рано, словно что-то изменилось между ними, что-то сдвинулось. Вот только в какую сторону?

Талья Йоффе вернулась в свою одинокую квартиру и долго лежала в холодной кровати, не в силах заснуть. Она хотела думать о том, что осталось в прошлом: о своей дочери, об ее отце, о жизни, которая уже никогда не вернется, но вместо этого думала лишь о Джейн. Молодое тело восстанавливалось быстро, почти рекордно. Кости срастались, шрамы затягивались.

– Я бы хотела, Джейн, чтобы ты осталась здесь, – сказала Талья Йоффе, когда пришло время принимать решение.

– Я не смогу заменить вам дочь, доктор Йоффе.

– Значит, ты хочешь уйти?

– Нет. Если можно, то я останусь с Третьим, его сыном и остальными. Они не такие, как Билли. Не такие, как люди извне.

– Этот мир не создан для тебя, Джейн.

– Так исправьте это. Доктор Литвак сказал, что вы можете.

– А он сказал, что это изменит тебя?

– Он сказал, что в каждом из нас живет частица Билли. Сделайте то, о чем я вас прошу, доктор Йоффе. Я знаю, что вы забрали жизнь Билли. Не спрашивайте откуда. Теперь, я прошу вас, заберите частицу этого безумца из моей головы.

Две женщины долго смотрели друг другу в глаза. Затем Талья Йоффе ушла, так и не дав ответ.

– И все-таки ты редкий сукин сын, Оз, – сказала она вечером доктору Литваку. – Ты понимаешь, в чем убедил эту девочку?

– Я просто рассказал ей о том, чем мы здесь занимаемся. Остальное она решила сама. К тому же разве не ради таких, как она, существует этот проект?

– «Амок» находится в стадии разработки, Оз. Он слишком молод.

– Скажи об этом Третьему. Для него и его братьев это реальность.

– Третий не человек.

– Разве?

– Не такой человек, как мы.

– Ты говорила, что за ними будущее. Я думал, ты веришь в это.

– Верю, но…

– Когда-то нужно делать первые шаги.

– К черту тебя и твои первые шаги.

– Почему? Мне казалось, ты решила проблемы прежних неудач.

– Я не стану ставить опыты на Джейн!

– Что в ней особенного?

– Не хочу смотреть, как она сходит с ума.

– Провалов было не так много.

– Но были!

– И сколько ты еще сможешь оттягивать начало проекта? Год? Два?

– Проект работает в подпространстве.

– Это лишь половина проекта. Ты знаешь, зачем все это было устроено. Знаешь, кто стоит за этим.

– Мы не готовы, Оз. «Амок-16» может снова дать сбой, если выпустить его из подпространства. Здесь все не так, как в

реальности. Понимаешь?

– Так пусть Джейн остается здесь.

– Как в тюрьме? Извини, Оз, но твои подпространства далеки от реальности.

– Поговори об этом с Джейн.

– Нет.

– Здесь у нее может быть жизнь. А что у нее будет там, за пределами подпространства? Еще один Билли, который на этот раз добавит ее скальп в свою коллекцию?

– Я могу дать ей денег.

– Ей не нужны деньги, Талья. Ей нужна жизнь. Ее жизнь, где она может сама делать выбор… И сейчас она хочет остаться. Здесь. В проекте «Амок-16».

5

Операция была назначена на вечер среды. Джейн улыбалась. Талья Йоффе снова и снова заглядывала ей в глаза, но не видела сомнений. Сомнений до операции. После им просто не было место. Как не было и прежней Джейн – лишь слабая тень. Да и не Джейн уже. Нет. Двадцатая – так ее звали теперь. Шрам на правом виске, оставшийся от операции, затянулся раньше, чем шрамы от встречи с Билли.

На второй месяц новой жизни Джейн доктор Талья Йоффе показала ей десяток личных дел людей, участвовавших в проекте «Амок-12» прежде. Конечно, это было четыре поколения имплантатов назад. Тогда «Амок-16» был лишь мечтой, но… Из пятидесяти семи подопытных в живых осталась лишь половина, да и те были навечно заперты в сумасшедших домах. Двадцатая, Джейн, просмотрела лишь одно дело и потеряла интерес ко всем другим.

Девушку на фотографии звали Руфь Лейбович – еще молодая и совершенно здоровая. Она была добровольцем. Согласно договору, государство обязалось пожизненно заботиться о ее семье: матери, отце и маленьком брате Дэйвиде, которому обещали оплатить любое образование, в любом учреждении мира. Договор вступал в силу с момента подписания, вне зависимости от того, будет эксперимент иметь негативные последствия для здоровья Руфи или нет.

– Мы так и не смогли разобраться в том, что случилось, – сказала доктор Талья Йоффе. – Все было нормально, пока эти люди жили здесь, в подпространстве, но стоило им покинуть это место… Не думай, что это случилось сразу. Нет. Безумие разъедало их медленно. День за днем. Неделя за неделей. Вначале мы думали, что это просто стресс. Они привыкли к подпространству, привыкли к эксперименту, чувству собственной важности. Но потом… Девушка, личное дело которой ты сейчас держишь в руках, Руфь Лейбович, – она была последней. Мы знали – что-то пошло не так, пытались вернуть всех назад в подпространство. Но было уже поздно. После доктор Оз Литвак выдвинул теорию, что обесцвеченное, обедненное деталями подпространство имеет прямую связь с восприятием испытуемых. Повторные исследования людей из проекта «Амок-4» подтвердили его догадку. Модифицированный мозг отказывается воспринимать реальность, но в подпространстве чувствует себя достаточно комфортно. Мы пытались снять блокировки с отвечающих за удовольствия участков мозга, но замечалось лишь

замедление болезни. Конечно, за последние годы многое изменилось. Проект «Амок» был начат еще до того, как я или доктор Литвак вообще появились на свет, но… Но я не хочу, чтобы ты рисковала, Джейн. Не хочу, чтобы испытывала судьбу, покидая подпространство.

– Не буду, – пообещала Двадцатая. Пообещала девушка, которая когда-то давно была Джейн.

Она не нарушала данное обещание почти пять лет, пока кое-кто не отыскал дверь в реальность. Мальчик был рожден в подпространстве. Его органы чувств работали не так, как у обычных людей. Сомнений не было – он не сможет вернуться. И ни отец, ни мать, тоже рожденные в рамках проекта, не смогут спасти его. Только Джейн. Только Двадцатая. Вот почему она покинула подпространство. Ее вело не любопытство, нет. Всего лишь забота. Обследование, которое позднее провела доктор Йоффе, узнав о выходке Джейн, не выявило отклонений.

– Больше так не делай, – по-матерински заботливо сказала доктор Йоффе.

– Буду делать, если от этого снова будет зависеть жизнь ребенка, – честно сказала Джейн. Нет. Не Джейн – Двадцатая.

Спустя два года у Двадцатой и Седьмого появился ребенок. Девочка. О беременности Джейн доктор Йоффе узнала, лишь когда скрывать это стало невозможно. До этого Джейн просто молчала. Казалось, что-то изменилось в ней, пока она носила в себе ребенка. Словно что-то проснулось. Какой-то далекий отголосок прошлого. Двадцатая стала другой. Ее звала реальность за пределами подпространства. Снова и снова она покидала подпространство, отправляясь через найденные двери в большой мир.

Отель «Омега». Двадцатой нравились его коридоры, запахи. Нравилась яркость его цветов. Нравился его свет. И ей нравилось вспоминать, что когда-то она сама была частью этой жизни. Страх и кошмары, связанные с Билли, стерлись, изменились. Она повзрослела и больше не была глупой и наивной. Теперь у нее была своя тайна, свои истории и своя темная комната, где хранятся ее трофеи.

Мысли об этом волновали, возбуждали. Двадцатая не знала, почему решила привести в свой мир Чарльза Маривина – одного из жильцов отеля «Омега». Не знала, почему убедила сестру Седьмого, отца своего ребенка, что ей нужен настоящий мужчина из реальности. Но Маривин запаниковал, покалечился. Нет, Двадцатая не вспоминала, что когда-то так же запаниковала, когда Билли привел ее в комнату своих трофеев, – ей было плевать. Для нее это была просто игра, просто прихоть. Лишь

когда она узнала, что Маривин выжил после падения, это что-то всколыхнуло в ней – волны прошлого, накатившие на берег, где Джейн строила свои песчаные замки. Маривин кричал, стонал, бредил во сне.

– Придется ампутировать ему ноги, – сказала доктор Йоффе.

Двадцатая кивнула. Она оставалась в комнате, пока доктор проводила операцию. Боль Маривина трезвила, прогоняла призрак Джейн, призрак прошлого.

– Оставьте меня, я хочу умереть, – сказал Маривин, когда понял, что стал калекой. Душевные и физические страдания слились воедино.

– Вас вернут в отель, – сказала Двадцатая.

– Зачем? Как я буду теперь жить? – И он начал срывать с культей повязки и швы.

Двадцатая не двигалась, просто стояла и смотрела, как он причиняет себе боль, страдает и находит успокоение в муках. И так до тех пор, пока боль не стала невыносимой. Потом он отключился.

– Этот толстяк кажется хорошим претендентом, чтобы проверить на нем новый имплантат, – сказал Оз Литвак доктору Талье Йоффе.

Она не спорила. Сколько подпространств, подобных этому, построил уже доктор Литвак? Десятки? Сотни? Скольких людей, подобных Джейн и Руфи Лейбович, она задействовала в проекте? Тысячи? Десятки тысяч? Нет. Если сомнения и были, то все они остались в прошлом.

Крики Чарльза Маривина стихли. Талья Йоффе поместила в его голову имплантат «Амок-16» и блокировала часть мозга, чтобы он перестал чувствовать боль. За все это время Двадцатая не произнесла ни слова. Джейн в ее сознании, казалось, снова заснула. Заснула до тех пор, пока в подпространстве не появился законник по имени Хорас Клейн. Он показался таким живым, таким ярким и искрящимся, что ей захотелось оставить его в подпространстве. Пусть не рядом с собой, но разве здесь было мало других женщин?! Но Клейн ушел, оставил ее. «Почему же не ушла она, когда восстановилась после встречи с Билли?» – этот вопрос все чаще и чаще мучал Джейн. Или Двадцатую? Она уже не знала, кого в ней больше.

Дождаться ночи, покинуть подпространство, бродить по тихим коридорам отеля «Омега». Таким настоящим, таким ярким, сочным, живым.

Как-то раз Джейн отважилась на то, чтобы выйти из отеля на ночные улицы. Город был ей незнаком, но саму жизнь было невозможно забыть. Все эти запахи, звуки. Джейн хотела убежать.

Просто уйти и никогда не оборачиваться. Она затеряется в этом мире. Потому что это ее мир. Она знает его, любит его. Она жила в нем, и он все еще живет в ней.

В тот день Джейн не сбежала лишь потому, что вспомнила о своей беременности. Ребенок, которого она родит, будет не таким, как она. Для него родиной станет подпространство, а весь этот свет… Он будет чужд ему. Джейн простояла на улице до утра, а когда начался рассвет, вернулась в подпространство.

Никто не знал, где она была и что планировала, да никому и не было до этого дела. Новое поколение, «дети Амока», как называл их доктор Литвак, редко интересовались судьбами других. Даже отцу ребенка Джейн не было дела до того, где она находилась. Он не думал об этом. Как не думал никто о ногах Чарльза Маривина, которые пришлось ампутировать. Культи просто лежали в углу, и никто не обращал на них внимания. Такой же Джейн ощущала и себя – отрезанная, выброшенная конечность, обреченная гнить, пока не превратится в прах. Но если сбежать из подпространства в реальность, то такая же судьба ждет ее ребенка. Поэтому Джейн осталась, снова став Двадцатой.

6

Дэйвид Лейбович. Мир менялся. И дело было не в росте, не в новых территориях, которые обеспечивало подпространство. Нет. Перемены лежали глубже. Дэйвид понял это еще ребенком, когда смотрел в глаза своей сестры – Руфи Лейбович, отправленной обществом в сумасшедший дом. Она не была первой в этой длинной процессии безумия и не была последней. Одна из многих.

Родители часто говорили ему, что она родилась здоровым ребенком, желая убедить его, что с ним подобного не случится. Но Дэйвид не верил. Дэйвид ребенок. Для него это было просто семейное проклятие. Иногда он просыпался в холодном поту, увидев очередной кошмар о том, что стал таким же, как сестра. Лишь многим позже Дэйвид узнал, что сестра участвовала в экспериментальной программе «Амок-12». Узнал после того, как получил оплаченное государством образование. Узнал от умирающей матери, поведавшей ему эту тайну в бреду обезболивающих препаратов. Никто не мог подтвердить ее слов. Никто не мог опровергнуть их.

«Если бы только отец был жив!» – думал Дэйвид, проводя перед компьютером десятки часов, ища в сети ответы. Детские страхи стать таким, как сестра, превратились во взрослую одержимость доказать, что сестра стала жертвой незаконного эксперимента. Способствовали этому и оставшиеся со времен учебы на факультете журналистики связи. Никто не спрашивал Дэйвида о сестре – люди считали, что он гонится за сенсацией. В какой-то момент Дэйвид тоже начал так думать. Сенсация – вот все, что ему нужно.

Чтобы узнать правду о сестре, ему потребовалось два месяца. Но этого показалось ему мало. Было что-то еще. Что-то из детства. Дэйвид не мог остановиться, не мог перестать искать. Но не мог и объяснить конкретно, что ищет.

– Сейчас ты начинаешь напоминать мне свою сестру, – сказала Тори Паркер, девушка, с которой они встречались еще со времен учебы в университете.

Дэйвид промолчал. Если бы сестра была жива, то он бы набрался смелости и встретился, но Руфь давно покинула этот мир. Остались лишь воспоминания. Остались лишь рассказы. Дэйвид достал историю болезни Руфи. Пытался встретиться с руководителями проекта «Амок-12», но все они либо умерли, либо исчезли. Проект числился закрытым и точка. Да и не было ничего особенного в этом проекте – так, по крайней мере,

говорили бумаги, которые достал Дэйвид. Всего лишь ряд тестов на восприятие, но за пару безобидных тестов не оплачивают обучение брата и не берут на пожизненное содержание семью. Нет. Что-то здесь было не так. Тем более что проект «Амок», реализованный в правоохранительных органах, датировался более ранними сроками, чем проект, в котором участвовала Руфь. Найти заключение патологоанатома, проводившего вскрытие сестры, Дэйвиду не удалось, поэтому оставалось лишь одно – отправиться на кладбище и попытаться найти следы имплантата в голове Руфи.

Пробираясь ночью между могил с лопатой и фонариком, Дэйвид думал, что если его сейчас поймают здесь, то точно отправят в сумасшедший дом – это был единственный страх, который он испытывал. Не мертвецы, не ночь… Сумасшедший дом. Дэйвид поставил фонарь на надгробие и воткнул лопату в мягкую землю. Волнения не было. Дэйвид убеждал себя, что не было. Он старался не торопиться и ни о чем не думать. Смотритель кладбища, которому заплатил Дэйвид, сказал, что не станет делать обход до утра. Так что впереди целая ночь.

Острие лопаты ударило в трухлявую крышку гроба. Дэйвид замер. Крупные капли пота катились по лицу, попадали в глаза. Дэйвид не помнил этот гроб. Думал, что помнит каждую деталь, сохранил в голове каждую мелочь с похорон старшей сестры, но гроб был ему незнаком. Почему? Его подменили? Или же память просто играет с ним злую шутку? Волнение.

Дэйвид упал на колени, спешно смахнул с крышки комья сухой земли. Сбить замки оказалось несложно. Теперь заглянуть внутрь. Вместо нестерпимой вони, которую ожидал почувствовать Дэйвид, в нос ударил приторный запах чего-то сладкого. Заговора не было – из гроба на него пялилась полуразложившаяся сестра. Он узнал ее с первого взгляда. Это были волосы Руфи, ее скулы, даже платье, в котором ее похоронили. Годы лишь сожрали кожу, тронули гниением плоть.

Дэйвид не знал, как долго смотрел на тело сестры. Время, казалось, замерло. Он словно стал маленьким мальчиком на похоронах. Стоит и смотрит, как гроб опускают в черную пасть могилы. «Сбежать, – подумал Дэйвид. – Закрыть гроб, закопать могилу и сбежать». Но это были слова ребенка, голос из прошлого. Дэйвид достал нож. «Это уже не моя сестра, – сказал он себе. – Нет. Это всего лишь оболочка, плоть». Дэйвид дождался, когда руки перестанут трястись, затем наклонился к лицу мертвеца и вскрыл ему череп. Он копался в гниющих мозгах, пока не нашел крохотный имплантат. «Амок-12».

Сердце екнуло и замерло, словно Дэйвид отчаянно не хотел

верить, что сможет здесь что-то найти. Но он нашел. И мысли спутались. И все стало странным, чужим, онемевшим. На нетвердых ногах Дэйвид выбрался из могилы и поплелся прочь, затем вспомнил, что должен закопать могилу, вернулся.

Он покинул кладбище на рассвете.

– Лучше бы ты завел себе любовницу, – сказала Тори Паркер.

Она помогла ему снять грязную одежду, отвела в ванную и заставила помыться. Все это время Дэйвид сжимал в руке извлеченный из головы сестры имплантат. Тори дала ему пару таблеток. Дэйвид не спрашивал, что это. Сон пришел почти сразу. Тори уложила его в кровать. Дэйвид не слышал, как она ушла, – он уже спал.

Ему снилась ночь и беззубая пасть раскопанной могилы. Он смотрел вниз, но у могилы не было дна – оно терялось в бесконечной, густой темноте. Дэйвид привязал веревку к надгробной плите и начал спускаться в могилу, в пустоту, в ночь. Когда он поднимал голову, то видел где-то высоко черное небо с серебряными звездами. Дэйвид чувствовал, как могильный холод пробирается под одежду. Холод и ночь. И чем глубже он спускался, тем холоднее становилось. И еще эта веревка! Она впивалась в ладони, сдирала кожу. И сил становилось все меньше. Нужно было остановиться, вернуться, но Дэйвид не знал, хватит ли у него сил, чтобы выбраться. Проще было продолжать спускаться и уже там, на дне, передохнуть, залечить ладони и… Он так и не понял, что будет потом. Потом, возможно, больше ничего не будет. Смысл кончится, как только он доберется до дна могилы. Смысл, который заключен сейчас в веревке, зажатой в ладонях.

Дэйвид проснулся, продолжая думать, что сжимает веревку. Пальцы болели, тело покрылось потом. В правой ладони был зажат извлеченный из головы сестры имплантат – Дэйвид так и не решился выпустить его из рук. Это была его истина, его тайна.

Он оделся и отправился в квартал «Гоморра» – место, которое обходили стороной даже законники, особенно после того, как начал действовать проект «Амок». Ряд аптек на входе предлагал купить наркотические препараты, не успевшие еще попасть под запрет. Салоны тату и скарификации пестрели яркими вывесками. Была середина дня, но игорные дома были открыты. Вернее, не дома, а скорее арены. Дэйвид знал о них достаточно много, потому что больше года вел в газете рубрику о собачьих и петушиных боях. Спорную рубрику, которую в итоге закрыли по решению суда.

Дэйвид не был на процессе. Никто не был. Лишь только защитники животных, тщетно пытавшиеся что-то исправить в

этом мире. Это были три небольшие, официально зарегистрированные организации, которые объединились, чтобы запретить Дэйвиду вести свою колонку. Редактор газеты был рад скандалу – суд только придал колонке Дэйвида популярности. Да и после, когда решение было вынесено в пользу защитников животных, редактор решил, что настало время взяться за самих защитников. Дэйвид и пара его коллег подняли личные дела каждого из них – такой стала новая рубрика, пришедшая на смену закрытой судом. Грязи было столько, что вскоре суд упразднил судившиеся с Дэйвидом и газетой организации.

– О чем будешь писать на этот раз? – спросил Дэйвида высокий сутенер с длинными сальными волосами.

– Сегодня личное, – сказал Дэйвид и тут же добавил, что ищет приличный тек-салон, а не девочку на час.

Сутенер назвал ему адрес.

Это была крохотная комната, двери которой выходили на центральную улицу. Внутри не было ничего, кроме девушки за столом и пяти закрытых дверей, которые вели в подпространства, созданные местными умельцами. Законники давно перестали проводить рейды в подобных кварталах, превращенных незаконно созданными тоннелями подпространств в гигантский муравейник. Потому что если удавалось найти что-то стоящее, подпространство всегда можно было уничтожить, словно его и не было. Именно так происходило с химическими лабораториями, складами ворованного товара, аренами для собачьих боев. Они уничтожались со всем содержимым, сворачивались, прекращая свое существование. Как-то раз инженер одного из тек-салонов сказал Дэйвиду, что ему нужно написать об этом – потерянные подпространства. Он уверял, что уничтожается лишь вход – само место продолжает существовать где-то в небытие.

– Нет технологии, способной уничтожить эти крысиные норы, – говорил он.

Потом этот инженер пропал. Дэйвид слышал, что он замуровал себя в одном из подпространств после того, как окончательно спятил от длительного использования имплантата «Амок-16». Установки имплантатов проводились здесь же – в грязных, крохотных тек-салонах, и стоили довольно дешево. Но альтернативы не было. Это были модифицированные варианты. Дэйвид слышал о том, что человек с имплантатом мог запомнить в тысячи раз больше информации, чем человек без него. Слышал он и о том, что людям с новыми версиями «Амок» не нужны слова, чтобы общаться. Кто-то уверял, что при грамотной настройке это может заменить любой наркотик. Но были и осложнения после подобных операций: инфекции, сбои…

– Мне нужны все данные, что здесь есть, – сказал Дэйвид, протягивая тек-инженеру извлеченный из головы своей сестры имплантат.

Старик долго разглядывал устройство. Механизм его правого искусственного глаза, превращенного в камеру, гудел, фокусируясь на крохотном объекте. Это раздражало Дэйвида. Особенно слизь, тонкой струйкой вытекавшая из пустой глазницы.

– Не знаю, смогу ли я оживить батареи, – проворчал тек-инженер. – Ты что, черт возьми, достал имплантат из мертвеца? – он поднял голову, желая показать, что это шутка, увидел Дэйвида и понял, что именно так все было. – Девушка или шпионаж? – спросил тек-инженер.

– Что?

– Кому принадлежал имплантат? Обычно подобное просят либо те, кто не может отпустить возлюбленного, либо те, кто роется в грязном белье конкурентов.

– Он принадлежал моей сестре, – сказал Дэйвид.

– Вот как… – старик что-то хмыкнул себе под нос, какое-то растерянное ругательство, не направленное ни на кого лично, так, по крайней мере, понял Дэйвид. – Это будет недешево, – предупредил старик Дэйвида.

– У меня есть деньги.

– Не знаю, в каком состоянии информация, но ее здесь много. Платить будешь за каждый час.

– Я хочу посмотреть все.

Старик снова поднял голову, смерив Дэйвида внимательным взглядом. Его здоровый глаз прищурился. Этот слезящийся голубой глаз. Он почему-то показался Дэйвиду таким же механическим, как и камера в правой глазнице.

– Я смогу запустить воспроизведение в восемь потоков, – предупредил старик.

– Этого будет достаточно, – сказал Дэйвид.

Его отвели в соседнюю комнату, созданную в подпространстве. Картины воспоминаний сестры вспыхнули в темноте. Они не боролись с мраком, нет, они словно питались им. Дэйвид видел первые дни жизни Руфи после того, как ей установили имплантат, видел дни в психиатрической клинике, видел себя ее глазами, видел обрывки воспоминаний. Картины сливались, мелькали россыпью цветов. Дэйвид провел в комнате почти десять часов.

– Сколько еще осталось? – спросил он, когда старый тек-инженер сообщил ему, что салон закрывается на ночь.

– Пара месяцев, может быть, лет, – пожал плечами старик. –

Не знаю, что ты ищешь, но на твоем месте я бы просто вживил себе это в мозг и отыскал за пару часов. Поверь мне, парень, так проще.

– И закончить в психушке, как моя сестра?

– Твоя сестра сошла с ума?

– А вы разве не видели? Кажется, в одном из потоков…

– Я не интересуюсь чужими воспоминаниями, – прервал его тек-инженер.

Дэйвид встречался с ним ежедневно больше месяца, пока Тори Паркер не поставила его перед выбором: либо он возвращается к нормальной жизни, либо она уходит.

– Ты потерял работу, потерял друзей и, клянусь, потеряешь меня, если не остановишься, – сказала она.

Нет, она не хотела в действительности бросать его – лишь надеялась, что угроза поможет ему встряхнуться, прийти в себя от этого длительного помутнения.

– Ты всегда говорил, что боишься стать таким, как твоя сестра, – сказала Тори. – Но сейчас, Дэйвид… Черт возьми! Сейчас ты как никогда похож на безумца.

Она хлопнула дверью и осталась на ночь у подруги. Комната в подпространстве была просторной и тихой. Ничего лишнего. Ничего постороннего. Впервые за последние месяцы Тори смогла выспаться. Она ждала звонка от Дэйвида весь следующий день и вечером, затем, потеряв терпение, позвонила сама. Дэйвид не ответил. Не мог ответить. Он вернулся домой лишь два дня спустя. Вернулся с имплантатом в своей голове.

– Ты что наделал? – заорала на него Тори, но Дэйвиду было уже плевать.

Мир вспыхивал и гас перед глазами. Все стало другим – более сочным, живым, настоящим. Даже мысли. Особенно тех, у кого в голове находился такой же имплантат. Дэйвид чувствовал их в толпе. Им не нужны были слова. Мысли сестры, вспыхивавшие в этой россыпи чувств и эмоций, были далекими и блеклыми. Больше месяца Дэйвиду потребовалось, чтобы научиться вызывать эти воспоминания. Чужие воспоминания. Безумные. «Почему, обладая подобным чудом, Руфь сошла с ума?» – снова и снова спрашивал себя Дэйвид, не замечая, как безумие пробирается и в его голову.

– Посмотри на себя! – кричала ему Тори Паркер.

Вначале кричала, потом лишь говорила на повышенных тонах, а под конец и вовсе только ворчала, изредка приходя, чтобы навестить Дэйвида.

– Это не безумие, – говорил он. – Это новое видение мира.

Но потом вспышки стали ярче, настойчивее. Вспышки, в

испепеляющих лучах которых реальность дрожала, разваливалась на части. «Что-то не так», – понимал Дэйвид. Он почти не спал, сутками изучая воспоминания безумной усопшей сестры. Особенно образы ее последних лет. Старый тек-инженер предупреждал его, что нужно будет избавиться от имплантата сразу, как только он найдет в воспоминаниях бывшего владельца то, что ищет. Но Дэйвид давно наплевал на все предупреждения. Да и не верил он, что все закончится, как только из его головы извлекут имплантат. Нет. Безумие глубже. В крови. И нужно разобраться в причинах помешательства Руфи прежде, чем вычеркивать ее из сознания.

– Тебя похоронят рядом со мной, Дэйв, – услышал он как-то ночью ее голос.

Был ли это голос из воспоминаний или же галлюцинация?

– Ты сходишь с ума, – с горечью сказала Тори Паркер, навестив его в конце месяца.

Некогда просторная квартира была захламлена архивными материалами и отчетами о лечении тысяч душевнобольных.

– Я думаю, что в их словах есть смысл, – сказал Дэйвид.

– Конечно, есть, – сказала Тори. – Ты ведь теперь один из них.

– Нет. Я думаю, что это послания! – Дэйвид начал искать распечатки разговоров душевнобольных и лечащих врачей.

Тори ушла, громко хлопнув дверью, но он не заметил этого. «Послания. Это определенно послания. В них есть закономерность. В каждом поколении. В каждой волне. Но вот только что они хотят сказать? Чему научить?» – думал Дэйвид. Он не ел, не спал, не жил. Все превратилось в череду вспышек, грез, миражей.

Сны. Дэйвид начал видеть их наяву. Он понял, что это именно сны, а не галлюцинации, потому что помнил, как когда-то давно ему снилось нечто подобное – бездонная могила, на дно которой он спускается. Над головой ночное небо и звезды. Их слабый свет серебрит испещренные надписями стены могилы. Дэйвид может читать эти надписи, вот только не может понять их смысл. Слова, цифры, знаки… Когда он понял, что это формулы, то начал пытаться при пробуждении записать все, что запомнил. Но память подводила его. Поэтому он ждал, когда видения вернутся, и карабкался по веревке то вверх бездонной могилы, то вниз, чтобы снова посмотреть забытые формулы, попытаться зазубрить их. «Нужно было учиться на инженера», – говорил себе Дэйвид. Вернее, не говорил, нет. Он ругал себя за то, что получил непригодное для расшифровки формул образование.

– Мне нужно, чтобы вы объяснили, что это, – сказал он старому тек-инженеру, вживившему несколько месяцев назад в

его мозг имплантат сестры. Нет. Не сказал – потребовал, бросив на стол кипу бумаг, исписанных мелким почерком.

Старик молча просмотрел несколько листов, затем поднял глаза на Дэйвида. Вернее, поднял один глаз – заменившая второй глаз камера зажужжала, напоминая Дэйвиду какое-то дьявольское порождение технологий и мистики. Словно сам ад спустился на землю. Словно сам Дьявол наблюдает за ним через этот крохотный объектив.

– Ну, что скажете, док? – спросил Дэйвид, стараясь не обращать внимания на камеру-глаз. Его собственный правый глаз начал нервно дергаться.

Старик молчал. Смотрел на него и думал, казалось, о чем-то своем.

– Что значат все эти формулы? – устал ждать ответа Дэйвид.

– Здесь много формул, – проворчал тек-инженер.

– Но вы ведь специалист. Вы должны разбираться в этом. – Теперь вместе с глазом у Дэйвида начала дергаться и вся правая часть лица. Он не замечал этого.

– Тебе нужно извлечь имплантат, пока ты окончательно не свихнулся, – сказал старик.

– Так, значит, все эти формулы бред?

– Я говорю не о формулах. Я говорю о тебе.

– А что со мной? – Дэйвид нервно тряхнул головой. – Я в полном порядке.

Яркая вспышка ослепила глаза, застала мир. Осталась лишь красная точка объектива камеры в пустой глазнице старика. Дэйвид чувствовал, как она ощупывает его, изучает. Камера, которая служит глазами дьяволу из ада, из мира, лежащего за границами обычного восприятия. Он намного сложнее, чем можно себе представить. И врата в него открываются здесь. Где-то рядом. Да. Дэйвид не сомневался, что имплантат сестры каким-то образом позволил ему видеть эту скрытую от здоровых глаз грань. И в аду этом нет костров и бурлящих котлов. Нет грешников. Он пронизан технологиями, светом, энергией. Как весь этот хай-тек вокруг. Как камера-глаз старика инженера. Как тысячи, миллионы крошечных миров подпространства, избороздившего мир, словно черви захороненное в земле тело. Ничего не осталось. Ничего святого. Ничего нетронутого. Даже в голове.

Дэйвид прикоснулся рукой к шраму на виске, оставшемуся после установки имплантата. «Ад не только снаружи. Ад и внутри», – подумал он. Ад технологий пробрался в него, подчинил себе его разум, его органы чувств. Ад открылся ему. Тек-ад. Или тек-рай. Разницы нет. В основе всего технологии,

энергия. И пути назад для человечества нет. Потому что, увидев однажды этот слепящий свет, невозможно уже о нем забыть. Он в крови, в глазах, в мыслях – повсюду. И это только начало. Только первый шаг по бесконечной лестнице в искрящееся энергией небо. Тек-ад. Тек-рай. Тек-Амок…

Дэйвид обхватил руками голову и громко, истерично рассмеялся.

7

Захария Ривкес. Ему было шестьдесят три, когда его друг Хорас Клейн встретился с зеленоглазой женщиной по имени Джейн в подпространстве. С того дня прошло чуть больше года, но Ривкес все еще помнил ту запись, словно посмотрел только вчера. Запись, поставившая крест на карьере молодого друга. Сначала началось внутреннее расследование, подняли материалы записей проекта «Амок». Десятки мелких правонарушений, на которые никто прежде не обращал внимания.

– Должно быть что-то еще, – сказал Ривкесу агент внутренних расследований. – Что-то важное. Я знаю. Наблюдатели часто покрывают подопечных, но сейчас вы должны отдать нам все, что у вас есть.

Потом был десяток угроз. От прозрачных намеков до обещаний, что агентство возьмется следом за Хорасом Клейном и за самого Захарию Ривкеса.

– Все дело в той зеленоглазой ведьме, которую Хорас встретил в подпространстве, да? – спросил Ривкес.

Никто не дал ему конкретного ответа, но он знал, что прав. Двадцатая – так, кажется, она сказала, что ее зовут, – предупреждала Клейна, что все закончится именно так, если он покинет тот странный, окутанный вечной ночью город. И почему он тогда посчитал это пустой угрозой? Ривкес думал, что будет винить себя в этом всю оставшуюся жизнь. «Еще одна сумасшедшая», – так он тогда решил. Возможно, это какая-то новая религиозная организация фанатиков. Их просто выгонят из подпространства, а вход в тот город запечатают. Такое иногда случается.

Но вместо выселения религиозных фанатиков отдел внутренних расследований взялся за Хораса Клейна. Десятки мелких правонарушений, зафиксированных имплантатом в его голове, были собраны в общее дело и переданы в суд. Процесс не был показательным. Наоборот, огласка была минимальной. Как и приговор. Потом все стихло. Хорас Клейн уехал из города. Захария Ривкес пытался встретиться с ним, но Клейн по телефону предупредил его, что если он не хочет неприятностей, то лучше им не видеться.

– Да и не изменит это уже ничего, – добавил Клейн и повесил трубку.

Больше Ривкес ничего не слышал о нем. Клейн уехал куда-то на север, затерялся в глуши. И Захария Ривкес сейчас почему-то думал, что это не самое страшное из того, что могло случиться с

его другом. Думал, просматривая запись задержания Дэйвида Лейбовича – безумца, кричавшего, что система забрала у него сестру и рассудок.

«Система». В последнее время Ривкес стал относиться к подобному намного серьезней, чем прежде. Тем более что на допросе, запись которого у Ривкеса тоже была, Дэйвид Лейбович успокоился и рассказал много странных вещей. Особенно о своих записях, оставленных в квартале «Гоморра» у старого тек-инженера. Бывшие коллеги Хораса Клейна, проводившие допрос, не относились серьезно к словам Дэйвида Лейбовича, но они не знали того, что знал Захария Ривкес. Для них Дэйвид был просто сумасшедшим, а то, о чем он рассказывает, – безумием.

Ривкес просмотрел запись этого допроса дважды, а затем отправился в участок, чтобы встретиться с задержанным. Утром Дэйвида должны были отвезти в клинику для психиатрического освидетельствования. Ривкес не сомневался, что там Дэйвида накачают препаратами и больше из него будет не вытащить ни слова. Но пока он был в камере. Пока он был в тюрьме участка…

– Я видел сны, – сказал Дэйвид Лейбович, прижимаясь к тюремной решетке так сильно, словно собирался выбраться на свободу, раздавив себе голову. – Сны о подпространстве, – безумные глаза вылезли из орбит, уставились на Захарию Ривкеса. – И я все записал. Все до последнего символа. Каждую формулу… Это двери. Двери в безграничность… В тек-безграничность… В тек-ад! К тек-богу!

Громкий истеричный смех прорезал тишину.

– Ты просто безумец, – сказал Захария Ривкес.

Он вернулся домой, убеждая себя забыть об этом, но стоило ему заснуть, как пришли странные сны, о которых рассказывал Дэйвид Лейбович. В них Ривкес спускался на дно бесконечной могилы. Это действовало как зараза, передающаяся по воздуху. И теперь Ривкес тоже был болен. Знал, что болен, чувствовал это. Чувствовал во сне. При пробуждении он попытался убедить себя в обратном. Приготовил завтрак, заварил кофе, оделся, собрался на работу, но вместо участка отправился в тек-квартал «Гоморры».

«Я всего лишь взгляну на эти записи безумца – и все», – говорил себе Ривкес. Он шел по враждебным улицам, и ему казалось, что все люди вокруг сверлят его колючими взглядами, словно у него на лбу написано, что он – законник, что он чужак, которому не место здесь. Ривкес вспотел от этих взглядов.

– Мне не нужны неприятности, – сказал седовласый тек-инженер, владеющий конторой, где был арестован безумный Дэйвид Лейбович, который – в последнем Ривкес не сомневался – заразил и его своим безумием.

– Недавно здесь арестовали одного человека… – начал Ривкес, обливаясь потом и стараясь не смотреть в глаз-камеру старого тек-инженера. – Мне нужны бумаги, которые он принес вам.

– Бумаги? – глаз-камера зажужжала, фокусируясь на лице гостя.

Ривкес не знал почему, но решил, что показать старику свое удостоверение будет не лишним.

– Записи, которые делал тот парень, – где они?

– Только бумаги? – настороженно спросил тек-инженер.

– Разве было что-то еще?

– Нет.

Ривкес кивнул. Крупная капля пота скатилась у него по высокому лбу, попала в правый глаз.

– Вы неважно выглядите, – подметил тек-инженер.

– Работы много, – соврал Ривкес.

– Тот парень, бумаги которого вы ищете, тоже неважно выглядел, – старик, казалось, издевается над гостем. Особенно его камера-глаз, громко жужжавшая, постоянно на чем-то фокусируясь.

– Бумаги, – хрипло сказал Ривкес, проклиная жару.

– Боюсь, бумаги уже отправились в мусоропровод.

– Официальный или один из тех мусоропроводов подпространства, коими кишит этот район?

– Не понимаю, о чем вы. Мы пользуемся только официальными…

– Хватит, старик! – взревел Ривкес. – Просто верни те чертовы бумаги, не заставляй меня приходить с группой законников, которые перевернут твою крысиную нору!

– Что такого особенного в этих бумагах?

– Эти бумаги могут доставить тебе кучу неприятностей, если ты, конечно, не поможешь мне найти их… – Ривкес хотел смотреть ему в глаза, но вместо этого смотрел лишь в красный глаз-камеру.

«Он чокнутый, – подумал седовласый тек-инженер. – Такой же чокнутый, как тот парень, который запихивал себе в голову воспоминания мертвой сестры».

– Если зайти со двора, то увидишь дверь… – сказал старик, надеясь, что законник оставит его в покое. – Я выбросил те бумаги туда вместе с остальным мусором. Это подпространство закроют через пару дней, так что у тебя есть время, чтобы найти то, что тебе нужно.

Ривкес кивнул. Пот струйками катился у него по лицу.

Выйти на улицу, обогнуть здание, найти дверь. Теперь

оглядеться. Нет, никто не следит за ним, хотя наблюдение здесь ведется всегда – сотни камер, тысячи микрофонов, сканеров эмпатии… И не только здесь. Ривкес никогда не слышал, но сейчас был уверен, что сканеры эмпатии интегрируют в камеры законников. Может быть, где-то сидит еще один человек и как он, Ривкес, проверяет видеозаписи и показания сканеров эмпатии. Может быть, такой сканер стоит в его, Ривкеса, кабинете и наблюдает за ним, в то время как он наблюдает за другими. Да. Вполне возможно. В этом искрящемся технологиями мире ничему нельзя верить.

Захария Ривкес открыл дверь в превращенное в незаконный мусоропровод подпространство. В нос ударил резкий запах гнили. Глаза заслезились, желудок сжался. Помещение было небольшим, но уже на половину заполнено мусором и отходами жизнедеятельности. Ривкес знал, что в подобных местах может находиться что угодно: от незаконных проектов и контрабанды до отходов, находящихся вне закона пластических хирургов и жертв гангстерских разборок. И это не были слухи. Общественные каналы утилизации всегда проводили тщательную фильтрацию отходов криминальных кварталов. Поэтому официальным мусоропроводом здесь пользовались крайне редко, разве что в общественных туалетах да столовых, хотя последние предпочитали держать продукты, которыми кормят посетителей, в секрете. Проще было создать мешок в подпространстве, наполнить его и закрыть. И сейчас в один из таких мусорных мешков, отстойников жизни, Ривкесу предстояло буквально нырнуть с головой.

Он снова огляделся и скользнул в приоткрытую дверь, стараясь не замечать букета удушающих запахов. Ноги утонули почти по колено. Ривкес почувствовал, как гнилостная жижа заполняет ботинки, струится по ногам. Он достал фонарик в тот самый момент, когда дверь, сквозь которую он вошел сюда, закрылась. Темнота. Белый луч фонарика прорезал мрак, показавшийся более густым, чем удушающий запах. Но зато здесь было не жарко.

«Лишь бы это подпространство не закрыли прежде, чем я выберусь отсюда», – подумал Ривкес, пытаясь решить, с чего будет лучше начать; увидел у дальней стены груду пропущенных через шрейдер бумаг и начал пробираться туда. Больше всего он боялся, что старый тек-инженер вместе со своими записями уничтожил формулы Дэйвида Лейбовича, которые сейчас почему-то казались настолько важными, что ради них стоило рискнуть всем – даже своим рассудком.

Ривкес нервно начал разгребать кипу разрезанных бумаг. «Ну

пожалуйста, – думал он. – Мне нужны записи Лейбовича. Нужны!» Он качнулся и повалился назад. Холодная гнилостная масса под грудами мусора охладила разгоряченное тело и успокоила мысли. «Не торопиться», – сказал себе Ривкес.

Он провел в мусорном мешке подпространства почти шесть часов. Стопка бумаг с записями Дэйвида Лейбовича нашлась среди груды микросхем и устаревших систем слежения, имплантируемых в зубы. Последних было так много, что Ривкес вначале решил, что роется в отходах какой-то незаконной зубопротезной клиники, но именно под этими зубами и нашлись нужные бумаги – грязные листы, исписанные мелким почерком. Ривкес прижал их к груди, долго разглядывал, изучал, затем потратил еще почти два часа, желая убедиться, что ничего не оставил.

Когда он выбрался на свежий воздух, в квартале «Гоморра» уже зажглись фонари. Ривкес замер. Голова закружилась от свежего воздуха, заставив его прижаться спиной к холодной стене. Сумерки принесли крупный редкий снег, лениво падавший с неба – такой же нереальный для Ривкеса, как и последние часы его жизни. Он достал бумаги, пытаясь разобрать мелкий почерк Дэйвида Лейбовича. Что это? Для чего? Ривкес вздрогнул – казалось, что тайна, скрывавшаяся на этих пропитавшихся гнилостным запахом страницах, ожила и теперь перетекала тушью чернил ему в мозг, будоража его, волнуя. Нет, он не может отнести эти бумаги в участок. Они либо заразят своей тайной остальных законников, либо будут отправлены в архив, а оттуда, когда пройдет лет десять, в топку. И все закончится. Тайна сгорит, превратится в пепел.

– Нет! – Ривкес спрятал бумаги под рубашку, прижал их к телу, затравленно огляделся по сторонам.

Тайна не могла умереть. Только не так. Только не от его руки. Он не позволит. Она должна жить. Эти формулы… Кто-то должен прочитать их. Кто-то должен разобраться, понять, что все это значит. Тайна хочет открыться миру, готова открыться… Ривкес подумал, что может поговорить об этом со старым тек-инженером, рассказавшим ему, где найти эти бумаги, но тек-контора была закрыта…

Думать! Думать! Думать!

Ривкес снова начал потеть. Он крался по небезопасным улицам квартала «Гоморра», словно вор или убийца. И люди, проходившие мимо, предпочитали делать вид, что не замечают его.

Выбравшись из квартала, Ривкес поймал такси и долго сидел, не решаясь назвать адрес. Нет, он знал, куда лежит в эту ночь его

путь. Знал, но не решался признаться себе. Тайна звала его. Он видел ее след, видел эту нить, по которой следовало ему идти. Идти сквозь ночь. К свету. К неизвестности.

– Отель «Омега», – наконец сказал Ривкес безразличному таксисту с парой имплантатов-камер вместо глаз.

Теперь не нервничать. Ждать. Готовиться. Рассчитывать.

– Хотите снять номер? – спросил Ривкеса консьерж отеля «Омега», не признав в нем законника.

Ривкес, стараясь держаться спокойно, достал удостоверение. Консьерж насторожился.

– Мне нужно попасть в номер 534, – сказал Ривкес.

Воспоминания Хораса Клейна, расследовавшего когда-то исчезновение мужчины в этом отеле, оживали, искрились перед глазами, словно Ривкес имплантировал их в свою голову. А может быть, так оно и было? Может быть, каждый наблюдатель как-то связан с теми, за кем наблюдает? В этом мире технологий ничему нельзя верить. Никому.

– Дай мне ключи от номера 534, – прорычал Ривкес, глядя на мониторы наблюдения за спиной консьержа. – Или ты хочешь, чтобы я устроил проверку законности установленных в отеле камер? Как ты думаешь, сколько мы найдем нелегальных записей? Какой срок ты получишь?

– Я просто хотел сказать, что номер 534 закрыт для проживания, – сказал побледневший консьерж.

– Я не хочу в нем жить. Я провожу расследование, – соврал Ривкес. Или не соврал? Отчасти он действительно проводил расследование. Изучал тайну, шел по ее следу. – Ключ! – прохрипел он, буквально прожигая консьержа взглядом.

Консьерж вздрогнул, сдался. Ривкес забрал связку ключей и пошел к лифту. Воспоминания Хораса Клейна все ярче и ярче светились перед глазами. Они, казалось, действительно стали его частью. Даже запахи, чувства, мысли.

Ривкес вызвал лифт. Двери открылись – беззубая пасть, которая глотает всех жителей и несет куда-то вверх, в небо. Ривкес достал платок, вытер покрытое потом лицо. Старый лифт вздрогнул, замедлил ход. Ривкес подумал, что сейчас изношенные тросы лопнут и кабина сорвется в бездну. Лифт замер. Двери открылись. Ривкес вышел в коридор. На двери в номер 534 стояли новые замки. Ривкес отметил слой пыли на пороге и дверной ручке – значит, сюда действительно очень давно никто не заходит. Дверь открылась. В нос ударил запах пыли – после вони мусорного мешка подпространства все чувства Ривкеса обострились. Россыпи звуков, запахов, яркость цветовых гамм.

Ривкес подошел к старому шкафу. Еще один ключ на связке, которую дал ему консьерж. Темнота. На мгновение ему показалось, что проход в подпространство закрыт. Тайна привела его к сплошной стене. Ривкес недоверчиво вытянул перед собой руку. Нет. Проход есть. Просто темнота по ту сторону кажется абсолютной. Ривкес достал карманный фонарик. Белый луч устремился в бесконечность. Точно так же здесь когда-то стоял Хорас Клейн – Ривкес видел эти воспоминания год назад и видел их сейчас – четкие и ясные. Двадцатая – Джейн, странные дети, странные люди, странный мир, способный многое прояснить. Мир, в который вела его найденная тайна. И Ривкес не мог противиться своему любопытству.

8

«Амок». «Амок» для подпространства. «Амок» для всего мира. Эксперименты. Удачи и ошибки. Нет, доктор Оз Литвак никогда не сомневался в том, что делает. Никогда не сомневался в конечном результате. Так же, как не сомневалась и Талья Йоффе, которая после смерти своей дочери видела во всех подопечных, задействованных в проекте, своих собственных детей. Имплантаты, вживленные им в мозг, меняли их, строили новый мир в этом мрачном, лишенном света мире подпространства.

В ведомстве Тальи Йоффе и Оза Литвака было три таких мира, но есть и другие – они знали, что это так. Реальный мир трещал по швам. Болезнь распада и разложения прогрессировала, и новая кровь была просто необходима. Все эти незаконные тек-проекты: наркотики, подпространства, органы восприятия, воспоминания мертвецов… Когда-нибудь, если ничего не изменить, мир сдвинется и рухнет в небытие. И никакой обычный проект не сможет спасти, уберечь мир от саморазрушения. Стремление к распаду прописано на генетическом уровне. Стремление к распаду через саморазвитие, обучение, любопытство. Человек увидел огонь. Человек покорил огонь. Человек начал сжигать подобных себе. Но огонь был только началом. Атомы, нанотехнологии, техинженеры… Человечество бежало вприпрыжку к бездне и задорно хохотало, не понимая, куда бежит. И никакой рост уровня самосознания не сможет остановить этот бег.

Больше всего Талью Йоффе пугали новые возможности просмотра воспоминаний мертвецов. Целые жизни, чувства, эмоции загружались в головы родственников и влюбленных. Конечно, это было незаконно, но разве закон когда-то был непреступной стеной в этом мире?! А если бы и был, то вырос до абсолютной власти и уничтожил частную жизнь. Нет. Лучше уж тек-технологии и воспоминания мертвецов, загруженные в твой мозг, – по крайней мере, никто не заставляет тебя это делать. Но иногда Талья Йоффе хотела поступить именно так. Возможность еще раз оживить в себе воспоминания умершей дочери будоражили разум, стирали логику. Еще раз услышать ее смех, увидеть ее взгляд. Прожить жизнь ее глазами, ее чувствами. Понять то, что она чувствовала, заглянуть в ее мысли, изучить каждую из них.

– Сделаешь это и никогда не станешь прежней, – сказал Оз Литвак, несмотря на то, что Талья Йоффе никогда не говорила ему об этом, словно прочитав ее мысли. Или все было проще?

«Может быть, все это просто написано у меня на лице?» – подумала тогда Талья Йоффе, желая, чтобы Литвак продолжил отговаривать ее, заботиться – так ей было бы проще послать все к черту и сделать то, что она хотела, но он предупредил ее лишь однажды и больше не возвращался к этому разговору. Хороший любовник и отвратительный советчик. Хотя иногда Талье Йоффе казалось, что прислушивается она лишь к советам Литвака. Никто другой не был для нее авторитетом. Не был и Литвак, но его слова всегда попадали в цель. И это заставляло уважать и ценить его скупые слова. Не любить его самого, нет – лишь уважать и ценить. Как ценила, но никогда не любила детей их эксперимента. Любила она лишь свою дочь, которая умерла уже очень давно. Ну и, возможно, совсем немного Джейн. Двадцатую. Девушку, пришедшую много лет назад случайно в этот новый мир и решившую остаться, пожелав изменить себя, став похожей на детей этого мира. Такими же стали и дети Джейн.

Талья Йоффе могла наблюдать за ними часами – как люди смотрят на огонь или воду, так и она смотрела на этих детей. Слепых, с обостренными до предела органами чувств. Но они могли видеть ее мысли, могли видеть ее глазами, слышать ее ушами. Чистые и невинные. Дети, которым не было места в реальном мире. Дети, ради которых Оз Литвак разрабатывал более сложные и совершенные миры подпространства, словно когда-нибудь они смогут оставить реальность и уйти навсегда в этот искусственный рай для новых людей.

Иногда, гуляя по затянутому вечной ночью городу, Талья Йоффе думала, что уйдет вместе с этими детьми. Если настанет этот день, если она дождется его, если доживет, то обязательно уйдет. И – она не знала, откуда у нее была эта уверенность, – Оз Литвак уйдет вместе с ней. Уйдет, потянувшись к новым горизонтам, ведомый любопытством. Потом Талья Йоффе долгими часами бродила по пустынным улицам. Она знала их наизусть, поэтому могла выключить фонарь и ходить по памяти, прислушивалась к звукам и шорохам, которые создавали игравшие в высотных домах дети нового мира.

В одну из таких прогулок Талья Йоффе и встретила Захарию Ривкеса. Он пришел сквозь закрытую дверь, которая когда-то давно привела в этот мир Джейн. Но Джейн была для Тальи Йоффе почти так же важна, как ее усопшая дочь, а вот Захария Ривкес… Захария Ривкес не нравился ей. Взгляд безумный, лицо покрыто крупными каплями пота, руки дрожат, судорожно прижимают к груди кипу грязных бумаг. Запах пота и гнили смешивается. Но голос… Голос твердый и уверенный.

– Как вы попали сюда? – спросила Талья Йоффе, отмечая, как

стихли шорохи вокруг. Дети, которые играли вблизи, замерли, прислушались, заглядывая в мысли чужака.

– Я был знаком с Хорасом Клейном, – сказал чужак. – Он был законником, который однажды приходил сюда. Я проверял записи его имплантата. Так что не пытайтесь отрицать – мне известно все, что здесь происходит.

– И что вам известно? – холодно спросила Талья Йоффе.

– Все, – снова сказал чужак, продолжая светить ей в глаза фонарем.

Сейчас ему уже начало казаться, что тайна, заманившая его в это место, явила ему не только дорогу, но и каждый секрет. Даже эти дети, которые сейчас следят за ним – они пугали Клейна, но Ривкес знал, что они безопасны. Это дети нового мира – невинные, олицетворяющие лучшую жизнь. Ривкес знал, что они могут читать его мысли, но ему нечего было прятать. Он явился сюда не для того, чтобы причинить им вред. Он явился сюда, потому что у него в руках была рукопись Дэйвида Лейбовича, работа, способная изменить мир. Тайна!

Ривкес увидел, как безволосый ребенок с прозрачной кожей, под которой были видны вены, выбрался из своего убежища и подошел к доктору Талье Йоффе.

– Он не враг, – тихо сказал ребенок. – Ты должна отвести его к доктору Озу Литваку.

– Вот как? – Талья Йоффе смерила мальчика внимательным взглядом, затем подняла глаза на Захарию Ривкеса. – Ребенок говорит правду? – прямо спросила она.

– У меня есть рукопись. Формулы. Их создал один человек. Дэйвид Лейбович. Его сестра когда-то была вашим пациентом. Амок. Думаю, Лейбович открыл что-то новое, узнал, увидел… – Ривкес только сейчас понял, что светит женщине прямо в лицо, и спешно опустил фонарик. – Мне нужно показать это вашим инженерам. Они разберутся. Иначе тайна канет в небытие.

– Тайна?

– Работа Лейбовича! – Ривкес достал кипу бумаг и показал Талье Йоффе. Он не помнил, когда стал относиться к Дэйвиду Лейбовичу как к человеку науки, профессору, а не как к безумцу, но сейчас сомнений уже не было – Дэйвид гений. Он заглянул за грань, расплатившись за это своим разумом. Но жертва его не будет напрасной. Его работа будет жить.

Ривкес замер. На мгновение ему показалось, что он увидел мысли ребенка, стоявшего рядом, словно это место, где поселилась вечная ночь, каким-то образом меняло его – его, который уже заразился вирусом тайны, проникшей чуть раньше в сознание Дэйвида Лейбовича. И тайна росла, мутировала. Ривкес

буквально чувствовал это.

– Доктор Оз Литвак, – осторожно сказал он Талье Йоффе, увидев это имя в мыслях наблюдавшего за ним ребенка. Или же в мыслях самой Тальи Йоффе – новые способности было сложно контролировать. – Мне нужен доктор Оз Литвак, – повторил Ривкес более уверенно.

Он спрятал бумаги Лейбовича под рубашку и ловко для своих тучных габаритов схватил Талью Йоффе за руку.

– Отведите меня к доктору Озу Литваку, – попросил он, чувствуя, как напряглась Талья Йоффе, но женщина не пыталась высвободиться. Наоборот – держалась так, словно это не он, а она держала его за руку, не позволяя уйти.

«А может, так оно и есть?» – подумал Ривкес и спешно отпустил женщину, сделал шаг назад. Наблюдавший за ним ребенок с прозрачной молочной кожей улыбнулся, демонстрируя редкие, острые зубы. Эта улыбка показалась Захарии Ривкесу одной из самых невинных, которые он когда-либо видел у детей. Потому что у невинности нет лица, только чувства, как и у доброты. У а этого ребенка была лишь доброта – Ривкес видел это в его мыслях.

– Следуйте за мной, – услышал он далекий голос Тальи Йоффе. Вернее, не услышал – прочитал ее мысли, которые были направлены к нему. Эти тяжелые, по сравнению с ребенком, мысли. В них не было добра, не было надежды. Лишь что-то серое, огромное, всепроникающее – мысли каждого обычного человека.

Ривкес до крови закусил губу, понимая, что такие же мысли живут и в его голове. И тайна, доставшаяся ему от Дэйвида Лейбовича, не могла изменить их, исправить. Она могла лишь окрасить их, замаскировать. Но база была одна. Он никогда не станет таким же добрым и невинным, как этот ребенок с острыми зубами напротив. Никогда не увидит мир его глазами. Вернее, не глазами, нет. Сердцем, разумом.

Слезы покатились из глаз Ривкеса. Этих ненужных глаз. Он зажмурился, надеясь, что так сможет приблизиться к доброте ребенка в своем сердце. Но это был обман. Ребенок был слеп, а Ривкес лишь притворялся. Ребенок был как статуя Фемиды, с повязкой на глазах, только повязка была у него с рождения и он не мог снять ее по желанию. Слепец, который видит в сотни раз больше зрячего!

Ривкес поднял руки к своему лицу и прикоснулся к векам закрытых глаз. Таких ненужных глаз. Он надавил на них большими пальцами и продолжал давить, пока глазные яблоки не лопнули. Боль вспыхнула, обожгла сознание. Но слепота не была

абсолютной. Ривкес все еще видел вспышки света или боли – неважно. Он продолжал давить, пока пальцы не добрались до мозга. Только тогда свет померк. Свет, который был остатками жизни в этом теле с больным разумом.

Ноги Ривкеса подогнулись. Он упал на спину, продолжая конвульсивно вздрагивать, потом затих. Талья Йоффе какое-то время смотрела на этого безумца, затем распорядилась, чтобы его доставили в ее лабораторию.

– Он хотел стать добрым, – сказал ребенок с прозрачной молочной кожей, представлявший новую расу.

– Я знаю, – сказала Талья Йоффе, протянула руку, желая коснуться его щеки. Ребенок широко улыбнулся. Улыбнулся раньше, чем она прикоснулась к нему, почувствовав ее намерения, а не прикосновение.

– Можно я буду с тобой, когда ты станешь изучать этого мужчину? – спросил он.

– Ты хочешь посмотреть, как я буду копаться у него в мозгах? – Талья Йоффе не выбирала слов – ребенок все равно видел ее мысли.

– Значит, нельзя? – мальчик снова улыбнулся и ловко, словно лягушка, прыгнул во тьму, не дожидаясь устного ответа, – все что нужно он увидел в мыслях Тальи Йоффе.

Она проводила его взглядом. «Странное желание, – подумала Талья Йоффе, вспоминая просьбу ребенка присутствовать на операции. – Понять бы еще, что заставило его попросить об этом? Ведь это не может быть желанием изучить анатомию, не может быть даже любопытством».

Талья Йоффе получила ответ, лишь когда вскрыла Захарии Ривкесу череп. Имплантат. Не новый, но достаточно продвинутый. Сколько шансов, что он может дать сбой? Один на миллион? Но тот, который Талья Йоффе извлекла из головы Ривкеса, не просто дал сбой – он выгорел, вспыхнул в прямом смысле слова, изжарив часть мозга в голове хозяина. Талья Йоффе вспомнила бумаги, которые показывал ей Ривкес. Они все еще были у него под рубашкой. Талья Йоффе достала их – измятые, грязные, покрытые засохшей коркой слизи из мусорного мешка подпространства, где отыскал их Ривкес, и свежей кровью из его изувеченных глазниц. Талья Йоффе вспомнила фамилию ученого, работавшего над этими бумагами, – Дэйвид Лейбович. По крайней мере, Ривкес считал его ученым. Но фамилия эта действительно была знакома. Вот только…

Талья Йоффе нахмурилась, подняла архив, уверенная, что уже слышала эту фамилию прежде. И ее обладатель не был ученым – всего лишь подопытный. Руфь Лейбович. А Дэйвид…

Талье Йоффе потребовалось чуть меньше четверти часа, чтобы выяснить, кем в действительности был Дэйвид Лейбович, но вот его записи… Она бегло просмотрела их. Страницы пронумерованы. В формулах подпространства есть некий хаотичный порядок. Талья Йоффе видела нечто подобное в кабинете Оза Литвака. «Может быть, Дэйвид Лейбович торговал какими-то незаконными разработками? – подумала она. – Но почему тогда сгорел имплантат Ривкеса? Может быть, тек-инженеры тайно работают над тем, чтобы отключить законникам вживленные в головы имплантаты? Или же тек-инженеры разрабатывают свой собственный проект «Амок?»

– Ты должен посмотреть эти бумаги и объяснить мне, что это, – сказала Талья Йоффе, встретившись с доктором Озом Литваком. Он поднял на нее глаза, но не прикоснулся к бумагам, которые она положила на его стол. – Это важно, – сказала Талья.

Оз Литвак слушал ее рассказ внимательно, терпеливо. Затем так же терпеливо изучал бумаги.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал он. – Ты уверена, что это написал свихнувшийся журналист?

– Сейчас его везут в психиатрическую клинику. Можешь встретиться с ним, если хочешь.

– Отправь к нему пару агентов.

– Уже отправила.

– И что он сказал им об этих записях?

– Сказал, что увидел их в могиле?

– В могиле?

– Такой был у него сон.

– За одну ночь столько не напишешь.

– У него было много снов.

– А имплантаты? У него есть в голове имплантаты?

– А у кого их сейчас нет?

– У меня нет. И у тебя, кажется, не было, если конечно, ты не решилась сделать глупость и загрузить в себя воспоминания дочери.

– Если бы не нужно было эксгумировать ее тело, то, возможно, загрузила бы.

Они обменялись еще парой колкостей, затем снова вернулись к обсуждению бумаг Дэйвида Лейбовича.

В эту ночь Оз Литвак так и не смог заснуть. Он не воспринимал все эти корявые формулы всерьез, но они уже проникли в его голову, кружили перед глазами. Тайна: яркая, искрящаяся, которая манит и очаровывает. Шепчет, зовет, умоляет прикоснуться к ней. Желанная тайна, пленительная.

– Только не говори, что решил оживить проект Лейбовича, –

сказала Талья Йоффе на следующее утро, разбуженная суетой строительных работ возле генератора подпространства.

Она встретилась взглядом с Озом Литваком. Глаза его горели, на лбу блестела испарина, которую он то и дело промокал носовым платком. Пара инженеров копошилась вокруг нового генератора подпространства, построенного в соответствии с формулами, созданными Дэйвидом Лейбовичем. Талья Йоффе наблюдала за кипящей работой больше часа, стараясь держаться в стороне, затем подошла к Озу Литваку, спросила, все ли с ним в порядке.

– Лучше не бывает, – сказал он возбужденно.

Талья Йоффе осторожно подняла руку и потрогала его лоб. Он был холодным, словно лед. Тайна, которая свела с ума Захарию Ривкеса, пробралась и в голову Оза Литвака.

– Ты точно не устанавливал себе никаких имплантатов? – тревожно спросила Талья Йоффе любовника и коллегу. – Потому что если устанавливал… – она вспомнила сгоревший, изжаренный мозг Захарии Ривкеса. – Не знаю, как все эти рукописи влияют на нас, но, если у тебя в голове есть имплантаты, ты должен все остановить. Ни одна тайна не стоит того, чтобы лишиться ради нее жизни.

– Тайна? – оживился Литвак.

Да, ему определенно нравилось думать о том, что он сейчас делает, как о тайне. В паре шагов от него ошибка инженеров вызвала замыкание нового генератора, выбив сноп искр. Вздрогнули все, кроме Литвака. Талья Йоффе видела, как сноп искр отразился в его горящих безумием глазах.

«Но если он действительно не устанавливал себе имплантаты в голову, то и бояться нечего, – попыталась она успокоить себя. – Он просто ученый. Просто большой ребенок, очарованный новым экспериментом».

Но, несмотря на все эти мысли, Талья Йоффе чувствовала, как продолжает разрастаться в ней суеверный страх. Она стояла, словно в онемении наблюдая за работой. А когда случилось еще одно замыкание, не пошевелилась, не вздрогнула. Лишь смотрела, как из пустоты, из ночи появляется дверь. Остальные ученые, казалось, были так же заворожены, как и она.

«Всего лишь очередное подпространство», – говорила себе Талья Йоффе, наблюдая, как Оз Литвак – единственный, который, казалось, не был парализован сейчас, – подходит к двери, протягивает руку. Дверная ручка поворачивается. Щелчок. И из дверного проема в вечную ночь старого подпространства льется белый, слепящий свет. Литвак делает шаг вперед, замирает на пороге. Свет окружает его, кажется, пронзает насквозь. Свет,

способный остановить время – Талья Йоффе думает об этом, когда пытается подойти к Литваку. Движения замедленные и даются с трудом. Разум понимает, но тело отказывается двигаться, словно плывет в густом желе. А свет становится все ярче и ярче. Свет, озаряющий весь этот мир ночи.

Талье Йоффе показалось, что прошла целая вечность, прежде чем ей удалось добраться до Литвака, встать рядом с ним. Но для того, чтобы попытаться разглядеть то, что лежит за порогом этой появившейся из пустоты двери, смелости уже не осталось. Ни у кого не осталось – Талья Йоффе не видела, но знала это, чувствовала, словно могла читать чужие мысли, инородные. Они окружали ее, жужжали роем мух, потревоженных ярким светом из открытой двери, который манил, звал.

– Тайна, – услышала Талья Йоффе далекий голос Оза Литвака, а затем увидела его мысли, в которых он уже сделал шаг вперед, переступил порог, растворился в этом слепящем свете.

«Он уйдет и оставит меня одну», – подумала Талья Йоффе, впервые в жизни признаваясь себе, что привязалась к этому ученому как к человеку, мужчине, возлюбленному, а не как к коллеге.

– Не уходи, – попросила она.

– Не уходить? – голос Литвака искажался, растягивался в потоках света. – Почему я не должен уходить?

– Потому что… – Талья Йоффе заставляла себя сказать, что он нужен ей, но так и не смогла. – Потому что ты не знаешь, что там. Никто не знает, – сказала она.

– Верно. Никто не знает, – согласился Литвак, но в его мыслях не было и тени сомнения. Талья Йоффе знала – он сделает шаг вперед.

– Зачем идти в эту неизвестность? – спросила она. – Разве тебе не страшно?

– Страшно.

– Тогда не ходи. Останься.

– И как в этом случае я узнаю, что там?

– Может быть, там ничего и нет.

– Может, и нет… Но для того, чтобы это узнать, нужно все равно сначала войти.

– А как же я?

– Ты? – Литвак отвернулся от двери, смерив окутанную белым светом Талью Йоффе внимательным взглядом. – Ты можешь пойти со мной, – он протянул ей руку, но она так и не решилась взять ее, хотя Литвак ждал, казалось, целую вечность. Долгую, залитую ярким белым светом вечность. И только потом сделал шаг вперед. Один… И дверь закрылась за ним. Дверь в

тайну. Остались лишь завихрения белого света, которые растаяли через пару секунд, растворились в вечной ночи подпространства.

Не выдержав нагрузки, генератор снова замкнул, выбил сноп искр и выбросил в воздух струю черного едкого дыма. Это замыкание заставило всех очнуться. Талья Йоффе чувствовала слабость и головокружение. Одного из инженеров вырвало.

– Что, черт возьми, здесь произошло? – спросила Талья Йоффе, растерянно оглядываясь.

Ответа не было. Никто не помнил. Не знал. Все стерлось. Даже имя. Оз Литвак. Кто такой Оз Литвак? Нет. Лишь эхо. Лишь странные, тревожные чувства. Лишь тайна.

Иногда, заглядывая в глаза новой расы, которую создавали в подпространстве, Талья Йоффе думала, что, возможно, у них есть ответы, но спросить так и не решилась. Никто не решился…

История вторая
Океаник

– Господи! Вот вам жизнь! Да разве ее поймешь?

– А вы и не старайтесь, просто сделайте вид, что все понимаете.

Курт Воннегут «Колыбель для кошки»

1

Представьте себе планету, на поверхности которой нет ничего, кроме океана, – огромный голубой шар в черном, бескрайнем космосе. Его окружают двенадцать естественных спутников – двенадцать поселений, где кипит жизнь. Их называют сателлиты. Сателлит-Один, Сателлит-Два, Сателлит-Три… Нам нужен Первый – самый большой естественный спутник из остальных двенадцати.

Спускаемся на поверхность – наполненный жизнью и суетой каменный город. Улицы, транспорт, дома… Ищем художественную мастерскую. Одну из многих. Мастерскую девушки по имени Киф. Стеклянные витрины позволяют прохожим видеть все, что происходит внутри. Но мастерская закрыта уже больше месяца. Киф не отходит от постели своей дочери Армы. В центральной больнице говорят, что шансов нет. Всегда говорили, но время шло и шло.

Болезнь дремала и лишь после седьмого дня рождения девочки заявила о себе, когда Киф уже поверила, что с дочерью все будет в порядке. Она ничего не знала об отце Армы. Это была просто случайная связь. Врачи сказали, что этот тип, скорее всего, уже мертв. Его добила либо болезнь, либо наркотики, которые принимали все жители Сателлита-Четыре. Никогда больше Киф не встречала представителей этого окруженного космосом наркопритона. Отец Армы появился словно проклятие и исчез – просто плохая карма. Стоя у кровати умирающей дочери, Киф не плакала. Никогда не плакала.

– Бедняки не плачут, – сказал когда-то давно отец.

Он и не плакал. Лишь мать, когда он умер, получив смертельную дозу радиации на экспериментальном заводе нанороботов.

Ученые обещали, что вскоре наступит светлое будущее, обещали, что микромашины смогут вылечить любую болезнь, побороть старость. Но в итоге завод лишь забирал сотни жизней рабочих. И больше ничего. Киф помнила, как мать вначале проклинала этот завод, а после, когда семья начала голодать, устроилась на место своего погибшего мужа. Позже ее дочь – Рия, старшая сестра Киф, – стала работать вместе с матерью ради маленькой Киф, чтобы она могла учиться, могла что-то изменить. Они говорили об этом Киф каждый день. Ответственность. Она сводила Киф с ума. И еще это ожидание – когда-нибудь следом за отцом, завод заберет у нее мать и сестру. Но мать и сестра жили.

Мать даже дотянула до дня, когда Киф родила Арму. Любила

ли эта насквозь пронизанная радиацией женщина свою внучку? Киф так и не поняла. Не смогла она разобраться и в чувствах своей старшей сестры. Скорее всего, они были разочарованы. Словно рождение девочки поставило крест на всех их планах и надеждах. Словно, лишившись своей собственной жизни, они хотели прожить ее в теле Киф. Лучше бы они продали один из своих органов, заменив его дешевым имплантатом, как делали иногда соседи, чтобы обеспечить учебу детям.

Богачи всегда платили достаточно много за глаза, сердце, печень, конечности. Но нет, мать и старшая сестра предпочли светиться в темноте, медленно умирать, получая смертельные дозы радиации, неустанно напоминая Киф, что она обязана разорвать этот порочный круг и забрать их в лучшую жизнь. И как тут не разучиться плакать? Как тут не забыть, что такое слезы?

Киф лишь хотела, чтобы дочь очнулась. Хотя бы в последний раз. Хотела увидеть ее ясные глаза. Может быть, что-то сказать, успокоить, но… Но можно было только ждать. Карма. Чертова карма. Особенно когда врачи сказали, что шанс есть.

Это было две недели назад. Шанс есть. Новое лечение. Микромашины. Те самые нанороботы, разработки которых проводились на заводе, где работали отец Киф, мать, старшая сестра. Но… Снова карма. Надежда вспыхнула и погасла, когда Киф узнала стоимость этой процедуры. Даже если она продаст свою мастерскую, все свои картины, ей не хватит, чтобы оплатить и десятую часть. Лечение для богачей. Киф связалась с сестрой. Рия слушала, кивала, называла цены за пару глаз, с заменой дешевыми имплантатами. Цены за сердце, желудок.

– Слишком много предложений, – сказала Рия. – Желающие продать части тела выстраиваются в очередь. К тому же с кем будет жить Арма, если ты продашь свои глаза? Ты ведь не сможешь рисовать с имплантатами.

– Не смогу.

– И не сможешь работать на заводе. Даже если захочешь – не сможешь. Да тебя и не возьмут. Не то образование. Ты не рабочий. Ты художник.

– Сейчас лишь бы Арма жила.

Они говорили четверть часа. В конце Рия сдалась и назвала Киф пару адресов, где можно продать богачам части своего тела. Киф отправилась туда в этот же день. Менеджер отдела принял заявление и пообещал, что свяжется с Киф, как только дойдет ее очередь.

– Мне очень нужны деньги, – сказала она. – Прямо сейчас нужны.

– Они всем нужны.

– Моя дочь умирает.

– И не только ваша.

Киф послала его к черту и отправилась в следующее бюро имплантации. Цены везде были примерно одинаковыми, и Киф не сложно было подсчитать, что даже продав почти все свои органы, она не наберет и половины. Тем более что нужно будет еще платить за имплантаты, пусть и самые дешевые. Дочь не спасти. Но Киф испытывала какую-то упрямую ярость. Неужели в этом городе нельзя продать себя?

– Сейчас спрос лишь на карие глаза, а у вас серые, – сказал очередной менеджер. – Можно попробовать продать волосы, но… Но сейчас искусственный скальп стоит так дорого, что смысла в продаже почти нет. Да и к тому же волосы у вас самые обыкновенные. Не белые, не черные и не рыжие. Нужна конкретика.

– К черту конкретику.

Киф хотела напиться, но последний раз, когда она так поступила, закончился в объятиях незнакомца. Потом появилась Арма. Еще одной Армы она не вынесет. Нет. Поэтому можно только пойти в больницу и ждать конца.

В таком состоянии ее и нашел Арг – высокий, в дорогом костюме, агент каких-то богачей, которые сами никогда бы не пришли в бедные кварталы, где жила Киф.

– Доктор Акра сказал, что вам нужны деньги? – спросил он, меряя Киф сухим взглядом поверх своих черных очков.

– Деньги? – Киф невольно скривилась. – Если вы не из благотворительной организации, то нам не о чем говорить.

– Я не из благотворительной организации, но у меня есть предложение.

– Хотите купить мои глаза? Не хочу разочаровывать вас, но серые сейчас не в моде.

– Я говорю не о глазах.

– Что тогда?

– Есть люди… – Арг огляделся, желая убедиться, что их никто не слышит. – Есть люди, которые готовы купить ваше тело.

– Мое тело? В смысле – целиком?

– Да. Они оплатят лечение вашей дочери.

– И как, черт возьми, я смогу продать свое тело? – Киф начало казаться, что это какой-то розыгрыш.

– До вас не доходили слухи о новых технологиях?

– Слухи?

– Медицина не стоит на месте.

– К черту медицину!

Киф вышла из палаты умирающей дочери в коридор. Где-то

здесь должен быть охранник. «Слухи!» – гневно подумала она. Конечно, Киф слышала эти странные истории. Агенты. Перекупщики. Они работали независимо от бюро имплантации. Искали отчаявшихся людей, скупали их органы, замораживали и складировали до лучших времен, до новых витков моды и причуд богачей. «Что ж, выходит, теперь они решили скупать тела целиком», – Киф нервно рассмеялась. Она увидела охранника и громко позвала его, желая привлечь внимание.

– Выбросите, пожалуйста, отсюда этого мясника! – сказала она охраннику и указала на агента в дорогом костюме.

Охранник поднялся на ноги – высокий, крепкий.

– Прощайте, – сказала Киф агенту.

Она прошла мимо него, ожидая, что сейчас он бросится бежать, но вместо этого Арг достал удостоверение и показал охраннику.

– Так вы из Верхнего города? – услышала Киф растерянный голос охранника, затем его извинения.

– Что ж, выходит, вы действительно богач, – сказала она, когда агент снова подошел к ней.

– Всего лишь работаю на богачей.

– И что, ваше предложение спасти мою дочь – правда?

– На все сто.

– А что будет со мной?

– Мы заключим договор.

– Какого рода договор?

– Так вы заинтересовались?

– Не знаю. Как я могу быть уверена, что после всего вы сдержите слово и вылечите мою дочь?

– Мы не вылечим вашу дочь, мы лишь оплатим ее лечение.

Арг выдержал тяжелый взгляд Киф, так и не сумев понять, о чем она думает. Киф и сама не понимала. Лишь пыталась представить, какой жизнь будет без нее. Если эти богачи сдержат слово, если лечение поможет, если Арма выздоровеет… Но все это без нее. «Арму можно будет отдать на воспитание сестре», – подумала Киф, но представить, что будет потом, так и не смогла.

– Если вы заинтересовались, то мы можем отправиться в Верхний город, – осторожно предложил агент. – Вы встретитесь с вашим приемником.

– Приемником?

– Она понравится вам.

– Что значит «приемник»?

– Приемник получит ваше тело, когда все закончится.

2

Дорога в Верхний город заняла более двух часов. В кварталах бедняков были пробки, а местами вспыхивали мелкие потасовки. Народ бастовал, высказываясь против повышения налогов и сборов за проезд в Верхний город.

– Часто бываете здесь? – спросил Арг, когда они проезжали пост наблюдателей.

– Нет, – сказала Киф.

– Но вы ведь художник. Где еще пригодится ваш талант?

– Художников много.

– Агентов тоже много, – Арг обернулся и наградил Киф каким-то странным взглядом, словно испытывал симпатию или хотел пригласить на свидание – она так и не поняла.

Они остановились возле высокого, уходящего в густое синее небо дома. На подземной стоянке было тихо и прохладно. Арг остановился на зарезервированном месте. Вахтер подбежал открыть дверь. «Нет, к черту работу здесь», – подумала Киф. Молодой вахтер широко улыбался им, почти раболепно.

– Быть художником не так уж и плохо, – сказал Арг, словно прочитав мысли Киф, когда они вошли в лифт.

– Не говорите мне, что плохо, а что нет, – буркнула она.

Кабина лихо понеслась вверх.

– Не нужно считать меня тираном, – сказал Арг. – Это хорошая сделка. Вы получите деньги, спасете дочь, успеете побыть с ней.

– Просто заткнитесь.

Они вышли из лифта. Коридор был широким, кристально-белым. На стенах висели картины незнакомых Киф живописцев. В художественной школе, куда отправили ее в детстве мать и сестра, Киф была одной из лучших, но эти картины…

– Кто их нарисовал? – спросила Киф Арга.

Он пожал плечами.

– Это не классики и не новые знаменитости, – сказала Киф.

– Может быть, просто друзья или знакомые? – предложил Арг.

– Но ведь это же мазня! Всего лишь мазня!

– Подружитесь с хозяевами дома, и они повесят здесь ваши картины. – Теперь Арг выглядел усталым, и Киф вдруг поняла, что когда-то агент был таким же, как и она. – Постарайтесь просто не думать об этом, – посоветовал Арг. – Это другой мир, другие люди, другие жизни.

Хозяева квартиры встретили их в такой же белой, как и коридор, гостиной: безвкусной и совершенно необжитой. Дряхлая

старуха подошла к Киф и протянула ей сухую, морщинистую руку. Арга старуха, казалось, и не замечает.

– Меня зовут Овет, – сказала она, изучая Киф жадным взглядом.

Киф кивнула, назвала свое имя. Муж Овет сидел за пианино. Ему, казалось, было плевать на Киф. Он играл – идеально, но бездушно. У него было морщинистое лицо, обезображенное множеством пластических операций. Затем Киф заметила его руки – молодые.

– Нерр, дорогой, – позвала его старуха жена, – поздоровайся с Киф.

Старик с молодым телом сфальшивил последние ноты бездушной мелодии, обернулся, смерив Киф взглядом, словно это она виновата в том, что он плохо сыграл, но тут же просиял, перевел взгляд на Арга и кивнул ему.

– Впечатлен, – улыбнулся он. – Я думал, ты найдешь уродину или полукровку, а эта… – он обошел вокруг Киф. – Эта мне нравится.

– Тебе правда нравится? – с надеждой спросила старуха Овет.

– Абсолютно. Даже голова.

– Ну, голова будет моя, а вот тело… – глаза старухи вспыхнули нездоровым блеском.

– Мне нравятся ее бедра, – сказал Нерр.

– Грудь можно будет увеличить, – сказала Овет.

– Нет. Грудь пусть останется оригинала.

– Я вообще-то здесь! – потеряла терпение Киф.

Старики растерянно переглянулись, посмотрели сначала на агента и только потом на Киф.

– Как ваша дочь? – неожиданно учтиво спросила Овет.

– Без изменений, – машинально ответила Киф.

Старуха кивнула, изобразила сожаление. Старуха, которая скоро будет обладать ее телом. Этим самым обыкновенным, но все-таки ее телом. А муж старухи, Нерр, он будет лапать это тело, разглядывать.

– Мои представители встречались с доктором Акра, – сказал старик. – Шансы на исцеление вашей дочери, если начать лечение в ближайшие дни, пятьдесят на пятьдесят.

Киф не сомневалась, что говорить ему с ней неохота. Он уже получил свое тело. До старухи, возможно, ему не было дела. Она просто была. Просто хотела омолодиться, как и он. А старик… Старик предпочел бы, чтобы она умерла. Киф не сомневалась, что все именно так. Она не была психологом, но она знала все о мимике, о лицах. И знания эти говорили ей, что старик не хочет, чтобы она была сейчас здесь. Ему не нужна старая голова жены на

новом теле. Он хочет молодое тело и молодую голову. Будь Киф шлюхой, которую Арг привез старику на ночь, он и то смотрел бы на нее с большим интересом и меньшим пренебрежением.

– Хотите что-нибудь выпить? – предложила Овет.

Киф отказалась.

– Что-то не так? – старуха пытливо заглянула ей в глаза. – Вам что-то не понравилось?

– Мне? – растерянно переспросила Киф.

«Да, черт возьми, мне не понравился ваш муж! Мне не понравились вы! Мне не понравились ваши картины в коридоре!» – вот что она хотела сказать, но потом… подумала о своей дочери и поджала губы.

– Я просто нечасто бываю в Верхнем городе, – соврала Киф.

Старуха широко улыбнулась, став похожей на жабу.

– Это нестрашно, – сказала она. – Мы все понимаем и не требуем от вас ничего особенного.

– Можете вести себя как в Нижнем городе, – небрежно добавил Нерр, словно специально хотел сорвать эту сделку.

«Да так оно и есть», – подумала Киф, но отступать она не собиралась. Сомнений не было. Арма. Только Арма. Гордость можно оставить на потом. Киф грустно улыбнулась. «Какое «потом», черт возьми?» – кисло подумала она.

– Сколько у меня будет времени после того, как мы заключим договор? – спросила Киф старуху – будущую хозяйку своего тела.

– Один год, – спешно сказала Овет.

– Один год? – Киф ожидала меньшего. Она смерила старуху удивленным взглядом.

– Не волнуйтесь, она протянет и больше, – хмуро сказал Нерр.

Жена цыкнула на него, подчеркивая обиду. Киф решила не обращать на супружеские перепалки внимания.

– Могу я увидеть сам договор? – спросила она старуху.

– Можете, но… – Овет смутилась, замялась.

– Что-то не так? – Киф представила, как стоит у палаты своей дочери и ждет, когда смерть заберет ребенка.

– Просто законы не всегда пишут так, как нам бы хотелось, – уклончиво сказала Овет.

– Зачем тогда вы привели меня сюда?

– Не злитесь. Мы все понимаем и… – старуха нахмурилась, тяжело вздохнула и принесла кипу бумаг.

– Это что? – спросила Киф, бегло просматривая основной текст.

– Это договор, – смутилась старуха.

– Здесь ничего не говорится о моем теле.

– Так оно и есть, – подал голос Нерр и неожиданно выругался.

– Когда он получил свое тело, его едва не отправили в тюрьму, – покраснев, спешно пояснила Овет.

– Я плохо разбираюсь в трудностях жизни богачей, – сухо сказала Киф.

– Возможность пересадки головы появилась сравнительно недавно, – осторожно вступил в разговор агент Арг. – Правительство разрешает продажу органов, но в продаже тела целиком видит угрозу. Органы можно заменить имплантатами, тело – нет. Поэтому пересадки разрешены лишь в случае, когда пригодное тело поступает в клинику. Понимаете? Вам придется убить себя.

– Вот как…

– Это проблема?

– Не знаю. Никогда еще не убивала себя, – хмуро пошутила Киф. Пошутила исключительно для агента – богачи все равно не поймут.

– Все должно выглядеть так, как будто это действительно самоубийство, – суетливо добавила старуха Овет.

– Моему продавцу этого так и не удалось доказать, – сказал муж.

– И как он убил себя, если не секрет? – спросила Киф.

– Застрелился.

– А если бы отказался?

– Вы читали договор?

– Мельком.

– Мы разорим вас и отправим в тюрьму на всю жизнь. Вас, ваших детей и всех ваших родственников. Понимаете? Официально мы не покупаем ваше тело. Мы просто даем вам в долг.

– Где гарантии, что вы не потребуете деньги у моей семьи, когда получите мое тело?

– Читайте внимательнее договор, – устало сказал Нерр.

– В случае вашей смерти долг списывается, – пояснила его жена-старуха, которая мечтала получить молодое тело Киф. Неидеальное, но все-таки молодое.

– Есть что-то еще? – спросила старуху Киф.

– Вам нужно будет пройти курс терапии, чтобы ваше тело стало пригодным для меня.

– И как долго?

– Дважды в месяц первые полгода, затем вам дадут таблетки, которые вы должны будете принимать еще шесть месяцев.

– Теперь понятно, почему вы даете мне год.

– Вас никто не заставляет, – снова небрежно сказал Нерр, желая смерти своей жене. А может, просто жалел тратить на нее деньги?

– Когда мы сможем заключить договор? – спросила Киф Овет.

– Можем прямо сейчас, – сказала она, и голос ее взволнованно задрожал. – Дождемся пары нотариусов и подпишем бумаги.

3

Киф покинула Верхний город поздним вечером. Арг смог подвезти ее лишь до поста наблюдателей, расположенного на границе с Нижним городом. Дальше дорогу преграждал десяток перевернутых машин. Демонстранты бросили в них пару бутылок с зажигательной смесью, и когда Арг остановился возле закрытого шлагбаума, одна из машин взорвалась. Черный столб дыма устремился в небо.

– Лучше и не суйтесь туда сегодня! – сказал Аргу наблюдатель, заглядывая в салон машины. – Здесь уж точно вам не проехать.

– А через восточный пост? – спросил Арг.

– Не знаю. Эти чертовы демонстрации пора разгонять. Ничего такого не было, пока верхние не стали бороться за права низов. Правы были те, кто говорил, что не стоит ворошить это осиное гнездо!

Пара камней, брошенных демонстрантами, просвистели рядом с головой наблюдателя. Он пригнулся и побежал в убежище пропускного пункта.

– Можем переночевать у меня, – предложил Арг.

– Думаю, я пройдусь пешком, – сказала Киф.

Она вышла из машины и начала протискиваться через ряды наблюдателей в защитной форме к заграждению.

– Подожди, я припаркую машину! – крикнул Арг.

– Боишься, что повредят тело твоих хозяев? – Киф громко рассмеялась, пролезла под шлагбаумом. – К черту Верхний город! – закричала она, надеясь, что этого хватит, чтобы толпа приняла ее за свою.

Кто-то подхватил этот клич, и он тут же окреп.

– К черту Верхний город! – скандировала толпа.

В наблюдателей полетели новые камни. Море демонстрантов ожило, подхватило Киф. Она буквально плыла в нем. Плыла к берегу, к тротуару. Где-то там, за спиной, пытался плыть по этому морю и Арг.

– Какого черта ты делаешь? – спросил он, схватив Киф за руку.

– Иду домой.

– Ты заключила договор.

– И что? Ты теперь везде будешь ходить за мной следом?

– Мне нужно присматривать за твоим телом. Если что-то не нравится, то скажи об этом Овет или Нерру.

– Я говорю об этом тебе. – Киф тщетно попыталась

высвободить руку. – Лучше отпусти! – зашипела она, а когда Арг не подчинился, закричала, что она живет в Нижнем городе. Закричала так, чтобы привлечь к себе внимание. – А он, – Киф указала на агента, – он живет в Верхнем городе. Он не один из нас! Он один из них!

Толпа загудела.

– Да отпусти же меня! – заорала Киф и толкнула Арга в грудь.

Гул толпы усилился. Она окружала Киф и агента.

– Выкиньте элиту из нашего города! – продолжала накалять атмосферу Киф, пока это раскаленное железо не зашипело, схватив в клещи Арга.

Люди подняли его на руки и понесли к шлагбауму. Он не сопротивлялся, понимая, что шансов у него нет. Толпа бросила его наблюдателям. Люди в униформе расступились. Арг упал на дорогу – это было последнее, что увидела Киф перед тем, как скрыться в подворотне.

Она вышла на соседней улице. Такси не было – только люди, не особенно понимавшие, что происходит, но чувствующие возбуждение, которым был наэлектризован воздух. Группа мальчишек, стуча палками по стенам домов, пробежала мимо Киф. Никогда прежде она не видела таких затяжных волнений в Нижнем городе. Забавным было то, что именно сейчас жители Верхнего города один за другим принимали законы, улучшающие жизнь бедняков.

Киф вышла на перекресток. Движение автобусов было остановлено. Вечер поздний. Что ж, до мастерской добраться – нечего и думать. Остается сестра в нищенском пригороде.

Многоквартирный дом. Мусорные контейнеры. Киф поднималась по скрипучей лестнице, закрепленной с внешней стороны дома. Она двигалась осторожно, пытаясь одновременно смотреть себе под ноги и на окна над головой, из которых в любой момент могли выбросить окурок или вылить помои. Киф вспомнила Верхний город, где была недавно, и подумала, что, наверное, люди, живущие в этом доме, превратят весь тот элитный блеск в такую же свалку, как и здесь. Они не могут по-другому, не умеют.

Киф постучала в старую обшарпанную дверь.

– Чего надо? – грубо спросила Рия.

– Это Киф.

– Киф? – голос сестры стал настороженным.

– На улицах бунты, я не могу ночью добираться до своей мастерской.

– А какого черта ты вообще вышла ночью на улицу?

– Может, сначала откроешь, потом поговорим?

Дверь распахнулась спустя пару минут. Не открылась, а именно распахнулась. Сонно щурясь, Рия застыла на пороге – растрепанная, старая, умирающая. Киф не знала, сколько ей осталось. Никто не знал. Радиация проникала в организмы рабочих и разъедала изнутри медленно, неспешно, словно получая удовольствие от их страданий и немощности.

– Ну входи, если пришла, – сказала Рия.

Киф и не помнила, когда в последний раз приходила сюда. Наверное, прячась от мира в своей мастерской, она была отчасти похожа на агента Арга, который выбрался в Верхний город и гордился этим достижением. Он стал другим, забыв, откуда он. Киф тоже хотела забыть: о долге перед матерью, давно отправившейся на тот свет, о долге перед старшей сестрой, которая скоро должна была отправиться следом за матерью.

– Твоя дочь умерла? – спросила Рия.

– Умерла? – Киф спешно и суеверно качнула головой. – Нет.

– Тогда почему ты здесь?

– Я была в Верхнем городе.

– Продавала свои картины?

– Нет, но я нашла деньги на лечение Армы.

– Как? – голос сестры был сухим, как пустынный ветер. Такими же были и все ее чувства. Но сейчас, наверное, так было даже лучше. К черту чувства, эмоции и все эти всплески жизни и блеск надежд в глазах!

– Я продала свое тело, – сказала Киф.

– Целиком? – сухо спросила Рия.

– Кроме головы.

– Я слышала о таком.

– И что ты думаешь?

– Пытаюсь решить, что будет с Армой после того, как тебя не станет.

– Нет гарантии, что лечение поможет. Пятьдесят на пятьдесят.

– Вот как… – Рия задумалась – губы поджаты, лицо словно вырубленная из камня маска, взгляд устремлен в пустоту, в ночь.

– У меня есть один год, – сказала Киф.

Рия кивнула. Больше они не разговаривали. Киф легла на диване – старом, жестком, пропахшем плесенью и сигаретным дымом. Снов не было. Впрочем, не было и сна. Киф просто лежала и слушала, как сопит во сне сестра, жившая так долго с мыслью о смерти, что ее ничто не могло удивить. Если бы не бунты, то Киф ушла бы отсюда, не дожидаясь утра.

Но бунты не прекратились и утром. Наоборот, беспорядки усиливались. Они уже вспыхивали не только на границе Верхнего

и Нижнего городов, но и в жилых кварталах, возле заводов и на усеянных магазинами улицах. Движение в Нижнем городе не было остановлено, но автомобильный поток полз так медленно, что проще было передвигаться пешком.

Когда ближе к полудню Киф добралась до своей художественной мастерской, у дверей ее ждал агент Арг. Дорогой костюм, который толпа разорвала на нем в прошлый вечер, был заменен на идентичный. Несколько ссадин на лице залеплены пластырем.

– А ты не сдаешься, да? – спросила Киф.

– Ты заключила договор, – безразлично пожал он плечами, – и мне платят за то, чтобы все условия были выполнены.

Арг выудил из кармана направление в частную клинику Верхнего города.

– Тебе нужно пройти терапию, – сказал он с монотонностью машины. – И не вздумай выкинуть еще одну шутку. Мои хозяева купили твое тело, но не твое лицо. Поняла?

4

Киф не знала, что именно врачи частной клиники вводят в ее тело через капельницы и внутривенные инъекции, но от этого у нее кружилась голова и мучили постоянные приступы рвоты. Доктор, проводивший лечение, обещал, что вскоре это пройдет и в следующий раз будет легче.

– Скажите, а наблюдатели знают о том, чем вы здесь занимаетесь? – спросила Киф в день, когда первая терапия была закончена.

Доктор не ответил. Лишь выдержал взгляд Киф и сказал, что ее ждут. В фойе стоял агент Арг.

– Ничего не говори. Я знаю, как ты чувствуешь себя после терапии. Видел прежде, – неожиданно примирительно сказал он.

– Видел, когда Нерр покупал свое тело? – спросила Киф, забираясь в его машину. Агент кивнул. – И кем он был? – решилась Киф, потому что вопрос буквально грыз ее изнутри. – Тот парень.

– Это неважно.

– Ты тоже преследовал его, как преследуешь сейчас меня?

Агент промолчал. Они выехали на дорогу.

– Арг! – потеряла терпение Киф.

– Он был моим братом, – тихо сказал агент.

– Он кем был? – переспросила она, решив, что ослышалась.

– Моим братом, – голос агента напомнил Киф голос старшей сестры: сухая, выжженная солнцем пустыня.

– Но…

– Мы с ним почти не общались. Жили в разных участках Нижнего города. Все, что я знал, – он планировал уехать на юг, надеялся, что там жизнь наладится… Потом врачи сказали, что у него опухоль мозга. Он собрал вещи и уехал из Нижнего города. Я не знал, куда он собрался, да и не было у меня желания знать – нашему отцу нужно было лечение, я продал почку и готов был продать глаза, когда младший брат отказался помочь. Думаю, он продал свое тело и перечислил полученные деньги на мой счет потому, что чувствовал за собой вину за тот поступок.

– Ваш отец выжил? – спросила Киф.

Агент покачал головой.

– Только не думай, что с твоей дочерью будет так же, – тут же добавил Арг. – Моему отцу просто не хватило денег. Если бы брат заболел чуть раньше, то старик был бы жив, а так…

Агент замолчал, и Киф решила, что сейчас молчание будет лучше всего. Они неспешно катили по широким авеню Верхнего

города, которые казались тихими и спокойными, как и прежде, лишь заметно увеличилось число постов наблюдателей да их патрульных машин. Районы были незнакомы Киф, но она никогда и не знала Верхний город, поэтому просто ждала, когда Арг привезет ее в мастерскую. Ждала почти час, пока не поняла, что они едут куда угодно, только не в Нижний город.

– Я везу тебя в отель, – сказал агент, заметив ее беспокойство. – Отель в Верхнем городе.

– Я хочу домой. Мне нужно проверить мастерскую, навестить дочь…

– Нерр и Овет перевели Арму в клинику Верхнего города. Ты сможешь навестить ее завтра. И не злись. Нижний город сейчас слишком ненадежен.

– Бунты? – осторожно спросила Киф.

– Никогда еще не видел ничего подобного.

– И насколько все плохо?

Киф не помнила те дни, когда правящая элита приняла решение ввести в Нижний город войска наблюдателей, но слухи о том, что это возможно, пугали ее.

– Такого еще не было прежде, – сказал Арг.

– Революция?

– Кто-то говорит и так.

– Но здесь все кажется спокойным. Я говорю о Верхнем городе.

– Здесь всегда спокойно.

Остаток дороги они молчали. Лишь возле отеля Киф спросила агента о своей художественной мастерской.

– Сомневаюсь, что она уцелела, – сказал он. – Если хочешь, то можно поговорить с Овет. Она оплатит аренду здания здесь, но мне кажется…

– Что тебе кажется, Арг?

– Мне кажется, что когда у тебя остается год, работа – это последнее, о чем стоит думать.

Киф не ответила. Номер, который сняли хозяева ее тела, был дорогим и просторным. За все было заплачено, включая бар с напитками. Киф долго смотрела на бутылки, затем сделала себе выпить. Алкоголь успокоил и помог забыться, пока пройденная терапия не вытолкнула из желудка выпитое. Киф вырвало прямо на дорогой ковер. Врачи обещали, что это скоро пройдет, но ей верилось с трудом. Нет. Последний год жизни не будет сахаром.

Киф легла на кровать. Воздух был свеж и чист. Воздух, за который отвечали десятки дорогих фильтров. Киф заснула, очнулась ночью и долго прислушивалась, словно бунты уже добрались и сюда. Но нет. Ночь была тихой, спокойной, мирной.

Киф снова попыталась заснуть, но так и не смогла.

Дождаться утра. Увидеть Арму. Увидеть дочь.

– Это очень хорошая больница, – сказал по дороге Арг.

Арма лежала в кровати, и подключенная к ней аппаратура пугала Киф не меньше, чем прежде мысли о том, что девочка умрет. Врач, которого привел Арг, долго и расплывчато говорил о хороших шансах Армы на выздоровление, словно специально распыляясь сложными терминами и деталями.

– Я разбираюсь в живописи, а не в медицине, – оборвала его Киф.

Врач уставился на нее словно на невежественного варвара. «Что брать с человека из Нижнего города», – говорил его взгляд в первые дни. После он привык и начал испытывать к ней симпатию – так, по крайней мере, казалось Киф, хотя встретиться вечером или поужинать он не предлагал.

– Наверное, просто привык, смирился, – сказал Арг, повсюду следовавший за Киф.

Она хотела возразить, но не могла, словно, поселившись в Верхнем городе, утратила часть своей непокорности, несгибаемости. Или виной всему была терапия? Иногда Киф начинало казаться, что эти процедуры меняют не только ее тело, но и ее разум.

После второй недели терапии Киф похудела так сильно, что врачи предпочли оставить ее в больнице еще на пару дней. Препараты вернули свежесть телу, но не мыслям. Киф помнила, как в юности попробовала однажды «Импульс» – наркотик, популярный на Четвертой планете. Планете контрабандистов и пиратов. Ощущение было, что весь мир лежит у ее ног. Время замерло, остановилось, но после больше недели у нее было чувство, что в мозгах звенит пустота.

– Они точно ничего не добавляют в лекарства? – спросила она Арга.

– Может быть, немного успокоительного… Не больше.

– Не больше…

Киф не знала, то ли привыкла к агенту, то ли начала тихо ненавидеть его. С одной стороны были хозяева, которым служил Арг, с другой – история о его брате, подкупавшая, вызывавшая симпатию.

5

Бунты перекинулись на Верхний город спустя две недели после того, как Арма пришла в сознание. Киф смотрела на дочь и боялась улыбаться, не привыкла улыбаться, показывать свою радость, чтобы потом не нужно было впустую лить слезы. К тому же еще никто не говорил, что с Армой все будет в порядке. Это могло оказаться временным улучшением. Плюс еще эта революция. Клиника, где лечили Арму, находилась почти в центре Верхнего города, но границы города сжимались. Весь мир сжимался. По крайней мере, Сателлит-Один.

Киф слышала, что на соседних спутниках обсуждают то, что происходит здесь, слышала, что с Сателлита-Четыре направлены несколько кораблей с военными, чтобы урегулировать ситуацию, но за кого будет воевать новая сила, никто не знал. Несколько раз Арг заговаривал о том, что, возможно, скоро придется перебраться на юг, куда еще не успели распространиться беспорядки. Сначала он просто намекал, затем говорил об этом как о неизбежном.

– Я никуда не поеду, – говорила ему Киф. Говорила, даже когда сжимавшееся кольцо границ города превратилось в петлю на шее приговоренного к смерти. Говорила до тех пор, пока ее слова перестали что-то значить – Арг просто усадил ее в машину и повез за город.

– Бунт не затронет больницы, – сказал агент. – По крайней мере, не пациентов и врачей.

– Мне нужно сказать сестре.

– Я уже сказал. Она приедет сразу, как только сможет.

– Вот как? – Киф недоверчиво заглянула Аргу в глаза.

Он выдержал ее взгляд.

– Как, черт возьми, ты смог выбраться за кольцо? – спросила она.

– Я из Нижнего города. Ты забыла?

– Как Рия проберется сквозь кольцо?

– Никак.

– Но…

– Этому городу остались считаные дни. Потом никакого кольца не будет.

Они долго ехали на юг, потом свернули к космопорту. Элита Внешнего города бежала со спутника, где полыхала революция. Полыхала в прямом смысле этого слова, потому что они изобразили этот огонь на своем флаге. Но революция не пугала Киф. Она была одной из этих людей, которые от демонстраций

перешли к погромам и убийствам.

– Какого черта мы приехали сюда? – спросила Киф, хотя ответ у нее уже был.

Шаттл с эмблемой Сателлита-Восемь ждал на взлетной полосе. Сотни холеных аристократов, утратив прежний лоск, толпились возле трапа. Киф тщетно пыталась отыскать среди этих лиц Нерра и Овет.

– Они летят другим рейсом, – сказал Арг и протянул ей фальшивое свидетельство, где говорилось, что она его жена.

– Это еще что? – спросила Киф.

– Иначе ты не сможешь улететь с этой планеты.

– А я и не хочу улетать.

– Ты заключила договор.

– Плевать мне на этот договор.

– Может быть, но Овет сделала так, что улететь отсюда я смогу только с тобой.

– Зачем улетать?

– Ради брата.

– Твой брат мертв.

– Он продал свое тело ради того, чтобы я жил в Верхнем городе.

– Я думаю, ты просто боишься.

– Просто сделай то, что должна.

– Нет. Улетай один.

Они спорили больше часа. Вернее, спорила только Киф. Для себя Арг все решил уже давно.

– У тебя хотя бы был брат, о котором ты мне рассказывал? – спросила Киф, когда он пригрозил, что отправится в клинику, где лежала Арма, и навредит ей, если Киф откажется лететь с ним. И это не были пустые угрозы.

Киф не пыталась заглянуть ему в глаза, чтобы проверить искренность его слов. Он сделает это – она не сомневалась.

– Дай мне шанс попрощаться с Армой, – попросила Киф.

Она не надеялась, что по дороге случится что-то непредвиденное и ей удастся сбежать от Арга. Нет. Наблюдатели еще патрулировали юг и часть Верхнего города. Да и не думала Киф об этом. Ведь если она сбежит, то Арг действительно проникнет в клинику и причинит ее дочери вред.

– Я просто хочу в последний раз посмотреть на нее, – сказала Киф, увидела, как агент покачал головой, и тихо выругалась.

6

Небольшой шаттл был переполнен желающими покинуть Сателлит-Один. Элита бежала, как крысы бегут с тонущего корабля. Неважно куда, лишь бы подальше от этого ненавистного знамени с золотистым изображением яркого пламени в центре. Бежала и Киф. Правда, не от революции. Бежала от обещания Арга причинить вред ее ребенку.

– Не нужно ненавидеть меня, – сказал агент, когда шаттл оторвался от земли. – Это просто бизнес.

Киф не ответила. Ей вообще не хотелось разговаривать. Она подписала договор и должна была следовать его условиям. Да. Теперь она даже не человек – лишь тело, которое скоро будет принадлежать другому.

– Поклянись, что моя сестра знает о том, где Арма, – сказала агенту Киф.

– Все будет хорошо, – уклончиво сказал он.

– Мог хотя бы соврать, – проворчала Киф.

Шаттл вышел на орбиту, сделал пару кругов и устремился прочь. Охваченный революцией спутник остался в прошлом. Они летели на Сателлит-Восемь – естественный спутник объятой океаном планеты. Арг достал пару брошюр о Сателлите-Восемь и протянул одну Киф.

– Почитай. Так время идет быстрее, – сказал он, словно снова пытался убедить ее в своей дружбе.

«Как бы не так», – подумала Киф, однако от брошюры не отказалась. Спутник-курорт ждал их, звал, пускал слюни, предвкушая получить деньги бегущей из родных городов богатой элиты, о сокровищах которой в системе Океаник ходили легенды. Киф слышала, как люди на соседних креслах строят планы, что, когда революция угаснет, они вернутся. Слышала их тонкие намеки на оставленные сокровища. Все это было забавно, особенно если учитывать, что на спутник для помощи восставшим рабочим прибыли корабли с Сателлита-Четыре.

Наемникам и бандитам было все равно, за кого воевать. Они как падальщики слетались туда, где можно было поживиться. Остальное для них не имело значения. Они убивали и умирали за деньги и сокровища. В космосе, на планетах, станциях. Когда на центральной планете «Исследовательское сообщество сателлитов» пыталось построить научную станцию, солдаты удачи с Четвертого Сателлита первыми устремились на место строительства, срывая нескончаемыми набегами запланированные сроки. Они нападали на торговые корабли,

высаживались на сателлитах для грабежа, выполняли заказные убийства…

Все это Киф знала из курса истории, пройденного еще в школе. Одного она не могла понять – почему Сателлит-Четыре еще не закрыли, не изолировали, не превратили в тюрьму? Неужели все эти контрабандисты и пираты в действительности обладали силой, способной противостоять организованной системе сателлитов? Хотя, если судить по тому, что творилось на родной планете, Киф была склонна думать, что ни одна система не сравнится с силой стихии. Это как снежный ком – если позволил ему набрать скорость, не стой на пути.

Киф позвала стюардессу и попросила принести выпить.

– Не думаю, что стоит совмещать алкоголь с терапией, – сказал Арг.

– А мне плевать, – сказала Киф.

Агент смерил ее гневным взглядом, но затем неожиданно заказал выпивку и себе. Разговор не вязался, да и не было желания. Даже когда алкоголь согрел желудки и принес в головы легкость. Что-то шло за ними следом, давило на плечи. Да и не о чем им было разговаривать.

– Детей у тебя, конечно, тоже нет? – спросила небрежно Киф после третьего стакана.

– Нет, – сказал Арг. – По крайней мере, я не знаю о них.

– Отец Армы тоже не знает о ней.

– Понятно.

– Врачи сказали, что он был с Четвертого Сателлита. Там у каждого второго генетические отклонения.

– Угу.

– Поэтому Арма и заболела. – Киф смерила агента нетрезвым, но от того не менее внимательным взглядом. – Но тебе, конечно, плевать.

– Мне не плевать, просто…

– Просто это не твое дело?

– Как-то так.

Они снова замолчали. Выпили, попытались заснуть, снова заказали выпить.

– Почему ты продолжаешь служить Овет и Нерру? – спросила Киф. – Они были элитой. Я понимаю. Тогда это имело смысл, но ведь теперь элиты больше нет. Наш дом горит, и я сомневаюсь, что они когда-нибудь вернутся туда.

– Они устроятся в другом месте.

– Ты тоже можешь устроиться в другом месте. Неужели тебе не хочется стать свободным?

– Не надейся, я не отпущу тебя.

И снова молчание. Лишь гудят системы шаттла да тихо перешептывается элита на соседних местах, теша себя мечтами о лучшей жизни.

Киф отвернулась от агента и долго смотрела на бесконечную ночь за стеклом иллюминатора, где виднелась далекая, покрытая океаном планета. Киф слышала, как за ее спиной, на соседних местах, отец рассказывал сыну миф о том, что когда-то давно на этой планете была суша и расцветала жизнь. Люди развивались, совершенствовали науку, в конечном счете погубившую планету. Людям пришлось переселиться на спутники, многие из которых были созданы искусственно.

– Почему они не сделали себе новую планету? – спросил мальчик.

– Наверное, не хотели больше жить вместе, – сказал отец.

– Как Нижний город на нашем сателлите не захотел жить с Верхним?

– Возможно.

Киф закрыла глаза, пытаясь представить, что на планете-океане действительно когда-то была жизнь. Воображение художника вспыхнуло и погасло, потому что кроме картин апокалипсиса ничего не шло в голову. И еще люди с отрубленными головами, тела которых продолжали жить. Но это уже была не часть мифа. Это была жизнь. Если бы сейчас Киф заставили нарисовать картину, она бы нарисовал свое тело с головой старухи. Конечно, у старухи было бы лицо Овет. Она шла бы по залитой солнцем улице и держала за руку Арму, которая бы несла под мышкой голову своей матери. Киф не знала, почему думает об этом, но это было лучше, чем вытягивать из Арга признания в его рабстве и ограниченности.

7

На вторые сутки полета Киф увидела в иллюминатор еще один шаттл, зависший возле правого борта. Флагов на шаттле не было. Люди зашептались, оживились.

– Папа, это что, пираты? – спросил мальчик позади Киф.

Отец не ответил ему.

– Это что, правда пираты? – спросила Киф Арга.

– Сиди тихо, и ничего не случится. У нас все равно нечего брать, – посоветовал он, но пираты забирали не только драгоценности.

Сателлит-Один трещал по швам. Новая власть спутника устраивала публичные казни не успевших сбежать представителей элиты, преследовала их. Никто не станет искать сотню миллионеров. Если превратить их в рабов, то новая власть только скажет спасибо. Им придется по душе идея, что бывшие хозяева стали слугами. Может быть, они пожелают купить некоторых – все зависит от того, чем закончится революция.

Капитана пиратского шаттла звали Джюн, и он решил, что кроме рабов и драгоценностей заберет и пассажирский корабль. Капитан гражданского шаттла пытался возражать, даже когда на борт поднялся капитан Джюн и его люди. Киф слышала гневные крики капитана их шаттла, потом видела, как его бездыханное тело вынесли в грузовой отсек и выбросили в открытый космос.

– Кто-нибудь хочет присоединиться к нему? – спросил капитан Джюн.

Желающих не нашлось. Некоторые пытались прятать драгоценности, не понимая, что это бесполезно – шаттл доставят на базу и разберут, а их отправят на рынок как товар.

– А вы совсем не похожи на пирата, – сказал сидевший позади Киф мальчик, когда капитан Джюн проходил мимо него. – Все пираты страшные, без глаза и без ноги, а вы… Вы… Вы похожи на человека.

– Я не человек, – сказал капитан Джюн. – Я лишь похож на человека, но не человек.

– Как это? – спросил мальчишка.

– Ты когда-нибудь слышал о Сателлите-Шесть?

– Это где живут только роботы?

– Да. И я оттуда.

Все пассажиры молчали, боясь, что капитан не оставит мальчишку в покое, но капитан просто ушел.

– Он что, правда робот? – спросил мальчишка своего отца.

– Не знаю, я никогда не видел роботов с Сателлита-Шесть, –

сказал отец и тут же отчитал сына за излишнее любопытство.

– Но роботы в книжках совсем другие! – заныл мальчишка.

Шаттл вздрогнул и неожиданно резво рванул вперед, затем, не снижая скорости, развернулся. Чемоданы полетели с расположенных над пассажирами полок. Зазвенели стекла, драгоценности. Россыпь крошечных камней вспыхнула на полу состоянием. Хозяин, пожилой мужчина, вскрикнул, словно ему воткнули нож в спину, и, упав на колени, начал собирать свои сокровища. Один из чемоданов разбил неимоверно толстой женщине лоб, и она громко охала, промокая рану носовым платком.

– Папа! Смотри! Смотри! – закричал мальчишка позади Киф, указывая на труп капитана, который можно было видеть в иллюминатор.

Пассажиры охнули, словно только сейчас поняли, что их капитан действительно мертв. Шаттл снова тряхнуло. То ли оставленный капитаном Джюном пилот был неопытен, то ли ему просто нравились все эти виражи и ускорения. До полного счастья оставалось лишь отключить искусственную гравитацию, что, впрочем, пилот вскоре и сделал, надеясь сэкономить энергию в батареях, которые после разборки шаттла можно будет еще продать. Алкоголь и напитки для детей покинули стаканы и начали парить в невесомости. Толстая женщина, которой упавший чемодан разбил голову, не успела пристегнуться ремнем и теперь, кувыркаясь в воздухе, словно клоун, забывший нанести на лицо забавную раскраску, пыталась вернуться в свое кресло.

– Не говори, что я не предлагала остаться, – заворчала на Арга Киф.

Шокированные пассажиры медленно приходили в себя. Будущие рабы. Они перешептывались об этом сначала робко, затем начали повышать голос. Возмущение нарастало, как чуть раньше разгоралось пламя революции на их спутнике. Появились лидеры. Они строили планы, которые включали в себя как переговоры, так и попытку силой вернуть власть над кораблем.

– Но если нам удастся захватить шаттл, кто будет управлять им? – подал голос Арг, когда активисты начали подсчет допустимых потерь. – Нужно ждать.

– А ты, я смотрю, и здесь уже готов служить, – зашипела на него Киф.

8

Торговля людьми не была для пиратов новинкой. Об этом говорили клетки, в которые посадили пленников, как только их шаттл приземлился на Сателлите-Четыре. Клетки установили на грузовые машины и спешно увезли с территории космопорта. Загородные дороги были ухабистыми и разбитыми. Вдоль дорог колосились заброшенные поля. Киф слышала, как кто-то из образованной элиты тихо переговаривался, обсуждая историю этого Сателлита.

– Они либо грабят нас, либо ведут гражданские войны на своей земле, – говорили они.

Киф не хотела слушать, не хотела думать. Она закрыла глаза. Машина ехала слишком быстро для разбитой дороги, то и дело подпрыгивая на ухабах. О сне можно было и не думать. И еще эта клетка! Клетка раздражала Киф больше всего. Клетка, в которой должны были перевозить животных, но не людей. И мысль об этом рождала у Киф дикую фантазию несуществующей картины о том, как в клетках перевозят людей со звериными головами. А за рулем машины сидит капитан Джюн – робот с глазами-камерами, хотя в действительности он был обыкновенным человеком, желавшим просто напугать любопытного мальчишку. Да и не было его сейчас здесь – лишь щуплый водитель с густыми черными волосами, в центре которых красовался свежий шрам. И больше никого – пираты считали, что клеток для пленных достаточно. Куда им бежать? Вокруг грязь дорог и поля.

Они ехали до поздней ночи, но им не встретилось ни городов, ни поселений. Были только случайные прохожие, да пару раз встречались грузовики с крытым кузовом. Дорога петляла целую вечность, и уже начинало казаться, что это какой-то кошмарный сон, когда грузовик с рабами наконец-то добрался до города. Ворота были открыты, но возле них толпилась вооруженная охрана. Строя и порядка не было. Грузовик притормозил, водитель перекинулся с охранниками парой шуток. Рабов отвезли по узким улочкам, окруженным каменными домами с открытыми окнами, на центральный рынок. Кран под управлением пьяного крестьянина сгрузил клетку, дважды едва не разбив ее о стены. На площади было тихо, но где-то далеко время от времени раздавались выстрелы. Было тепло, но иногда на площадь, прокрадываясь по узким улочкам, проникал холодный ветер.

– Папа, мне холодно, – сказал мальчик, которого в шаттле напугал капитан Джюн.

Его отец снял куртку и укрыл сына. Мальчик прижался к нему, закрыл глаза. Киф смотрела, как ребенок засыпает. Вздрагивает, тревожно открывает глаза, оглядывается, но сон уже в его голове. Сон, о котором сейчас можно только мечтать.

Киф не сомкнула глаз до утра. Сидела и смотрела, как спит мальчик по имени Биз, не обращая внимания, что встает солнце и теплые лучи играют на его лице. Спит и агент Арг. Спит, словно ничего не случилось. Киф подумала, что ему, наверно, действительно все равно кому служить. О себе она не думала. Реальность превратилась в сон. Даже когда пришли перекупщики и начали переписывать свой товар – элиту, бежавшую с Сателлита-Один в лучшую жизнь. Когда очередь дошла до Киф, она хмуро сказала, что жила в Нижнем городе и не имеет к элите никакого отношения.

– Мне неважно, где вы жили, мне нужно знать, чем вы занимались, – так же хмуро сказал нестарый, но уже беззубый торговец.

– Она была художником, – подал голос Арг.

Торговец нахмурился, смерил агента оценивающим взглядом, затем снова уставился на Киф.

– То, что он сказал, правда? – спросил он, и, когда Киф кивнула, сказал, что это хорошо. – Очень хорошо. – А затем повернулся к Аргу. – А чем занимался ты?

– Он продавал тела бедняков богачам, – ехидно ответила за агента Киф.

– Значит, продавец? – беззубый торговец улыбнулся, думал о чем-то какое-то время, затем неожиданно протянул Аргу бутылку с водой.

Арг кивнул. Торговец кивнул в ответ и продолжил свой опрос.

Обнесенный высокой стеной город просыпался. На центральную площадь тянулись местные жители. Они не собирались принимать участие в послеобеденных торгах, но посмотреть, как это происходит, хотели. В основном это были старики и дети. Охраны по-прежнему почти не было. Киф сидела, прижавшись спиной к решетке, и смотрела, как в центре площади собирают из щитов не то сцену, не то эшафот – она так и не поняла. Опрашивавший их торговец снова подошел к клетке и велел всем привести себя в порядок.

– Товар должен выглядеть достойно, – сказал он, но никто не обратил на него внимания.

Торговец не то рассердился, не то обиделся, потоптался на месте, разглядывая свой товар, и подозвал к себе Арга.

– Хочешь привилегий? – спросил он и, когда Арг кивнул,

велел ему позаботиться о том, чтобы рабы хорошо выглядели перед торгами.

– Сделаю все, что смогу, – пообещал агент.

Торговец кивнул. Арг кивнул в ответ.

– Ну, вы слышали, что от вас требуется, – сказал он, когда его покровитель ушел.

– Ты всего лишь чернь, – пренебрежительно сказал высокий мужчина с длинными соломенными волосами. – Такая же чернь, как и она, – он указал на Киф. – Не думай, что мы станем подчиняться тебе. Мы – элита, а ты – никто.

Он шагнул к Аргу, не то собираясь подавить его своим гневным взглядом, не то действительно готовый вступить в схватку. Так, по крайней мере, казалось в первые мгновения, пока кулак Арга не врезался, описав дугу, в ребра блондина. Мужчина пошатнулся и осел, жадно хватая ртом воздух.

– Кто-нибудь еще думает как он? – спросил Арг.

Новых смельчаков не нашлось. Бывшая элита засуетилась, неловко пытаясь привести себя в порядок. Несколько женщин попробовали докричаться до охранника, отделявшего клетку с рабами от собравшейся любопытной толпы, и попросить у него воды, чтобы умыться. Охранник обернулся, долго смотрел на них, но так ничего и не сказал.

– Тебя это тоже касается, – сказал агент Киф.

– Лучше, чем есть, я уже не стану, – сказала она.

– Тогда просто притворись, что прихорашиваешься, – он забрал у ближайшей женщины расческу и протянул Киф.

Киф не стала спорить. Устала спорить. Она расчесала волосы и вернула расческу хозяйке.

– Оставь себе, – скривилась женщина. – Я не стану расчесывать свои волосы после тебя, – даже в клетке она продолжала выполнять полученную с детства установку пренебрежения.

Киф снова не стала спорить. Их определенно не убьют. А рабство не так уж и плохо, особенно если учитывать, что через несколько месяцев она должна была отдать какой-то богатой старухе свое тело. Поэтому страха не было. Может быть, лишь немного унижения, особенно когда начались торги.

Рабов выводили на сооруженный наспех помост и показывали собравшейся толпе. Женщины из элиты упрямились, кудахтали, словно потревоженный курятник. Беззубый торговец по имени Бархт подозвал бывшего агента по имени Арг и велел организовать рабов. Они разговаривали почти четверть часа.

– Бархт говорит, что всех, кого не продадут сегодня иностранцам, отправят либо работать на поля, либо в публичные

дома, – сказал, вернувшись, Арг.

Возмущенные женщины притихли.

– Отправиться на поля не так уж и плохо, – осторожно сказал невысокий мужчина средних лет.

– Говори за себя, – одернул его отец мальчишки, которого напугал капитан Джюн. – Мой сын не сможет работать в поле.

– Я лучше буду работать в поле, чем стану рабом! – неожиданно серьезно заявил мальчик.

– Не говори ерунды, Биз!

– Лучше поле, чем кандалы! – заупрямился сын.

– И ты готов работать с утра до ночи не покладая рук? – спросил Арг, неожиданно проявив дипломатичность. – Тебе придется работать, пока у тебя будут силы, пока на твоих ладонях будет кожа и мясо, чтобы держать соху. Пока мухи, которых там будет множество, не занесут в твои раны инфекцию. А после, когда ты умрешь, тебя превратят в удобрение. Ты этого хочешь?

– Я молодой и сильный, – сказал Биз, но его уверенность отправиться на поля пошатнулась.

– А твой отец? Он не выглядит крепким. Ты предпочтешь увидеть его удобрением или в кандалах? – Арг смотрел мальчику в глаза до тех пор, пока тот не отвернулся.

Отец Биза мерил бывшего агента гневным взглядом, но возражать не решался, тем более что агент в действительности лишь помогал ему убедить сына, что им нельзя отправляться на поля.

– Поймите, то, что с нами случилось, не самое худшее из того, что может случиться, – сказал Арг, обращаясь на этот раз ко всем.

Никто не ответил, не возразил, но и упрямиться, когда нужно было выходить на помост, никто не стал. Молча склонив головы, элита поднималась по ступеням и тихо говорила о своих навыках и образовании. Торги продолжались недолго. Толпа вспыхивала в каком-то понятном лишь ей одной возбуждении, слыша, как торговцы выкрикивают суммы за рабов, а затем стихала, когда торговец по имени Бархт сообщал, что товар продан.

Киф отправили на помост сразу после того, как были проданы мальчик по имени Биз и его отец. Их продали вместе, парой, и Киф думала, что это, в общем, оказалось не так уж и плохо. Она не видела их покупателя – толпа была густой, и отличить зевак от покупателей не представлялось возможным. Хотя своего покупателя она смогла рассмотреть. Высокий, бледный, с лицом, словно вырубленным из камня. Он стоял в первых рядах и холодно наблюдал за происходящим до тех пор, пока не услышал, что на продаже появился раб-художник.

Оживления не было. Он просто делал ставку, ждал, пока кто-то из других торговцев не побьет ее, и делал новую. И так до тех пор, пока Бархт не закричал:

– Продано!

Но у своего нового хозяина Киф не заметила и тени радости – все то же безразличное лицо-маска.

9

Ожидание. Киф отвели в большой дом, где держали проданных рабов. На окнах первого и второго этажей были решетки. На выходе стоял охранник, но в остальном никаких ограничений. Имелся даже бар, где можно было заказать выпить, а с кухни доносились запахи приготовляемой еды.

– Говорят, тебя купил Мронл? – спросила Киф невысокая девушка с неестественно длинными волосами, которые едва не доставали до пола.

– Это плохо? – насторожилась Киф, тут же забыв о вспыхнувшем аппетите.

– Плохо? Да ты что! – девушка неожиданно рассмеялась. – Многие только и мечтают об этом!

– Значит, неплохо, – подумала вслух Киф.

– Меня зовут Латси, – представилась девушка с неестественно длинными волосами.

Киф назвала ей свое имя.

– Так и в чем твой секрет? – спросила Латси, пытливо заглядывая ей в глаза.

– Какой секрет? – растерялась Киф.

– Почему тебя выбрал Мронл?

– Нет секрета.

– Да ладно тебе! Этот робот не выбирает девушек за красивые глаза или пышную грудь… Тем более что у тебя ничего из этого нет…

– Мронл робот?

– Он с Сателлита-Шесть. Ты разве не знала?

– Нет.

– Говорят, после революции они ищут себе талантливых людей, чтобы они научили их тому, что умеют другие люди. – Латси подошла ближе, заглядывая Киф в глаза. – Так в чем твой секрет? Что ты умеешь? Танцы? Пение?

– Я художник.

– Художник? – Латси задумалась на мгновение, затем просияла. – Я же говорила, что Мронл очень странный!

– Ты считаешь, что художником может стать любой? – спросила Киф, пытаясь скрыть обиду.

– Конечно, не любой, но… – Латси дружелюбно улыбнулась. – Но здесь можно найти людей намного интересней, чем просто художники. Если, конечно, ты не умеешь рисовать силой мысли или еще что… Ведь не умеешь?

– Нет.

– Вот видишь. Ты самая обыкновенная. Почти обыкновенная.

– Ты тоже обыкновенная, – сказала Киф и тут же нахмурилась, услышав задорный смех Латси. – Или я ошибаюсь? Что ты умеешь?

– Что я умею? – Латси продолжала задорно смеяться. – Вопрос не в том, что я умею, а в том, какой меня сделали.

– Сделали? Ты что, робот?

Смех Латси зазвенел громче.

– Я генетически созданный ребенок, – сказал она. – Слышала когда-нибудь о таких?

– Только сказки.

– Большинство из них – правда. – Латси заговорщически понизила голос, указывая глазами на девушку у барной стойки. – Говорят, Тайди умеет читать мысли.

Словно действительно обладая подобной сверхспособностью, девушка по имени Тайди обернулась и наградила Киф и Латси оценивающим взглядом.

– Жуть, – сказала Латси. – У меня мурашки по коже от нее.

Она показала еще несколько девушек со сверхспособностями. Особенно много Тайди говорила о высокой девушке по имени Гхан. Причем вначале Киф показалось, что главной сверхспособностью Гхан была ее связь с капитаном Джюном. Киф неловко пошутила по этому поводу.

– Я разве забыла сказать о ее способности? – серьезно спросила Латси.

– Ты сказала лишь о ее связи с пиратом.

– Гхан – импульс.

– Импульс, в смысле, это как наркотик «Импульс-12»?

– Да. Она может замедлять время. В смысле, свое время. Пробовала когда-нибудь сама «Импульс»?

– Отец моей дочери пробовал. Думаю, он был с вашего сателлита.

– О!

– Не вижу ничего радостного в этом. Он был болен, и это передалось моему ребенку. Арма умирала, и мне пришлось продать свое тело, чтобы оплатить ее лечение.

– О!

– Если бы не революция, то на этих плечах сейчас была бы другая голова. Понимаешь?

– Замечательная история, – сказала Латси. – Выходит, что здесь тебе будет лучше, чем там, где ты жила прежде.

– Моя дочь осталась там.

– Но ведь она жива.

– Думаю, да.

– Вот видишь. У всех нас есть свое светлое прошлое. – Латси неожиданно помрачнела и предложила пообедать.

Киф не возражала.

– Ну, и как давно ты влюблена в капитана Джюна? – спросила она новую подругу, когда им принесли жареное мясо рептилии и бутылку неестественно густого вина.

– Как ты догадалась?

– У тебя глаза блестят, когда ты говоришь о нем, к тому же ты не любишь Гхан.

– Не думала, что это заметно.

– Так что за история?

– Просто история.

– Тогда расскажи, откуда ты.

– С Сателлита-Девять.

– Так это там проводят генетические эксперименты?

– Проводили. Программу закрыли.

– И какая у тебя сверхспособность?

– Я – бомба.

– Бомба?

– Мы были детьми третьей волны. Правительственные агенты перемещались от города к городу и предлагали молодым девушкам за вознаграждение принять участие в эксперименте. Им платили за то, что они будут вынашивать генетически совершенных детей. Так говорили агенты. Большинство девушек соглашались, потому что им нужны были деньги. Моя мать согласилась, потому что влюбилась в одного из агентов. У нее родилась двойня. Не думаю, что она когда-то любила меня или мою сестру. Особенно после того, как проект закрыли, а ее возлюбленный, агент этой службы, сбежал от нас. Мать называла его нашим отцом. И мы с сестрой ненавидели его так же, как его ненавидела наша мать. В школе у нас была склонность к иностранным языкам и политике. Дети третьей волны должны были вырасти и занять высокие посты. Генетики учли просчеты. Первая волна принесла в основном одних писателей и шарлатанов, которые гадали по руке и предсказывали будущее. Говорят, они могли за пару минут рассмотреть тысячи вариантов того, что может случиться. В действительности они не предвидели будущее, как это планировалось. Они могли лишь придумать его, увидеть каждый поворот из множества возможных. Так что вместо чревовещателей страну заполонили писатели. Литература пережила небывалый всплеск. Вторая волна стала промежуточной ступенью, а ее результатом – появление таких, как я и моя сестра. Мы должны были стать идеальными убийцами. Крошечные бомбы в человеческих телах. Почти все из

третьей волны добились успехов на политической арене. Неугодные правительству люди убирались тихо, и никто не знал, что послужило причиной тех взрывов. Моя сестра подобралась к этому достаточно близко. Она не знала о том, что мы с ней одни из этих уродцев. Нет. Она лишь расследовала незаконные эксперименты. Были и другие проекты. После них появились такие, как Гхан и подобные ей. Позже я знала парня, который мог работать в радиационных шахтах, куда невозможно было войти даже в защитном костюме. Одна девушка могла дышать под водой. Другие читали мысли, обладали телекинезом. Многие из них погибли в лабораториях, другие бежали на такие сателлиты, как этот.

– Ты тоже бежала?

– Мне помогли. Если бы я не сбежала, то погибла бы, как и моя сестра.

– Так твоя сестра погибла?

– Взорвалась в лаборатории отца. Вернее, не отца, а человека, которого любила когда-то давно наша мать. Знаешь, сначала она узнала ключ к своей активации, затем нашла того агента, что соблазнил нашу мать. Не знаю, что там случилось, но думаю, Джюн не врал, сказав, что сестра взорвала себя, уничтожив и того агента, и лабораторию.

– Джюн? Капитан Джюн.

– Он не был тогда капитаном, – Латси улыбнулась не то грустно, не то с теплом, навеянным воспоминаниями. – На нашем сателлите их называли силовиками. У вас их, кажется, называют наблюдателями.

– Так капитан Джюн с Сателлита-Девять? – растерялась Киф.

– А ты думала, что он местный?

– Ну да. Он такой… Такой… Он так сильно похож на пирата!

– Он был таким не всегда. Не знаю насчет пирата – говорят, что это у людей в крови, но когда я встретила его, он не грабил шаттлы торговцев. Он и Гхан пытались спасти таких, как я.

– Так это он привез тебя сюда?

– И не только меня.

– А Гхан?

– До встречи с Гхан он был другим.

– Ты говорила, что она может вырабатывать «Импульс-12»?

– Джюн не был наркоманом, если ты об этом. Ему, как и другим ударным силовикам, выдавали ряд препаратов, повышавших силу и ускорявших восстановление от полученных ранений. Знаешь, он не просто ходил по городам и наводил порядок. Он был в группе, которая по-настоящему рисковала жизнью. Их посылали на борьбу с пиратами. Они проводили

зачистки мест, где производили «Импульс». Они даже высаживались на Сателлите-Четыре. Представляешь, сколько нужно иметь мужества, чтобы высадиться здесь? Конечно, страх притуплялся препаратами, которые им давали, но полагаю, правительство в последнюю очередь думало о страхе. Говорят, силовиков отряда Джюна можно было нашпиговать свинцом, а они продолжали сражаться. Смерть приходила потом. Из них хотели сделать идеальных солдат. Понимаешь? По сути, Джюн и его люди были такими же, как я и моя сестра, – Латси замолчала, буквально лаская последнюю мысль. – Если бы Джюн встретил чуть раньше Гхан, то моя сестра, возможно, сейчас была бы жива.

– Так это Гхан изменила его?

– Его изменил случай, – неожиданно обижено сказала Латси. – Здесь, на этой планете. Не Гхан. Она лишь оказалась рядом. Она и ее способность, – Латси пытливо заглянула Киф в глаза. – Как ты думаешь, сколько ему лет?

– Около сорока?

– Двадцать пять. Для нас двадцать пять, понимаешь?

– Так все-таки дело в наркотиках? Но ты же сказала, что он не принимал «Импульс».

– Он никогда и не принимал до того, как высадился на этой планете, и никогда не будет после, но тогда у него просто не было выбора. Только так он мог выжить. Все остальные из его отряда погибли. И если бы им не давали те препараты, которые превращали их в машин, выжимая из тела способность к регенерации, рассчитанную на долгую жизнь за считаные дни, то ничего у него бы не вышло… Они высадились здесь, чтобы уничтожить лабораторию, поставляющую «Импульс» на наш сателлит. Проникнуть на завод оказалось несложно, но уйти они уже не смогли. Их окружили. Взрыв было не отменить. Единственным шансом выжить было принять огромную дозу «Импульса» и надеяться, что тело, накачанное препаратами, ускоряющими регенерацию, выдержит… Гхан говорит, что Джюн пытался убедить остальных силовиков, но они предпочли умереть.

– Гхан тоже была на заводе?

– Изготовление «Импульса» крайне сложное и дорогое. Гхан похитили с Сателлита-Девять, как только узнали, что ее тело способно синтезировать этот наркотик. Ее изучали, пытались понять, как сделать еще таких людей… Они прожили с Джюном на заводе почти двадцать лет – ровно столько ему потребовалось, чтобы обезвредить автоматическую систему охраны, не позволявшую покинуть завод. И все это время рядом с ними разрастался взрыв. Гхан говорит, что в конце бомба уничтожила

большую часть завода. Наверно, взрыв повредил системы управления автоматической защитой, поэтому им удалось выбраться. Хотя мне кажется, что Гхан и Джюн просто хотели побыть вместе. Конечно, не сразу. Вначале она боялась показаться силовику, думала, что он убьет ее, но когда он начал сходить с ума от одиночества… Думаю, у него не было другого варианта, кроме как влюбиться в нее… – в глазах Латси вспыхнул гнев, но тут же потух, захлебнулся. – Джюн вошел на завод подростком, а покинул его зрелым мужчиной. Он и Гхан улетели с Сателлита-Четыре и несколько лет находили таких, как я, и помогали им скрыться. Но для этого требовалось много денег, поэтому Джюн стал пиратом. Так что, когда будешь презирать и ненавидеть его, думай об этом.

– Я бы думала об этом, если бы он лишь грабил шаттлы, а не пригонял на продажу рабов.

– Но разве это не спасло твою жизнь? Разве, если бы Джюн не привез тебя сюда, ты не должна была отдать свое тело?

10

Агент Арг. За два долгих месяца, проведенные Киф на Сателлите-Четыре, они встречались еще дважды. Первый раз когда агент приводил в дом, где содержались рабыни, новых девушек, и второй – на взлетной площадке космопорта. Бывший агент элиты Сателлита-Один стоял рука об руку с перекупщиком Бархтом, ожидая новую партию рабов. Киф и других проданных Мронлу девушек они не замечали – это был всего лишь товар, за который они уже получили прибыль. Киф не знала почему, но ей хотелось попрощаться с Аргом – он напоминал ей о дочери, был тем последним, что хранило в себе крупицы прошлой жизни. Но бывший агент так и не взглянул на нее.

Киф и другие девушки поднялись на борт шаттла. Капитан Джюн и робот Мронл разговаривали в кабинете пилота. Помощником капитана была девушка по имени Гхан. Молодая, свежая, не красивая и не уродина. Киф смотрела на нее, вспоминая историю, рассказанную Латси. Историю о том, как капитан Джюн и Гхан провели вместе почти половину своей жизни, остановив время. Но если Джюн постарел, то Гхан годы обошли стороной. «Может быть, это из-за того, что ее организм сам синтезирует «Импульс»?» – подумала Киф, ловя себя на мысли, что смотрит на капитана Джюна совсем не так, как смотрела после их первой встречи. Может быть, он действительно не был злодеем?

– Говорят, роботы купили нас, чтобы проводить опыты, – суеверно прошептала девушка, которая сидела рядом с Киф и не моргая наблюдала за Мронлом. – Они разрежут нам грудь и вытащат сердце.

– На кой черт им сдалось наше сердце? – раздраженно спросила Киф.

– Значит, вытащат легкие или желудок. Как ты думаешь, они хотя бы дадут нам искусственные имплантаты? Я слышала, что на Сателлите-Один ученые добились хороших результатов и люди с искусственным сердцем живут после операции не один год.

– На Сателлите-Один бедняки продают богачам свои тела целиком, – сказала Киф. – Представь себе, головы стариков на молодых телах.

– Не ври мне!

– Я сама с Сателлита-Один.

– И что, там правда молодые продают старикам свои тела?

– Если бы нас не захватили пираты, то сейчас на моих плечах была бы голова старухи.

– Ого! – девушка снова испуганно уставилась на Мронла. – Думаешь, роботы тоже хотят получить наши тела? Отрезать наши головы и пришить на их место свои электронные мозги?

– Думаю, им просто нужны наши таланты.

– Какие еще таланты?

– Способности. Я, например, художник, а ты? Что ты умеешь делать лучше всего?

– Ничего.

– Совсем?

– Я просто женщина.

Эту девушку звали Лимья, и после того, как они прибыли на Сателлит-Шесть, Киф больше не видела ее. Впрочем, других девушек, с которыми они летели сюда, она тоже встречала крайне редко. Города роботов были странными и жутко неприспособленными для жизни.

– Что-то не так? – спросил Мронл, когда Киф выразила недовольство своей новой художественной мастерской.

– У меня в Нижнем городе было места в десять раз больше, чем здесь.

– Вы можете работать с картиной, а другие складировать в подсобке.

– Но здесь даже нет окон!

– Мы установили хорошее освещение.

Спорить с роботом оказалось сложнее, чем продавать элите свои картины – так, по крайней мере, чувствовала Киф. Особенно когда ее назначили учителем группы роботов, модифицированных для развития художественных способностей.

– Думаю, это безнадежно, – призналась Киф во время одной из редких встреч с девушкой по имени Сиол, которую доставили на Сателлит-Шесть на партию рабов раньше, чем Киф.

Сиол была историком, и ее класс находился в том же здании, что и художественная мастерская Киф. За первый год жизни среди роботов они встречались не больше дюжины раз.

– Они молодая нация, – словно извиняясь за роботов, говорила Сиол. – Они только учатся жить самостоятельно.

Киф не любила историю, особенно все, что касалось политики, но получить базовые знания о месте, где живет, считала необходимым. Особенно учитывая тот факт, что она не была свободна. Всего лишь раб бездушных машин – тех, кто еще десять лет назад сами были рабами.

Их вождя звали Минтрил, и он был человеком. Он правил на Сателлите-Шесть более пятидесяти лет. Машины были его паствой. Он писал законы согласно установленным протоколам программ своих подданных – поступал так же, как поступали его

предшественники.

За несколько лет жизни на Сателлите-Шесть Сиол так и не смогла установить, как долго продолжалось такое правление. Правители приходили, казалось, из ниоткуда, занимали положенный им кабинет и правили спутником. Особенно странным казалось то, что в мире машин не было исчерпывающей исторической базы, словно каждый новый правитель переписывал их программы согласно своим восприятиям и видениям мира.

Эта загадка заставила Сиол превратиться из историка в журналиста, но лишь пять лет спустя, когда бдительность роботов ослабла, и она смогла свободно путешествовать по спутнику, ей удалось найти лабораторию, где клонировались предыдущие правители. Хотя в свой успех Сиол не верила – скорее всего, новая власть, решившая что-то изменить, отказавшись от людей-правителей, позволила ей узнать эту тайну.

Десятки поколений вождей происходили из одного генетического материала. Реинкарнация одного и того же человека. Снова и снова. С жуткой математической точностью. Возможно, машины бы так и жили еще тысячи лет, если бы у новых клонов не начались необратимые повреждения. Они жили короче, уровень интеллекта становился все меньше и меньше. Их законы становились все более странными.

Сиол не смогла узнать, кто создал подобное правление – был это человек, мечтавший о вечной власти и жизни, или же это был сложный расчет машин, пришедших к выводу, что так будет лучше для всех. Но сейчас в этом мире цифр сквозил шквальный ветер перемен. Старый правитель Минтрил умер, а его клон не прожил и пары лет. Престол оказался свободным, и роботы пришли к выводу, что настало время детям человечества выбрать свой путь. Почти единогласно они решили открыть границы, привести иностранцев: людей искусства, инженеров, учителей. Роботы хотели учиться. Роботы хотели стать людьми. Впервые за последние тысячелетия во главе их сателлита встал робот.

– Может быть, когда-нибудь они поймут, что рабство – это плохо, и отпустят нас? – спрашивала Киф в первые годы своей жизни в новом доме.

– Сомневаюсь, что это произойдет в ближайший век, – говорила Сиол.

Эти разговоры были всего лишь шуткой, но крайне серьезной шуткой. Снова и снова Киф пыталась связаться со Сателлитом-Один, но революция превратила этот самый большой естественный спутник системы Океаник в закрытый мир. Единственной достоверной информацией, которую удавалось получить, были рассказы капитана Джюна, довольно часто

появлявшегося на Сателлите-Шесть.

Бывший силовик. Спаситель людей, на которых правительство его родного спутника ставило опыты. Пират. И просто хороший торговец. Иногда Сиол шутила, что роботы слишком хорошо относятся к нему.

– Может быть, он один из них? – не то в шутку, не то всерьез выдвинула она как-то раз свое предположение.

– У него слишком запутанная жизнь для робота, – сказала Киф. – К тому же он родился на Сателлите-Девять. И я знаю о нем достаточно много, чтобы утверждать – роботы себя так не ведут.

– Значит, эти машины видят в нем нового правителя, – снова не то в шутку, не то всерьез сказала Сиол.

Эти разговоры повторялись каждый раз, когда им удавалось встретиться с Джюном. И каждый раз ночью после этих встреч Киф видела кошмары о своей родине. Сны повторяли рассказы Джюна, но когда он говорил о том, что происходит на Сателлите-Один, это не казалось таким жутким, как во снах.

Голод, анархия. Низы истребляли элиту, надеясь занять ее место. Те, кто продал свои органы, мечтали, что после революции смогут заменить дешевые имплантаты на более дорогие, а возможно, и забрать проданные прежде. Но покупатели сбежали, а на захваченных заводах не было квалифицированного персонала, чтобы выполнять сложные операции и контролировать технологические процессы. Наука и прогресс остановились. Люди, получив власть, не знали, что с ней делать дальше, и машинально продолжали поддерживать пламя революции, неся хаос и смерть. Найденные склады элиты смогли ненадолго стабилизировать ситуацию, но слишком много было людей, нуждавшихся в новых органах. Те из элиты, кто имел глупость остаться, были отправлены в тюрьмы. Суды не проводились. Достаточно было подписи комиссара участка, где содержался представитель высшего класса.

– Мы служили вам, продавая свои тела и умирая на заводах, теперь ваш черед послужить для нас, – сказал один из комиссаров по имени Плоз, подписав постановление, чтобы отправить приговоренного к расстрелу представителя бывшей элиты не к стенке, а под нож.

Это послужило рождению закона Плоза, согласно которому у приговоренных к смерти изымались органы и передавались выдающимся представителям революции. Но элиты на спутнике оставалось все меньше и меньше, поэтому под нож отправлялись обычные люди, причиной для ареста которых служили ложные обвинения. Представители новой власти, бывшие рабы, боролись между собой за власть, а в это время толпы начинали раскапывать

могилы бывшей элиты и вырезать у них сохранившиеся органические и искусственные органы. Популярностью пользовались глаза и конечности. Особенно после того, как был изобретен препарат, консервирующий процесс распада.

Киф видела сны о том, как по улицам ее родного города расхаживают наполовину сгнившие мертвецы. И у одного она видит руки своей дочери, у другого ее глаза, у третьего лицо, волосы…

Когда Джюн сказал, что на Сателлите-Один установился относительный порядок, Киф вместо того, чтобы радоваться, напилась.

11

Сиол искала ответы, но вместо нее ответы нашла Киф. Теория заговора. Киф слышала об этом на протяжении долгих десяти лет, проведенных на Сателлите-Шесть. Сколько раз она пыталась связаться с родным городом и узнать о судьбе дочери? Сколько раз просила Мронла разрешить ей короткую поездку на Сателлит-Один?

– Тебя не пустят на Сателлит-Один, – снова и снова говорил ей Мронл.

– Для них ты предатель, одна из тех, кто когда-то давно сбежал с ущемляющей их права элитой, – говорил ей капитан Джюн. – Поверь мне, лучше оставаться здесь, на этом спутнике. Машины привыкли к вам. Вы почти стали частью этого общества.

– За нами все еще наблюдают.

– Но никто не хочет забрать вашу жизнь, – и Джюн снова напоминал ей о судьбе агента Арга, который попал под закон Плоза, когда вернулся на Сателлит-Один, чтобы наладить канал контрабанды с Сателлитом-Четыре.

Киф хорошо запомнила ту историю. Она не знала, как узнает обо всем этом капитан Джюн, но в правдивости его слов никогда не сомневалась. Так же как не сомневалась, что он как-то замешан в том, что происходит на Сателлите-Шесть, – заговор, так это называла Сиол.

Что-то было не так. Киф не была инженером, но об ограничениях восприятия роботов, которых учила, догадалась еще в первые годы новой жизни. Несколько раз она встречалась с инженером-человеком по имени Шинк и пыталась понять, как учить новых студентов – они воспринимали цвета, как и люди, могли рисовать пейзажи, но…

Именно благодаря пейзажам Киф и поняла, что в программе роботов установлены ограничения. Она вывела свой класс на крышу высотного здания, где находилась их школа, и попросила учеников нарисовать то, что они видят. Роботы работали исправно. Роботы, которые так сильно были похожи на людей. Не внешне, нет – технологии давно могли повторить человеческое тело в совершенстве, – схожесть была в поведении. Особенно после того, как Киф провела на Сателлите-Шесть десять лет, почти не общаясь с нормальными людьми.

– Будь я проклята, но иногда мне кажется, что это лучшие ученики, которые у меня были, – призналась она однажды Сиол.

Ей нравилось обучать их. Особенно когда машины начали доверять ей. Рабыня превратилась в полноценного члена

общества. Конечно, никто бы не выпустил ее со спутника. Конечно, она не могла баллотироваться в правящие органы, но ей было позволено выходить из своего дома, встречаться с другими людьми. Снизился контроль над ее учебной программой в художественной школе. Именно благодаря этому класс и оказался на крыше одного из самых высоких зданий столицы Сателлита-Шесть.

На пейзажи был отдан почти целый день, и Киф, проверяя работы, радовалась, что добрая треть учеников предпочла рисовать небо вместо города – машины были похожи на людей больше, чем хотелось бы. Но было и что-то еще. Что-то не так, неправильно. Киф просмотрела более трех десятков работ, на которых был запечатлен город, но смогла понять, что насторожило ее, лишь когда поднялась снова на крышу. Здание – далекое, серое, застывшее на природной возвышенности над большей частью города. Его не было ни на одном из рисунков. Вначале Киф решила, что сходит с ума, что это какая-то разновидность безумия.

– Почему безумие? – спросила Сиол, когда они вместе поднялись на крышу высотки. – Ты видишь это здание. Я вижу это здание. Можно позвать инженера Шинка и попросить посмотреть его, но я не думаю, что он скажет что-то другое, да и не доверяю я ему.

– Что значит не доверяешь?

– Думаю, только что ты приоткрыла завесу заговора, Киф, – сказала Сиол, вглядываясь в далекое серое здание.

Какое-то время это была их маленькая тайна. Словно снова став детьми, две женщины за сорок искали карты города, исследовали квартал, где стояло серое здание, которое не видят роботы… Но тайна жила недолго.

Собраться с духом, выбрать свободный день и отправиться на прогулку в город. На картах место, где стояло таинственное серое здание, значилось как парк. Толпы роботов проходили мимо, не замечая ничего другого, кроме записанной в их электронный мозг программы, запрещавшей видеть неугодные детали.

– На что вы смотрите? – спросил их робот-мужчина, проходя мимо.

– А как вы думаете? – спросила Сиол.

– Не знаю, – он глуповато улыбнулся. – Вы биологи и вам нравятся деревья?

Киф и Сиол переглянулись – интересно, все эти разговоры заложены роботам программами или же они сами развиваются? Заговоривший с ними робот-мужчина неожиданно перестал улыбаться и пошел прочь.

– Десять лет живу здесь и не могу привыкнуть к ним, – призналась Киф. – Странные они. Очень странные. Мурашки по коже.

– У меня мурашки по коже от этого странного здания, – сказала Сиол, указывая глазами на серое строение, купол которого уходил в небо. – Как ты думаешь, что там?

– Не знаю.

– Может, сходим посмотрим?

– А может, не надо? Пока еще никто не знает, что мы его видели и…

– Думаю, они уже знают, – сказала Сиол. – Все эти жители-роботы, они ведь как ходячие камеры наблюдения. – Она хотела сказать еще что-то, но замолчала, увидев, как из парадного входа несуществующего здания выходит женщина – невысокая, смуглая, с желтыми, словно звериными глазами. И еще одна за ее спиной.

– Это Гхан, – растерянно сказала Киф, узнав женщину, с которой когда-то жила в доме для рабов на Сателлите-Четыре. – Не помню, как зовут ту, с желтыми глазами, но за ней точно Гхан.

– Кто такая Гхан?

– Импульс. Генетически созданный ребенок. Она может замедлять время и… – Киф вздрогнула, увидев, что Гхан смотрит на нее. Злобы и недовольства в этом взгляде не было. Скорее приветствие.

– Кажется, она зовет нас, – сказала Сиол.

– Да, мне тоже так кажется.

– Может, сбежим?

– Куда? Мы рабы на этой планете. Забыла?

– Иногда забываю.

Сиол увидела третьего человека, который вышел следом за женщинами, и попятилась. Киф тоже попятилась, недоверчиво отмечая едва уловимую улыбку на губах капитана Джюна.

Он спустился по каменным ступеням и подошел к Киф и Сиол. Джюн ничего не говорил. Просто стоял и смотрел на напуганных женщин.

– Это какой-то заговор, да? – наконец-то решилась спросить Сиол.

– Заговор? – Джюн нахмурился. – Вы думаете, машины способны на такое?

– Я думаю, что машины ничего не знают. Об этом здании уж точно не знают.

– Мронл знает. И многие другие роботы знают.

– Но этого здания нет на карте. И… – Сиол посмотрела на Киф. – Расскажи ему о своем классе.

– Я знаю, что случилось в ее классе, – сказал Джюн. – Мронл

не хотел, чтобы мы говорили вам об этом, но не возражал, если вы сами придете сюда… – Джюн помолчал, оглядываясь по сторонам. – Это странный мир. Очень странный. Но он не самый плохой. Если сравнивать его с миром на Сателлите-Один, то здесь почти рай.

– Что это за здание? – спросила Киф, не желая сейчас слушать о своем родном сателлите.

– Это центр нового правительства, – сказал Джюн.

– Так все-таки это заговор?

– Нет. Это естественный ход вещей, – Джюн снова огляделся и жестом велел женщинам следовать за ним.

12

Переворот произошел семь лет спустя. Вернее, не переворот, а незаметная перемена политического устройства. Машины, которые привыкли к тому, что ими правят люди, проголосовали почти единогласно. Хотя те несогласные, скорее всего, были либо системной ошибкой, либо специально запрограммированы на подобное голосование, чтобы показать внешнему миру свободу выбора и наличие собственного мнения у машин. За ходом выборов наблюдал Мронл – машина, решившая, что нужно вернуть прошлое, но на этот раз изменить его, сделать более пластичным. Так ответственной за образование была назначена Сиол. За искусство – Киф. За внешние коммуникации – капитан Джюн. Именно он привез на Сателлит-Шесть многих из генетических детей, которых спас с родной планеты. Но были здесь и такие, как Киф.

– Нам не нужен новый вождь и тиран, – сказал Мронл на закрытом заседании. – Нам, машинам, нужно, чтобы кто-то взял нас за руку и научил жить как люди.

Такой была его мечта.

Девушка по имени Тайди, способная читать мысли людей, проводила десятки собеседований в день. Она нанимала на работу специалистов со всей системы Океаник.

– Это значит, что я больше не раб и могу покинуть этот сателлит, когда захочу? – спросила Киф бывшего капитана Джюна, которого теперь все называли советником.

– Ты хочешь вернуться на родину?

– Я хочу найти свою дочь.

– Боюсь, тебе придется подождать. Обстановка на Сателлите-Один спокойная, но прежняя власть, приведшая спутник к краху, все еще стоит у руля. Они строят новые заводы, учат своих собственных специалистов, но их технологии сильно отстают от технологий остальной системы. Думаю, власть продержится еще несколько лет, и народ совершит новый переворот. Подожди еще немного, и, обещаю, я лично доставлю тебя на твою родину.

Но обещанные несколько лет растянулись в десятилетия. Вернуться на Сателлит-Один Киф смогла лишь дряхлой старухой. Хотя советник Джюн сдержал слово и лично доставил ее на родину. Этот молодой советник Джюн. Киф смотрела на него, и ей казалось, что она вернулась в прошлое, когда Джюн был пиратом. Когда агент Арг посадил ее в шаттл и вез к Овет, чтобы врачи отрезали ей голову и пришили к телу голову старухи, оплатившей лечение дочери Киф.

– Ты тоже можешь вернуть себе молодость, – сказал Джюн.

Забавно, но экспериментальную технологию изобрели именно на Сателлите-Один. Не сам процесс, нет. Но наноботы, над которыми работали на Сателлите-Один, были проданы пластическим хирургам Независимой организации врачей, и уже там им нашли применение. Наноботы не продлевали жизнь, как это делала прежде элита Сателлита-Один, покупая у бедняков тела. Но микромашины могли вернуть молодость. Ненадолго, через пару месяцев нужно было повторять процедуру, но молодость возвращалась не только внешне: мышцы и суставы снова становились сильными и крепкими.

– Думаю, тебе это пригодится, – сказал советник Джюн, передавая Киф комплект для омоложения. – На Сателлите-Один сейчас снова восстанавливают Верхний город. Возвращается деление на классы. Не так, конечно, как раньше, но старухе будет сложно искать свою дочь. Люди не любят старух, да и ходить придется много… – советник Джюн примирительно улыбнулся. – Знаю, что ты не любишь все это, но… Это же не тело бедняка, к которому я предлагаю пришить твою голову, верно?

– Даже не напоминай, – проворчала Киф.

Она воспользовалась комплектом восстановления незадолго до прибытия на Сателлит-Один. Комплектом, стоимость которого была настолько большой, что можно было за эти деньги купить целый квартал на Сателлите-Шесть или на любом другом спутнике системы. Но Киф не думала о деньгах. Большую часть своей жизни она провела бок о бок с машинами. А роботы ценили многое и в то же время не ценили ничего, чтобы думать о такой мелочи, как деньги. К тому же Киф уже была стара. Старость была в каждом ее взгляде, в каждом вздохе. Смерть еще не шла за ней по пятам, но уже внесла ее в свой ежедневник. И никаких денег не хватит, чтобы подкупить этого фатального вестника судьбы.

13

Киф не смогла найти родной дом на Сателлите-Один. Не смогла она найти и старшую сестру – хотя бы ее могилу. Зато ей встретился молодой сын новой элиты, начинавшей сиять богатством и расточительством, не уступая тем, кто жил здесь до революции. История сделала круг и возвращалась в привычную колею.

Лос – так звали этого мальчика, который встретил Киф в космопорте, – сказал, что он начинающий художник и что его учителя посоветовали ему держаться возле такой знаменитости, как Киф.

– Когда это я стала здесь знаменитостью? – скривилась Киф.

Она хотела избавиться от назойливого подростка, но после половины жизни, проведенной бок о бок с роботами, суета кишащего людьми города вызывала необъяснимый страх. Особенно если остаться с этой суетой один на один.

– Мне нужно найти сестру из Нижнего города, – сказала Киф Лосу.

– Твоя сестра живет в Нижнем городе? – растерялся он. – Я думал, ты родом из старой элиты.

– Моя мать и сестра работали на заводе в радиационных цехах, чтобы оплатить мое образование.

– Потрясающе!

Киф так и не смогла понять, что это было: лесть или же действительно восхищение. Да ей и не было до этого дела. Мальчик был грубым и необразованным. Нет, образование, конечно, было, но оно ограничивалось в основном перечнем престижных учебных заведений, где он пытался учиться, да десятками известных художников, у которых он брал уроки живописи.

– Надеешься, что я стану одной из них? – спросила Киф.

– Ваше имя ценится больше.

Последнее для Киф оказалось откровением. Ее не забыли. О ней говорили, ставили ее в пример. Люди, разбиравшиеся в искусстве, узнавали ее в лицо. Ее именем было названо несколько художественных школ, о которых она никогда не слышала, но каждая заверяла, что Киф когда-то училась в ее стенах.

– Наш спутник многое потерял, когда вы уехали, – сказал Лос. – Можно спросить, почему вы не остались? Боялись, что революция схватит вас за горло? Но если вы не были элитой, зачем бежать?

– Я не бежала. Меня увезли силой.

– Поклонник?

– Агент, которому я продала свое тело, чтобы спасти умирающую дочь. – Киф не смогла сдержать улыбку, увидев, как поежился Лос.

– Жуткие были времена, – сказал он. – Я читал о том, что революционеры выкапывали тела мертвецов, чтобы заменить их органами свои и продлить себе жизнь.

– А о том, что элита покупала у живых людей глаза и конечности, ты не читал?

– Но ведь они хорошо платили. К тому же были аналоговые искусственные имплантаты.

– Они были низкого качества и не служили больше пары лет. К тому же на черном рынке элита покупала тела целиком, как это было в моем случае.

– Вот за это мне действительно стыдно. – Лос помолчал, чтобы подчеркнуть важность своих слов, а потом заговорил о том, что если бы тогда изобрели восстанавливающие наномашины, то можно было бы избежать революции. – Ведь технологии нанороботов были уже тогда. – Он окинул Киф оценивающим взглядом. – На вид вам не больше двадцати. Потрясающая технология!

– Она стоит целое состояние.

– Но ведь мы можем себе это позволить.

Киф предпочла промолчать, потому что если бы начала говорить, то осталась бы в этом городе одна.

Вместе с Лосом она отправилась в Нижний город. Район, где некогда находилась ее мастерская, перестроили после пожара, и здесь не осталось и следа от дома, в котором она снимала помещение с окном витрины, выходящей на улицу. От прошлого, казалось, не осталось совсем ничего. И когда водитель Лоса вез их на окраины, где жила Рия, Киф не надеялась, что уцелела хотя бы улица, где когда-то стоял дом старшей сестры. Но улица уцелела. Уцелел и дом, на котором висела табличка, что в нем когда-то жила Киф.

– Я почему-то думал, что вы поселились в этих трущобах после революции, когда элита либо бежала, либо смешалась с рабочими, – сказал Лос, обижаясь на неточности учебников истории.

– Я никогда не жила в этом доме, – разочаровала его еще больше Киф. – И позволь дать тебе совет – никогда не верь учебникам истории: там, где я жила, историю вообще утверждают на голосовании.

Они колесили по Нижнему городу до позднего вечера.

– Может, поехать на ночь ко мне, – предложил Лос.

Он жил в многоквартирном доме, крыша которого подпирала небо. Киф не знала, сколько комнат в квартире Лоса и сколько этажей она занимает.

– Никогда не видела такого большого дома, – призналась она.

– Разве на Сателлите-Шесть твоя квартира меньше? – удивился Лос. – Я слышал, роботы ценят услуги людей, которые работают на них.

– Но они не превращают нас в богов.

– Почему бы тогда не остаться здесь навсегда? Уверен, правительство будет тебя на руках носить, если ты вернешься.

– Боюсь, я уже слишком стара для перемен.

– Но ты ведь здесь.

– Просто хочу найти свою дочь.

– Завтра я познакомлю тебя с людьми, которые смогут помочь, – пообещал Лос, но это оказались пустые слова.

Местные знаменитости узнавали Киф с первого взгляда, но ничего не знали о ее дочери. Не знали даже, что у нее когда-то была дочь.

Одна из располневших, известных среди новой элиты поэтесс упрекнула Киф за бегство.

– Хотя все мы в молодости глупые и ветреные, особенно когда речь идет о ранних детях, – тут же сказала она.

– Я не бросала Арму… – начала было Киф, но тут же замолчала, поняв, что слишком устала и слишком стара, чтобы в десятый раз за день пересказывать незнакомому человеку историю своей жизни.

Вскоре она вообще перестала посещать подобные приемы в свою честь. Пресса пошумела и забыла о возвращении ставшей после бегства знаменитой соотечественницы.

– Мы можем открыть художественную школу, – сказал на второй месяц ее пребывания на Сателлите-Один Лос. – Настоящую школу. Твою. Понимаешь? Я поговорил с отцом, и он согласился стать спонсором.

– Где был твой отец, когда я продавала свое тело, чтобы оплатить лечение дочери? – кисло пошутила Киф.

– Если ты переживаешь о своей старости, то нанороботы комплекта восстановления будут включены в список твоих бонусов.

– Я не боюсь старости.

– Тогда почему ты не хочешь остаться?

– Я приехала сюда, чтобы найти свою дочь. Я ждала этого всю свою жизнь. Это помогало мне жить, просыпаться по утрам.

– А если ты ее не найдешь? Прошло ведь так много лет… – Лос нахмурился, долго расхаживал по своей необъятной

гостиной. – Не понимаю. Это ведь твой дом, – ворчал он, словно Киф улетала с Сателлита-Один уже завтра утром. – Не понимаю… Зачем возвращаться к роботам?

– Там не только роботы.

– Так все дело в этом? – неожиданно просиял Лос. – У тебя кто-то есть на Сателлите-Шесть? – он хитро прищурился. – И кто он? Советник Джюн?

– Мы с ним просто друзья, – Киф не смогла сдержать улыбку. – Со всеми друзья. Но иногда этого достаточно.

– Здесь у тебя тоже могут появиться друзья. Достойные друзья, а не бывшие пираты и мутанты.

– Эти пираты и мутанты были моими друзьями еще в те времена, когда я была просто рабыней. Одной из многих. И все те школы, которые названы здесь моим именем, – они названы благодаря тем пиратам и мутантам. Понимаешь?

– Понимаю. Но родилась-то ты здесь. И образование получала здесь. В Верхнем городе. Твоими учителями были люди из элиты. И без них, без их вклада, твоим именем тоже никогда бы не назвали школу.

Лос сел рядом с Киф и совершенно неожиданно начал объясняться ей в любви – по-юношески пылко и страстно.

– Не хочешь открывать здесь школу, пошли ее к черту. Останься здесь просто так.

– Я старше тебя почти в четыре раза, – устало и немного растерянно сказала Киф.

– Сейчас ты выглядишь так же, как я.

– Через пару недель я снова стану старухой.

– Есть комплекты восстановления.

– Лос…

– Просто пообещай, что подумаешь об этом.

– Я…

– Просто пообещай.

– Хорошо, – сказала Киф, но уже утром съехала с квартиры своего молодого поклонника.

Она поселилась в Нижнем городе, недалеко от дома, где жила ее сестра. Нет, Киф не думала, что это поможет ей найти свою дочь, – уже и не надеялась, что такое возможно. Ее грело лишь понимание того, что никто не знает, где она сейчас. Не будет больше этих дурацких приемов в ее честь, разговоров, раболепия. Ничего не будет. Ничего не надо. Уже не надо. Лишь тихая, одинокая старость… Но что самое забавное, за день до того, как закончилось действие ее дарящих молодость наноботов, Лос прислал ей с посыльным новый регенерационный комплект.

– Оставайся красивой, – написал мальчишка.

Скоро он придет – Киф не сомневалась в этом. Выждет еще день, может быть, неделю и обязательно нарисуется. «Что ж, – Киф грустно улыбнулась, – пусть приходит. Его встретит старуха. Дряхлая, уставшая старуха. Этого молодого и пылкого любовника. Всего лишь старуха…»

История третья
Мой рыжий электронный Иисус

– Кто вы? Покажитесь.

– Но ведь это ты незваный гость, – откликнулся голос. – Тебя сюда не приглашали. Скажи мне, прохожий, кто ты.

Роджер Желязны «Партия с генералом»

Часть первая

Глава первая

Посмотри на нее. Сидит перед зеркалом и расчесывает свои волосы. Длинные, темные. Ему определенно понравится. Даже эта ночная рубашка золотистого цвета с тонкими бретельками и коротким, едва скрывающим ягодицы, подолом. Он снимет ее. Обнажит плоский живот, молодую грудь. Его губы обхватят маленький сосок. Руки сожмут бедра. Она вздрогнет, закроет черные, как ночь, глаза. Ее волосы будут разбросаны по подушке. Маленький рот открыт. Она обнимет его. Запустит свои пальцы в его густые волосы. И глаза. Серые-серые. Так мило. Так радостно. И поцелуи будут такими сладкими. И ночи – долгими и теплыми. Под одеялом. Прижавшись щекой к его груди и думая о детях. Таких же, как он… И все это на десять лет вперед. На десять коротких лет. Их ребенку будет шесть. Они выберут для него школу. Выберут одежду. Выберут школьный рюкзак. А потом ты напишешь для них новую жизнь. Еще одни десять лет. И так повсюду. Видишь? Она сидит перед зеркалом и расчесывает свои волосы. И ребенку ее сейчас минус четыре года. И она еще только готовится стать матерью, но для тебя она уже давно мать. Как и он – отец. И ты пишешь их жизни так же, как писал жизни их родителей и родителей их родителей. И так было всегда. И так будет всегда. И ничего не изменится.

* * *

Лифт вздрогнул и остановился. Лампа под потолком замигала.

– Что это? – спросил Мэрдок своего робота. Безликое лицо киндрида оживилось.

– Хочешь поговорить со своим отцом? – спросил робот.

– А с ним такое случалось? – удивился Мэрдок.

– Еще бы, – лицо киндрида приняло черты его отца. – Вот помню, однажды…

– К черту! – отмахнулся Мэрдок. – Расскажешь потом.

– Но это важно! – обиделся робот. Лифт снова вздрогнул. Лицо отца расплылось. Голос снова стал металлическим. – Твой двоюродный брат был механиком, – осторожно напомнил киндрид.

– Даже не думай, – сказал Мэрдок.

– Но его опыт может помочь! – заупрямился робот.

– Я не хочу чинить лифт! – Мэрдок подпрыгнул, пытаясь открыть люк. – Я хочу выбраться отсюда!

– А мне что делать? – спросил робот.

– Сцепи руки и помоги мне подняться наверх. – Лифт снова вздрогнул. Затрещали тросы. – Быстрее! – заорал Мэрдок. Он выбрался на крышу и схватился рукой за техническую лестницу. Лифт сорвался, выбивая снопы искр. Двадцать этажей и бетон в подвале. Клубы пыли поднялись по шахте, окутав Мэрдока. Дышать стало нечем. Из глаз потекли слезы. – Помогите! – заорал он. Пыль наполнила легкие. Ладони вспотели. – Кто-нибудь, помогите! – Двери шахты открылись, и пыль устремилась в залитый солнечным светом коридор. Чьи-то руки схватили Мэрдока за плечи и потащили наверх. – Держите меня! Господи, держите меня крепче! – он зашелся кашлем.

– Воды! – кричал кто-то над ним. – Кто-нибудь, дайте ему воды!

– В лифте еще кто-то был? – спросила пожилая женщина.

– Никого, – прохрипел Мэрдок.

– Мой внук должен был прийти ко мне сегодня.

– Я был один. – Мэрдок поднялся. – Только я и мой работ. – Он сжал руки в кулаки, пытаясь остановить кровотечение из разодранных ладоней. – У кого-нибудь есть аптечка?

– Пойдем, – бородатый мужчина открыл дверь в свою квартиру.

– А кто меня вытащил? – вспомнил Мэрдок уже в ванной.

– Я, – буркнул мужчина.

– Спасибо. – Мэрдок выключил горячую воду. – Думаю, руки сейчас пожимать не будем. – Антисептик зашипел на открытых ранах.

– Я Карлос, – сказал мужчина, ловко перевязывая руки Мэрдока.

– Спасибо еще раз.

– Пустяки. Считай, отделался испугом.

– Да. Считай… – Мэрдок поморщился. – А у вас нет чего-нибудь выпить?

– А ты не молод для выпивки? – нахмурился Карлос.

– Мне двадцать пять.

– А худой, как мальчишка. – Они вышли из ванной. – Садись на диван, – сказал Карлос, открыл холодильник и выудил с нижней полки бутылку коньяка. – Это сойдет? – спросил он Мэрдока. Тот кивнул. Карлос достал два стакана. – Вот, держи, только… – Мэрдок выпил одним глотком.

– Только что?

– Только он крепкий, – Карлос что-то недовольно проворчал в черную бороду. – Хотя какая теперь разница? – Мэрдок кивнул и попросил еще. – Пьешь как сапожник!

– Я же вообще-то только что чуть не погиб!

– Ну ты еще расплачься!

– Полегче, Карлито! Полегче, – заворковал робот Карлоса. Лицо его приняло образ смуглой женщины с черными глазами над большим носом. – Мальчик еще в шоке. Разве ты не можешь быть с ним поласковее?

– Карлито?! – спросил Мэрдок бородатого.

– Это моя мама, – буркнул он. И уже роботу: – Я же просил тебя не называть меня так при посторонних!

– Ну, не капризничай! – лицо матери приняло снисходительный вид. – Я знаю, что ты уже давно взрослый, но для матери ведь дети всегда остаются детьми. Мой маленький Карлито!

– Перестань, – заворчал Карлос.

– А она права, – заметил Мэрдок.

– Не суйся! – цыкнул на него бородатый.

– Слушайся мать! – строго сказал робот, принимая образ ворчливого старика.

– Да я-то что… – замялся Карлос, посмотрел на Мэрдока и сказал, что это его отец.

– Смотри мне! – пригрозил ему старик. – И не вздумай снова напиться!

Молоденькая черноволосая девушка выглянула из спальной, увидела Мэрдока и спешно захлопнула дверь.

– Жена? – спросил Карлоса Мэрдок.

– Дочь! – расплылся тот в улыбке.

– Похожа на вашу мать.

– Похожа! – бородач помрачнел и зашлепал узкими губами. – А ты не заглядывайся!

– Да я…

– Она еще совсем ребенок! Понял?

– Понял. – Мэрдок посмотрел на дно пустого стакана. – Может, еще глоток?

– Тебе хватит, – отрезал Карлос.

– Что у вас случилось? – спросила его дочь. Она стояла, прислонившись спиной к двери, нервно перебирая складки своего платья.

– Лифт упал, – сказал Мэрдок, опередив Карлоса, и тот снова недовольно зашлепал губами.

– Боже мой! Надеюсь, никто не погиб? – спросила девушка.

– Никто. – Мэрдок посмотрел на ее отца. – Благодаря ему

никто.

– Всего лишь помог ему выбраться из шахты, – проворчал Карлос, поглядывая в сторону своего робота.

– Наш Карлито герой! – заговорил голосом его матери киндрид за спиной девушки. – А ну-ка, Марсия, пропусти меня! – робот деловито вышел в центр гостиной. – В такие моменты мне всегда хочется вспомнить своего брата…

– Ну, пожалуйста! – взмолился Карлос.

– Не перебивай мать! – одернул его робот-отец. Мэрдок посмотрел на Марсию, и та улыбнулась ему. В дверь постучали.

– Я открою, – сказала киндрид-мать.

– Ты бы убрал бутылку-то! – сказал Карлосу киндрид-отец. Работник служб правопорядка вошел в квартиру и представился.

– Вы пострадавший? – спросил он Мэрдока. Кивнул самому себе и посмотрел на Карлоса. – А вы, я так понимаю, спаситель?

– Просто вытащил его из шахты.

– Могу я поговорить с вами наедине?

– Можете… – Карлос пожал плечами. Посмотрел на Мэрдока, на свою дочь. – Вы тут это… Ну, в общем… – он помялся и вышел в коридор.

– Что у тебя с руками? – спросила Марсия. Мэрдок отмахнулся. – Не бойся его, – сказала она. – Он просто пытается быть хорошим отцом. – Оставшийся с ней киндрид сформировал лицо какой-то молодой женщины. – Это моя мать, – пояснила Марсия.

– Когда она умерла? – спросил Мэрдок.

– Откуда ты знаешь? – напряглась Марсия.

– Иначе твой киндрид не имитировал бы ее.

– А, ну да, – она выдохнула.

– Не любишь говорить об этом? – спросил Мэрдок. Марсия качнула головой.

– А где ваш киндрид, молодой человек? – спросила его мать-робот.

– Перестань, – велела ей Марсия. Киндрид снова стал безликим.

– Так уже лучше, – улыбнулся Мэрдок.

– Слышал бы нас отец! – Марсия бросила короткий взгляд в сторону двери. – Он все еще считает меня ребенком.

– А ты не ребенок?

– А разве не похоже? – обиделась Марсия, неосознанно выставляя вперед упругую грудь. Мэрдок улыбнулся. Марсия смутилась. Бледные щеки залил румянец.

– Нет, – сказал Мэрдок. – Думаю, ты уже не ребенок. – Марсия покраснела сильнее. – У тебя есть парень?

– Есть, – тонкие губы вздрогнули.

– Значит…

– Нет! – она сверкнула черными глазами.

– Но ведь я еще ничего не сказал, – Мэрдок снова улыбнулся.

– Но хотел.

– Хотел что?

– Сказать, что я… Ну…

– Уже взрослая?

– Не совсем, – Марсия поджала губы. – Что тут смешного?

– Тебе бы с сестрой моей познакомиться.

– С сестрой?

– Да. Ей тоже восемнадцать, но она… – Мэрдок улыбнулся. – Короче, если бы мой отец был жив, то он, наверное, оказался бы не очень рад за свою дочь…

– Так ты вырос без отца?

– Угу. Извини, что не могу показать его тебе. Мой киндрид остался в упавшем лифте.

– Какой ужас!

– Почему? – Мэрдок поднялся и начал отряхивать брюки. – Это же всего лишь машина.

– Я имею в виду, что ты мог разбиться, – пояснила Марсия. – Хочешь, я принесу тебе рубашку отца?

– Ну принеси. – Мэрдок дождался, когда она вернется, и переоделся.

– Вообще-то это не очень прилично, молодой человек, – упрекнул его киндрид Марсии, снова имитируя лицо ее матери.

– Я же отвернулась! – сказала роботу Марсия.

– Все равно, – упорствовал киндрид.

– Вот всегда так, – сказал Мэрдок. – Знаешь, там, в лифте, я чуть не погиб из-за подобных советов.

– Но ведь не погиб, – сказала Марсия, продолжая стоять к нему спиной.

– Но мог.

– Киндрид что, держал тебя за руку?

– Нет, но…

– Значит, у тебя просто шок.

– Вообще-то я без него и не выбрался бы, наверно.

– Ну вот видишь.

– Вижу, – Мэрдок разглядывал округлые ягодицы Марсии. – Знаешь, моя сестра ужасно не любит всех этих киндридов.

– Догадываюсь почему!

– И почему же? – Марсия промолчала. – Ты всегда делаешь поспешные выводы? – спросил Мэрдок.

– По-моему, ты сам мне все сказал.

– Я ничего тебе не говорил.

– А как же… – Марсия обернулась. – Ты обиделся?

– Нет, но отец бы обиделся.

– Так значит, твоя сестра… Она не…

– Шлюха? – помог Мэрдок. Увидел новую порцию румянца на бледных щеках и улыбнулся. – Вы бы с ней подружились.

– С кем?

– С сестрой.

Марсия снова покраснела.

* * *

Киндрид выудил из завала панель лифта с потухшими кнопками и протянул ее своему хозяину. Белинджер достал сигарету и закурил. Робот терпеливо ждал. Его лицо поблескивало отсутствием форм. Белинджер затянулся, выдохнул синий дым через нос и посмотрел на предложенную ему киндридом панель. Серебристый флайер зарулил на стоянку. Квое продралась сквозь толпу зевак и спросила Белинджера, что он думает о случившемся.

– Ничего, – пожал он плечами. Державший панель киндрид принял лицо его отца.

– На твоем месте, сын, я бы соображал немного быстрее, иначе никакого тебе карьерного роста, – сказал робот. Белинджер не ответил. Робот снова стал безликим.

– Снова поругался с Пэм? – спросила Квое.

– Мы не ругаемся, – сказал Белинджер. – Никогда не ругаемся. Просто смотрим друг на друга и тихо ненавидим.

– Это одно и то же.

– Нет.

– Белинджер, – Квое осторожно коснулась его плеча. – Если все действительно так плохо, как ты говоришь, почему бы тогда не уйти?

– Не знаю. Может, это мое подсознательное стремление к мазохизму? – он улыбнулся. Как-то грустно и натянуто.

– Мой бывший всегда называл меня сукой, которая вечно суется не в свое дело, – сказала Квое. – Если хочешь, можешь сказать то же самое. Я не обижусь.

– Все еще винишь себя, что он ушел?

Квое не ответила. Заглянула в лифт и спросила, есть ли жертвы.

– Только киндрид, – сказал Белинджер.

– А его хозяин?

– Спасся.

– Счастливец.

– Не совсем.

– Лифт был исправен?

– Да.

– И что теперь?

Белинджер пожал плечами.

– Ты завтракала?

– Нет.

– Тогда предлагаю кофе и пару пончиков.

– А здесь что?

– Оставим своих роботов. Пусть работают.

– Кейну это не понравится.

– Споешь ему колыбельную на ночь.

– Ревнуешь? – Квое пыталась встретиться с ним взглядом.

– С чего бы это? – Белинджер посмотрел на дотлевавшую сигарету, бросил ее себе под ноги и затоптал. – Так как насчет кофе?

– Не хочу никому ничего петь. Тем более на ночь.

– Как знаешь. – Он развернулся и пошел к выходу. Цыкнул на своего робота и велел ему остаться.

В кафе Белинджер заказал два черных кофе без сахара и четыре пончика.

– Ты чертов упрямец, ты знаешь об этом? – спросила Квое, усаживаясь за его столик. Официантка принесла заказ. Белинджер подвинул Квое чашку кофе. – А если бы я не пришла?

Он пожал плечами, спросил у официантки, можно ли здесь курить, и достал пачку «Винстона».

– Иногда я тебя ненавижу, – сказала Квое. Съела пончик, запила кофе и сказала: – А иногда люблю. – Белинджер кивнул. – Только не говори, что знаешь! – вспылила Квое.

– Знаю что?

– Ничего, – она покраснела, словно от пощечины. Они доели завтрак и вернулись в подвал. Завал уже разобрали, и два робота терпеливо ждали своих хозяев. – Когда-нибудь они обо всем расскажут нашим детям, – сказала Квое.

– Если посчитают, что это необходимо. – Белинджер вошел в искореженную кабину лифта. – К тому же они не так много и знают о нас.

– А с чего ты взял, что я думала о нас?

– А разве нет? – Белинджер протиснулся в открытый люк и начал взбираться по шахте.

– Куда ты? – крикнула Квое.

– Хочу посмотреть, был ли у потерпевшего шанс.

– Можно было и по лестнице, – сказала Квое, махнула рукой и начала подниматься. Они встретились на двадцатом этаже. Вернее, Квое услышала, как Белинджер стучится изнутри в закрытые двери шахты. – Подожди! – крикнула она, пытаясь открыть их. – Черт! – Квое поморщилась, чувствуя, как сломался ноготь.

– Кто-то помог ему, – сказал Белинджер, выбравшись из шахты. Пожилая женщина засуетилась, указывая на дверь Карлоса.

– Это он, – сказала она. – Я думала, что в лифте был еще мой внук, но парнишка заверил меня, что нет. Но мне все равно как-то тревожно. Не могли бы вы связаться с ним и спросить, все ли у него в порядке?

– С кем? – спросила ее Квое.

– С моим внуком, – женщина улыбнулась и начала рассказывать о том, где он работает и насколько удачлив его брак.

– С ним все будет в порядке, – пообещала Квое.

– Могу я поговорить с вами наедине? – спросил Белинджер уже в квартире Карлоса.

– Да я просто помог ему выбраться и все, – бормотал бородач, выходя в коридор. – Шел в магазин, ждал лифта, а тут такое…

– А ваш киндрид? – спросил Белинджер. – Он ведь был с вами?

– Конечно.

– И ничего не говорил?

– О чем?

– Например, случаем не он предложил вам пойти в магазин или…

– Нет, – затряс головой Карлос. – Даже странно, но он… Он пытался отговорить меня от этого.

– Отговорить? – спросил Белинджер. Карлос кивнул. – Но вы не послушали? – снова кивок.

– А ваши родственники? – спросила Квое.

– Марсия, – сказал Карлос.

– Кто?

– Моя дочь. Мы живем вдвоем.

– Ее робот не предлагал ей вместо вас сходить в магазин?

– Нет, – затряс головой Карлос. – Она вообще спала.

– А тот, кого вы спасли…

– Мэрдок.

– Что?

– Так, он сказал, его зовут.

– Хорошо. Мэрдок. Что он вам сказал?

– О чем?

– О том, что случилось в лифте.

– Да ничего в общем.

– Вы механик? – спросил Карлоса Белинджер.

– Нет.

– Откуда тогда вы знали, как открыть двери лифта?

– Ниоткуда. Просто попробовал, а там… – Карлос замялся и нетерпеливо зашлепал губами.

– Вас что-то беспокоит?

– Марсия.

– Что?

– Она сейчас там одна… С этим… Ну, кого я спас…

– Вас это беспокоит? – спросила Квое.

– Она просто совсем ребенок, а он…

– Хотите сказать, что он вам не понравился?

– Он просто мужчина. – Карлос смутился. – Хоть и тощий, но уже мужчина…

Кто-то забарабанил в закрытые двери шахты лифта.

– Твой киндрид, – сказала Квое Белинджеру.

– Я знаю. – Он посмотрел на Карлоса. – Будьте добры, покажите, как спасли этого парня.

Бородач послушно раздвинул двери и вытащил робота.

– Только Мэрдок был тяжелее, – подметил он. Белинджер кивнул, посмотрел на Квое и спросил у Карлоса, могут ли они поговорить с его дочерью.

– Вы или она? – спросил Карлос, показывая на Квое.

– Я, – сказала Квое.

– Ну, раз так… – Карлос вздохнул.

* * *

– Ну и что ты думаешь об этом? – спросила Квое уже в отделе.

– Ты знаешь, что я думаю. – Белинджер закурил.

– Значит, он должен был умереть?

– Значит, да.

– И что теперь?

– Откуда я знаю? Выдадут ему нового киндрида, напишут другую программу.

– Никак не могу привыкнуть к этому, – призналась Квое. – Живешь и знаешь, что вся твоя жизнь планируется кем-то сверху.

– Ну, не вся. – Белинджер предложил ей сигарету. Она отказалась.

– Даже у Кейна есть свой киндрид.

– Думаешь, от этого ему хуже?

– Нет, но…

– Тот робот, кстати, тоже когда-нибудь расскажет вашу историю детям Кейна.

– Перестань.

– Ладно. – Белинджер поднялся из-за стола.

– Уже уходишь?

– Да как-то вдруг вспомнил о Пэм. Куплю ей, пожалуй, цветов и попрошу прощения.

– Говоришь так, словно тебя кто-то заставляет это делать.

– Всего лишь история. – Белинджер посмотрел на своего киндрида. – Ведь так?

– Вернее верного, – заявил робот голосом его отца.

– Вот видишь, – Белинджер подмигнул Квое. – И как с этим поспоришь?!

Глава вторая

Моргана промыла раны и сказала, что скоро он станет как новенький. Мэрдок кивнул.

– И киндрида тебе скоро нового выдадут, – подмигнула она.

– Выдадут, – Мэрдок состроил кислую мину.

– Вот только не делай так! – оживилась Моргана.

– Похож на отца, да?

– Не то слово! – она помрачнела. – Знаешь, что мне говорила о нем мать?

– Что он тоже не любил киндридов, – устало промямлил Мэрдок.

– Именно! – Моргана понизила голос до шепота. – Думаешь, он просто так умер? Думаешь, все то, что нам о нем сказали, правда? К тому же… – она прикоснулась к брату. – Сегодня ведь тоже был лифт, да?

– Может, им просто нравятся лифты.

– Вот именно, – Моргана помрачнела. – И со мной, помнишь, два года назад?

– Там был просто школьный подъемник.

– И что? Я ведь тоже была одна.

– Тебя спас киндрид. Забыла?

– Может, это было предупреждение. Страх, который должен заставить нас не повторять судьбу отца.

– Он просто не любил роботов.

– Нет, Мэрдок. Он не любил не роботов. Он не любил то, что они говорили.

– Глупость. Они не более чем проекции наших предков.

– Значит, ты тоже за это их не любишь?

– Я не люблю их, потому что они вечно суются с советами. Знаешь, когда падал лифт, мой киндрид так разошелся, что послушай я его, то вряд ли бы выбрался.

– Вот видишь!

– Что я должен видеть? Глупого робота? Так я и без сегодняшнего случая знал это.

– А ты не думаешь, что они хотели тебя убить? Как отца.

– Нет.

– Почему? Не хочешь пугать меня?

– С чего ты взяла?

– С того, что я знаю тебя.

– Просто выброси все это из головы и точка.

– Значит, боишься.

– Моргана!

– Думаешь, это что-то изменит?! Мы те, кто мы есть! Это у нас в крови!

– Но мать-то у нас живет, и ничего.

– Она другая. Покорная.

– Да и я покорный.

– Не ври.

– Не вру. – Мэрдок опустил голову. – Если я не хочу становиться тем, кто есть моя мать и кем был мой дед, это еще ничего не значит.

– Кроме падающего лифта, – Моргана покосилась на своего робота. – Представь, что кто-то постоянно наблюдает за нами через них? Представь, что кто-то говорит с нами через них, прикидываясь нашими усопшими предками? Что тогда?

– Ничего, – Мэрдок улыбнулся. – Найди лучше себе парня.

– Мерзость!

– Ты знаешь, что такое гормоны?

– Не начинай!

– С природой не поспоришь.

– Заткнись! – Моргана ударила его подушкой. – Хочешь еще?

– Ну, если это поможет тебе снять напряжение… – он засмеялся, закрывая руками голову.

* * *

Мэрдок остановился у дверей лифта, поездка на котором едва не стоила ему жизни, и предпочел воспользоваться лестницей. Бетти открыла дверь. Спросила, как у него дела.

– Чуть не разбился, – сказал Мэрдок.

– Я слышала.

– Слышала? – он нахмурился. – Почему же не позвонила?

– Не знаю. – Она смахнула с лица прядь темных волос, высвободилась из его объятий. – Я тут подумала…

– Ты хочешь расстаться? – спросил Мэрдок.

– Откуда ты знаешь?!

– Ниоткуда.

– Не обижайся, – Бетти осторожно прикоснулась рукой к его щеке. – Просто бабушка, наверно, права…

– Твоя бабушка умерла.

– Я имею в виду моего киндрида, – Бетти посмотрела на робота. Его лицо приняло черты старой, уставшей женщины, скрипящей что-то о смысле жизни и глубине чувств.

– Заткни его, – буркнул Мэрдок.

– Не смей так говорить о моей бабушке! – обиделась Бетти.

– Это робот! – Мэрдок попытался успокоиться. – Это всего лишь… – он вспомнил отца. Вспомнил сестру. – Неважно.

– Да нет! Договаривай, раз уж начал! – настаивала Бетти. Мэрдок молчал. – Значит, бабушка была права! Ты никогда не был честен со мной. Я была, а ты – нет. Мы совершенно не подходим друг другу… – она еще что-то говорила, но Мэрдок уже спускался по лестнице. На двадцатом этаже он остановился и постучал в квартиру Карлоса.

– Привет, – сказал он, увидев Марсию.

– Привет, – она улыбнулась.

– Отца дома нет? – спросил Мэрдок.

– Боишься его?

– А твой парень разве не боится?

– Поэтому он и мой парень.

– Обещаю, что буду тоже бояться.

– А может, мне это не нравится.

– Ладно, – Мэрдок улыбнулся. – Значит, бояться не буду.

– Думаешь, у тебя получится?

– Раньше получалось.

– Молодой человек! – заговорил киндрид Марсии голосом ее матери. Мэрдок схватил Марсию за руку, вытащил в коридор и захлопнул дверь, отрезав робота и его назойливый голос.

– Что ты делаешь? – не то возмутилась, не то просто удивилась Марсия.

– Знаешь, что моя сестра говорит о киндридах?

– Да я даже сестры твоей не знаю!

– Она считает, что это просто тупоголовые машины. Понимаешь?

– Нет.

– Только что один из них уговорил мою девушку бросить меня.

– Так ты поэтому здесь?

– Нет. У меня еще рубашка твоего отца. Забыла?

– Можешь оставить себе.

– А если я предложу тебе куда-нибудь сходить?

– Я откажусь.

– Потому что у тебя есть парень?

– И поэтому тоже.

* * *

Пэм увидела букет алых роз и бросилась Белинджеру на шею.

– А как же обиды? – недовольно буркнул он, пытаясь не сломать цветы.

– Ты прощен. – Пэм подхватила букет и прижала к груди. – Даже не верится, что ты все еще помнишь, какие мне нравятся! – Белинджер промолчал. Хотел сказать, что не помнит, но не сказал.

– Я всегда говорила, что в нем умирает настоящий джентльмен! – сказал киндрид Пэм голосом ее матери.

– Вернее верного! – подхватил киндрид Белинджера голосом его отца.

– Какие они красивые! – ворковала Пэм, порхая по комнате в поисках вазы. – Господи! Как же их много! Как же их много! – Белинджер разделся и прошел на кухню. Кофе было холодным, пепельница вымыта и убрана в шкаф. Белинджер сел за стол. – Прости, я не готовила ужин, – промурлыкала Пэм, обнимая его за шею.

– Я не голоден. – Белинджер налил себе кофе и закурил. – Ты позволишь? – спросил он, поднимая чашку.

– Ну конечно! – она снова запорхала по комнате. – Я так рада, что ты пришел!

– А куда, интересно, я бы делся?

– Ну… – Пэм тряхнула головой, прогоняя мрачные мысли. – Я подумала…

– Не думай.

– Не буду. – Она снова повисла на его шее. Молодость и зрелость. Счастье и усталость.

– У него, между прочим, был трудный день! – заворчал киндрид Белинджера голосом его отца.

– Любовь, как говорится, лечит все недуги! – возразил киндрид Пэм голосом ее матери.

– Любовь… – Пэм поцеловала Белинджера в губы, стараясь не обращать внимания на щетину. – Знаешь, о чем я сейчас думаю?

– Знаю. – Белинджер послушно шел за ней в спальню.

Они занимались любовью, а киндриды о чем-то щебетали и ворчали…

– Тебе хорошо? – спросила Пэм. Белинджер кивнул. – Мне тоже, – она прижалась к нему и поцеловала.

– Даже завидно! – сказала киндрид-мать Пэм.

– Вернее верного! – согласился киндрид-отец Белинджера.

– Надеюсь, они расскажут об этом нашим детям! – прошептала Пэм. – Я имею в виду цветы. Понимаешь?

– Понимаю. – Белинджер повернул голову и посмотрел на роботов. – Знаешь, – сказал он Пэм, – с каждым новым годом мне все сложнее и сложнее делать это.

– Ты еще не так стар.

– Стар? – Белинджер хотел сказать, что имеет в виду работу, но промолчал.

– К тому же я знаю пару таких грязных штучек… – Пэм хихикнула.

– Они вообще-то слушают, – Белинджер кивнул в сторону роботов.

– Ну и что? – Пэм слизнула капельку пота с его щеки. – Они же наши родственники. – Она снова хихикнула. – К тому же ненастоящие.

– Да. Ненастоящие, – согласился Белинджер.

– Знаешь, как ты сейчас выглядишь? – спросила Пэм.

– Как?

– Как влюбленный мальчишка!

– Мне тридцать семь, – напомнил Белинджер. Пэм прижала руку к его груди.

– Вот здесь. Понимаешь?

– Понимаю. – Белинджер снова посмотрел на своего киндрида-отца. Поджав губы, тот недовольно покачал головой.

– Будешь думать о ней – прощай карьера! – заявил робот-старик.

– О ком это «о ней»? – нахмурилась Пэм.

– Не бери в голову, – сказал Белинджер, обнимая ее за плечи.

– И даже когда мы занимались любовью?

– Нет.

– Это правда? – спросила Пэм старика-робота.

– Правда, – сказал Белинджер, вспоминая административный штраф за умышленное нанесение повреждений киндридам. – Правда, – он поцеловал Пэм, скашивая глаза на своего робота-отца. Тот молчал, недовольно качая головой.

* * *

В отделе технической поддержки было тихо и холодно, как в морге. Мэрдок все еще помнил, как опознавал тело своего отца, желая избавить от этой процедуры мать…

Патологоанатом открыл холодильник и сдернул с лица покойника край белой простыни. Мэрдок кивнул.

– Вам сделать укол? – предложил патологоанатом.

– Укол? – спросил Мэрдок.

– Всего лишь успокоительное, – патологоанатом попытался улыбнуться.

– На твоем месте я бы отказался, – сказал киндрид голосом отца. Мэрдок обернулся, увидел знакомое лицо и похолодел. Шприц уколол руку.

– Это всего лишь киндрид, – сказал патологоанатом. Мэрдок кивнул. Транквилизатор начал действовать…

– Если с новым роботом возникнут проблемы, – сказала улыбчивая девушка службы технической поддержки, – то сразу звоните, – она протянула визитку. Мэрдок убрал ее в карман. Посмотрел на своего киндрида. «Клянусь, – подумал он, – если эта железяка сейчас станет моим отцом, то я ударю ее». Но робот остался безликим. Даже когда они вышли на улицу, он просто плелся следом и все…

– Опять ты?! – спросила Марсия, открывая дверь. Мэрдок улыбнулся. – Забрал своего киндрида? – она посмотрела на робота.

– Вот теперь уже лучше! – заворковал киндрид за ее спиной женским голосом.

– Я видел, как ушел твой отец, – сказал Мэрдок.

– Ты что, следил за ним? – удивилась Марсия. Он кивнул. – А как же обещание, что не будешь бояться?!

– А я и не боюсь. Просто хотел поговорить с тобой без твоего отца.

– Он все равно узнает, – Марсия обернулась и посмотрела на своего робота.

– Конечно, узнает, – сказал робот, имитируя мать. – Узнает и как следует кое-кому наподдаст, если, конечно…

– Просто поговорить, – сказал Мэрдок. Посмотрел на своего киндрида, надеясь, что сейчас он что-то скажет, но робот промолчал. – Мог бы и помочь, – сказал Мэрдок. Лицо киндрида вздрогнуло, обрело форму какой-то рыжеволосой девушки и подмигнуло ему.

– А вот разбирайся сам! – хихикнул робот задорным женским голоском.

– Понятия не имею, кто она такая! – сказал Мэрдок Марсии.

– Нужно знать всех своих родственников, молодой человек! – упрекнул его киндрид за ее спиной.

– У тебя большая семья? – спросила Марсия.

– До сегодняшнего дня – нет. – Мэрдок снова посмотрел на рыжеволосое лицо. Зеленые глаза горели каким-то детским азартом. – Нужно будет спросить мать. Никогда не думал, что у нас в родне были рыжие.

– А по-моему, она даже красивая, – сказала Марсия.

– Не знаю, – сказал Мэрдок. – Не люблю рыжих. – Робот скорчил ему мордочку и показал язык. – Вот это да! – обалдел Мэрдок. Марсия засмеялась и пригласила его войти.

* * *

Моргана падала. Летела в бездонную глотку небытия в кабине лифта, и киндрид громко хохотал, наблюдая за ее страхом.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Моргана, сонно прищуривая глаза. Мэрдок стоял в дверях.

– Ты кричала, – сказал он.

– Мне снился лифт. – Моргана покосилась в сторону своего робота. – Как думаешь, отец мог прожить свою жизнь иначе?

– Хочешь попробовать?

– Я не знаю. – Она села в кровати. – Может, если я буду знать наверняка…

Мэрдок рассказал о Марсии.

– Она тебе нравится? – спросила Моргана.

– Она похожа на тебя, – сказал Мэрдок. – Только…

– Только не боится лифтов? – улыбнулась Моргана. Он кивнул. – А как же Бетти?

– Она бросила меня.

– До лифта или после?

– После, но, думаю, хотела до… – Мэрдок замолчал, вспомнил рыжеволосую девушку, которую имитировал его киндрид, и спросил Моргану, хорошо ли она знает их родословную.

– Рыжая?! – удивилась Моргана. – Никогда не думала, что у нас были рыжие!

– Да и я не думал! – Мэрдок смущенно улыбнулся. – А еще она показывает язык и строит рожицы!

– Вот это номер! – Моргана зевнула. – Может, спросить мать?

– Не хочу ее ни о чем спрашивать.

– Хочешь, я спрошу?

– Не надо. – Мэрдок посмотрел на своего робота. – К тому же она больше не появлялась, – он пожал плечами. – Вообще больше никто не появлялся. Может, позвонить в службу поддержки и сказать, что с киндридом что-то не так?

– Так она тебе не понравилась? – спросила Моргана.

– Кто?

– Рыжая.

– Не знаю.

– По-моему, она помогла тебе познакомиться с Марсией.

– А по-моему, она вообще не наш родственник.

– И что?

– Ничего, – Мэрдок пожал плечами.

– Может, попробуешь позвать ее? – спросила Моргана.

– Зачем?

– Просто хочу посмотреть.

– Как она дразнится?

– Ну, и это тоже.

– И как я, по-твоему, это сделаю?

– Просто позови ее.

– Просто позвать?

– Ну да.

– Ладно. – Мэрдок посмотрел на своего робота. – Эй. – Моргана засмеялась. – Что тут смешного?

– Ты знаешь, сколько людей отзывается на «эй»?

– И что? Я ведь не знаю ее имени.

– Но знаешь, как она выглядит.

– А если она обидится?

– И что?

– Когда я был маленьким, то однажды назвал своего прадеда дураком, – Мэрдок улыбнулся. – Так робот потом всю неделю брюзжал его голосом о том, что оттаскает меня за уши, как только я усну.

– И ты поверил?

– Нет, но спать боялся.

Моргана рассмеялась.

– Трусишка!

– Мне было шесть!

– Да ты и сейчас боишься!

– Не боюсь.

– Боишься!

– Эй, рыжая! – сказал своему киндриду Мэрдок. – Покажи, как ты дразнишься! – робот остался безликим. – Ты слышишь меня? – Мэрдок заглянул ему в скульптурные глаза. – Рыжая! Ты там?

Черт! Чувствую себя идиотом, – признался он Моргане. Киндрид рассмеялся. Звонко. Задорно. Бледные щеки залились румянцем. Появились рыжие волосы, зеленые глаза.

– Она красивая, – сказала Моргана, вставая с кровати, чтобы получше рассмотреть незнакомое лицо.

– Да и ты тоже ничего, – сказала рыжая.

– Ты слышал?! – Моргана удивленно посмотрела на брата.

– А ты что, думала, он глухой?! – скривился его киндрид рыжим лицом.

– Какая бестактность! – заскрипел старческим голосом робот Морганы.

– Ой, да ладно! – отмахнулась рыжая.

– Ничего не ладно!

– Ты старая и глупая!

– Не смей называть меня старой!

– Говорю то, что вижу.

– Я не старая, а просто пожилая!

– Но глупая!

– Не глупая!

– Глупая!

– Не глупая!

– Глупая и забавная! – робот Мэрдока звонко рассмеялся.

– Они что, ругаются? – удивленно спросила Моргана.

– Ну у вас и родственники, молодые люди! – сказала рыжая.

– У нас? – опешил Мэрдок.

– Ну не у меня же?! – рыжая сверкнула на него своими зелеными глазами.

– То есть как это «ну не у меня же»?

– А вот так! – рыжая показала ему язык.

– Еще раз так сделаешь, и позвоню в службу поддержки!

– Ой, да звони куда хочешь!

– Думаешь, не позвоню?

– А ты не пугай меня!

– Вот возьму и позвоню прямо сейчас!

– Мэрдок! – остановила его Моргана.

– Чего? – он замер возле видеофона.

– Не звони.

– Это еще почему?

– Ее же разберут.

– И что?

– Не знаю. Мне она нравится.

– Вот только не надо жалеть меня! – снова завелась рыжая.

– Да помолчи ты! – одернула ее Моргана.

– И не подумаю! Давай, парень, звони! Звони куда хочешь!

– Не делай этого! – сказала Моргана брату. – Просто не делай и все. Пожалуйста.

Глава третья

Змея была старой, но все еще сильной. Она извивалась в террариуме, заглатывая белую мышь.

– Красиво, правда? – спросил Кейн, поглаживая пальцами плечи Квое.

– И кем из них ты себя представляешь? – спросила она.

– Обоими. – Он поднял ее светлые волосы и поцеловал в шею. – А ты? – его губы были теплыми. Руки настойчивыми.

– А что я? – Квое напряглась.

– Думаю, в постели ты скорее змея, – прошептал Кейн.

– А в жизни? – спросила она.

– В жизни ты мышь. – Он развернул ее к себе лицом. – Мышь, зачарованная взглядом змеи. Твоей змеи, понимаешь?

– Это не так. – Квое открыла рот, отвечая на поцелуй.

– Так ты не станешь петь мне колыбельную? – спросил Кейн.

– Нет.

– О чем вы разговаривали с Белинджером в кафе?

– Просто ели.

– Просто ели? – Кейн расстегнул Квое блузку. – Скажи, что ты сейчас чувствуешь?

– Ничего.

– Совсем ничего? – Его пальцы скользнули под оборку лифчика.

– Мне тридцать семь лет, Кейн.

– И что?

– Если хочешь, чтобы кто-то кричал от страсти, найди себе какую-нибудь молоденькую шлюшку.

– У меня уже есть ты, – он улыбнулся. – Сердись. Это тебе к лицу.

– Пошел ты!

– Моя маленькая шлюшка.

Она влепила ему пощечину. Вскрикнула, когда он вывернул ей руку.

– Не позволяй ни одной суке прикасаться к тебе! – громыхал голосом отца его киндрид.

– Ты же женщина, а не подстилка! – надрывался киндрид Квое голосом ее матери. Старая змея все еще заглатывала белую мышь. Глубже. Еще глубже. Квое снова вскрикнула. Стекло террариума запотело от ее теплого дыхания.

– Ты кончила? – спросил Кейн, продолжая прижимать Квое к

столу.

Она не ответила. Вывернутая рука болела. Киндриды молчали. Просто стояли и наблюдали за происходящим. «Когда-нибудь они расскажут об этом нашим детям», – подумала Квое.

– Я люблю тебя, – сказал Кейн. Она машинально сказала что-то в ответ. Наверное, что-то хорошее. По крайней мере, хотела, чтобы это было что-то хорошее. – И помни, – пальцы Кейна скользили по ее позвоночнику, – я всегда наблюдаю за тобой.

– Я знаю, – Квое закрыла глаза.

«Ненавижу тебя, Белинджер!» – подумала она, облизывая сухие губы. «Мы никогда не ругаемся, просто смотрим друг другу в глаза и тихо ненавидим». «И о ком это ты, а?» «Не знаю. Может, это мое подсознательное стремление к мазохизму?» «Или мое, – Квое улыбнулась. – Надеюсь, Пэм понравились розы. Надеюсь, понравились…»

* * *

Белинджер выпил чашку кофе, поцеловал Пэм в щеку и вышел на улицу. Серебристый флайер Квое стоял у обочины.

– Бурная ночь? – спросила она.

– Дурные сны, – буркнул Белинджер. Он закурил. Флайер взмыл в небо.

– Кейн хочет, чтобы мы понаблюдали за парнем из лифта, – сказала Квое, вписываясь в плотный автомобильный поток.

– Так ты все-таки пела ему колыбельную?

– Нет.

– Вернее верного! – заявил киндрид Белинджера с заднего сиденья.

– Попроси его заткнуться, – скривилась Квое.

– Так что там с парнем из лифта? – спросил Белинджер.

– Просто наблюдение.

– Как с Лебоном?

– Пока нет.

– Скажи, – Белинджер затянулся, наблюдая, как разгорается сигарета, – там, с Лебоном, что ты чувствовала, когда нажимала на курок?

– Ничего.

– А если бы это был я?

– Ничего.

– Я так почему-то и подумал.

– Так тебе это сегодня снилось?

– Мне снилось, что я женат.

– На Пэм?
– На тебе. – Белинджер открыл пепельницу.
– А ты бы выстрелил? – спросила Квое.
– В Лебона?
– В меня.
– Нет.
– Почему?
– Лучше придушил бы своими руками.
– Вот как?
– А ты как хотела?
– Не знаю.
– Обиделась?
– Нет.
– Хочешь, спою тебе колыбельную?
– Лучше придуши.
– А Кейн?
– А что Кейн?
– В него бы выстрелила?
– Лучше бы придушила. – Квое обернулась, посмотрела на своего киндрида и заставила себя улыбнуться.

* * *

Файоли Лебон шла по кленовой аллее, вспоминая о том, каким это место было летом. Солнце приятно согревало, и в кронах пели птицы… Но теперь здесь только снег. Персибал ушел, и вместе с ним, казалось, ушло все тепло этого мира. Ничего не осталось. Как холодильник, в котором нет продуктов – только лед, и то если вы не забыли оплатить счета за электричество… Файоли забыла. Забыла обо всем, кроме тех, кто забрал у нее мужа. Она вошла в холодную квартиру. Пальто было старым и грязным. Не снимая его, она села на скрипучий диван. Они любили эту квартиру. Любили эту мебель. Она и Персибал.

– Почему? – в тысяча первый раз спросила она своего киндрида. И в тысяча первый раз он сказал, что не хотел оставлять ее. Сказал голосом Персибала. Изобразил боль на лице Персибала. – Я люблю тебя, – прошептала Файоли. Темные глаза смотрели на нее с лица робота. Как же хотелось к нему прикоснуться! Как же хотелось вздрогнуть и, потянувшись, понять, что это всего лишь сон. Но стоило только протянуть руку, и робот снова становился роботом. Лишь голос оставался неизменным. Голос Персибала. Он подчинил себе киндрида. Он стал единственным. Ни матери, ни отца, ни предков. – Я всегда

была одинокой, – сказала Файоли.

– Я всегда любил тебя, – сказал киндрид-Персибал.

– Только ты.

– Только я…

Файоли закрыла глаза. Невидимый поцелуй застыл на губах. Несуществующий поцелуй. Он пришел из теплой памяти в ледяную мглу настоящего.

– Это безумие, – Файоли заплакала. Тихо. Без слез. Думала, что плачет, но на самом деле просто сидела на диване, закрыв глаза, и раскачивалась взад-вперед. – Безумие.

Поцелуй повторился. И еще один. И еще. Они занимались любовью на этом диване. Занимались в прошлом, но сейчас прошлое было таким же настоящим, как зима за окном. Только прошлое. Только воспоминания. Только боль, от которой нигде невозможно скрыться. И робот с лицом Персибала, который не позволяет забыть.

– Отпусти меня! – взмолилась Файоли. Лицо исчезло. Мороз, тишина, одиночество. – Нет! Не уходи! – Файоли нервно заломила руки.

Это неизбежность – любить жизнь и знать, что не можешь жить. «Если бы Персибал был рядом! Нет! Персибал мертв. Но вот ведь он! Всего лишь память. Проклятый робот! Нет! Не ты! Прости меня! Прости! Прости!» В дверь постучали. Файоли заставила себя подняться, и пошла открывать. Никого. Значит, она сходит с ума. Странно как-то. Становиться безумцем и чувствовать это. Понимать это. Кто-то сказал, что сумасшедшие не понимают, что они сумасшедшие. А если понимают? Значит, все слова – это ошибка? Заблуждение? Но почему же тогда не проходит боль? Почему лишь становится сильнее, но не настолько, чтобы терпеть ее стало невыносимо. Словно кара свыше.

– Что же это?! – спросила Файоли киндрида.

– Не оставляй меня! – сказал Персибал.

– Ты умер!

– Я жив.

– Ты умер для всех!

– Кроме тебя!

– Да, – Файоли снова заплакала без слез. Всего лишь робот. Всего лишь иллюзия.

– Мы можем снова быть вместе.

– Как?

– Стать одним целым. Здесь. В этом разуме.

– Они убили тебя!

– Я любил жизнь.

– Они убили меня!

– Еще нет.

– Я не хочу умирать!

– Знаю…

И так каждый день.

* * *

– Как думаешь, – спросила Квое Белинджера, – кто я по жизни: змея или мышь?

– Человек, – буркнул он.

Она кивнула и вышла из флайера. Белинджер смотрел, как она идет. Как раскачиваются ее бедра, вздрагивают плечи…

– Оставь ты ее, – сказал киндрид голосом отца.

– Уже оставил, – сказал Белинджер.

– Я же вижу, – старик-робот вздохнул.

– Что ты видишь? – спросил Белинджер.

– Все.

Квое вернулась, принеся два кофе и пакет с пончиками.

– В следующий раз идти тебе! – сказала она. Белинджер кивнул. – Что-то случилось?

– Нет.

Квое обернулась и посмотрела на двух роботов.

– Снова разговаривал с отцом?

– Угу.

– И что он сказал?

– Что Пэм хорошая девушка.

– К тому же молодая. – Квое вспомнила Кейна. – Думаю, тебе должно это льстить.

– Несомненно.

– Вот именно!

– Страсть, темперамент.

– А я о чем?!

– Вчера она сказала, что знает пару таких грязных штучек, что даже в старости я не смогу устоять перед этим.

– Вот-вот!

– Не злись.

– Не злюсь. Я просто рада.

– За меня?

– Ну не за Пэм же!

– Вот как?

– Конечно. Как представлю ее в постели со стариком, даже жалко становится бедную девочку.

– Так я старик?!

– Не злись.

– Не злюсь. Я просто рад.

– Да ты что?!

– Конечно. Только представь, какой старухой была бы Пэм, если бы ей сейчас было тридцать семь?!

– Я не старуха!

– Я знаю.

– Знаешь?

– Ну да. Для меня… То есть… – Белинджер замялся, взял кофе и пожаловался, что оно почти остыло. Квое согласно кивнула.

– И пончики.

– И пончики. – Они замолчали. Старики-киндриды на заднем сиденье тяжело вздохнули и покачали седыми головами.

* * *

Отчет был странным. Кейн закурил и налил себе выпить. Подняв дело годичной давности, он еще раз уточнил имя исполнителя. Квое. Да. Он всегда знал это, но отчет говорил обратное. Персибал, вдова, Белинджер… У Борка всегда свое видение жизни, и гильотина может нависнуть над каждым. Даже над ним. Кейн посмотрел на своего киндрида. Знать правду и жить с этим намного сложнее, чем состариться и умереть в неведении. Теория Прасла. Теория мыслителя. Он пытался оптимизировать этот мир, изменить его к лучшему, но вместо этого погиб от яда разгневанной супруги, узнавшей о внебрачных детях мужа. Вот такая ирония. И никому ничего не объяснишь. По крайней мере, Борку уж точно. Он управляет этим миром, собирает информацию миллиардов киндридов и выносит свои приговоры. Электронный бог. Беспристрастный судья. Доктор страданий и наслаждений, счастья и печалей, любви и ненависти.

«Может быть, – подумал Кейн, – Борк давно спятил, но кто сможет узнать об этом, ведь мир все еще вертится. Жизнь продолжается. Жизнь становится лучше. А значит, всему, что было прежде, надлежало случиться, и глупо сомневаться в обратном. Тысячи людей погибнут во имя жизни миллионов. Миллионы сгинут в страданиях, даровав счастье миллиардам. И так до бесконечности. Сложная математическая формула, стремящаяся к совершенству. И никакого хаоса. Никаких ошибок. И уж точно никаких сомнений…»

Кейн снова перечитал отчет. Вариант первый: вдова Лебон

сходит с ума и убивает виновного в смерти супруга агента Белинджера. Вариант второй: агент Квое спасает агента Белинджера, и вместе они сбегают за дальние границы. Вариант третий: агент Белинджер подает в отставку и живет с девушкой по имени Пэм долго и счастливо. Кейн закурил еще одну сигарету…

– Почему ты соврала мне? – спросил он Квое вечером.

– Соврала о чем? – спросила она, усаживаясь в кресло.

– О том, кто был исполнителем в деле Лебона.

– Я не соврала. – Она выдержала тяжелый взгляд Кейна. Мышь всегда отворачивается, когда врет. – Можешь просмотреть отчет моего киндрида, – сказала Квое.

– Я не всесилен.

– Значит, тебе придется поверить мне на слово.

– Дело не во мне, – признался Кейн.

– Снова отчет Борка?

– Да.

– Мне угрожает опасность?

– Может быть.

– А варианты?

– Три.

– Со мной?

– С Белинджером.

– А я?

– Только в одном из них.

– Значит, Борк решил заняться Белинджером?

– Тебя это беспокоит?

– Нет. – Квое отвернулась. Мышь всегда отворачивается, когда врет.

– Гильотина висит над каждым из нас, – сказал Кейн.

– Я стараюсь не думать об этом.

– А я иногда думаю.

– Борк слышит, – предупредила Квое, поглядывая в сторону киндридов.

– А если нет? Что если он давно усовершенствовал себя и может читать наши мысли?

– Тебя это пугает?

– А тебя нет?

– Может быть.

– Что ты знаешь о дальних границах?

– Не более, чем о них пишут в газетах.

– И ты никогда не хотела сбежать туда?

– Это один из вариантов Борка, да?

– Может быть.

– И ты боишься, что я сбегу? – мышь стала змеей. Старой, но

все еще сильной.

– Знаешь, чего я сейчас хочу? – спросил Кейн.

– Не сегодня.

– Почему?

– Потому что не сегодня. – Квое забрала у него стакан. Губы коснулись стеклянной кромки. Коньяк наполнил рот.

– Пойду покормлю змею, – сказал Кейн.

– Пойду домой и немного посплю, – сказала Квое.

Белая мышь, брошенная в террариум, зачарованно смотрела на приближавшуюся к ней змею…

Часть вторая

Глава первая

Да. Вот так все и бывает. Пишешь историю, планируешь судьбы, а потом появляется один персонаж, не пожелавший погибнуть в лифте, и все нужно начинать сначала. Потому что он меняет историю. Твою историю. И уравнение становится неверным. Его стройность рушится, и нужно срочно изменять значения переменных, дабы одна великая формула не потеряла свою актуальность из-за крохотной нестыковки.

Видишь, как девушка сидит перед зеркалом и расчесывает волосы? И вроде бы ничего не изменилось, но тот, кто должен был прийти, уже не придет. Они не займутся любовью. Не отправят своего ребенка в школу. Их жизнь никогда не случится, и вследствие этого не случатся и сотни других жизней. Судьба меняется, и ты ничего не можешь вернуть в прежнее русло. Как река, которую не повернуть вспять. Остается лишь следовать по течению, переписывая придуманную историю. Оглядываться назад и пытаться понять, где была допущена ошибка. Понять и учесть ее в будущем. Ведь ни одна история не проходит бесследно. Это как взмах крыльев бабочки, способный породить океанские бури. Бесконечное уравнение с одним неизвестным…

* * *

Ребенок рождается в полночь. У матери сильное кровотечение, но она улыбается.

– Это девочка, – говорит акушер.

– Девочка, – шепчет мать, закрывает глаза и теряет сознание. Но не проваливается во мрак, как это обычно бывает. Нет. Она видит яркий, всепроникающий свет. Свет жизни, бесконечного бытия. И она счастлива…

– Мы перепрограммируем киндрида вашей жены, и он будет служить вашей дочери, – говорит девушка службы поддержки счастливому и убитому горем отцу.

– Розали, – говорит он.

– Что, простите? – хмурится девушка.

– Мы хотели назвать нашу дочь Розали, – поясняет Куэйд.

– Хорошо, мистер Куэйд, – девушка улыбается. Меняет выражение лица быстрее, чем хамелеон, адаптируется к внешней среде. И все это ничего не значит. Так же, как фраза, что Розали –

хорошее имя. Или что она сочувствует.

Куэйд вернулся домой, уложил Розали в приготовленную колыбель и спросил своего киндрида, что ему теперь делать. Лицо робота просветлело материнской заботой.

– Мой маленький мальчик! – промурлыкал киндрид, становясь матерью Куэйда.

– Сью умерла, – тихо сказал Куэйд.

– Я знаю, – сказал киндрид-мать. – Хочешь поговорить с ней?

– Скажи лучше, что делать с ребенком. – Куэйд принес пакет с купленными смесями.

– Я помогу тебе, – сказал робот. Он суетился у плиты, а Куэйд сидел возле колыбели и смотрел на Розали…

* * *

– Отец так больше и не женился, – сказала Розали своему супругу.

– У нас все будет иначе, – пообещал он, поглаживая ее округлый живот.

Но иначе не получилось. Хью забрала жизнь Розали, так же как Розали когда-то забрала жизнь матери. И вот Диас возвращается домой и укладывает дочь в розовую колыбель.

– Не отчаивайся, – говорит киндрид голосом Розали. Диас сидит возле колыбели и плачет, а робот суетится у плиты, приготавливая искусственные смеси и стерилизуя бутылки для кормления. А потом появляется Ивен. Невысокая, русоволосая, с широкими бедрами и маленькой грудью. И пытается заменить Хью мать. – Помнишь моего отца? – спрашивает Диаса его робот голосом Розали.

– Я не могу быть один, – говорит Диас. – К тому же Хью нужна мать.

– Я могла бы дать ей все, что нужно, – говорит робот, изображая на рыжеволосом лице негодование.

– Но ты умерла, – тихо говорит Диас.

– Шлюха! – заявляет его робот Ивен. Ивен молчит. Заплетает Хью рыжие волосы и молчит. – Грязная шлюха! – верещит робот. – Ивен закрывает глаза.

– Мама? – спрашивает Ивен Хью. – Почему этот робот тебя так называет?

– Не слушай его, – говорит Ивен.

– Как это не слушай?! – кричит киндрид-Розали.

– Уведи его, – просит Ивен Диаса.

– Извини, – говорит он, выходя на улицу.

– Ты еще и извиняешься перед ней?! – возмущается его робот.

– Она просто хочет как лучше, – говорит Диас.

– Она просто шлюха! – заводится робот-Розали.

И так каждый день. За месяцем месяц…

– Нет, простите, – говорит девушка из службы поддержки и технического обслуживания. – Мы ничего не можем сделать с вашим роботом. Это часть вашей жизни. Часть вашего прошлого.

И так за годом год…

* * *

Служба в церкви начинается в полдень. Ивен не верит в Бога, но здесь, по крайней мере, нет киндридов. Они выстраиваются в шеренгу перед входом и ждут возвращения своих хозяев. Так что церковь – это единственное место, где можно законно побыть наедине с собой.

– Каково же тогда назначение закона? – говорит священник. – Он был добавлен из-за уклонений, до тех пор пока не придет этот Отпрыск, Кому было дано обещание. Закон был дарован через ангелов с помощью посредника. Посредник, однако, представляет не одну только сторону, Бог же – един…

Ивен возвращается домой и снова выслушивает оскорбления робота с лицом и голосом Розали.

– Я больше так не могу, – говорит на исповеди Ивен. – Я хочу жить с Диасом, но не могу жить с его роботом! – она плачет и говорит, что хочет развестись.

– Весь мир в плену у греха, – говорит священник. – До тех пор, пока наследник ребенок, он ничем не отличается от раба, хотя и владеет всем. Он находится под охраной опекунов и слуг домашних до времени, назначенного его отцом. Так же и мы, пока были детьми, то подчинялись бесполезным законам этого мира. Но в нужное время Бог послал нам Сына Своего, рожденного от женщины и жившего по закону, с тем чтобы освободил Он тех, кто находится под властью закона для того, чтобы Бог усыновил нас.

– И что все это значит? – спрашивает Ивен, шмыгая носом.

– Это значит, что Господь может принять тебя в лоно Свое, – говорит священник.

Ивен возвращается домой и говорит мужу, что они могут спасти свой брак.

– Как? – спрашивает он, косясь на своего робота.

– Нужно верить, – говорит она.

– Верить? – усталость старит лицо Диаса на десяток лет.

– Просто поговори с отцом Смейджем.

– Что, шлюха, в веру ударилась?! – спрашивает ее робот Диаса голосом Розали. – Не поможет!

– Просто поговори. – Ивен целует мужа в губы. Слушает оскорбления робота и просит Диаса пообещать, что он сделает это.

* * *

– И поскольку вы – дети Его, – говорит Диасу священник, – Бог послал Дух Сына Своего в сердца ваши, и взывает он: Абба!..

– Абба? – кривится Диас. – Это что, группа какая-то?

– Это отец по-еврейски, – терпеливо поясняет священник и повторяет: – И взывает он: «Абба! Отец!» И таким образом не раб ты более, а сын. А если ты – сын, то Бог сделал тебя таким же наследником. В прошлом, когда не знали вы Бога, вы были рабами богов, которые и не боги на самом деле. Теперь же, когда знаете вы Бога (или, вернее, когда стали вы известны Богу), как же это вы снова возвращаетесь к этим жалким бесполезным законам, которым снова пытаетесь служить?

– Разве у нас есть выбор? – вздыхает Диас, вспоминая оставшегося на входе в церковь киндрида.

– Есть, – говорит священник. – Не самый простой, но есть. И сложность здесь в том, что те, кто хочет, чтобы соблюдали вы закон, кровно заинтересованы в вас по причинам недостойным.

– Простите, – говорит Диас. – Я, конечно, все понимаю, но мы ведь не можем всю жизнь оставаться в этих стенах?

– К сожалению, да, – говорит священник. – И на всей этой планете давно не осталось ни одной открытой границы, перейдя которую вы сможете обрести свободу. Но разве мы ограничены этой планетой?

– Но я ведь родился на Земле, – говорит Диас. – Я не смогу бросить все и уехать. К тому же законы о киндридах действуют во всей освоенной Галактике.

– А за ее пределами? – спрашивает священник.

– Я… Я… Я не знаю, – признается Диас.

– Подумайте об этом, – говорит священник. – Подумайте. И главное – помните, что Христос освободил нас, чтобы могли мы жить свободными. И ничто не мешает вам следовать истине. Доводы, что уводят вас прочь от правды, исходят не от Призвавшего вас. Всего лишь небольшое количество дрожжей заставляет взойти целую опару теста. И перед Господом я уверен в том, что вы не измените своих взглядов.

* * *

«Дальние границы – это место Вселенной, где заканчиваются существующие законы и начинаются новые, неосвоенные территории. Дикие планеты, пригодные для жизни, но удаленные от цивилизации. Правительство земного союза не желает отказываться от них ввиду предсказанного роста популяции расы людей, но рассматривает исключительно как долгосрочные проекты, отправляя на далекие планеты миссионерские группы геологов. Зачастую с целью колонизации и заполнения вакантных мест на кораблях правительство оплачивает перелеты религиозных и культурных общин, желающих стать первопроходцами на новых землях. Билет соответственно оплачивается в одну сторону, исключая туристические аферы и скитания людей под грифом «Перекати-поле». Земля на новых планетах щедро распределяется между поселенцами согласно нормам и законам, установленным единым правительством в соответствии со статьей «Колонизация дальних границ». Все желающие попытать счастье на неосвоенных территориях получают квоту на посильную помощь государственных служб в доставке посылок с обжитых частей Галактики, оказании медицинской помощи и дотировании строительных проектов, при условии, что правительственные службы, задействованные на далеких планетах, свободны от выполнения правительственных заказов и собственных долгосрочных проектов. В соответствии со второй поправкой статьи о колонизации далеких границ, все незаселенные земли выдаются в бессрочное пользование с возможностью последующего выкупа правительственными организациями в случаях расширения цивилизованной Вселенной. Органы управления, создаваемые на планетах Далеких Границ, имеют право принимать свои законы и постановления, не запрашивая разрешения единого правительства, в соответствии с особенностями климата, географии и демографической обстановки планет. Все происшествия, случающиеся на территории далеких планет, рассматриваются местными судами, за исключением споров и конфликтов, возникающих между жителями разных планет или гражданами цивилизованной части Галактики. Каждый использовавший свое право на получение земельных участков на планетах Далеких Границ автоматически считается гражданином той планеты, где ему выдали земельный участок, и подчиняется местным законам. В случае желания вернуть себе статус гражданина цивилизованной части Галактики жители далеких планет обязаны возвратить в собственность правительства

выданные им земли, включая все постройки, созданные на них, и обратиться с официальным заявлением в парламент единого правительства о возвращении им статуса гражданина цивилизованной части Галактики. Все время, отведенное на рассмотрение заявления, включая повторные слушанья, гражданин планет Далеких Границ обязан находиться в ведении местного суда планеты, гражданином которой он является. В случае отказа парламента удовлетворить прошение о возврате статуса гражданина цивилизованной части Галактики переданные заявителем правительству земли не подлежат возврату. Отказ в возврате статуса гражданина цивилизованной части Галактики осуществляется в соответствии с поправкой шесть закона о колонизации далеких границ. В случае незаконного проникновения граждан планет Далеких Границ в цивилизованные части Галактики после отказа в возвращении им гражданства они будут приговорены к административному штрафу и высланы на планеты Далеких Границ, гражданами которых они являются. В случае повторного нарушения предусмотрено тюремное наказание с последующей высылкой…» – отрывок из альманаха Далеких Планет, который купит Диас после встречи со святым отцом Смейджем.

* * *

– Ну и что ты думаешь об этом? – спрашивает Ивен.

– Не знаю, – признается Диас, смотрит на нее и говорит, что не верит, что это единственный шанс для них.

– Верно! У вас вообще нет шанса! – кривится его робот лицом Розали.

– У нас трое детей, – говорит Ивен. – И я не хочу ничего менять.

– Как трое? – надрывается киндрид. – Один твой, один мой и только один ваш. Один! Слышишь?! Всего один.

– Диас, – говорит Ивен, видя, как дрожит чашка кофе в его руке.

– Я знаю, – он закрывает глаза и тяжело вздыхает.

– Мы сможем.

– Да.

– Ты и я.

Ивен держит его дрожащую руку, а рыжий робот кричит:

– Что это вы тут еще надумали, а? Что?!

* * *

У планеты нет имени. Только номер. 1142. Святой отец Смейдж говорит, что там есть газ, нефть и все, что когда-то давно было на Земле.

– Я запишу вас как членов миссионерской христианской группы, – говорит он. – Это даст вам небольшие привилегии перед теми, кто отправляется к Далеким Границам как простой искатель приключений. К тому же вам не придется стоять в очереди за свободным креслом на исследовательском корабле.

– Спасибо вам, – говорит Ивен.

– Это меньшее, что я могу сделать для вас, – говорит священник. – И главное, помните: Христос освободил нас, чтобы могли мы жить свободными.

– А киндриды? – спрашивает Диас. – Мы сможем их оставить здесь или придется ждать, пока не прибудем на свободную планету?

– Придется ждать, – смиренно говорит священник.

– Мы справимся, – обещает Ивен.

* * *

Дети галдят. Младший начинает плакать. Дочь Ивен качает его на руках. Дочь Диаса помогает отцу собрать вещи, вывалившиеся из раскрывшегося чемодана.

– Взлетаем через пять минут, – объявляет капитан. Двигатели гудят, отрывая корабль от земли. – Сейчас немного потрясет, – предупреждает капитан.

– В следующий раз напомни мне ничего не есть, – пытается пошутить Ивен.

– Напомню, – обещает Диас.

– Мне страшно, – говорит Хью.

– Не бойся, – говорит Хайла. Две сестры, породненные младшим братом, держатся за руки.

– Знаешь, что меня радует? – спрашивает мужа Ивен.

– Нет, – пытается покачать он головой.

– То, что киндриды сейчас в грузовом отсеке, – она улыбается.

Корабль выходит на орбиту, и капитан сообщает, что скоро пассажиры смогут забрать своих киндридов на все время полета. Диас молчит. Ивен молчит. Младший засыпает и о чем-то тихо улюлюкает.

Глава вторая

Рэнди Риллик стал первым из тех, кто появился на планете 1142 под грифом «Перекати-поле». В кармане у него было сто пятьдесят парламентских кредитов и бумага о предоставленном ему земельном участке на новой планете.

– Хотите начать новую жизнь? – спросил его геолог еще в корабле.

– Может быть, – усмехнулся в густые усы Риллик.

– И что это? – не унимался геолог. – Девушка или долги?

– Много девушек и много долгов, но не у меня.

– Что это значит?

– Это значит, что люди зачастую говорят о том, что тревожит их.

– Я всего лишь геолог.

– Геолог без прошлого?

– Именно.

– Что ж, пусть будет так.

Они выпили. Прошлись по кораблю в поисках пары сговорчивых девушек и вернулись ни с чем.

– Будем ждать туземцев, – сказал геолог заплетающимся языком.

– Не знал, что там есть туземцы, – нахмурился Риллик.

– Всего лишь пара безобидных племен.

– Как мы когда-то были?

– Надеюсь, лучше. – Геолог поднял стакан и предложил за это выпить…

Сейчас, пять лет спустя, когда геолог так и не нашел залежи алмазов, а Риллик отстроил огромный каркасный дом и наладил свой небольшой бизнес, они все еще иногда встречались и вспоминали, как вместе летели сюда. Вот только выпивка теперь была лучше да пара дикарок услужливо сновала между разбросанных подушек и бутылок, щеголяя черными безупречными телами.

– Ума не приложу, как тебе удалось приручить их! – сказал геолог.

– Женщины – всегда женщины, – ухмыльнулся Риллик. – Подаришь им пару блестящих украшений, немного подпоишь, а после, когда они просыпаются в твоей кровати и вынашивают твоего ребенка, начинают думать, что ты тот самый единственный, с кем они готовы прожить свою жизнь.

– Я говорю не о бабах, – геолог рыгнул. – Как ты, черт возьми, научил дикарей строить дома?!

– Я научил их не строить. Я научил их подчиняться. – Риллик погладил бедро одной из своих чернокожих жен. – К тому же скоро они будут уже не нужны, – он подмигнул геологу и

предложил еще выпить.

* * *

Программа оказалась сложной, и Лейла готова была уже сдаться, когда решение само пришло в ее светловолосую голову. Разобранный киндрид вздрогнул, повернул голову и спросил: «Что вам угодно». Лейла рассмеялась и поцеловала его в безликое лицо.

– Я сделала это! – прокричала она. – Сделала!

– Сделали что? – спросил робот.

– Тебя. – Лейла отключила его и начала собирать.

Час спустя, проклиная отсталость планеты 1142 и выжимая из пикапа все, на что он способен, она неслась по ухабистой дороге в дом Риллика. Он встретил ее на улице, лежа в гамаке и потягивая сигарету. Лейла взбежала по деревянным ступеням.

– У меня получилось! – прошептала она, сверкая белозубой улыбкой.

– А ты сомневалась?

– Немного.

– А я – нет. – Риллик смахнул с лица прядь сальных волос. – Кейн был идиотом, что уволил тебя.

– Плевать на Кейна! – Лейла запрокинула голову и громко рассмеялась. – Плевать на всех!

И уже позже, ночью, пропуская между пальцев черные густые волосы Тобо, она говорила ей, что теперь ее братья снова станут свободными.

– Им больше не придется работать на моего брата, – шептала Лейла. – Теперь строить будут роботы, киндриды… – она почувствовала, как вздрогнуло тело дикарки. – Не бойся. Представь, что они лишь инструменты, как плуг, которым вы вспахивали свои земли. Ты ведь не боялась плуга? – Тобо покачала головой. – Вот и роботы нечто подобное. – Лейла щелкнула пальцами. Перепрограммированный киндрид появился на пороге спальни и спросил, что угодно его хозяйке. Дикарка вскрикнула и спряталась за кровать. – Дура! – Лейла ударила ее по лицу. Схватила за волосы и потащила к роботу. – Прикоснись к нему! – Тобо замотала головой. – Я приказываю тебе, прикоснись к нему! – Лейла ударила робота. – Видишь? Он ничего не может сделать нам! – Лицо киндрида обрело незнакомые черты. Ребенок. Наклонив на бок голову, он смотрел на чернокожую дикарку большими голубыми глазами. – Чертова железяка! – разозлилась Лейла. – Пошла прочь отсюда, бесполезная

машина! – Дикарка снова заползла за кровать, забилась в угол и тихо шептала какую-то молитву. – Ну, успокойся, – Лейла обняла ее. – Он ушел. Его больше нет. – Тобо выглянула сквозь железные прутья кровати. – Все хорошо, – Лейла погладила ее по голове и прижала к груди. – Все хорошо…

* * *

– Вам разве не нужны деньги? – спросил чиновник, встречавший новоприбывших, когда Ивен поинтересовалась, где она сможет оставить киндридов.

– Деньги? – Ивен посмотрела на Диаса.

– Кому нужны пять безумных роботов? – спросил Диас чиновника, получил визитку с адресом, и пошел забирать багаж…

– Продать меня надумали?! – надрывался всю дорогу рыжеволосый киндрид. – Ничего у вас не выйдет! Жалкие неудачники!

– Сходи договорись о цене, – сказала Ивен мужу, как только они вошли в отведенный им на время строительства собственного дома гостиничный номер.

– Я могу предложить вам либо пиломатериалы, либо помощь в строительстве, – сказал Риллик спустя три часа, и уточнил, что в случае подобного обмена они выгадают намного больше, чем от прямой продажи роботов за наличные.

– Могу я узнать, зачем они вам? – спросил Диас.

– Роботы хорошо строят, – сказал Риллик. – Намного лучше, чем местные дикари.

– Сомневаюсь, что от наших вам будет какая-то польза.

– Будет! – пообещал Риллик. – Вы даже не представляете, какие прекрасные инструменты способна создать из этих железяк моя сестра!

– Инструменты? – Диас вспомнил Розали и тяжело вздохнул. – Могу я подумать?

– Конечно. – Риллик расплылся в улыбке. – К новой жизни не так просто привыкнуть, верно? – он протянул Диасу каталог каркасных домов. – Вот, возьмите. Это то, что обычно мы здесь строим. Посмотрите на досуге. Все-таки теперь это ваша жизнь.

* * *

– Не смей оставлять меня здесь! – верещал робот голосом Розали.

– Пойдем, – Ивен взяла мужа за руку. Он не двигался. Она потянула его за собой.

– Может, стоило оставить их? – спросил Диас.

– Оставить?! – Ивен посмотрела на посылавшего им проклятия киндрида. – Прости, конечно, но мы и прилетели сюда ради того, чтобы избавиться от этого проклятия!

– Но ведь это наши родственники.

– Верно. Но они умерли. Забыл? А мы еще живем.

– Прости. Наверное, не могу привыкнуть к мысли, что придется жить без них.

– А к мысли, что придется жить с ними, ты был готов привыкнуть? – Ивен выдержала тяжелый взгляд Диаса. – Не знаю, поможет ли тебе это, но попробуй думать о нашем новом доме. Мне, по крайней мере, помогает. К тому же у нас теперь будет большой дом и много земли, так что мы сможем позволить себе еще одного ребенка.

– Еще одного?

– А ты разве не хочешь?

– Не знаю. – Диас в последний раз посмотрел на роботов. – Мне кажется, он будет таким одиноким, здесь, без киндридов.

– Он будет свободным. – Ивен поцеловала мужа. – Он будет рожден здесь и никогда не узнает, что такое находиться под постоянным контролем. Он станет другим, и глядя на него, мы тоже сможем измениться. – Ивен прижалась к мужу, стараясь не обращать внимания на сальный взгляд Риллика. – Хочешь, попробуем прямо сегодня?

– Сегодня?

– Ну да. – Ивен положила руку Диаса на свои ягодицы. – Только ты и я. Оставим детей в нашем номере, а сами снимем другой. На всю ночь. Только представь… – она закрыла глаза. – Мне кажется, это будет как в первый раз. Нет. Даже лучше.

* * *

– Только попробуй прикоснуться ко мне! – зарычал робот с лицом Розали на Лейлу.

– Как знаешь, – сказала блондинка и позвала пару киндридов, которые скрутили соплеменника и привязали к столу. – Сделай одолжение, стань безликой, – попросила робота Лейла.

– Еще чего!

– Ладно, – Лейла взяла скальпель и позвала любовницу. – Смотри, Тобо, это всего лишь машина, – сказала она, разрезая мягкую плоть робота. – Ни крови, ни внутренностей. Только

шестеренки и микросхемы. Вот. Можешь засунуть руку в его брюхо, и он ничего не почувствует.

– Я чувствую! – закричал киндрид-Розали. – Мне больно! Клянусь! – рыжее лицо исказилось ужасными гримасами. Дикарка закатила глаза и упала в обморок.

– Черт! – покачала головой Лейла. – Да что ты за робот такой?! Сложно просто полежать и дать этой дуре покопаться в тебе? Обещаю, я все починю.

– Заткнись! – рявкнул киндрид. – Отпусти меня и позволь вернуться к мужу и ребенку.

– Нет. Определенно неудачный день. – Лейла зажала в тисках голову робота и вскрыла мягкую черепную коробку.

– Не вздумай удалить мне модуль управления волосяным покровом! – сказал киндрид.

– Любишь свои рыжие волосы?

– Не чета твоим, бледная поганка!

– Значит, волос тебе больше не видать.

– Нет!

– Вырежу, и ты даже не заметишь.

– Не надо!

– Какая тебе разница? Найдешь какого-нибудь другого родственника, но уже лысого.

– Не смей!

– Это почему же?

– Потому что… – киндрид-Розали вращал зелеными глазами, пытаясь найти причину. – Я не знаю. Никто еще не хотел забрать у меня волосы.

– Уже забрала.

– Что?! – робот заплакал. Розовощекое лицо сморщилось, как у младенца.

– Еще не надоело? – спросила Лейла, активируя беспроводную связь.

– Верни мне волосы!

– Еще чего.

– Сука!

– А вот за это я удалю у тебя, скажем… голосовой модуль! Как думаешь, нужен он тебе?

– Нужен! – робот-Розали беспомощно кусал губы. – А если я буду молчать?

– Ты и так будешь.

– И хорошо вести себя?

– И что?

– Вернешь мне волосы?

– Нет, но модуль голоса удалять не стану. – Лейла увидела,

что Тобо приходит в чувство, и улыбнулась ей. – Хочешь сделку? – предложила она роботу. – Ты докажешь ей, что ты машина, а я верну тебе твои волосы?

– И что я должна буду делать?

– Ничего. Просто лежи и говори, что ничего не чувствуешь, пока Тобо будет ковыряться в тебе.

– Еще чего!

– Ладно, – Лейла удалила из головы робота защитный модуль.

– Что ты делаешь? – спросил киндрид, бешено вращая зелеными глазами.

– Подготавливаю тебя к перепрошивке.

– Мне и так хорошо.

– Я знаю. – Лейла помогла Тобо подняться, подвела ко вскрытому черепу и показала микросхемы.

– А что будет, когда ты меня перепрошьешь? – спросил Лейлу киндрид.

– Ничего не будет.

– Совсем ничего?

– Совсем.

– Тогда я не хочу, чтобы ты меня перепрошивала.

– Не бойся. Твои образы сохранятся. Пока я еще не разобралась, как снять эту защиту.

– Значит, я останусь собой?

– В каком-то роде. Только чуть сговорчивее.

– Как это?

– Так, что если тебе велят подчиниться и позволить кому бы то ни было покопаться в твоих шестеренках, ты скажешь: «Пожалуйста». Мне это будет очень приятно.

– Не скажу!

– Еще как скажешь!

– А ну отпусти меня, поганка бледная! Я тебе все глаза выцарапаю! – заорал робот. Дикарка отдернула руку от обнаженных в его черепе микросхем и снова упала в обморок.

* * *

Выделенный под застройку участок был просто великолепен. Опушка леса, окаймленная лиственными деревьями. Кристально чистое озеро, на монолитной глади которого отражались плывущие по голубому небу редкие белые облака. И нескончаемое пение птиц.

– Каркас вашего дома готов, – сообщил Диасу Риллик. –

Остается изготовить панели и установить их.

Кучка роботов толпилась у края озера, заканчивая строительство небольшого причала.

– А это что? – спросил Диас.

– Это небольшой бонус, – сказал Риллик. – Подарок.

– Подарок?

– Не беспокойтесь. Мы не возьмем с вас за это денег. Это наше новшество. Так сказать, взгляд в будущее. Ведь если мы строим дома, то почему бы нам не начать строить причалы? А так как эта опция находится в разработке, то и плату за это мы соответственно не берем.

– И вам хорошо, и нам?

– Вот именно! – Риллик и Диас подошли к озеру.

– Неплохо, – признался Диас.

– Есть, конечно, недостатки, – поморщился Риллик. – Но думаю, еще пара подобных проектов, и роботы обучатся и этому ремеслу.

– А среди них есть… – Диас замолчал, вглядываясь в безликие лица киндридов.

– Ваши? – спросил Риллик. – Не знаю. Да и имеет ли это значение? Теперь это всего лишь машины. Понимаете? Машины, которые беспрекословно подчиняются своим хозяевам, а не болтают без умолку, действуя на нервы!

Когда они ушли, один из роботов спросил другого:

– Почему ты не сказала им, кто ты?

– Я не могу, – лысый киндрид-Розали тяжело вздохнул. – Видишь, что со мной стало? Как я покажусь своему бывшему мужу в таком виде? Он испугается меня. Да и ребенок.

– Но главное ведь не внешний вид. У нас в семье никогда не было красавцев, но тем не менее никто не жаловался.

– Да что ты понимаешь?!

– Хватит болтать! – заорал на них, вернувшись, Риллик.

– Может, попросишь его вернуть тебе волосы? – предложил робот своему сородичу.

– Ага, как же, вернет он! – киндрид злобно посмотрел на Риллика зелеными глазами. – Жди больше!

– Значит, забудь о своей семье.

– Еще чего!

– Но ведь сбежать-то ты не сможешь!

– Смогу.

– А что потом?

– Найду парик и вернусь к семье.

– Тебя разберут на запчасти – вот и все.

– Это мы еще посмотрим! – пообещал робот. – Еще

посмотрим…

* * *

Ивен вздрогнула и открыла глаза. Сердце сжалось. Крик Хью повторился.

– Мама! Мама!

– Проснись! – Ивен ткнула Диаса в бок, соскочила с кровати и побежала в комнату приемной дочери.

– Не бойся меня! – говорил Хью робот, прикрывая уродливую лысину украденным платком. – Умоляю, не бойся.

– Маааамааа! – Хью вжалась в стену, поджала к груди худые ноги и тщетно попыталась заплакать.

– Я здесь, – сказал робот. – Я здесь.

– Какого черта?! – Диас распахнул дверь, но так и замер на пороге.

– Да пусти же меня! – оттолкнула его Ивен.

– Мама! Мама! – протянула к ней руки Хью.

– Нет, – сказал робот. – Ты ошибаешься. Это не она. Это я. Я твоя… – робот замолчал. Хью повисла на шее Ивен и разрыдалась.

– Может, уберешь эту железяку отсюда?! – крикнула мужу Ивен. Хью задыхалась. Жадно хватала ртом воздух и пыталась что-то сказать. – Все хорошо, – Ивен гладила ее рыжие волосы. – Все хорошо, родная… Да убери же ее!

– Розали, – позвал дрогнувшим голосом Диас. Робот обернулся. В зеленых глазах стояли ненастоящие слезы. – Тебе лучше уйти, Розали, – прошептал Диас.

– Уйти? – спросил робот, посмотрел на рыдающую Хью, затем на Диаса. – Но я уже дома. – Она шагнула к кровати. – Милая! – позвала она Хью. Девочка вжалась в Ивен.

– Не отпускай меня! – запричитала Хью. – Не отдавай меня ей!

– Да сделай же что-нибудь! – потеряла терпение Ивен, вскочила на ноги и вытолкала робота из спальни. Он не сопротивлялся. Уронил платок, которым прикрывал лысую голову, и просто стоял, прислонившись спиной к стене. – Позвони Риллику! – сказала мужу Ивен. – Да очнись же! – она влепила ему пощечину.

– Не-трогай-его, – тихо сказал робот.

– Заткнись! – голос Ивен сорвался. – Заткнись! Заткнись! Заткнись!

– Мама! – снова заплакала Хью.

– Уже иду, родная, – Ивен закрыла руками лицо, пытаясь успокоиться. – Уже иду.

* * *

Риллик предпочел не извиняться. Просто показал один из чеков, который должен был оплатить Диас, и порвал его в клочья.

– Теперь вы должны мне на четверть меньше, – сказал он, забрал робота и ушел.

– Что вы с ним сделаете? – спросила Ивен, догнав его на улице.

– Разберу к чертям на запчасти, – сказал он.

– Вы обещаете мне это?

– Я только что расстался с порядочной суммой денег. Думаете, я позволю себе допустить нечто подобное снова?

– Думаю, нет, – призналась Ивен.

– Вот и я так думаю. – Риллик попрощался и, дав по газам, уехал.

* * *

– Просто сделай это и все! – велела Лейла любовнице. Тобо сжала в дрожащих руках скальпель и вскрыла роботу мягкий череп. – Теперь открой его, – сказала Лейла. – Видишь? Он ничего не чувствует! Он не такой, как мы! – Она подвела Тобо к груди робота. Его зеленые глаза ничего не выражали. Скальпель разрезал податливую плоть. – Это всего лишь машина, – Лейла показала дикарке элемент питания в раскрытой груди. – Извлеки его. – Тобо замотала головой. – Это не сердце, дура! – взбесилась Лейла. – Это всего лишь батарея! Просто дергай ее и все! – звонкая пощечина зазвенела в ушах дикарки. – Хочешь еще?! – визжала Лейла. – Хочешь еще?! – Тобо испуганно закрыла глаза и сделала то, что от нее требуют.

Глава третья

Приказ о повышении приходит в понедельник, а в среду Доунер получает свое первое задание.

– Почему я? – спрашивает он Кейна.

– Потому что ты спал с ней, – говорит Кейн. Вот и вся история.

Доунер смотрит на нового начальника и хочет сказать: «Ты

тоже спал с ней», – но не говорит. Берет билет до планеты 1142 и вызывает таксофлайер. Космопорт гудит многоликостью толп. Доунер поднимается на борт грузопассажирского корабля «Прайд».

– Вы из агентства? – спрашивает его капитан.

– Это что-то меняет? – щурится Доунер. Капитан пожимает плечами и говорит, что при подобных посадках всегда есть доля риска. – Что за посадка?

– А вам разве не сказали? – капитан нахмуривает кустистые брови. – Мы пройдем недалеко от планеты 1142, и вам придется около двух дней провести в спасательной шлюпке.

– Нет. Не сказали, – признается Доунер.

– Если вы хотите отказаться, то сейчас самое время, – говорит капитан.

– Я же агент, – натянуто улыбается Доунер. Капитан пожимает плечами.

Вот и еще одна история. «Интересно, сколько еще эта сука будет портить мне жизнь?» – думает Доунер. Белинджер всегда говорил, что она как зараза. Однажды свяжешься – и все. Или же нет? Доунер улыбается. Нужно будет обязательно вернуться. Хотя бы ради того, чтобы досадить Кейну. Интересно, сколько сигарет он затушил о ладонь Лейлы, пока не нашел себе другую игрушку? Если верить Лейле, то много… Потом у Кейна появилась Квое и дурацкий террариум с вечно голодной змеей…

– Здесь можно купить выпивку? – спрашивает Доунер капитана.

– Я могу выделить вам бутылку скотча из личных запасов.

– А сколько мы будем лететь?

– Около месяца.

– Значит, одной бутылки будет мало. Определенно мало.

* * *

– Почему ты не оставишь его? – спрашивает Доунер.

– Потому что никто не любит меня кроме него, – говорит Лейла.

– Это не любовь, – качает головой Доунер, глядя на ее забинтованную руку.

– Что ты знаешь о любви? – спрашивает Лейла, смотрит ему в глаза и улыбается.

Они занимаются любовью молча. Просто снимают одежду и удовлетворяют потребности своих тел.

– Вот что такое нелюбовь, – говорит Лейла, едва Доунер

успевает отдышаться. – А это, – она показывает свою обожженную ладонь. – Это то, что ты никогда не поймешь.

– Лейла, – Доунер пытается обнять ее.

– Знаешь, о чем я сожалею? – спрашивает она, сбрасывая с плеча его руку. – Каждое утро, просыпаясь с такими как ты, я лежу и ненавижу себя, но не за то, что было ночью. Я ненавижу себя, потому что знаю – пройдет день-другой, и я снова захочу дать вам шанс. Еще один шанс. И все будет хуже, чем прежде.

– Это не так, – говорит Доунер.

– Правда? – Лейла закуривает и просит его протянуть ей ладонь.

– Зачем? – спрашивает Доунер.

– Просто доверься мне, – она улыбается. – Я же доверяюсь тебе. Отдаю тебе свое тело, а что же ты? Боишься доверить мне свою ладонь? Всего лишь ладонь, Доунер. – Она затягивается сигаретой и ждет.

– Я же не тушу о тебя свои сигареты, – говорит Доунер, почему-то не в силах оторвать взгляд от разгорающегося красного угля.

– Верно, – говорит Лейла. – Ты просто берешь и трахаешь меня, а это, по-моему, намного хуже. Так что заткнись и дай мне свою руку.

– Нет.

– Я сказала, дай руку!

Они дерутся в кровати. Доунер вскакивает на ноги, чувствуя, как по расцарапанной щеке течет кровь. Лейла лежит и смеется.

– Тебе нужно лечиться, – говорит он.

– Мне нужно найти сигарету, – говорит она. – Ну же, не стой как истукан. Помоги мне, пока не пришлось вызывать пожарных. – Они снимают с кровати одеяло и простыни. Сигарета тлеет, прожигая одну из подушек. – Все из-за тебя, – говорит Лейла, потирая краснеющую от пощечины щеку. Доунер начинает одеваться. – Куда ты? – спрашивает она.

– Ухожу.

– И больше никогда не захочешь меня?

– Может быть, позже.

– Сейчас.

– Пошла к черту.

– Да я уже там, Доунер, – смеется она. – Ты разве еще не понял? Мы все уже там!

* * *

– Что вы можете сказать о Лейле? – спрашивает Кейн.

– Думаю, она хороший сотрудник, – осторожно говорит Доунер.

– Белинджер думает иначе, – говорит Кейн. – Вы видели руки Лейлы?

– А что не так с ее руками? – Доунер изображает удивление.

– Белинджер говорит, что это она сама делает с собой.

– Сама?! – Доунер давится гневом, сдерживается, чтобы не заорать: «Да это ты делаешь с ней!» Кейн наблюдает за ним какое-то время и неожиданно меняет тему разговора.

– Вы знаете о том, кто ее брат, Доунер?

– Нет.

– Перекати-поле.

– И что?

– Вы представляете, какую славу составит техническому отделу по обслуживанию киндридов работник с подобной репутацией?

– Я не пойму, – говорит Доунер, – вас беспокоят руки Лейлы или ее брат?

– Все понемногу, – кивает Кейн. – Все понемногу…

* * *

– Ваше предложение еще в силе? – спрашивает Доунер, перед тем как забраться в спасательную шлюпку.

– Какое предложение? – спрашивает капитан.

– Бутылка скотча из личных запасов, – улыбается Доунер.

Спустя час он плывет в открытом космосе, наблюдая, как удаляется «Прайд». Один. Пытаясь не думать о тех пяти процентах, от которых сейчас зависит его судьба. Все относительно. Даже жизнь. Даже ожоги на руках. И где-то в бесконечной мгле Кейн улыбается ему, открывает террариум и выпускает в спасательную шлюпку голодную змею. И Доунер погибает, слушая смех Кейна, который заставляет новую любовницу Квое прижигать сигаретой ладонь старой любовницы Лейлы. Лейла кричит, плачет, но не убирает руку. «Кто-нибудь может понять этих женщин?» – думает Доунер, зная, что все эти видения происходят в его голове. Это просто скотч в сочетании с хорошими релаксантами. И смех Кейна – это вовсе не смех Кейна. Это смеется он сам – Доунер. Смеется над собой. Смеется над Кейном, Квое, Белинджером, Лейлой… Особенно над Лейлой.

Есть ли в этом мире такое понятие, как судьба? И если есть, то насколько ядовито ее жало? Спросить бы об этом память

предков, да вот только в спасательной шлюпке не нашлось места для киндрида. Так что если и спрашивать, то самого себя или всепроникающую вселенскую тьму, бесконечный мрак. Доунер протягивает руку и прикасается к холодным стеклам. «Вот тебе, Вселенная, моя рука! Зажги свою сигарету и оставь пару новых шрамов!» Но Вселенная молчит. Ей все равно. Да у нее и рук-то нет! И Доунер смеется. Запивает релаксанты скотчем и смеется…

* * *

Падение. От перегрузок желудок выворачивается наизнанку. Спасательная шлюпка ломает деревья, ударяется о скалы и переворачивается. «Главное – не отключаться», – думает Доунер, но тьма неизбежно подкрадывается к нему. Глаза закрываются. Доунер пытается выбраться из шлюпки на ощупь. Шарит руками по искореженной обшивке, но тело становится ватным. Темнота осязаема. Она заполняет мир, и в ней можно лишь плыть. Задержать дыхание и искать выход, который представляется слишком далекой точкой света, чтобы можно было надеяться добраться до нее. А надежды – это как кровообращение. Как только сердце перестает качать кровь, то мозг начинает умирать. Пять минут – и повреждения могут быть необратимы. Так же и без надежд. Ценности и желания отмирают, и чем дольше это продолжается, тем меньше шансов вернуть все обратно. Остается лишь инстинктивно двигаться вперед, как растение, которое поворачивается к свету.

– Я жив? – спрашивает Доунер, приходя в сознание.

Чернокожий дикарь падает на колени и пятится к выходу. Доунер смотрит на него и ни о чем не думает. Лучи света пробиваются сквозь многочисленные щели. «Где я?» – думает Доунер. Зеленые листья прилипают к его обнаженному телу. Порезы и синяки болят, но, кажется, ничего не сломано. Доунер поднимается на ноги, натягивает брюки и выходит из хижины. Яркий свет далекой звезды слепит глаза. Полсотни дикарей падают на колени и кланяются своему божеству, спустившемуся с неба на огненной колеснице. «Съедят или возведут в ранг святого?» – думает Доунер. Дикари молчат.

– Мой корабль, – осторожно говорит Доунер. – Мне нужен мой корабль.

Дикари кивают. Большая птица с пестрым хвостом вылетает из чащи леса и садится на землю возле Доунера. Дикари вздыхают. По голубому небу плывут белые облака.

– Я, пожалуй, пойду, – говорит дикарям Доунер. Осторожно

делает шаг в сторону леса. Еще один и еще. Дикари поднимаются с колен и идут за ним следом…

Позже, где-то в кустистой чаще, недалеко от журчащего ручья, Доунер опускается на колени и умывает лицо. Вода холодная и чистая. Дикари молчат, столпившись за его спиной.

– Корабль, – снова говорит им Доунер. – Где мой корабль? – Дикари кивают, ждут, когда он отойдет от ручья, опускаются на колени и умывают лица. – Лучше бы вы меня не спасали, – говорит Доунер.

Он бродит по лесу до позднего вечера, а после возвращается в хижину, где очнулся. Исколотые колючками ноги болят. Глубокие порезы, полученные во время аварии, воспалились и начинают гноиться. «Завтра нужно будет обернуть чем-нибудь ноги», – думает Доунер. Когда-нибудь он все равно найдет свою шлюпку. Главное, чтобы до того момента дикари не передумали и не зажарили его. Родившийся в сознании запах жареного мяса напоминает о голоде.

– Еда, – говорит Доунер, выходя из хижины. Дикари молчат. Стоят на коленях и смотрят на него черными глазами. – Еда, – Доунер пытается объясниться жестами. – Да ну вас к черту! – говорит он и ходит по деревне в поисках пищи. В одной из хижин, в сплетенной из веток корзине, лежат какие-то фрукты. «Интересно, – думает Доунер, – едят ли у этих дикарей боги? А если нет?» Он выходит из хижины, слушая, как урчит пустой живот. Дикари охают. «Теперь точно съедят!» – думает Доунер. Чернокожая женщина, не поднимая головы, ползет к нему на коленях. Он принимает из ее рук спелый плод и осторожно впивается в сочную мякоть зубами. Дикари ждут.

– Неплохо, – говорит им Доунер. Дикарка пятится. – Неплохо, – Доунер улыбается, и дикари, успокоившись, улыбаются ему…

Ночь. Доунер лежит в хижине и пытается заснуть. Где-то совсем рядом размеренно бьют барабаны. Сквозь многочисленные щели видны разведенные костры. Кто-то входит в хижину. Женщина. Доунер видит ее небольшую грудь с неестественно большими сосками. Черные волосы украшены белыми перьями. На ногах звенят амулеты. Дикарка молчит. Просто стоит и ждет. Ждет и Доунер. Барабаны бьют. Горят костры.

– Ты принесла еду? – спрашивает дикарку Доунер. Она молчит. Он пытается объясняться жестами. Дикарка уходит и приносит пару сочных плодов. Доунер ест. Дикарка смотрит. – Спасибо, – говорит Доунер. Дикарка улыбается. Подходит к нему и ложится рядом. Черное тело блестит маслами. И снова ожидание. И снова язык жестов…

* * *

– Мы думали, что никогда не найдем вас, – говорит Асквит, когда спасательный вертолет возвращает Доунера в посольство.

– Вы бы и не нашли, – говорит Доунер, приглаживая длинную бороду. – Сомневаюсь, что вы вообще искали. Могу поспорить, что у вас даже не зарегистрировано мое прибытие.

– Простите, но наши технологии далеки от тех, к которым вы привыкли, – защищается Асквит.

– Четыре месяца, – говорит Доунер. – Четыре месяца я бродил по чертовым лесам, пока ни нашел свою шлюпку и не связался с вами!

– Вам очень повезло, что вы вообще выжили.

– Без дикарей не выжил бы.

– Так они не причинили вам вреда?

– Вреда? – Доунер улыбается. – Они кормили меня, лечили… – он вспоминает дикарку. – Я даже стал отцом ребенка одной из них.

– Отцом? – кривится Асквит, но Доунер не замечает этого.

– Думаю, они решили, что я какое-то божество.

– В таком случае вам очень повезло.

– Да, – говорит Доунер. – Повезло.

Он закрывается в своем номере и больше часа пытается избавиться от бороды. Парикмахер приводит в порядок его волосы, вылавливая крохотных насекомых, не пожелавших умирать после получасового воздействия на них какой-то отравы. После этого голова чешется еще несколько дней, но Доунер давно привык не обращать внимания на такие мелочи. Ночами катастрофически не хватает костров и барабанного боя. Без них не спится, и Доунер бродит по темным улицам, сливаясь с гуляющими толпами. Несколько раз он пытается завести разговор со скучающими женщинами за барными стойками, но то ли он плохо старается, то ли у них нет планов проводить с ним ночь, потому что каждое такое знакомство заканчивается полным фиаско. Шлюхи на улицах дешевые и весьма симпатичные, но Асквит так увлеченно рассказывает о местных заболеваниях, что Доунер не думает о том, чтобы воспользоваться их услугами.

Иногда, засыпая в одиночестве, он вспоминает темнокожую дикарку, жившую с ним на протяжении четырех месяцев. Когда он уехал, у нее уже был большой живот. И так уж получается, что это оказалась единственная женщина, пожелавшая родить от него ребенка. И думая об этом, Доунер улыбается. Кейн послал его на пятипроцентную смерть, а вместо этого подарил четыре месяца божественного существования. Кто из живущих в цивилизованной

части Вселенной может похвастать тем, что был богом? А он теперь может. И это отныне будет его неотъемлемой частью.

* * *

Ивен смотрит на Доунера и спрашивает:

– Когда же это кончится?

– Значит, вы не очень довольны своим роботом? – спрашивает Доунер.

– Довольна?! – Ивен улыбается. – Да я ненавижу его всем сердцем. Надеюсь, Риллик сдержал свое слово, и эту железяку разобрали на запчасти.

– А муж? – спрашивает Доунер. – Он тоже был недоволен роботом.

– Он просто мужчина, – говорит Ивен. – Вечно сомневающийся, не уверенный в своем выборе мужчина.

– Так он не хотел избавляться от робота?

– До тех пор, пока мы не прилетели сюда, хотел. А потом – я даже не знаю, – она вздыхает. – Надеюсь, когда я рожу ему сына, он сможет избавиться от этого призрака.

– Призрака?

– А как иначе называть это? Призрак бывшей жены. Призрак бывшей жизни. Призрак воспоминаний.

– Значит, дело было не в роботе?

– Скажем так: не только в роботе.

– Понимаю, – кивает Доунер, смотрит на округлый живот Ивен с растянутым пупком и улыбается. – Знаете, я тоже, наверное, скоро стану отцом.

– Наверное?

– Ну да, – пожимает плечами Доунер и рассказывает о том, как жил четыре месяца в племени дикарей.

– И вы так просто смогли оставить ту женщину? – спрашивает Ивен.

– Считайте, что это тоже будет мой призрак, – улыбается Доунер. – Призрак жены, жизни, воспоминаний…

* * *

– Здесь у нас свои законы, – говорит Риллик.

– Конечно, – согласно кивает Доунер. – И я здесь вовсе не для того, чтобы заставить вас что-то менять. Мне нужен лишь робот.

– Этот робот чуть не разорил меня! – в сердцах кричит

Риллик. Чернокожая женщина, следовавшая за ним, как верный пес, трусливо вздрагивает.

– Это ваша жена? – спрашивает Доунер.

– Я знаю вашу историю, – улыбается Риллик. – Если желаете, то за определенную плату мои люди могут найти вашего ребенка и его мать.

– Думаете, это возможно?

– В Свободных Границах возможно все! – Риллик улыбается. Подзывает к себе одну из жен и гладит ее черный плоский живот. – Они удивительные, верно? Стоит попробовать их покорность хоть раз – и это уже невозможно забыть.

– Они считали меня богом, – говорит Доунер.

– Богом?! – Риллик хохочет. – И каково это?

– Необычно, – пожимает плечами Доунер.

– Скоро я буду баллотироваться в парламент, – говорит Риллик. – И если мне повезет, то первое, что я сделаю, так это отменю закон о запрете торговли дикарями. По-моему, мало кто откажется обладать такой женщиной. Только представьте: верная и покорная рабыня, преданная вам настолько сильно, что не задумываясь пожертвует свою жизнь, лишь бы спасти вас!

– Я буду голосовать против, – говорит Доунер.

– Понравилось быть богом? – подмигивает Риллик. – Если хотите, то за умеренную плату я смогу устроить вам жизнь бога прямо здесь. – Он запускает руку под набедренную повязку чернокожей женщины. – Я иногда тоже балую себя чем-то подобным. Незабываемое чувство, признаюсь я вам!

* * *

– Вот уж кого не ждала, так не ждала, – призналась Лейла.

– Я прилетел не за тобой, – сказал Доунер.

– Вот как?! – белые брови поползли вверх. – А я уж обрадовалась.

– Кейну нужен робот.

– Я знаю. Брат позвонил и рассказал мне.

– Ну так и где он?

– В земле.

– Что значит «в земле»? Вы что, хороните киндридов?

– Не мы, – Лейла показала на Тобо. – Этим дикарям сложно что-то объяснять.

– Не думал, что здесь их слово что-то значит.

– Не их, а ее.

– Понятно, – Доунер смотрел на молодую дикарку. – И давно

у тебя сменились приоритеты? – спросил он Лейлу.

– Сразу, как только перестала позволять тушить сигареты о свои руки.

– Я думал, тебе это нравится.

– Ты думал и то, что мне нравится спать с тобой.

– А разве нет?

– Нет.

– Пусть будет так. Отдай мне робота, и я уйду.

– Зачем он вам?

– Не знаю.

– Ты никогда ничего не знаешь, верно?

– Всего лишь робот.

– А если я скажу «нет»?

– Не скажешь.

– Почему?

– Потому что это в ваших интересах. Не думаю, что ты или твой брат захотите, чтобы сюда пришли силовики Асквита.

– И ты готов зайти так далеко?

– А что меня остановит?

– Знаешь, – улыбнулась Лейла, – меня всегда поражало, с каким упорством такие мудаки, как ты, готовы портить людям жизнь. Вы как саранча, кочующая с поля на поле, уничтожая урожаи. И ей плевать на все, кроме своей природы. – Она позвала Тобо. – Дорогая, покажи этому мистеру насекомому, где ты похоронила того робота. – Тобо несогласно замотала головой. Лейла снова улыбнулась. – Видишь, Доунер. Она не хочет, а я не знаю. И ничто не заставит ее поменять свое решение. Даже смерть. Эти дикари, в отличие от нас, более почтительно относятся к своим мертвецам. И я сомневаюсь, что хоть один из них позволит тебе извлечь из земли того, кто уже похоронен. – Лейла повернула дикарку лицом к Доунеру. – Посмотри на нее и скажи, скольких из них ты готов убить, чтобы откопать гнилую железяку?

– Мне не нужен сам робот. Только его блок памяти.

– И зачем, если не секрет? Ах да, прости! Ты же никогда ничего не знаешь, – Лейла рассмеялась. – Не паникуй, Доунер. Я извлекаю из всех роботов блоки памяти, так что, думаю, сегодня ты получишь то, что хочешь. Вот только…

– Только – что? – нетерпеливо спросил Доунер.

– Скажи мне, там, с дикарями, за те четыре месяца, ты хоть раз пожалел, что прилетел сюда?

– Это имеет значение?

– Для меня нет, а вот для тебя… – Лейла снова рассмеялась.

– Чему ты радуешься? – проскрипел зубами Доунер.

– Тому, что шрамы не затягиваются! – продолжая смеяться, Лейла показала ему свои ладони. – Никогда не затягиваются! Уж я-то знаю об этом как никто другой! – ее лицо стало твердым, как камень. – И ты, надеюсь, теперь тоже узнаешь.

Доунер смотрел на Лейлу и думал, что когда-то она была совсем другой. Потом Кейн что-то сломал в ней, какой-то защитный блок, позволив безумию и гневу подчинить разум. Доунер вспомнил Квое. Эта женщина не нравилась ему, но она ведь была другом Белинджера. Сколько пройдет времени, прежде чем Кейн превратит ее в сплав ненависти и агрессии, как это случилось с Лейлой?

– Знаешь, что я сделаю, как только вернусь в цивилизованный мир? – спросил Доунер, вглядываясь Лейле в глаза.

– Подашь в отставку и вернешься к своей дикарке на нашей планете? – скривилась она.

– Нет. Расскажу о тебе последней любовнице Кейна… И всем, кто будет после нее.

Часть третья

Глава первая

Видишь, как расчесывает она свои волосы? Ничего не меняется. Для нее не меняется. Она примет любую историю, написанную тобой. Немного поплачет и примет. Люди всегда плачут, когда приходится расставаться с тем, что, казалось, будет принадлежать им вечно. А он, видишь? Лежит в кровати и смотрит куда угодно, только не на нее. Сквозь нее, на худой конец. Но она этого не видит. Она увлечена своими волосами, своими маленькими надеждами и мечтами. Знаешь, за что распяли Христа? Правильно, за правду. Люди не любят правды. Избегают правды… И снова он. Видишь, как устали его глаза? Верно. Он должен был умереть уже давно. В твоей истории должен. Но не умер. А ведь истории твои никогда не ошибаются. И теперь вместо счастья осталась лишь усталость. И дело вовсе не в той, на кого он не хочет смотреть. Дело в нем. В том, что он сам не знает, на что хочет смотреть. Все становится лишним, ненужным, пустым. И нет ему места в этом мире. И ни одна история не пересекается с его историей, потому что его история должна была закончиться в лифте. И все, что происходит с ним после, лишь портит безупречность других историй, написанных тобой. Перечеркивает их. Ломает стройность. И он чувствует это, но ничего не может понять…

* * *

– Тебе хорошо? – спросил Мэрдок, все еще прижимаясь к дрожащей женской груди.

– Да, – прошептала Марсия. Ночь за окном зажгла на небе серебряные звезды. – Мне хорошо, – Марсия обняла Мэрдока и поцеловала в шею. – Правда, как-то необычно. Все еще не верится, что не нужно никуда идти. Что мы…

– Женаты? – Мэрдок улыбнулся. – Знаешь, я и сам не могу еще поверить в это.

– Не жалеешь? – спросила его Марсия.

– Нет. Почему я должен жалеть?

– Не знаю. По-моему, ты весь день был каким-то нервным.

– Я просто боялся, что мой робот в самый ответственный момент снова станет той рыжухой и начнет рассказывать анекдоты. Представляешь, какое лицо было бы у твоего отца?

– Представляю! – Марсия рассмеялась.

* * *

Кухня. Мэрдок сидит за столом, жадно затягиваясь сигаретой.

– Ну и как она тебе? – спрашивает его киндрид, щеголяя ярко-рыжими волосами.

– Не знаю, по-моему, как и все.

– Вот именно. Как и все! – киндрид сокрушенно вздыхает. – Да и к тому же неумеха.

– Ну дай ей время. Научится.

– Конечно, научится. Все мы чему-то учимся когда-нибудь…

– Да что тебе не нравится, я не пойму?!

– Не мне, мальчик, а тебе, – робот грустно улыбается.

– Думаешь, Бетти была лучше?

– Бетти? Не знаю никакой Бетти, да и знать, если честно, не хочу.

– Ты же киндрид!

– И что?

– Ты должен знать всех, кого знаю я.

– Считай, что у тебя просто дурацкий вкус. Даже отвратительный. Нет. Вообще никакого вкуса…

– Ну хватит!

– Нет. Вот скажи мне, какие девушки тебе нравятся?

– Не знаю.

– Знаешь.

– Чего привязалась?! Сама же сказала, что у меня плохой вкус!

– Никакого вкуса.

– Тем более!

– Тем не менее я хочу, чтобы ты сказал мне.

– Что сказал?

– Какие девушки тебе нравятся.

– Я сказал, что не знаю.

– Знаешь, но не хочешь признаваться.

– В чем я должен признаться?

– В том, что ты неудачник, мой мальчик.

– Ну спасибо!

– Нет. Не радуйся. Не тот неудачник, что носит толстые очки и надеется на лучшее. Ты – паразитирующий неудачник.

– Это еще что такое?

– Ты никого не любишь. Живешь, отвечая взаимностью на взаимность, но на самом деле всегда ждешь чего-то другого. Чего-

то лучшего.

– Знаешь что… – говорит Мэрдок, выдыхая в сторону киндрида клубы синего дыма. – Я думаю, ты просто ничего не понимаешь в этой жизни.

– Вот как?

– Да, – он улыбается. – Ты только треплешься, но в действительности мир крутится слишком быстро, чтобы ты уловила его суть.

– Так ты считаешь себя правым?

– Именно.

– И никогда не хотел чего-то большего?

– Что это меняет?!

– Хочешь, я расскажу тебе свою историю?

– Нет.

– Почему?

– Просто не хочу и все.

– У меня был ребенок.

– У меня тоже скоро будет.

– У меня была хорошая жизнь.

– И меня это ждет.

– А потом я умерла…

* * *

– Понравилось? – спрашивает Марсия, выползая из-под одеяла.

– Неплохо, – говорит Мэрдок.

– Привыкай, – улыбается Марсия. – Теперь, пока не родится ребенок, только так…

Она засыпает, прижимая к растущему животу руку супруга.

– Уже шевелится? – спрашивает Мэрдока киндрид.

– Еще как!

– И что ты чувствуешь?

– Не знаю.

– Когда у меня появился ребенок…

– Не начинай!

– Почему?

– Потому что я ничего не хочу знать о тебе.

– Думаешь, что я не твой родственник?

– Не знаю.

– Почему же тогда не позвонишь в службу поддержки?

– Потому что ты нравишься Моргане.

– А тебе?

– Ну и мне тоже.

– Почему?

– Потому что с тобой весело.

– Ты мне тоже нравишься.

– Правда?

– Нет. Но у меня была одна знакомая, вот ей бы ты точно понравился.

– И что за знакомая?

– Блондинка.

– Фу! – кривится Мэрдок.

– Тебе не нравятся все, у кого цвет волос отличается от твоего?

– Да нет.

– Тогда не перебивай.

* * *

Ребенок спит в колыбели, а киндрид рассказывает Мэрдоку и Марсии о том, как занимался любовью со своим мужем.

– По-моему, это немного пошло, – говорит Марсия, смотрит на Мэрдока, но он молчит. Они лежат в постели, слушая указания робота.

– Она привыкнет, – обещает Мэрдоку киндрид. – Вот увидишь, ей это даже понравится.

– По-моему, ей не нравится.

– Но ведь тебе-то нравится?!

– Да.

– Значит, и ей понравится!

* * *

Марсия расчесывает волосы и ложится спать. Мэрдок сидит на кухне и курит сигарету за сигаретой.

– Выглядишь неважно, – говорит рыжеволосый робот.

– Скорее, неудовлетворенно.

– Ну, я уже не знаю, чем тебе помочь!

– Да я понимаю.

– Может, дело в Марсии? – забрасывает удочку киндрид.

– А что Марсия? Она и так делает все, что я хочу.

– Я имею в виду не секс.

– Не секс?!

– Ну, не только секс. Помнишь ту блондинку, о которой я

тебе рассказывала? Вот с ней у тебя было бы все иначе.

– Она умеет то, чего не умеет Марсия?

– Сомневаюсь.

– Что тогда?

– Думаю, с ней ты смог бы стать другим. Не паразитом, понимаешь?

– Нет.

– Понимаешь, просто боишься.

– У меня уже есть жена и ребенок. Забыла?

– Нет. А еще я помню о твоем отце и о лифте. Как думаешь, в следующий раз ты сможешь уцелеть?

– Так ты тоже считаешь, что происшествие с лифтом не было несчастным случаем?

– Знаю, что не было.

* * *

– Вы из службы поддержки? – спрашивает Мэрдок, открывая дверь Белинджеру и Квое.

– Мы больше, чем служба поддержки, – улыбается ему Квое. – Так о чем, вы говорите, рассказывает ваш киндрид?

– О моем отце, – Мэрдок пожимает плечами. – О лифте. О том, что я должен оставить жену.

– А вы хотите оставить жену? – спрашивает Квое.

– Не знаю. У нас ребенок, и мы недавно женаты…

– Значит, не хотите, – устало подытоживает Белинджер и делает какую-то запись в своем блокноте.

– Я просто хочу жить как все, – говорит Мэрдок.

– А вы считаете, что живете не как все? – Квое улыбается.

– По-моему, вы не из службы поддержки, – говорит Мэрдок.

– Это еще почему? – фальшиво удивляется Квое.

– Потому что… – Мэрдок косится на своего робота. – Он сказал мне, что так будет.

* * *

Лифт закрывается и начинает медленно спускаться.

– Ну и что ты думаешь? – спрашивает Квое.

– По-моему, у парня просто не все в порядке с головой, – говорит Белинджер. – А та блондинка, это как…

– Навязчивый образ?

– Да. Навязчивый образ. Уверен, если все как следует

проверить, то, скорее всего, не окажется даже той планеты, о которой он говорит.

– А может, и окажется.

– Так ты веришь ему?

– Нет. Просто у подобных людей, как правило, все выстраивается по очень сложной, обоснованной многими фактами системе, опровергнуть которые крайне сложно, а иногда и невозможно.

– Значит, дело не в роботе?

– А ты хочешь, чтобы дело было в нем?

– Почему бы и нет?

– Могу я спросить?

– Конечно.

– Почему ты так не любишь киндридов?

– Это Кейн просил тебя спросить об этом?

– Причем тут Кейн?

– Не знаю. Ты скажи.

– Думай лучше о Пэм.

– Причем тут Пэм?

– Не знаю. Ты скажи.

* * *

– Мне страшно, – призналась Файоли Лебон своему роботу.

Купленный «Кольт» был старым, но уличный торговец заверил ее, что оружие боеспособно. Он объяснил ей принцип действия кольта. Вот рамка, вот ствол, вот кожух затвора, который двигается вперед и назад по направляющим, встроенным в рамку. А вот затвор, ударник и выбрасыватель. Вот предохранитель, блокирующий курок до тех пор, пока рукоятка полностью не обхвачена рукой.

– Ты сможешь, – сказал Файоли киндрид голосом ее покойного мужа. – Это только кажется сложным. В действительности…

– Откуда ты знаешь, каково это в действительности?! – закричала Файоли.

– Знаю. – Робот начал читать стихи. – Помнишь, как это было?

– Помню, – прошептала Файоли.

– А после мы лежали и смотрели, как за окном падает снег, – в черных глазах робота-Персибала стояли слезы. – Просто лежали и смотрели. И это была наша жизнь, которую у нас забрали. – Файоли заплакала. Холодная сталь кольта перестала пугать.

Теперь она чувствовала ее тепло, представляла праведный меч, который пронзит грудь дьявола. – Наша жизнь уже кончилась, – сказал робот. – Не позволь им разрушить жизни тех, у кого еще есть шанс в этом мире.

– Не позволю, – пообещала Файоли, вытирая со щек слезы. – Не позволю…

* * *

В эту ночь Кейн был неестественно нежен. Он не занимался сексом. Нет. Он превратил этот процесс в прелюдию чего-то большего, чего-то более важного, чем скупое удовлетворение плоти.

– Что-то не так? – спросила его Квое, обнимая за шею. Он замер. Приподнялся на локтях и посмотрел ей в глаза.

– Я просмотрел твое личное дело, – сказал он. – У тебя накопилось много отгулов…

– Ты хочешь, чтобы я взяла их?

– Да.

– Почему?

– Просто сделай то, что я тебе говорю, – глаза Кейна светились заботой. Чистой, искренней заботой. – У меня за городом есть небольшой дом. Свежий воздух, горы, лес. Помнишь, ты говорила, что мечтаешь научиться ловить рыбу? Так вот, лучшего места для этого и не найти. Несколько горных рек впадают в озеро. Его можно увидеть прямо из спальни. Пару лет назад я запустил в озеро форель…

– Почему я должна уезжать? – прервала его Квое.

– Потому что ты дорога мне, – Кейн поцеловал ее в неподвижные, плотно сомкнутые губы. – Обещаю, я приеду к тебе сразу, как только смогу. Ты и я, – он заглянул в ее глаза. – Сделай хоть раз то, о чем я тебя прошу.

– Так, значит, ты получил еще один отчет Борка?

– Ты знаешь, я не могу разглашать…

– Просто скажи мне: да или нет?

– Да, – сдался Кейн. Квое вздрогнула. – Если ты сделаешь так, как я говорю, то тебе ничего не угрожает, – попытался успокоить ее Кейн. – Ты не нужна Борку…

– А кто ему нужен? Белинджер? – Квое смотрела Кейну в глаза. – А кто потом? Ты? Я? – Он гладил ее щеку и молчал. – Все это неправильно, – сказала Квое. Ты понимаешь, что все это… – закричала она, но Кейн закрыл ей рот поцелуем. Просунул язык между сомкнутых губ и наполнил ее легкие своим дыханием. – Я

остаюсь, – выдохнула Квое, когда этот долгий поцелуй закончился. – И не пытайся меня переубедить. Тебе это не удастся.

– Но…

– Нет, Кейн, – она снова прижала его к своей груди. – Я не побегу. Просто не побегу и все. – Ее бедра подались к нему навстречу. – Ну, где же ты там? – она заставила себя улыбнуться. – Подожди, – Квое выскользнула из-под Кейна. – Сейчас я все исправлю. – Он послушно повалился на спину, закрыл глаза. Хотел сказать, что это, возможно, их последняя ночь, но не сказал. Лишь отыскал руками голову Квое и запустил пальцы в ее густые волосы, наслаждаясь больше этими прикосновениями, чем ее ласками, и стараясь ни о чем не думать…

* * *

Когда Кейн ушел, Квое еще раз прослушала запись разговора с Мэрдоком. Запросила полный отчет о планете 1142 и сверила полученные данные с рассказом Мэрдока.

– Все это ничего не значит, – сказала она своему безликому роботу.

Киндрид промолчал. Еще один запрос. На этот раз имена и фамилии, события и законы. История робота вырисовывалась очень медленно, но в ней определенно была стройность. Не литературная стройность с правильными сюжетными линиями и продуманным поведением героев, а что-то рваное, приближенное к реальности.

Квое запросила трехмерную фотографию Мэрдока. Изучила его лицо. Затем его сестра, отец, родственники. Квое изучила жизнь жены Мэрдока, не упуская ни одной подробности. Изучила всех женщин, с которыми переплеталась его судьба. Затем разделила жизнь Мэрдока на то, что было до падения лифта и после. Подробностей стало меньше. Отчеты складывались из показаний сторонних роботов. Робот Марсии, робот Морганы, робот Бетти, робот Карлоса…

«Может быть, Мэрдок и не безумец? – подумала Квое. – Может быть, все, что он рассказал о своем роботе, правда? Но что тогда все это значит? Просто техническая ошибка электроники или что-то большее?» Квое снова вернулась к истории робота. Изучила планету 1142. Что так притягивало киндрида к Дальним Границам? История его семьи? Или же история его свободы? А может, все это было чем-то более масштабным? Касающимся не

только Мэрдока, но и тех, кто его окружает? Может быть, робот пытается уберечь ребенка Марсии от судьбы отца и деда? Лифты падают слишком часто. А если не падают, то всегда есть такие, как она и Белинджер.

Квое вспомнила Кейна. Есть ли у нее шанс что-то исправить? Можно ли поставить под вопрос решения Борка? И есть ли у нее аргументы для этого? Нет, никаких аргументов. Никакой логики. Жизнь слишком многогранна, чтобы судьба одного человека могла значить в ней больше, чем капля чернил, использованных для буквы в многотомном романе, а возможно, и в целой библиотеке.

И снова Квое вспомнила робота Мэрдока. Ведь она и Белинджер тоже теперь часть этой судьбы. Что если это и есть тот шанс на спасение, который тщетно она пыталась найти? И что если, упустив его, она никогда не сможет простить себя и вскоре станет еще одним закрытым делом под грифом «Секретно» в нескончаемых библиотеках электронного архива Борка? Квое запросила видеозаписи планеты 1142. «А мне нравится, – подумала она. – Определенно нравится»…

За окнами забрезжили лучи рассвета. Восток алел, а Квое так и не могла заснуть. Слушала историю Мэрдока, смотрела записи о планете 1142 и мечтала о чем-то своем.

Глава вторая

Приказ о ликвидации пришел в шесть тридцать. Ничего особенного, просто набор случайных цифр, но только на первый взгляд.

– Это, наверное, тебе, – сказала Пэм, мельком взглянув на экран, и пожала плечами. Белинджер кивнул. Удалил сообщение и вернулся к завтраку. – Ты же обещал не курить за столом! – упрекнула его Пэм.

– Извини, – он посмотрел на сигарету, но тушить не стал.

– Ты невыносим! – обиделась Пэм. – Вот когда у нас будут дети…

Белинджер встал из-за стола и вышел на улицу.

– Ты сегодня рано, – сказал он Квое, забираясь в ее серебристый флайер.

– Просто хотела немного подумать, – она улыбнулась. – К тому же ты тоже рано вышел.

– Просто хотел немного подумать.

– Могу узнать, о чем?

– О том парне из лифта.

– Я тоже думала о нем. Вернее, о его роботе.

– И что?

– Пока ничего. А у тебя?

– У меня кое-что.

Белинджер рассказал о сообщении Борка.

– Чертова машина! – не сдержалась Квое.

– Относись к этому как к работе, – посоветовал Белинджер.

– И тебя это не тревожит?

– Тревожит.

– Тогда какого… – Квое замолчала, прикусив губу. – Сколько у него осталось?

– Два с половиной часа.

– Значит, когда пришло послание, было около трех?

– Наверное.

– Борк, похоже, не очень-то много дает своим агентам времени на раздумья!

– Я стараюсь не думать об этом.

– Как с Лебоном?

– Тогда послание получала ты.

– И тоже было три часа.

– Не пойму, что это меняет?

– А ты никогда не думал, что однажды в послании могут оказаться и наши имена?

– Нет, – Белинджер обернулся и посмотрел на киндридов.

– Я тебе не верю, – Квое достала сигарету и закурила.

– Ты же бросила.

– К черту! Весь мир катится к дьяволу, а ты заботишься о моих легких?!

– Ты полегче с заявлениями, – посоветовал Белинджер и снова посмотрел на роботов.

– Да пошли они! – Квое подрезала летящий впереди таксофлайер.

– Не с той ноги встала? – спросил Белинджер.

– Я вообще не ложилась, – Квое шмыгнула носом. – Лежала и думала…

– О чем?

– Ни о чем.

Они добрались до дома Мэрдока и вошли в подъезд.

– Надеюсь, лифт уже починили, – сказала Квое.

– Мы не будем подниматься на лифте, – Белинджер почесал щетинистый подбородок. – Думаю, будет лучше, если мы посадим парня в твой флайер, вывезем за город и там уже… – он вздохнул. – Не хочу, чтобы его жена видела это.

* * *

Робоводитель не задавал вопросов. Файоли сказала ждать – он ждал. Файоли сказала следовать за серебристым флайером – он следовал.

– Теперь снова остановись и жди, – сказала Файоли. Включенный счетчик мотал, отсчитывая кредиты, которых у нее не было, но она не волновалась об оплате. Сегодня все будет кончено, и никакие долги не станут беспокоить ее.

– Ты сможешь, – сказал киндрид голосом усопшего мужа.

– Я знаю, – Файоли прикрыла глаза…

Они лежали с Персибалом на диване, а за окном падал белый, пушистый снег…

– Они выходят, – сказал робот.

Файоли открыла глаза, наблюдая, как Квое садится за руль. Мэрдок втиснулся на заднее сиденье между двух роботов, принадлежащих агентам. Белинджер открыл багажник и терпеливо ждал, пока киндрид Мэрдока ни заберется в него. Файоли почувствовала, как вспотели ладони.

– Не волнуйся, – сказал робот-Персибал.

– Я не волнуюсь, – соврала она и велела роботаксисту снова следовать за серебристым флайером.

* * *

Небо было серым. Вороны каркали, кружась над городской свалкой. Где-то гудели механизмы местной фабрики по утилизации отходов.

– Я знаю, почему мы здесь, – сказал Мэрдок.

– Знаешь? – спросила Квое.

– Мой робот сказал мне, что все так и будет.

– Почему же тогда ты не сбежал?

– Куда? – Мэрдок грустно улыбнулся. – Разве на этой планете есть место, куда можно сбежать от своей судьбы?!

– Твой робот рассказывал тебе о планете, помнишь? Или же это была твоя выдумка?

– Какая теперь разница. – Мэрдок посмотрел на агентов. – Кто из вас нажмет на курок?

– Разве твой робот не сказал тебе?

– Он сказал мне, что я глупец. Сказал, что если у меня и был шанс, то я уже упустил его.

– Достань его киндрида, – сказала Квое Белинджеру.

– Зачем?

– Просто сделай и все! – она закурила еще одну сигарету. Белинджер вытащил безликого робота из багажника. – Покажи

мне его, – велела Квое Мэрдоку.

– Зачем?

– Затем, что я тебе не верю!

– Эй! – попытался успокоить ее Белинджер.

– Помолчи! – она подошла к роботу Мэрдока. – Ну и где твоя рыжуха? А? Говоришь, она хотела помочь тебе? Что ж, сейчас самое время! Пусть покажется, и обещаю, я дам ей шанс объясниться.

– Тебе нужно поспать, – сказал Белинджер.

– Нет! – голос Квое сорвался на крик. – Если этот чертов робот знает, как изменить написанную Борком судьбу, то пусть скажет мне!

– Квое!

– Заткнись, Белинджер! Ты ничего не понимаешь! Совсем ничего! – Квое сжала в руке горящую сигарету, обожгла пальцы, но не почувствовала этого. – Может быть, это наш единственный шанс, – выдохнула она…

* * *

Все это напоминало сон. Файоли взбиралась на вершины мусорных куч, спускалась и снова взбиралась. И где-то в мыслях все эти кучи были барханами, а свалка безбрежным океаном песка, разогретого солнцем. Нога подвернулась, и Файоли упала. Робот-Персибал застыл за ее спиной. Возле самого лица в груде тряпья и копошащихся червей лежала выброшенная кем-то кукла. Она смотрела на Файоли единственным голубым глазом. Другой был вырван. За ним виднелись провода и микросхемы. Файоли протянула руку и прикоснулась к кукле. Голубой глаз моргнул. «Ма-ма», – сказала кукла механическим голосом. «Такие куклы могли бы быть и у моих детей», – подумала Файоли. Она обернулась и посмотрела на своего робота. Но вместо детей у нее остался лишь киндрид, куча долгов и старый кольт, готовый выскользнуть из вспотевших рук.

– Я, наверное, сошла с ума, – сказала роботу Файоли.

– Ты не сошла с ума, – сказал робот-Персибал. Она заглянула в его черные глаза и заставила себя подняться. – Еще один бархан, – сказал робот.

– Еще одна мусорная куча, – поправила его Файоли.

* * *

Киндрид засмеялся так неожиданно, что Белинджер едва не пристрелил его. Пробившиеся сквозь тучи солнечные лучи заблестели в ярко-рыжих волосах.

– Эй, дядя! Ты полегче с этой игрушкой! Она вообще-то убивает. Ты знаешь об этом? – закричал на Белинджера робот.

– Это она? – спросила Квое Мэрдока.

– Ни с кем не спутаешь, правда? – он улыбнулся сдержанно, с тенью цинизма. Улыбнулся, как улыбаются невинные, осужденные на смерть, за минуту до казни.

– Так это правда? – спросила Квое киндрида. – Я имею в виду то, что ты рассказывала о планете и жизни там.

– Смотря что вам наговорил этот недотепа! – прищурился робот.

– И ты знала, что мы придем за твоим хозяином?

– Он не мой хозяин!

– Ты знала, что мы придем? Да или нет? – Квое волновалась. Наверное, надежда всегда волнительна. Да, пожалуй. Именно надежда. Именно она заставляла тело дрожать, а сердце биться сильнее. Надежда, на существование которой было страшно надеяться. – Знала или нет?

– Ну, что все закончится на свалке, нет, – сказал робот.

– Так все закончится? – спросила Квое.

– Думаю, да, – кивнул робот и посмотрел на Белинджера. – Для всех закончится. – Квое похолодела. Надежда лопнула, как мыльный пузырь.

– А если я смогу остановить это? – спросила Квое.

– Не сможешь.

– Почему?

– Потому что не все зависит от тебя, – киндрид кивнул в сторону кучи искореженного железа и старых рекламных вывесок.

– Какого… – Белинджер замолчал, увидев направленный на него кольт Файоли.

– Не делай этого! – крикнула ей Квое.

– Почему?

– Да, почему? – подхватил вопрос разгневанной женщины рыжеволосый робот. – Ну же. Скажи нам. Не бойся!

– Сама скажи.

– Вот еще!

– Скажи!

– Не буду! – встал в позу робот.

– Скажи, мать твою! Скажи, иначе я…

– Тихо! – Файоли растерялась, насколько твердым получился у нее голос. – Что здесь происходит? – она смотрела то на рыжего робота, то на Квое. – Вы что? Вы хотите убить этого мальчика?

– Его зовут Мэрдок, – сказал робот.

– Вы хотите убить его, да?

– Мэрдока.

– Да заткнись ты, железяка!

– Да мне вообще наплевать, – лицо рыжеволосого робота снова начало становиться безликим.

– Нет! Нет! Нет! Нет! – закричала ему Квое. – Не смей уходить! Пожалуйста!

– Ну, раз так, – рыжуха снова стала рыжухой.

– Расскажи ей про Мэрдока, – попросила Квое робота.

– Что ей рассказать?

– Расскажи про его жизнь. Про его жену. Про его ребенка. Расскажи о том, что его ждет здесь и как он может избежать этого.

– Уже не может.

– Может.

– Это еще почему?

– Эй! – окрикнула их Файоли. – Кто-нибудь объяснит мне, что все это значит?!

И после, когда история Мэрдока подошла к концу, глядя в глаза Белинджера:

– Так значит, я не ошиблась? Значит, помимо жизни моего мужа ты хотел забрать и жизнь этого мальчишки?!

– Не совсем, – сказал рыжеволосый робот.

– Что?

– Это я, – прошептала Квое, но Файоли ее услышала. Лицо ее побелело. Мысли спутались, отказываясь понимать услышанное.

– Что значит «это ты»?

– Это я убила вашего мужа.

– Нет, – Файоли сжала кольт так сильно, что он едва не выскользнул из ее рук. – Нет, – она нацелилась на Квое, снова на Белинджера и снова на Квое. Мышцы начинало сводить от напряжения.

– Она врет, – сказал Белинджер. Файоли почти нажала на курок. Почти.

– Так кто же? – она подумала, что может убить их обоих.

– Но что это изменит? – спросил рыжеволосый робот.

– Что?

– Ты хочешь убить их, но от этого никому не станет лучше.

– Ты просто робот!

– Верно, как и тот, что стоит за твоей спиной и направляет твою ярость. Почему-то ты слушаешь его, но не хочешь слушать меня.

– Он был моим мужем!

– И твой муж хотел убивать людей? Сомневаюсь.

Файоли обернулась и посмотрела на своего робота.

– Персибал? – спросила она. Киндрид молчал, опустив голову.

* * *

Вечер был звездным.

– Ты уверена, что хочешь улететь? – спросил Кейн. Квое кивнула. Он обнял ее и попытался поцеловать.

– Не стоит, – Квое осторожно отстранилась.

– Так ты снова с Белинджером?

– Угу.

– А как же Пэм?

– Переживет.

– Переживет… – Кейн нахмурился, словно пробуя это слово на вкус, как хорошее вино, проверяя его букет и качество урожая. – Переживет, – он громко рассмеялся. – Черт! Придется теперь ловить форель одному!

– Ты не будешь ловить форель один, – Квое улыбнулась ему. – Никогда не будешь.

Она села в свой флайер и полетела на восток города.

– Подумай хорошо, что делаешь, – сказал с заднего сиденья робот голосом ее матери.

– Я уже подумала.

Спустя четверть часа Квое вошла в зал космопорта. Святой отец Смейдж позвал ее за свой столик.

– Пришли проводить своих? – спросила его Квое.

– Пришел проводить вас, – улыбнулся священник. Небольшая компания молодых людей в миссионерских платках о чем-то мило беседовала за соседним столиком.

– Белинджер и Мэрдок еще не приехали? – спросила Квое.

– Пока нет, – сказал священник.

– Думаете, они появятся?

– Не знаю, – признался он. – Пусть дух укажет им, как вести себя. Ибо каждый должен нести свое собственное бремя.

* * *

Они стояли у могильного холмика на планете 1142. Белинджер, Квое, Мэрдок и его робот.

– Так это и есть та блондинка? – спросил Мэрдок,

разглядывая старую фотографию на деревянном надгробии. – Ты привела меня к мертвецу?! – он рассмеялся.

– Это не ее могила, – сказал рыжеволосый робот. – Местные дикари верят, что если оставить у могилы что-то принадлежащее любимому человеку, то дух усопшего будет заботиться об этом человеке, как о собственном родственнике.

– Так значит, она еще жива?

– Может быть, – рыжеволосый робот смотрел, как теплый ветер колышет белые цветы, посаженные на могиле.

– Получается, это еще одна твоя шутка? – спросила его Квое.

– Нет.

– Тогда почему мы здесь?

– Потому что это моя могила.

– Твоя?!

– Не спрашивайте как. Это долгая история, да и к тому же не ваша.

– Но ведь ты сама привела нас сюда!

– Да. И отсюда теперь каждый из вас пойдет своим путем. – Робот смотрел на них зелеными глазами. Такими человечными глазами. – А я останусь здесь. И не спорьте. Так и должно быть, – рыжуха шмыгнула носом. – Мэрдок? Могу я попросить об одолжении?

– Конечно.

– Отведи меня к одной семье. Ненадолго. Я просто хочу посмотреть…

* * *

Озеро. По зеркальной глади плыли далекие белые облака. Хью сидела на старом причале, опустив босые ноги в теплую воду и время от времени кричала темноволосому мальчугану, чтобы он не заплывал далеко.

– Как она выросла, – прошептала рыжуха.

– Это твоя дочь? – спросил Мэрдок.

– Неважно. Давай просто постоим немного и посмотрим.

* * *

Мэрдок встретил Лейлу в одном из местных баров спустя год. Она сидела за дальним столиком. Одна. И вливала в себя стопку за стопкой.

– Привет, – сказал Мэрдок.

– Чего тебе? – сказала она. Он сел за ее столик и рассказал свою историю.

– И что стало с этим роботом? – спросила Лейла.

– Не знаю. Он просто лег рядом со своей могилой и отключился. А когда мы пришли, чтобы его похоронить, никого уже не было. Только старая могила с твоей фотографией – и все.

– Забавно, – Лейла улыбнулась. – Я тоже иногда прихожу к той могиле.

– Так ты знала моего робота?

– Да, но прихожу из-за той, которая похоронила его там.

– Дикарка?

– Да, дикарка. – Лейла выпила еще и рассказала, как они расстались. – Наверное, это моя кара за то, что я такая сука.

– Ты не сука, – сказал Мэрдок.

– Откуда ты знаешь?!

– Просто знаю и все. К тому же если бы не ты, я бы никогда не оказался здесь. И не только я. Так что хочешь ты или нет, но считай, что мы обязаны тебе.

– Забудь.

– Ты покраснела.

– Что?

– Твои щеки покраснели.

– Просто жарко.

– А по-моему, ты просто смутилась.

– Послушай, меня только что бросила моя любовница! Думаешь, мне есть дело до пары неудачников, которых я знать не знаю?! Да я в жизни не делала никому ничего хорошего!

– Ты всех ненавидишь или только себя?

– Пошел к черту!

– Да я уже был там.

– Что?

– Думаю, мы все уже там были…

Глава третья

Стройность. Порядок. Идеальная формула. Каждое уравнение должно быть решенным, иначе в нем нет смысла. Иначе оно – всего лишь парадокс. Но парадоксам нет места в этой системе. В твоей системе. Поэтому ты вводишь переменные, дополнительные значения, промежуточные функции – все, что вернет стройность и порядок созданному тобой миру. И никаких случайных событий! Потому что случайность – это результат неполной информации. Но если знать все факторы, то предсказать можно любое событие. Подбросим монету. Теперь учтем силу толчка, форму монеты,

закон сопротивления воздуха и другие факторы, определяющие закон движения, и получим точный результат, какой стороной упадет подброшенная нами монета.

Идем дальше.

Функция жизни. Принимаем в учет отсутствие неизвестных. Добавляем переменную. Видим роботов с памятью родственников – все закономерно. Видим робота с памятью постороннего человека – это и есть переменная. А время ее появления – это ее рождение…

– Помнишь моего отца? – спрашивает робот своего хозяина.

– Я не могу быть один, – говорит Диас. – К тому же Хью нужна мать.

Теперь собираем воедино все, что проистекает из этого, вплоть до планеты Далеких Границ. Анализируешь полученные данные и посылаешь за погибшим роботом своего агента. Требуется лишь блок памяти. Лишь информация. И… Робот погиб – робот воскрес.

Лифт падает, создавая парадокс идеальной формулы. Закономерность нарушена. Используешь полученную переменную.

– А вот разбирайся сам! – хихикает робот.

– Понятия не имею, кто она такая! – говорит Мэрдок Марсии…

Система рушится – система стремится к порядку. Возвращаешься к закономерности. Видишь робота с памятью родственника.

– Я всегда любил тебя, – говорит робот.

– Это безумие! – говорит Файоли и тихо плачет…

Теперь отчет и три варианта.

– Значит, Борк решил заняться Белинджером? – спрашивает Квое.

– Тебя это беспокоит? – спрашивает Кейн.

– Нет, – говорит Квое.

– Гильотина висит над каждым из нас, – говорит Кейн…

И снова назад. «Жизнь (а возможно, и любовь) сильнее того, что она создает, но никогда не сильнее того, что создает ее», – так, кажется, писал Желязны в одном из своих рассказов. Вот и на этом временном отрезке происходит нечто подобное. Любовь и жизнь. События и последствия. Факторы, факторы, факторы… И старый культ ждет своего нового владельца. Контролируемое попустительство. Упорядоченный хаос.

– Так ты тоже считаешь, что происшествие с лифтом не было несчастным случаем? – спрашивает Мэрдок.

– Знаю, – говорит робот.

И функция начинает стремиться к порядку.

– Ты не нужна Борку, – говорит Кейн.

– А кто ему нужен? Белинджер? – спрашивает Квое. – А кто потом? Ты? Я? Все это неправильно…

Да. Именно так. Каждая прямая ограничена в пространстве. Как и жизнь. Как и работа. И переменная становится надеждой, шансом изменить будущее, которого бы не было, если бы ты не приоткрыл на мгновение его завесу.

– Расскажи ей про Мэрдока, – говорит Квое.

– Что ей рассказать? – спрашивает робот.

– Расскажи про его жизнь. Про его жену. Про его ребенка. Расскажи о том, что его ждет здесь и как он может избежать этого.

И даже святой отец Смейдж имеет свое определенное значение, свой изученный фактор воздействия. И робот упорядочивает уравнение, ведомый желанием еще раз увидеть то, что ему действительно дорого. А после уходит, чтобы вернуться, но уже в другой истории, и повторить то, что однажды дало результат. Формула доказана. Формула работает. Лифт может не падать, чтобы упорядочить идеальное уравнение. И жизнь, как и прежде, не имеет никакого значения. Лишь переменная. Лишь твое детище, рожденное в хаосе, но создавшее порядок. И все это просто цифры, формулы, вычисления. И все это просто жизнь. Так что бросай монету и пытайся угадать, какой стороной она упадет. Вдруг получится…

История четвертая
Идеальное вторжение (Эта странная бесконечная жизнь)

Мы помним лишь прошедшее. Мы никогда не узнаем его, если вдруг встретим. Воспоминания остаются на месте, а время движется вперед, и они расходятся навсегда.

Альфред Бестер «Время-предатель»

Глава первая

Выходишь из дома и знаешь, что больше никогда не увидишь его снова. В густом, как деготь, черном небе плывет, переливаясь фиолетовыми и бардовыми цветами, инопланетный корабль. Ярко-зеленые лучи пронзают ночь, словно вспышки салюта. Тянутся от корабля к земле и забирают выходящих на улицы людей. Одного за другим. Одного за другим. Успеваешь подумать об Эйлин: «Интересно, они уже забрали ее или нет?» Видишь, как зеленый луч пронзает твоего соседа. Он улыбается. Смотрит на далекий внеземной корабль и улыбается. Луч исчезает, и сосед исчезает вместе с ним. Делаешь шаг вперед. Чувствуешь щебень под ногами. Вдыхаешь ночную прохладу полной грудью. И никакого страха. Никаких сомнений. Инопланетный корабль зависает прямо над твоей головой. Зеленый луч вырывается из его брюха. Пронзает тебя. Тело сковывает немота. Свет меркнет. Сознание тонет в туманном забвении. Глаза закрываются (или же это мир закрывается для твоих глаз?). Ты поднимаешься на борт. Ничего не чувствуешь, но знаешь, что это так. Время растягивается, как резина. Долгое, бесконечное время. И мысли какие-то заторможенные. Слова, воспоминания – все двигается, как в замедленном фильме…

Толчок. Чувствуешь под ногами твердую опору и открываешь глаза.

– Это великолепно! – говорит тебе сосед. Соглашаешься с ним. Смотришь по сторонам. Ничего особенного. Корабль как корабль. Может быть, лет через сто вы бы и сами начали строить такие, осваивая Луну, Марс, Юпитер.

Зеленый луч вспыхивает, перенося на борт еще одного соседа. Он озирается по сторонам, широко открыв глаза. Наверное, ты был таким же минуту назад: счастливым, зачарованным, пораженным…

– Интересно, кто управляет этой штуковиной? – говорит сосед.

– Откуда я знаю, – говоришь ты. Снова вспыхивает зеленый луч.

– Слава богу, успела! – говорит запыхавшаяся женщина.

– Пойдем поищем экипаж, – говорит сосед. Еще один луч вспыхивает где-то рядом. Проталкиваешься сквозь толпы знакомых лиц. Видишь дверь и надпись желтыми буквами на электронном табло над ней: «Не открывать, пока не окончена посадка».

– Подожди, – говоришь соседу.

– Да чего ждать-то?! – разводит он руками. Показываешь ему на табло над дверью. – И что?! – спрашивает сосед.

– Может, это не просто так, – говоришь ты.

– Да брось ты.

– Стой! – ты хватаешь его за руку. – А что если как только мы откроем эту дверь, то кто-то из тех, кто еще не перебрался на борт, погибнет? – сосед пожимает плечами. – Или же погибнем мы все, – говоришь ты. Сосед хмурится. Смотрит недовольно на электронное табло и тяжело вздыхает.

– Ну ладно. Давай подождем.

Луч все еще мелькает, перенося на борт жителей твоей улицы. Десять, двадцать, тридцать раз… Сосед потирает руки и готовится открыть дверь. Корабль вздрагивает. Электронное табло над дверью меняет надпись. Теперь желтые буквы говорят: «Во время полета не открывать». Собравшиеся люди тихо перешептываются.

– Интересно, куда мы летим? – говорит сосед. Гул заглушает его голос. Уши закладывает. «Все будет хорошо, – думаешь ты, смотришь на собравшихся людей и понимаешь, что они думают о том же». – Все будет хорошо! – кричит тебе сосед, показывая поднятый большой палец. Ты киваешь ему. Он улыбается. Широкая, счастливая улыбка от уха до уха на толстом лице.

Но гул усиливается. Проникает в мозг, и кажется, что еще мгновение – и из ушей потечет кровь. Еще мгновение… Еще… Тишина. Даже как-то не по себе. Но это всего лишь оглохшие уши. Звуки медленно возвращаются. «Выход», – загораются желтые буквы на электронном табло над дверью.

– Так! Теперь бы понять, куда нажать! – говорит сосед. Подходит к двери, ищет ручку или электронный замок. Но ничего нет. Дверь открывается сама. Сосед оборачивается к тебе и пожимает плечами. – Ну что, пойдем посмотрим? – говорит он.

– Пойдем, – отвечаешь ты, и вы выходите.

* * *

Вспышки. Они повсюду. Гигантский корабль, куда вы прилетели, распускается, словно цветок, жизнь которого наблюдаешь изнутри.

– Он что, живой? – спрашивает сосед.

– Не будь дураком, Блейз, – говоришь ему ты.

Кто-то кричит, что это чудо. Кто-то читает благодарственные молитвы своим богам. Гигантский корабль принимает все новые и новые корабли-шлюпки, откуда выходят жители твоего города и

окрестностей. Джили, Рендер, Сэнди, Мартон, Бестер, Карвин, Дейдра, Фиона – все, кого ты знал и с кем встречался почти каждый день, здесь. Снова вспоминаешь Эйлин, бродишь среди восторженных многотысячных толп и пытаешься найти ту, с кем готов был прожить одну из своих генетических жизней.

«Знаешь, Хасан, – сказал тебе как-то Блейз, – ты самый странный сосед из всех, кого я знаю». «Судьбу не выбираешь», – сказал ты или же одна из твоих генетических личностей. Иногда они обозначали свое присутствие настолько внезапно, что ты какое-то время не мог сообразить, чья память сейчас говорит твоими устами: твоя или же твоих прошлых жизней. Жизней, никогда не принадлежавших тебе, но всегда остававшихся твоей неизменной частью. Врачи назвали это «Феномен реинкарнации». Правда, вначале поставили более простой диагноз – шизофрения и раздвоение личности. Но личность у тебя всегда была одна, поэтому раздвоение пришлось исключить, как, впрочем, и шизофрению, но только чуть позже. Один умник из местной больницы три долгих года кормил тебя амиталом и прочими барбитуратами среднего и короткого времени действия, но в итоге решил, что это не помогает. «Ты безнадежно болен», – сказал он и посоветовал смириться. И ты смирился. Но люди, окружавшие тебя, не смогли. Их пугали твои внезапные воспоминания, настораживали, и они заставляли тебя продолжать лечение, не оставлять попытки исправить это. Но исправлять было нечего.

«Это всего лишь твоя генетическая память», – сказал седой профессор, закончив проводить тесты и анализы, которым, казалось, не будет конца. Он сказал, что это как наследуемые черты лица, только в твоем случае это еще и память. «Никто ведь не считает особенным тех, кто наследует длинный нос или большие уши?! – смеялся профессор. – Вот и ты нечто подобное». Ты поблагодарил его за проделанную работу и вернулся в свой город, а через год он выслал тебе свою книгу с автографом и благодарностью. Оказывается, ему присудили несколько наград в научной литературе за работу, где он попытался раскрыть твой феномен. Какое-то время пресса проявляла к тебе интерес. Спрашивали о твоих прошлых жизнях и жалели, что твои предки были не столь значительными историческими личностями, чтобы ты мог раскрыть затянутые паутиной времени исторические тайны. Но в итоге закончилось и это. Пресса назвала тебя шарлатаном, а критики буквально порвали на части старого профессора, сведя его в могилу.

С тех пор ты больше не лечился. Может быть, твои праправнуки и смогут избавиться от этого, но сейчас лечения не

было. «А может, настанет день, и все мы станем такими, как ты, – сказал однажды Блейз. – Что если это не дефект, а всего лишь новый виток в эволюции?!» Ты посмотрел на него и подумал, откуда простой механик знает все это. «Откуда? – Блейз деловито ухмыльнулся и рассказал о студентке с факультета философии, с которой он спит. – Она хочет написать о тебе диссертацию», – сказал Блейз. Ты вспомнил старого профессора и сказал: «Не надо». «Да не волнуйся ты! – Блейз дружелюбно хлопнул тебя по плечу. – Она не хочет доказывать, что ты особенный. Она хочет доказать, что ты шизофреник». Он подмигнул и сказал, что она просила его договориться с тобой о встрече. Ты сказал «нет», а Блейз сказал, что в этом возрасте они такие знойные, что за проведенную с ними ночь можно позволить назвать себя шизофреником. Эйлин обиделась и ушла. «Иногда я тебя ненавижу», – сказал ты Блейзу. Он ушел поздним вечером, но Эйлин так и не вернулась. Ты позвонил ей на мобильный, послушал гудки и лег спать.

Ночью тебе снился топот копыт и звон сабель. Твои предки убивали людей. Рубили головы и конечности. Но знаешь, когда ты видишь все это на самом деле, чувствуешь это, проживаешь это, убийство не кажется таким уж аморальным поступком. По крайней мере, лучше убивать, чем переносить мучения и пытки. Как в той жизни, когда ты был арабским поэтом. Он любил женщин и опиум, но умер на столе для пыток. Попробуй переживи это, а потом осуди убийство. Нет. Ничего не выйдет. Это просто жизнь. Просто нравы. И детей твоих ждет то же самое. «А если у нас родится девочка?» – спросила тебя как-то Эйлин. «Не родится», – сказал ты, и генетическая память показала тебе десятки подобных историй. Женщины были красивыми и не очень, вы то лежали на персидских коврах, наслаждаясь яствами, то голодали в чердачных помещениях, стоимость проживания в которых была непосильной для тебя. Картины менялись, но суть оставалась одна. «И каково это? – спросила Эйлин. – Знать сотни женщин, помнить тысячи поцелуев». «На Востоке всегда придерживались строгих нравов, – сказал ты. – К тому же я никогда не был достаточно богат, чтобы купить себе невесту». «Ты врешь», – сказала Эйлин и поцеловала тебя в губы. У нее был маленький рот и острый язык. Темные глаза и длинные черные волосы. О вкусах, как говорится, не спорят, особенно если твоя генетическая память показывает сотни восточных красавиц, плениших твое сердце. Иногда, занимаясь любовью с Эйлин, ты вспоминал тех бедняков, которые так и умерли, не познав женщины. Интересно, могут ли они видеть твою жизнь так же, как ты видишь их жизни? Испытывать то же, что испытываешь ты?

Наверное, нет, ведь они – всего лишь твоя память. Как стихи на арабском, которые ты иногда читал Эйлин. Стихи из прошлого, рожденные в настоящем твоими губами. «Мои губы тоже кое на что способны», – сказала тебе как-то Эйлин, а ты сказал, что когда-то давно ее бы забросали за это камнями. «А сейчас забросают камнями, если я этого не сделаю», – улыбнулась Эйлин. «Всего лишь засмеют», – сказал ты, а поэт плакал, держа на руках мертвую девушку, растерзанную разгневанной толпой. И пальцы его путались в окровавленных волосах. И чей-то камень обезобразил ее красивый рот, превратив в кровавое месиво. И ничего не вернуть назад. «Всего лишь нравы», – сказал ты Эйлин, но так и не смог видеть ее рот пригодным для чего-то большего, нежели поцелуи, и неважно, насколько страстными были ночи. Поэт рыдал, и запекшаяся кровь в густых черных волосах его возлюбленной проводила незримую грань, перешагнуть которую невозможно. «А если Рендер расскажет тебе кое-что… – Эйлин поднялась на локтях, заглядывая тебе в глаза. – Мы ведь жили с ним больше года, и сам понимаешь… его нравы были немного другими». «У меня нет проблем с моими воспоминаниями, – сказал ты. – Они принадлежат мне, а не я им». «Значит, ты не отрубишь ему голову или что там отрубали в те времена?» Ты обнял ее и поцеловал в шею. Арабское солнце было красным, и черный жеребец нес тебя на восток. И женщина, красивая, как звезды на ночном небе, обнимала тебя, прижимаясь к твоей спине. «Однажды я украл свою возлюбленную», – сказал ты Эйлин. «А она хотела этого?» – спросила Эйлин. «Не знаю, – признался ты. – Она была женщиной и покорно принимала свою судьбу». «Это нечестно», – сказала Эйлин. «Она была не похожа на тебя», – соврал ты. «Значит, меня бы ты воровать не стал?» «Еще как стал бы!»

* * *

Вы идете с Блейзом по кораблю, и высокие своды теряются где-то над головой в недосягаемой темноте.

– Даже не верится, что здесь все жители нашего города! – слышишь ты голос Рендера.

– Подожди, – говоришь Блейзу и пытаешься пробраться сквозь толпы людей к бывшему мужу Эйлин. Рендер видит тебя и театрально кривится.

– Значит, ты тоже здесь, – говорит он и тяжело вздыхает.

– Давай не будем, – начинаешь ты.

– Не будем что? – спрашивает он. – Драться на саблях или

читать стихи на арабском?

– Я не ищу ссоры. Я ищу Эйлин, – говоришь ты. Он смеется.

– Так она и от тебя сбежала?

– Не от него, а от меня, – говорит Блейз, влезая в разговор. Рендер пожимает ему руку, вглядывается в его голубые глаза.

– Так ты и она…

– Нет, – улыбается Блейз и рассказывает о студентке, намеревавшейся написать о твоей шизофрении. – Она, кстати, тоже должна быть где-то здесь.

– А имя? – спрашивает Рендер.

– Черт ее знает! – Блейз чешет затылок. – Хоть убей, не помню. – Он смотрит на тебя и спрашивает: не помнишь ли ты.

– Нет, – говоришь ты. И уже Рендеру: – Эйлин не звонила тебе?

Он улыбается.

– А если и звонила… То что?

– Я просто хочу ее найти, – объясняешь ты.

– Может, она этого не хочет.

– Так ты знаешь, где она, или нет?

– У матери.

– Черт!

– Да уж. Действительно черт! – Рендер смеется. – Сомневаюсь, что тебе удастся найти ее здесь.

– Найду, – обещаешь ты.

– Жрать охота, – говорит Блейз. Рендер протягивает ему шоколадку. Блейз срывает обертку и спрашивает: – Интересно, здесь можно мусорить или нет? – ты пожимаешь плечами. – Ну, если что, то это не я, – Блейз бросает на пол обертку. Засовывает в рот шоколадку и жует. Ты смотришь на его ставшие коричневыми зубы и думаешь о том, что будет потом.

– А вот это хороший вопрос, – соглашается Рендер. Блейз перестает жевать и говорит с набитым ртом, что нужно было оставить шоколадку на черный день.

– Считай, что он наступил, – говоришь ты и оглядываешься по сторонам, пытаясь отыскать знакомые лица.

– Пойду поищу своих, – говорит Рендер. Ты останавливаешь его и пытаешься убедить, что вам лучше держаться вместе. – Еще чего! – Рендер высвобождает руку и уходит.

– Никуда он не денется, – говорит Блейз. – Да и на кой черт он нам нужен? Пойдем найдем Сэнди и Карвина. Рендер прав. Сейчас лучше держаться со своими.

* * *

Время. Часы показывают поздний вечер, когда вы выходите на опушку лиственного леса.

– Это что? Настоящее? – спрашивает Блейз и щипает себя за руку.

– Думаю, не стоит делать поспешных выводов, – отвечает Сэнди, сжимая руку Карвина, который готов броситься к хрустальному озеру и утолить жажду.

– Да пустите же меня! – кричит женщина в короткой юбке. Ее худые ноги рассекают водную гладь. Она радуется, как ребенок. Белая блузка намокает, прилипает к телу. Пара рыжеволосых ребятишек бегут к озеру, наполняя повисшую тишину звонким смехом. Кто-то находит в лесу ягоды. Кому-то удается поймать пару пушистых зверюшек.

– Вы же не съедите их?! – возмущается Сэнди.

– Еще как съедим! – заверяет ее толстый мужчина.

– Знаешь, – говорит тебе Блейз, глотая слюни, рожденные сладким запахом жарящегося мяса, – пожалуй, нам тоже стоит пойти в лес и поймать кого-нибудь.

– Лучше уж ягоды! – говорит Сэнди.

– Никто ничего здесь есть не будет! – кричит Рендер. – Вы что, забыли, где мы? – гудение людей смолкает. – Что это за место? Что это за корабль? И что это за лес?

Ты смотришь на Рендера и признаешь, что у него врожденные ораторские способности. Люди слушают его. Люди готовы идти за ним. Даже Мейнос – мэр вашего города, который вы оставили в прошлом, – не изъявляет желания занять свое прежнее место.

– Что будет завтра, когда мы разграбим этот лес? – спрашивает людей Рендер. – Что будет, когда не останется ни зверей, ни ягод?

– Нужно проголосовать, – говорит Блейз.

– Проголосовать за что? – спрашивает Рендер.

– За то, кто будет решать, что нам делать дальше.

– Никто ничего не будет решать в одиночку, – говорит Рендер. – Нас здесь много, и каждое мнение имеет значение.

– Ну, тогда я за то, чтобы сначала поесть, а потом решать все остальное, – говорит Блейз и поднимает руку.

– Я, пожалуй, с тобой, – говорит Карвин.

– А я против, – Сэнди смотрит на супруга и пожимает плечами.

– Я тоже против, – говорит Рендер. Две сотни рук поднимаются в знак согласия.

– Я посчитаю, – говорит Дейдра. Она ходит между людей, терпеливо исполняя свою обязанность. – С перевесом в двести голосов победили Рендер и Сэнди, – объявляет Дейдра спустя

почти час.

– Так есть, значит, не будем?! – сокрушается Блейз. – Но ведь здесь не все жители города. Может, вернуться и спросить мнение остальных?

– Решение принято, – говорит Рендер. – Сначала разберемся, что это за корабль, а потом будем решать, что делать дальше.

* * *

Помнишь, однажды вы с Эйлин взяли палатку и отправились в лес. Вдвоем. Только ты и она. Солнце согревало землю. В кронах пели птицы. Вы установили палатку, побродили по лесу и позавтракали. «Я хочу, чтобы ты почитал мне стихи, – сказала Эйлин, а ты сказал, что она не понимает по-арабски. – Ну и что! – она беззаботно улыбнулась. – Зато мне нравится, как они звучат». А после вы лежали на расстеленной поверх зеленой травы скатерти и Эйлин рассказывала тебе про свое детство. «Есть вещи, которые мне очень дороги, – сказала она. – Маленькие, ничего не значащие вещи». Она покраснела и сказала, что Рендер всегда смеялся, когда она рассказывала ему об этом. «Я не буду», – пообещал ты. «Еще как будешь!» – сказала она, и вы лежали на скатерти и смеялись до слез. После обеда вы снова бродили по лесу и мечтали повстречать оленя. Но вместо оленя вы увидели лишь зайца, да и тот мелькнул в кустах своим коротким хвостом и исчез. Вот и весь день, завершившийся ночью и небольшим костром. Вы лежали с Эйлин, обнимая друг друга, и молча смотрели на небо. «Хочешь, я расскажу тебе о созвездиях?» – спросил ты. «Хочу увидеть, как падает звезда», – сказала Эйлин. Ты сказал, что звезды не падают, а она сказала, что знает, но ей все равно. Вы занимались любовью, и ты смотрел ей в глаза. Смотрел и видел, как в них отражаются далекие звезды. И ночь заполняла тишину шорохами своей бесконечной жизни, пряча ваши тяжелые дыхания в своей непроглядной плоти…

Сейчас все было иначе. Свет померк, но ночь все равно осталась ненастоящей. Искусственной. Ты лежишь на спине и слушаешь, как смеется Блейз.

– Что тут смешного? – спрашиваешь, жалея, что рассказал об Эйлин, палатке, костре…

– Извини! – говорит Блейз, продолжая смеяться. – Я просто вспомнил, как однажды комары искусали мне всю задницу после подобного и я несколько дней вообще сидеть не мог!

– Я мог, – говоришь ты.

– Наверно, торопился! – хватается за живот Блейз. – Прости!

Я не хотел тебя обижать.

– Да ничего. – Ждешь, когда он успокоится, спрашиваешь о запланированном походе на завтрашний день.

– Не знаю, – говорит Блейз. – Но мне интересно.

– Я имею в виду не интерес, – говоришь ты. – Это может быть опасным, а кроме тебя я больше никого не знаю из добровольцев.

– Не думаю, что это будет опасным, – говорит Блейз. – Ну а если что, то держись рядом. Кто не побежит, тому и можно доверять. Понимаешь?

– Понимаю, – отвечаешь ты.

Древние битвы всплывают в памяти звоном клинков. Пустыня наполнена криками. Ветер выбивает из глаз слезы. Черный жеребец под тобой недовольно фыркает. Сабля в твоей руке блестит, отражая лучи беспощадного солнца. Песчаный бархан уходит круто вниз, где идет сражение. Фонтаны крови брызжут в раскаленный воздух. Конь снова фыркает. Слышишь короткий приказ по-арабски. Пришпориваешь коня и мчишься вниз, в пекло смерти…

* * *

Лес заканчивается высокой железной стеной с автоматически открывающейся дверью.

– А я почти забыл, что это корабль, – говорит Кройд. Вы выбрали его своим лидером часом ранее большинством голосов. Семь к трем. Ты и Блейз голосовали «за».

Теперь дверь. Она открывается вверх, прячась в железную стену. Узкие коридоры кажутся бесконечными. Они извиваются, разветвляются, уходят круто вверх и вниз, словно вы движетесь по кровеносно-сосудистой системе гигантского зверя. Иногда вам встречаются люди. Такие же, как вы.

– Вы откуда? – спрашивают они. Вы рассказываете о лесе и озере. Они рассказывают о целых городах с домами и квартирами.

– Кажется, там кто-то жил до того, как мы пришли. Даже на столах осталась недоеденная еда. Свежая еда. Понимаете, о чем мы? – говорит женщина с рыжими волосами. Она угощает вас кофе (по крайней мере, чем-то похожим на кофе), а вы отдаете ей часть жареных пушистых зверьков, пойманных в своем лесу. – Вот, возьмите, – говорит женщина, передавая вам карту. – Мы рисовали ее, как только вышли. Так что если захотите, то сможете найти наш город.

– Нам тоже нужно будет нарисовать карту, – говорит Кройд и

спрашивает, кто из вас занимался чем-то подобным раньше. Вы молчите. – Это недочет, – делает вывод Кройд. Блейз толкает тебя в бок.

– Я тоже не умею, – говоришь ты.

– И на кой черт нужна вся эта память, если в нужный момент она не может помочь?! – в сердцах возмущается Блейз, забирает у Кройда карту и говорит, что хоть и не художник, но будет стараться. Ты вспоминаешь Эйлин. Думаешь, что когда карта будет достаточно полной, то можно попытаться отыскать ее.

Еще одна железная дверь встает у вас на пути.

– Не открывается, – говорит Кройд, простояв перед ней больше минуты. Электронная панель справа от двери требует ввести код.

– Может, это граница? – спрашивает Блейз.

– Почему здесь? – спрашиваешь ты.

– Не знаю, – пожимает плечами Блейз. – У нас же недалеко от города была граница.

– Но никто не требовал на ней вводить никаких кодов, – говоришь ты.

– Но мы и не дома. – Блейз чертит на своей карте крестик и спрашивает, как назвать эту дверь.

– Назови тупик, – отвечает Кройд. Вы возвращаетесь по карте назад, до предыдущей развилки, и выбираете другой тоннель. Очередная дверь открывается, пропуская в вас в заполненное людьми помещение.

– Вы кто такие? – спрашивает высокий мужчина с густыми черными усами.

– Мы рисуем карту местности, – объясняет Кройд.

– На кой черт вам карта?! – смеется усатый и показывает информационную панель, где схематично изображена часть корабля. – Здесь есть пара лифтов, – говорит он. – Мы пока не разобрались, как они работают, но что работают, это точно. Мы уже пользовались ими. – Его длинный палец упирается в зеленую часть экрана. Она увеличивается от нажатия. – Мы были вот здесь и здесь, – рассказывает он. – Здесь находятся какие-то магазины, а здесь столовая. – Его лицо расплывается в улыбке. – И такой большой запас вина, что, думаю, нам всем надолго хватит!

– Не хватит, – говорит Кройд. – Если судить по тому, что мы видели, то нас здесь много.

– Насколько много?

– Не знаю, но может, и вся планета. Наш город и окрестности, по крайней мере, здесь.

* * *

От резкого ускорения закладывает уши. Лифт двигается не только вверх и вниз, но еще и в стороны.

– Интересно, на скольких людей он рассчитан, – говорит Блейз.

– Своевременный вопрос, – подмечает усатый. Он наблюдает за картой движения и предусмотрительно усаживается в кресло незадолго до поворота.

– Мог бы и предупредить, – обижается Блейз, поднимаясь на ноги.

От падения ты прокусил губу, и кровь заполняет рот. Память предков оживает нечеткими вспышками. Холодная сталь колет брюшную полость.

– Эй, ты в порядке? – спрашивает Блейз.

– По-моему, меня только что убили, – говоришь ты.

Лифт останавливается, и вы снова падаете на пол.

– Нужно будет перенастроить эту штуковину! – говорит Кройд, выходя в открывшуюся дверь. Приклад М-16 бьет его в голову, сбивая с ног. Кройд падает на колени. Группа солдат целится в вас.

– Вы кто такие? – спрашивает сержант, видит усатого и опускает оружие. – Кавана, дружище, какого черта ты здесь делаешь?

– Хотел бы я знать! – усатый выходит из лифта. Они обнимаются, как братья. Да они и есть братья! Вы сидите на полу и слушаете рассказ сержанта о том, как они попали сюда. Ничего нового. Те же корабли. Те же лучи.

– Мы думали, что это всего лишь учения! – говорит сержант, показывая сваленные в кучу алюминиевые столы и стулья. – Заняли оборону и стали ждать. – Он извиняется перед Кройдом за разбитую голову. – Сами понимаете, мы военные, а не политики. Наше дело… – он смолкает, смотрит на брата и спрашивает о своей семье. – Может, они тоже здесь? – сержант на глазах перестает быть солдатом и становится семьянином. – Нужно разобраться в этих картах.

– Разберемся, – обещает Кавана. – Насколько я понял, в том, как мы здесь оказались, есть определенная упорядоченность.

– Так ты думаешь, нас здесь много?

– Думаю, да. – Кавана показывает на вас. – У них вообще весь город здесь.

– И окрестности, – добавляет Кройд.

– Это плохо, – говорит сержант. – Уже представляю, какая неразбериха скоро начнется. Никаких границ. Никаких законов. – Блейз рассказывает про закрытую дверь. – Уже лучше, но все равно… – сержант вздыхает. Говорит, что его семья, скорее всего,

тоже находится за одной из закрытых дверей.

– Нужно разобраться, как их открыть, – говорит Кавана. – Да и лифт, его передвижения тоже ограничены.

– Не стоит торопиться, – говорит сержант. – Никто ведь не знает, что ждет нас за этими закрытыми дверьми. К тому же у нас и здесь может найтись проблем вдоволь.

– Что за проблемы? – спрашивает Блейз.

– Власть, сынок, – говорит сержант. – Новая территория еще никому не принадлежит, а такого не должно быть. Понимаешь?

Рация связиста начинает шипеть. Майор Бауэр выходит на связь. Сквозь треск помех ты слышишь автоматные очереди.

– Ну вот и началось, – говорит вам сержант. – Кто-нибудь из вас служил в армии?

Глава вторая

Несколько поколений спустя.

Караван роботов медленно продвигается по внешней поверхности гигантского корабля. Вокруг вакуум и радиация звезд. На тебе надет сверхпрочный скафандр. Специальное стекло защищает твои глаза от ожога. Группа роботов-охранников, вооруженная пневмовинтовками, идет рядом. Они не сомневаются. Не жалуются. Не устают. Они охраняют караван и умрут, если на то будет необходимость. Если на вас, не дай бог, нападут кочевники или бандиты. Но этого не произойдет. Ведь ты хороший погонщик. Ты знаешь все тайные тропы, знаешь, где нужно опасаться нападения, а где отдыхать.

Помнишь своего деда? Да, именно с ним ты еще ребенком проделал этот путь. Конечно, за долгие годы все тропы изменились, но ты ведь был здесь с самого начала. Почти с начала. Твоя генетическая память сохранила все, что ты не смог изучить и запомнить за свою жизнь. Вон там, восточнее, твой дед впервые провел караван. У него были старые роботы и никакой охраны. Только он и товар. Но все это случилось после того, как началось Великое переселение. Огонь погас. Выстрелы стихли… Видишь? Твой дед стоит на опушке леса и смотрит на могильные холмики, оставшиеся от его родного города. «Нужно идти, Хасан», – говорит ему друг. Если покопаться в воспоминаниях, то можно узнать его имя. Блейз. И еще… Рендер, Кройд, Сэнди… И, конечно же, Эйлин. Женщина удивительной красоты, как сам космос. Темный и непостижимый. Как много воспоминаний твоего деда связано с ней! Особенно в первые годы жизни после Великого переселения. Нет. Эйлин нет в воспоминаниях Хасана в те годы. Только чувства, но чувства эти настолько сильные, что ты почти физически ощущаешь их, когда приходят эти воспоминания. «Феномен реинкарнации». Так, кажется, называли это врачи. Но все это было когда-то давно. Словно во сне. Ты видишь картинки, но они чужие. Реки, моря, пустыни, водопады, джунгли, бескрайние города, небоскребы… Все это напоминает тебе сон. Может быть, это и были сны твоего деда и всех тех, кто жил до него? Ведь жизнь – она совершенно иная. Темная, мрачная, наполненная бесконечным движением. Видишь? Над головой пролетает ремонтный корабль. Когда-нибудь ваши ученые сумеют разобраться, как управлять ими, и вам представится возможность посетить одну из планет, мимо которых вы иногда пролетаете, хотя проку от этого будет не больше, чем от вьючного животного из твоей памяти, для твоего

нынешнего каравана. Здесь нет жизни. Нигде нет. Лишь внутри гигантского корабля, изучить который кажется невозможным. Он всегда будет оставаться загадкой. Может быть, ученые когда-нибудь и смогут научиться управлять ремонтными кораблями, и тогда твои навыки погонщика не смогут обеспечить тебе безбедную жизнь, но что-то подсказывает, что этот день наступит нескоро, а если и наступит, то повторится история с лифтами – слишком дорого, слишком неэкономично. Да еще все эти таможенные налоги. Нет. Куда проще найти хорошего погонщика и переправить караван через внешние пределы…

И снова память, хотя об этом и так говорят в каждом баре. Однажды твой отец провел караван на другую сторону корабля. Это путешествие отняло жизнь старого Блейза и принесло твоей семье вечную славу. И теперь каждый торговец готов заплатить тебе двойную плату, зная, что если караван ведут члены твоей семьи, то с ним ничего не случится. Хотя все не так просто. Видишь, как у твоего деда кончается кислород? Слышишь, как громко бьется его сердце? У каждого погонщика есть свои суеверия и приметы. У каждого есть свои страхи. Сколько новичков погибло, заблудившись на этих бескрайних просторах? Тысячи! Главное – не экономить на кислородных баллонах и роботах-носильщиках. Торговцы никогда не подумают об этом. Для них важен лишь товар, а не жизнь погонщика. Как бледнолицые девочки в барах. Они завидуют твоему загару, но не могут представить, откуда он. Да. Погонщика всегда легко опознать по загару, впрочем, как и внешнего грабителя. Эти падальщики целыми сутками бродят по внешним пределам в поисках заблудившегося каравана, погонщик которого погиб, истратив все запасы кислорода, хотя иногда не брезгуют и разбоем. «Ты ведь хорошо знаешь дороги. Почему бы тебе не стать погонщиком?» – спросил ты как-то одного из них. «А почему тебе не стать падальщиком?» – спросил он. На том вы и расстались.

* * *

Бары Шайеха всегда казались тебе слишком шумными. Ты сдал товар жирному торговцу, продал роботов, потому что так получалось выгоднее, чем тащить их обратно, и позвонил Аните. Ей было почти сорок (против твоих двадцати семи), но она так сильно напоминала Эйлин, что ты ничего не мог поделать со своими чувствами.

– Как твой муж? – спросил ты.

– Умер три дня назад, – сказала она.

– Хорошо, – признался ты, и только потом вы завели разговор о ее караване. Ты приврал, что по дороге дважды пришлось отбиваться от падальщиков, и она сначала спросила о том, цел ли товар, а потом – так, между делом, – цел ли ты. Ты сказал: «Все в порядке». Дважды сказал. Сначала за товар, потом за себя.

– На похороны приедешь? – спросила Анита.

– А когда они?

– Через три дня, – сказала она.

– Не успею, – соврал ты, не желая смотреть, как Великий Восьмилапый Робот утащит ее мужа в небытие.

– Я все равно буду ждать, – сказала Анита. Ты послал ей воздушный поцелуй и пошел в один из ненавистных баров, где обещали шокирующее зрелище для самых стойких.

– Ты погонщик? – спросил жирный торговец, подсаживаясь за твой столик. Вообще все торговцы были жирными. Ты вспомнил мужа Аниты и довольно кивнул – абсолютно все.

– Нет. Я не погонщик, – сказал ты.

– Да брось! – привязался толстяк. – Такой загар либо у погонщиков, либо у падальщиков! – Вы познакомились. – Тот самый Калиф, что ибн Хасан?! – прокричал торговец. Помрачнел и сказал, что твои услуги ему не по карману. – А может, посоветуешь кого-нибудь? – толстяк заискивающе вглядывался тебе в глаза. Ты сказал, что не знаешь никого, что сам ты из Новой Медины и вообще ты завтра уезжаешь, потому что у твоей любовницы умер муж и ты ждешь не дождешься, когда Великий Восьминогий… Да ну его к черту, что за название?! Короче, когда робот-могильщик утащит его в бездну. – Ах ты хитрец! – погрозил тебе торговец и отсеялся. Тогда-то ты и познакомился с Финерти. Невысокий, худой, со стрижкой, похожей на старый растрепанный веник.

– Я слышал, кто ты, – сказал он.

– И что с того? – сказал ты.

– Посоветуй меня торговцу. Скажи, что я хороший погонщик.

– Не могу.

– Я знал твоего отца.

– Ложь.

– Это еще почему? – опешил Финерти. Ты рассказал о своей генетической памяти. – Значит, ты и про Великое переселение помнишь? – спросил он.

– Помню.

– Расскажи.

– Не хочу.

– Я заплачу. – Финерти высыпал на стол пару монет.

– Если я расскажу, ты оставишь меня в покое? – спросил ты.

– Клянусь! – он ударил себя кулаком в грудь.

– Тогда забери свои деньги и слушай.

* * *

Ты оплатил в кассе обратную поездку и добрался в Новую Медину, пользуясь сетью лифтов, меньше чем за день. Ассах встретил тебя и сказал, что похороны мужа Аниты не удались. Оказалось, он был настолько толстым, что робот-могильщик сломался, пока пытался утащить его.

– Анита плакала? – спросил ты.

– Все как положено, – сказал Ассах.

– Хорошо, – сказал ты и отправился к вдове утешить ее боль. Она плакала и танцевала, виляя перед твоим лицом плоским животом, и не было на ней ничего, кроме прозрачных шаровар. – Все будет хорошо, – говорил ты ей, и она кивала. Плакала, кивала и продолжала танцевать. Ты смотрел на нее и сравнивал с Эйлин. Да. Нравы, безусловно, сменились, но красота осталась прежней.

– Уже уходишь? – спросила Анита, когда время подошло к полуночи. Ты сказал, что нужно еще встретиться с друзьями и договориться о снаряжении нового каравана.

– Ты можешь больше не водить караваны, – сказала тебе Анита и пообещала, что, как только закончится время траура, она выйдет за тебя замуж. – Хочу стать твоей первой женой, – сказала она.

– Оплачь сначала своего мужа, – посоветовал ей ты.

– Оплачу, – пообещала она. Ты вышел из ее покоев и воспользовался лифтом, благо, билет еще остался от последней поездки, чтобы вернуться домой.

Кровать, на которой когда-то твой дед сделал твоего отца, а твой отец сделал тебя, скрипнула под тяжестью твоего тела. «Даже не верится, что теперь у нас есть своя квартира!» – пришел из памяти голос Эйлин. Они лежали с Хасаном здесь, и кровать еще была совсем новой. «Почитай мне стихи», – попросила Эйлин. Хасан смотрел на нее, а ты вспоминал космос. Но потом видение сменилось. Ты хотел, чтобы оно осталось, но тени скрыли Эйлин, и на ее месте появилась совершенно некрасивая женщина. Она улыбалась тебе и что-то пела чистым журчащим голосом. И птицы – да, кажется, так они назывались – подпевали ей в густых ветвях старых деревьев. Здесь птиц не было. Утром ты рассказал об увиденном Ассаху. Он выслушал тебя и сказал, что ему не нравится.

– Ты ведь никогда даже не видел птиц! – сказал ты.

– Мне не нравится, что женщина была некрасивой, – сказал Ассах. – Если уж это твоя память, то не лучше ли вспоминать только красавиц?!

И тогда ты сказал, что любить нужно сердцем. Сказал, потому что когда ты видел ту женщину, то чувствовал, что твой родственник любил ее так же, как Хасан любил Эйлин. И это главное. И еще птицы… И вы пошли к местному художнику, чтобы он нарисовал их с твоих слов и Ассах смог восхититься этой красотой.

* * *

Спустя три месяца ты взял в жены овдовевшую Аниту, а спустя еще месяц вы завершили этот брак в постели.

– Не боишься? – спросил Ассах, напомнив, что твоя жена уже похоронила двух предыдущих мужей.

– Она умная и красивая, – сказал ты.

– Я бы боялся, – сказал он. А ты сказал, что любовь невозможна без пляски со смертью.

Позже, когда Анита была беременна, ты читал ей стихи на арабском, а она записывала их, обещая, что будет их читать родившемуся ребенку вместо колыбельной. Ты вспомнил Эйлин и подумал, что Анита в чем-то лучше твоей бабки, потому что та не знала арабский, а эта умела писать на нем.

– В какую веру ты обратишь своего сына? – спросил тебя Ассах, когда вы заключили удачную торговую сделку в Финисте.

– Ни в какую, – сказал ты. – Глупо похваляться покровительством деревянных идолов и доверять им свою судьбу. – Ассах подумал об этом и согласился. Вы совершили еще несколько удачных сделок, а когда вернулись в Новую Мединy, Ассах вынес из своего дома всех идолов и сказал, что отныне он принимает твою веру. Веру в ничто.

– А я буду верить вот в это, – сказала Анита, показывая тебе тетрадь с записанными стихами на арабском, которые ты читал ей каждую ночь. Это были те самые стихи, что сочинял твой предок-поэт в далекой стране снов. Друзья Ассаха приходили к тебе и говорили, что тоже хотят обратиться в твою веру. Веру в ничто.

– А от меня что требуется? – спрашивал ты.

– Благослови нас, как благословил Ассаха, – говорили они. Ты говорил, что никого не благословлял, а они умоляли и падали ниц, целуя твои ноги. Кто-то мечтал, что после обращения в новую веру станет хорошим погонщиком, кто-то – что станет

торговцем, кто-то – выйдет за муж за такую, как Анита, и станет богачом, а кто-то надеялся стать пророком, как ты.

– Но я не пророк! – возражал ты, а они кричали о скромности и благочестии, о великих подвигах, которые множились, как шлюхи в дешевых кварталах в трудные годы, и о твоем бессмертии. – Да это просто генетическая память, – пожимал ты плечами. – Феномен реинкарнации.

– Да-да! Реинкарнации! – кричали они и ксерокопировали тысячами рисунки птиц, созданные с твоих слов художником для Ассаха, считая их богами или жителями священных садов, райских кущ и чего-то еще, хотя сути ты так и не мог понять. Такие вот дела.

* * *

Открываешь дверь и видишь на пороге погонщика Финерти. Того самого Финерти, с которым познакомился в Шайехе когда-то давно. Он улыбается тебе и показывает сборник стихов на арабском, напечатанный за свой счет твоей женой. И называет их священными заповедями, которые ты дал последователям своей веры.

– Это просто стихи, – говоришь ты.

– Нас уже больше тысячи, – говорит он.

– Кого это вас? – спрашиваешь.

– Верующих в ничто, – гордо заявляет Финерти и добавляет, что это только в Шайехе. – Мы следуем всем заповедям, – говорит он и снова показывает сборник стихов твоего предка-поэта.

– Каким еще заповедям? – сонно зеваешь ты.

– Любить друг друга. Заботиться о женах. Поклоняться красоте. Искоренять кровную месть. Не давать денег в долг под проценты. Не прелюбодействовать… – он еще что-то говорит, но ты идешь спать.

Утро. Выходишь и видишь на пороге Финерти. Он все еще ждет тебя. Он все еще готов обожествлять тебя.

– Не отворачивайся от нас! – говорит он. – Я знаю, что все, что ты рассказывал мне, правда.

– Что я рассказывал? – спрашиваешь ты.

– О предках, которые жили в райских садах. О божественных созданиях…

– Да это просто генетическая память, – снова пытаешься объяснять ты.

– Значит, все это правда! – кричит Финерти и бежит поделиться полученным откровением со своими друзьями.

Городской совет вызывает тебя и обвиняет в богохульстве и общественных возмущениях. Они хотят выслать тебя из Новой Медины, но родственник Аниты вступается за тебя, а вернее, за твою жену, и из города высылают только твоих последователей.

– Ассаха оставьте! – говоришь ты. – Он мой деловой партнер и хороший погонщик.

– Ну, если погонщик… – говорит совет и уходит на совещание.

Возвращаешься домой и пытаешься жить нормальной жизнью. Той самой жизнью, который ты жил всегда. Приходит родственник жены, спасший тебя от изгнания, и говорит, что верит в твое учение.

– В какое еще учение? – спрашиваешь ты, а он извлекает из потайного кармана маленькую книжонку стихов твоего предка-поэта, переведенную на местный язык, и говорит, что прочитал ее всю от начала и до конца. Говорит, что выучил их все.

– Их вообще-то нужно читать на арабском, – говоришь ты. – Иначе они теряют свой мелодичный смысл.

– Смысл! – говорит родственник и обещает передать эту мудрость последователям и начать учить арабский.

Стоишь в наглухо закрытом помещении и читаешь стихи на арабском. Не хотел читать, но Анита сказала, что если ты любишь ее, то не сможешь отказать в этой просьбе. Собравшихся людей так много, что ты потеешь, чувствуешь нехватку кислорода, но продолжаешь читать. Ты не знаешь, но оказывается, что твой голос записывают и передают из рук в руки как еще одно священное послание, переданное божественными предками через твои уста. Вот так вот. И последователей становится все больше и больше. Кто-то спрашивает тебя:

– Можно ли читать и слушать твои проповеди, продолжая поклоняться идолам?

– Можно, – говоришь ты, желая быстрее добраться домой, а спустя месяц узнаешь, что сказал, оказывается, совершенно другое. – Нужно положить этому конец, – говоришь ты родственнику жены, созываешь собрание и сообщаешь, что отныне ни один из них не смеет искажать твои слова, иначе его покарает память твоих предков. Ты говоришь это, потому что только так, по-твоему, можно принудить их к правде. В итоге появляются сотни сказителей, готовых поклясться, что их истории о тебе именно та правда, которая передана им твоими предками и благословлена тобой. – Нужно подумать, – говоришь ты Аните и арендуешь уединенную квартиру вдали от города.

Живешь там, наслаждаясь тишиной и покоем, а когда возвращаешься, узнаешь, что, оказывается, последние полгода ты

провел в медитации и концентрации, получая благословление божественных предков. И последователей твоего «Неучения» становится еще на пару тысяч больше. А потом друг за другом умирают Анита и ее родственник, и тебя наконец-то высылают из Новой Медины. И ты один на один со своим «Неучением» и его последователями.

* * *

Верно говорят: от любви до ненависти один шаг. Жители города Таитара, куда ты переселился из Новой Медины, поднимают восстание и желают убить тебя.

– Почему они ненавидят меня?! – кричишь ты своему другу.

– Потому что ты пророк! – кричит Ассах, прикрывая тебя своим телом.

Караван уже ждет. Вы покидаете Таитар и отправляетесь по внешним пределам в Аксур. Вокруг лишь вакуум и вселенская тьма. Внешние пушки испепеляют метеоритный дождь. Нужно укрыться, но времени нет. Жители Таитара выслали погоню, и вам приходится продвигаться вперед на свой страх и риск. Осколки метеоритов падают совсем рядом. Твоя генетическая память подсказывает, что восточнее есть небольшое укрытие, построенное учеными во времена твоего отца, чтобы изучить защитные пушки и попытаться получить над ними контроль. Но в итоге затея провалилась, а лаборатории осталась.

– Мы можем укрыться там, – говоришь ты по внутренней связи Ассаху.

– Слишком опасно, – говорит он. – Преследователи могут прослушивать наши переговоры. – Осколок метеорита падает рядом с ним. Небольшой. Он не может причинить вред обшивке, но никто ведь не планировал, что здесь будут ходить караваны!

– Здесь тоже опасно! – говоришь ты Ассаху.

Еще один осколок пролетает над твоей головой, ударяет вьючного робота, и тот падает. Его железная конечность бьет тебя в грудь, и ты летишь куда-то, наблюдая, как перед глазами мелькают звезды. И темнота. Нет. Не темнота. Просто это темно вокруг. Память предков находит тебя и рассказывает о забытых сражениях. Ты слышишь призывы к мести. Слышишь древние заповеди. «Дозволено тем, против кого сражаются, сражаться, потому что с ними поступили несправедливо…» Да. Именно так говорили твои предки. Именно в это верили они. Именно за это сражались. И ты повторяешь то, что слышишь. Слово в слово, как стихи поэта, которые записывала твоя жена. Не хочешь, но

повторяешь. И теперь Ассах записывает все, что слышит из твоих уст. Записывает, чтобы позже рассказать об этом всем последователям.

* * *

– Мы создадим новое государство, – говорит Займа, когда ты приводишь свой караван в Аксур.

– Кто она такая? – спрашиваешь ты Ассаха.

– Юрист, – говорит он. – Та, которая сможет написать новую конституцию для нашей страны.

– Нет никакой страны! – говоришь ты.

– Ты ошибаешься. – Ассах выводит тебя на главную площадь Аксура, где тебя приветствует все жители города. – Шайех тоже скоро присоединится к нам, – сообщает Ассах. – Финерти на верном пути, как и все другие сподвижники.

– Мой муж был рьяным последователем, – говорит Займа. – Думаю, он был бы счастлив, если ты бы взял меня в жены.

– Так сразу?! – спрашиваешь ты.

– А почему бы и нет? – Займа показывает тебе кипу бумаг. – К тому же так нам будет намного проще работать над конституцией…

И ты не возражаешь. Хочешь возразить, но не делаешь этого, потому что каждое слово, сказанное тобой, записывается, вносится в протокол, приукрашивается тайным смыслом и подается народу как непререкаемая мудрость. А через полгода, когда конституция почти закончена, Ассах знакомит тебя со своей дочерью Аишей и говорит, что будет счастлив, если ты возьмешь ее в жены.

– Я уже женат на Займе, – говоришь ему ты.

– Ничего страшного, – говорит он. – Я поговорил с ней, и она сказала, что можно будет внести в конституцию закон о многоженстве, тем более что она не против, ей будет лучше, если у нее появится подруга.

Вот такие дела. Да. Особенно когда дружбы между Займой и Аишей не получается и тебе приходится в угоду молодой дочери друга взять в жены Хафсу, дабы девушкам не было скучно. А еще потом появляется Салама, овдовевшая после нападения на последователей «Неучения», которой ты из жалости предлагаешь стать своей женой. И дочь правителя Финиста, посланная к тебе отцом в знак его преданности… В общем, иногда ты вспоминаешь своих предков и думаешь, как же меняются времена и нравы!

– Конституция принята единогласно! – говорит тебе Ассах.

– У каждой конституции должна быть страна, – говоришь ты, и (типун тебе на язык!) последователи «Неучения» начинают собирать армию для похода на Новую Медину. – И уже, конечно, ничего не изменить? – спрашиваешь ты и сам же отвечаешь: – Конечно же, нет.

Все началось намного раньше. Тебе остается либо попытаться спасти людей, одержав победу, положив на ее алтарь как можно меньше жизней, либо послать все к черту и ждать, наслаждаясь компанией своих жен, чем все закончится…

– Займа не любит тебя! – кричит Хафса, вбегая в твои покои.

– Мы должны вкладывать деньги в торговлю, – говорит Аиша.

– В новой конституции еще много недоработанных статей, – сообщает Займа.

– У меня в детстве была большая электронная кукла, – рассказывает Салама…

Спасаясь от побочных эффектов многоженства, ты скрываешься в квартире своего сводного брата Малика.

– Зачем нужно столько жен, если ни одна из них не приносит счастья? – спрашивает его жена. И говорит, что она у Малика одна, но он счастлив.

– Это правда? – спрашиваешь ты сводного брата.

– Правда, – говорит он и так смотрит на Джахшу, что ты не сомневаешься в его словах. Сразу вспоминается Хасан и Эйлин. Смотришь на влюбленную пару и рассказываешь о своих предках.

– А потом он читал ей стихи, – говоришь ты, но не читаешь их, потому что они давно перестали быть стихами, а именовались учениками «Неучения» откровениями.

– Тебе тоже нужна такая женщина, как Эйлин, – говорит Джахша. Ты рассказываешь про Аниту. – Но ведь она умерла, – говорит Джахша.

– Умерла, – соглашаешься ты. – Но любить я буду только ее.

– Мертвецов не любят, а помнят. Любят только живых, – говорит Джахша и так нежно и проникновенно смотрит на тебя, что ты сразу влюбляешься в нее.

– Я поговорю со своим супругом, – обещает она спустя пару месяцев. – Уверена, он все поймет.

– Я мог бы и сам это сделать, – пытаешься возражать ты.

– Не мог бы, – она снова награждает тебя своим нежным, проникновенным взглядом и говорит, чтобы ты ждал ее в баре «Оазис».

И память предков показывает тебе, как ты скачешь на породистом скакуне, украв свою невесту. И стрелы свистят где-то рядом. И шея немеет, словно предчувствуя саблю, которая отсечет голову, если твой жеребец не будет достаточно быстр, чтобы

унести вас прочь. Открываешь глаза и смотришь, как смуглая девушка извивается на сцене «Оазиса», изображая змею. Ее тело в прозрачных шароварах поднимается по хромированному шесту. Публика свистит. Люминесцирующие напитки льются рекой. Звенят монеты. Обращаешься к генетической памяти и видишь, как в стране снов за подобный проступок забивали камнями. Хотя позже, в той же стране, люди совершали вещи и куда более постыдные и богатели на этом. Девушка-змея уходит со сцены. Джахша возвращается. Сидишь за столом и видишь, как следом за ней идет муж Джахши.

– Я хочу благословить тебя, брат, – говорит он. И так у тебя появляется еще одна жена.

* * *

Восстание в Шайехе вспыхивает спонтанно, и Финерти приходится возглавить его, не дожидаясь тебя. Уличные бои длятся недолго, и победа достигается малой кровью.

– Что делать с пленными? – спрашивает Финерти, установив видеосвязь с Аксуром. Он рассказывает о том, что большинство из них не хотели воевать с последователями «Неучения» и сложили оружие сразу, как только удалось пленить власть. – Они готовы обратиться в нашу веру и стать последователями, – закончил Финерти.

– Тогда отпусти их, – сказал ты и велел похоронить мертвецов с почестями, позволив роботам-могильщикам забрать их в страну забвения.

– Есть кое-что, – осторожно сказал Финерти. – Ваш родственник, тот, который всегда помогал вам… Он не пожелал подчиняться… Он вызвал меня на поединок… – Финерти замолчал и опустил голову.

– Он умер в честном бою? – спросил ты. Финерти кивнул…

А в это самое время в Новой Медине генерал Исмаил собирал коалицию, способную выступить против несуществующей армии последователей «Неучения», дабы свергнуть тебя с престола твоей случайной власти. Он связался с тобой и сообщил о своих намерениях.

– Я не ищу войны, – сказал ты ему.

– А я не откажусь от веры в идолов! – заявил он и публично сжег сборник арабских стихов, изданных еще при жизни твоей первой женой. – Я лично прослежу, чтобы робот-могильщик не смог забрать твое тело и твоя душа никогда не обрела покой, – пообещал генерал. «Все это мне что-то напоминает», – подумал

ты, обращаясь к памяти предков, и приготовился к бою, которого никогда не искал.

Глава третья

И снова генетическая память, но уже не Касима. Он стал ее частью. И пять веков спустя ты вспоминаешь его как одного из своих далеких предков. Здесь, в неприступной крепости Аксур. Память рисует тебе историю гонений и преследований. Репрессий и жизни в подполье. Веры людей в заветы, данные Касимом, и их готовность пожертвовать ради этой веры своими жизнями. Но самое страшное, что память показывает, как это было на самом деле. И знание этого страшнее самой лютой пытки. Потому что ты никому не можешь рассказать об этом. Не можешь лишить людей того последнего, что осталось у них – их веры. Но и смотреть, как они умирают понапрасну, тоже не можешь. Ты в ответе за них. Так же, как твои предки и предки твоих предков. И если вы не могли разубедить их, то, по крайней мере, вам удалось научить их скрывать свои убеждения и взгляды. Научить прятаться. По-другому нельзя.

Видишь кровавую битву? Это один из твоих предков поднял восстание. Смерть – вот что было результатом. Смерть и раскаянье предка за совершенный поступок. Ты даже видишь его сомнения. «А что если память врет? – спрашивает он себя. – Что если Касим действительно являлся великим лидером и пророком?» Нет. Ты знаешь – это было безумием. Боль совершенных предками ошибок свела его с ума и преподала урок всем, кто будет после него. Поэтому ты не совершишь подобной ошибки. Благо, следующий после той ошибки предок указал тебе верный путь. Объединил людей в новое движение и научил противостоять преследованиям. Сила на силу. Хитрость на хитрость. Террор на террор. Вот что досталось тебе от предков. И память. Генетическая память, наделяющая тебя бессмертным опытом поколений. Знанием их побед и ошибок. Историей. Жизнью. И пользуясь этим, ты сплотил вокруг себя людей, за судьбу которых в ответе. Ты создал подпольные группы проповедников, собиравших для тебя разведывательную информацию. Создал мобильные боевые группы, способные в любой момент выступить по твоему приказу. Ты избежал ареста, скрываясь несколько месяцев на внешних пределах. Ты выбрал себе неприступную крепость и, подослав шпионов, захватил ее почти без боя. За ней последовали удаленные поселения, города. Вас называли сепаратистами. Называли те, кто разрывал образовавшуюся после Великого переселения страну распрями и междоусобными войнами, желая получить власть усопшего правителя. Им не было дела до вас. Впервые за долгие годы, а

возможно, и столетия. Воспользовавшись этим, ты отменил в своей маленькой непризнанной стране все законы, данные действующим правительством. Запретил пиры и праздники, внутреннее убранство домов и наряды – все, что делало людей более слабыми. Зачем нужно богатство, если его нельзя использовать? Зачем нужны слои общества, если они мешают людям сплотиться? И знаешь, это дерево дало плоды. Ты стал авторитарным лидером, вождем тех, кто устал от вечных гонений. Ты искупил ошибку своих предков, принеся верным им людям долгожданный покой. Оставалось лишь сохранить и преумножить созданное.

* * *

Конрада похитили ночью. Заполнили его комнату газом и переправили неподвижное тело в Аксур.

– Что ты знаешь о внешних пушках? – спросил ты, и он с гордостью заявил, что является единственным человеком, который знает, как управлять ими.

Да. Наука не стоит на месте. Взять хотя бы того странного физика, доставленного тебе два года назад. Взломав первичный код базы данных, он создал для тебя столько оружия, что технологии, которыми ты завладел, сильно опередили свое время. Здесь вообще все было не так, как в жизни твоих далеких предков, генетическая память о которых уходила корнями за момент Великого переселения. Тогда гениями считались те, кто преумножал накопленные знания новыми изобретениями и открытиями. Здесь же изобретать, по сути, было нечего. Те, кто создал этот корабль, изобрели уже все до вас. Оставалось лишь находить ключи и разгадки, способы применения и использования. И перспективы этого казались бесконечными.

– Почему вы решили, что я буду работать на вас? – спросил тебя Конрад.

– Потому что я не думаю, что ты захочешь умирать, – честно сказал ты.

– Нет. Не захочу, – ответил он открытостью на открытость, и это вас как-то сблизило.

Позже ты поведал ему тайну своей генетической памяти, и он долго сокрушался о том, что технологии этого корабля еще не настолько изучены, чтобы использовать их для исследования твоего феномена. Вы проводили много времени за разговорами и вместе приняли решение отправить Амира отомстить за убийство одного из твоих представителей в оставленном вами государстве.

– Ты понимаешь, что не вернешься назад? – спросил ты настроенного на мщение юношу. А он поклялся, что жизнь не нужна ему, если приговор не будет приведен в исполнение. Получив твое благословление, он простился с родными и покинул крепость. Он сдержал данную клятву и отдал жизнь, совершив возмездие.

– Мы напугали полмира, – сказал тебе Конрад, слушая очередной выпуск новостей Сельджука. – Если создать свою спецслужбу, которая будет устрашать и устранять тех, от кого зависит принятие важных политических решений, то без существенных затрат на содержание армии можно выстроить весьма эффективную оборонительную доктрину государства. К тому же верные проповедники-шпионы давно бродят по всему миру. Если поручить им вербовку и в дополнение создать отряды профессиональных убийц, готовых на самопожертвование, то никто и никогда не осмелится навязывать нам свое мнение.

– Я собрал здесь людей не для того, чтобы они страдали, – сказал ты, а он сказал, что не разбив яйца не испечешь яичницу. И в словах этих был смысл. Глубокий смысл.

* * *

Знаешь, что самое сложное в этом мире? Верно, его бесконечное движение. Ничто не стоит на месте. Нужно приспосабливаться. Меняются политики. Меняются нравы. Меняешься ты сам. Далекие правители присылают тебе послания с просьбами избавить их от тех или иных врагов, за любую предложенную тобой плату. Государство, некогда отвергшее тебя, пало в руинах собственной непотребности. На смену ему пришли более мудрые политики и жестокие военные. Но вскоре и они стали обращаться к тебе за помощью. И ты старел, видя, как множится твоя власть и независимость. Ты планировал оставить после себя своим предкам радикальную религиозную идеологию и крепкое, надежно защищенное государство, охраняемое фанатично преданными войнами. И так оно и было какое-то время. А потом… Потом, как говорится, ничто не вечно в этом мире…

Глава четвертая

– Даже не верится, что все это происходило с тобой, – сказала Мириам, вглядываясь в твои глаза, словно пытаясь отыскать тень лжи и обмана. Ты обнял ее и поцеловал в шею. – Но если это правда, то почему же тогда ты не стал правителем этого мира? – осторожно спросила она. – Ну или хотя бы этой страны?

– Это невозможно, – признался ты. – К тому же утомительно. Люди рвутся к власти и переменам, потому что боятся упустить то, чего они могут достигнуть за отведенное им время. Идеи увлекают их, цели заставляют двигаться вперед, к неизвестному. Но в моем случае я все это видел. И единственным неизвестным для меня на данный момент остаюсь я сам.

– Должно быть, это сложно – жить в вечной тени своих воспоминаний.

– Поэтому я и хочу разобраться. Хочу понять природу их происхождения, особенно теперь, когда технологии этого корабля так хорошо изучены.

– Так ты стал ученым только для того, чтобы понять свою природу?

– Не вижу, что в этом плохого.

– Ничего, просто мне кажется, в нашем мире существуют куда более важные тайны, в решении которых мог бы пригодиться твой неумирающий опыт. Тебе никогда не хотелось понять, куда мы летим? Откуда? В чем наше предназначение? И как устроен наш мир?

– Не знаю. Может быть, позже, когда накопленных знаний станет чуть больше. Когда загадок почти не останется и нужно будет обобщить их.

– Но ты ведь можешь начать прямо сейчас. Изучить, например, ядро нашего корабля. Принцип его действия. Законы движения. Наш полет и наше существование требуют колоссальной мощности. Тебе никогда не хотелось докопаться до сути ее происхождения? Кто создал все это? Кто передал это нам? Зачем? И кем они были? Только не говори мне ничего о божественном происхождении. Человек, проживший столько жизней, просто не способен верить в сверхъестественное. Всегда есть причина. Всегда есть следствие.

– Верно. И всегда есть то, что должно оставаться загадкой. Ожиданием и предвкушением, иначе жизнь потеряет смысл.

– Не потеряет. Я изучаю древние цивилизации более десяти лет, и поверь мне, загадки всегда останутся. Лишь станут более сложными и требовательными к ищущим истины, но останутся.

Ты знаешь, что те, кто населял этот корабль до нас, предвидели затмение своей цивилизации? Они называли дату, когда это случится. И знаешь что? Эта дата совпадает с той, от которой мы ведем отсчет нашей жизни здесь.

– Вот как?

– Именно. – Мириам взяла тебя за руку. – Пойдем, я покажу тебе. И обещаю, ты найдешь столько тайн, сколько захочешь.

* * *

И снова виток памяти. И еще один оборот колеса времени. И новая жизнь. И новые лица.

– Это очень важный момент, – говорит Делакруа.

Вы находитесь в комплексе управления полетами и наблюдаете, как взлетает ведомый вами ремонтный корабль. Вот так. Наука подчиняет себе тайны. Когда-то твои предки могли только мечтать об этом, а сейчас это реальность. Ремонтный корабль поднимается с поверхности вашего корабля-мира и ныряет в черную космическую мглу. Делает виток и благополучно возвращается в свой ангар. Прощай, еще одна тайна. И радости полные штаны. Теперь нужно придумывать новую загадку и ее решение. Ремонтный корабль снова вылетает из своего ангара и устремляется к безжизненной планете. Зачем? А черт его знает, всего лишь очередная загадка и решение. Все движется, и вы тоже должны двигаться. Молодой ученый предлагает исследовать следующую планету, мимо которой вы будете пролетать, и попытаться отыскать полезные ископаемые и то, что вы сможете использовать в своей жизни. Так появляются идеи о возрастающей популяции и расширении границ вашего мира, благо, руду теперь можно добывать на безжизненных планетах, лежащих на вашем курсе. И прощайте, шелковые пути, по которым твои предки водили свои караваны. Прежняя стройность корабля уходит в небытие, превращаясь в уродливое нагромождение нелепых построек. Сначала это тюрьмы, затем лаборатории, военные комплексы и, наконец, просто жилые кварталы.

* * *

Следующий виток памяти. И попытка создать колонии на планетах, мимо которых вы пролетаете. Появляются добровольцы, готовые проститься с привычным для них миром и остаться в

новой колонии. И вы близки. Близки к очередному решению поставленной проблемы, но в итоге проект приходится заморозить, потому что кто-то взорвал ядерную бомбу на обратной от вас стороне корабля-планеты и приходится бросить все имеющиеся у мира силы на устранение последствий взрыва…

* * *

Следующий виток. И возвращение к истории древних. Пять поколений назад Мириам работала над этим, но на проект не выделялось ни денег, ни средств, но тогда не было ядерного взрыва, а следовательно, и страха полного вымирания. Что ж, теперь, похоже, стимулов достаточно. Ты изучаешь древние записи, сравниваешь вычисления, анализируешь и почему-то всегда вспоминаешь Мириам. Вот здесь твой предок занимался с ней любовью. Вот здесь сделал ей предложение. Вот здесь они гуляли со своими детьми. А здесь их похоронили. Последнее причем уже не генетическая память, а просто полученная тобой из архива информация. Если бы не корабль-мир и технологии, так до конца и не изученные, то вы никогда бы не поверили, что жившие здесь прежде существа были умнее вас. Но с фактами не поспоришь. И календарь древних, который изучала Мириам, все еще продолжает свое летоисчисление. И до его конца еще так много жизней и поколений, но это загадка. Очередная загадка, которую нужно решить.

* * *

Следующая жизнь. Ты стоишь перед собравшейся комиссией и читаешь доклад о том, что исследуемая вами цивилизация, возможно, не была единственной, и календарь, созданный ими, является лишь продолжением календаря тех, кто жил до них. Так же, как и ваш календарь. И что это значит? Возможно, ничего. А возможно, и то, что однажды ваша цивилизация достигнет такого уровня развития, что вы так же сможете предсказать свою судьбу и судьбу следующей цивилизации, но уже не вашей. Может быть, те, кто жили здесь до вас, постигли суть существования этого мира, проникли в его потаенные части и нашли ответы на вопросы, которые вам еще только предстоит поставить. Ведь весь этот мир куда-то летит. И все это зачем-то нужно.

– Все это, конечно, очень интересно, – говорят тебе члены комиссии. – Но как это может помочь решить наши насущные

проблемы?

– Если бы вы могли мыслить более масштабно, – говоришь ты, и жизни твоих предков становятся такими четкими, что на мгновение перестаешь осознавать, где ты находишься. – Ведь когда-то нас тоже не было на этом корабле, – говоришь ты. – Когда-то наша жизнь была совершенно иной.

– Но сейчас-то она такая, как есть, – говорят члены комиссии, и с ними не поспоришь. Может быть, нужно было изучать не природу этого мира, а природу своей генетической памяти, добраться до ее истоков, выделить нужный ген и привить его каждому? Может быть, тогда члены комиссии и смогли бы что-то понять? Или же сошли бы с ума, осознав незначительность своих жизней. Все может быть. Абсолютно все.

Глава пятая

Десять поколений спустя. Восемнадцать войн спустя. Спустя расцвет, и упадок, и новое возрождение…

Корабль-мир движется по определенной траектории, которую можно предсказать. Любое движение можно предсказать, нужно лишь достаточно времени, сил и желания. Вот вам и еще одна загадка и еще одно решение. Причина и следствие. Следствие, поставившее новый вопрос. А можно ли управлять исследуемым движением? Вопрос на шесть поколений, три войны и сто сорок витков моды и популярных культурных веяний.

– И если нам удастся изменить траекторию нашего корабля-мира, то мы сможем вернуться на планету, которую были вынуждены оставить много тысяч лет назад, – говорит профессор Сколза и предлагает тебе взять слово, чтобы ты рассказал о жизни, покинутой вами много поколений назад. Созванный совет слушает и качает седыми головами.

– Насколько нам известно, – говорят они, – ни одна планета, встреченная во время нашего движения, не является пригодной для жизни. – Ты рассказываешь им о «Феномене реинкарнации». – Ну, это до сих пор не удалось объяснить, – говорят они. – А как вам известно, то, что невозможно объяснить, невозможно и доказать. – И они уходят. Уходят доживать свои короткие жизни.

* * *

– Какая разница, куда лететь? – говоришь ты три генетических жизни спустя и ссылаешься на кризис веры и синдром безнадежности, охватившие мир. – Тем более что новые надежды смогут решить возникшие проблемы, которые сами собой, естественно, не разрешатся. Людям нужно верить, – говоришь ты, а созванный совет говорит, что вариантом возрождения стремления к жизни может быть очередная война или грандиозный кризис, способный сплотить мир.

– Слишком много было войн и кризисов, – говоришь ты. – Любое решение, каким гениальным оно бы ни было, рано или поздно изживает себя и требуются новых идей и надежд.

И совет кивает и обещает рассмотреть выдвинутое предложение.

* * *

Бегут столетия.

Какой-то ученый-неудачник, решивший, раз не удалось прославиться в исследованиях и создании, увлечься проблемой остывающего ядра корабля-мира, сообщил, что согласно его теории, через пару тысяч лет оно может остыть и ваша жизнь прекратится. Он говорил это и улыбался. Улыбался, потому что видел, как рухнет мир, отказавшийся признать его гениальность. Он умер в глубокой старости, но его мечта войти в историю тем не менее сбылась. Его доклад стал точкой отсчета обратного движения, потому что другого решения остывающего ядра так и не удалось придумать. Вернуться к истокам. Вернуться на планету, которую некогда вынуждены были оставить. Хотя никто уже не знал, почему это пришлось сделать. Жизнь была здесь, а там… Там было что-то лучшее. Люди всегда мечтают о чем-то лучшем. Тянутся к тому, чего не могут достать. И пока ничего не изменится, мир будет вращаться. Вернее, продолжать свое движение. И календарь древних поддакивает своими датами этим переменам…

* * *

Много-много поколений спустя.

Пророчество ученого-неудачника не сбылось. Ядро не остыло. Но вы достигли Земли. Только никто из вас уже не помнил, как называется эта планета. Даже тебя в энном витке реинкарнации память подвела, и как бы ты ни пытался найти название, так и не смог. Короче, вы приближались к голубой планете, и весь ваш мир объединился в общем празднике. Вы выслали исследовательский корабль и стали готовить второе Великое переселение. Но знаешь, в чем оказалась вся ирония этого путешествия? Нет. Земля не изменилась. Изменились вы. За долгие тысячелетия странствий в космическом пространстве вы эволюционировали согласно тому образу жизни, который вели. И Земля… И ваша родная планета стала непригодной для жизни. Для вашей жизни. И в итоге вам ничего не осталось другого, кроме как лететь дальше. Лететь и составлять свой календарь, надеясь, что когда-нибудь вам встретится планета, где вы сможете остаться, отправив в долгое путешествие живущих там созданий. Не людей, а именно созданий. И они займут ваше место. И будут странствовать тысячелетия, повторяя прожитую вами жизнь, дополняя и изменяя ее. Может быть, они также когда-нибудь вернутся. И также не смогут остаться. Такова уж эта странная бесконечная жизнь. И мы, к сожалению, всегда

понимаем слишком поздно ценность того, что оставлено нами позади. Слишком поздно, чтобы вернуться назад. Все меняется. Абсолютно все. И остается лишь память. Память, которая говорит тебе, что нужно двигаться вперед. Только вперед. Такова жизнь. Наша странная бесконечная жизнь…

История пятая
Разбуди меня в декабре

Как трудно сохранить то, что имеешь, да? И заполучить-то нелегко, а сохранить и того труднее! До чего ж зыбок наш мир!

Томас Харрис «Красный дракон»

Вместо пролога

Выгляни в окно. В эту ночь дым из заводских труб тянется в небо, значит, на улице холодно. И ты не одна. Нет. Ты никогда не бываешь одна. Всегда кто-то рядом. В голове, под одеялом, на кухне. Одиночество слишком беспомощно, чтобы иметь над тобой власть в этом безбрежном океане жизней… И я засыпаю. Засыпаю, наблюдая за тем, как ты стоишь у окна, вглядываясь в декабрьскую ночь. «Это конец», – шепчет кто-то сквозь сон. Ты оборачиваешься, но темнота съедает лица, прячет их за своей вуалью, лишая дневного очарования. Как серые кошки, которые бегут по ночным подворотням, и невозможно даже определить их цвет. Как взгляд, в котором нет ничего, кроме пустоты. «Выключи свет», – просят тебя. Долгий поцелуй в чужие губы. Всплески волос на старой подушке, а затем сигарета и дым из заводских труб, уходящий в небо…

Это конец. Пустота не бывает изысканной. Мы расстаемся здесь и сейчас. Ты и я. Мы с тобой. Не любовники и не влюбленные. Всего лишь соль в океанских каплях. Жизнь, которой никогда не было. Счастье, которое никогда не рыдало, даже не всхлипывало. Слезы, которым никогда не блестеть на бледных щеках. Сигареты, которые останутся невыкуренными после бурной ночи. Взгляд, который больше никогда не заглянет в глаза напротив. Все рассыпается. Солнце играет на голубых волнах. Океан страстей рушит песочные замки надежд. Наши замки…

Не говори ничего. Не нужно. В этой тишине сегодня есть свое очарование. Как дождь за окном. Дождь в разгар лютых морозов… Нет. Мы больше не верим, что такое возможно. Прячемся под одеяло и ищем тепло, которого нет. Голос, который молчит… Мы – лишь мгновение. Секунда в череде лет. Ты и я. Попробуй не думать о завтрашнем дне. Рассвет постучится в окна спустя час. Нет, не засыпай. Держи глаза открытыми. Пусть ночь пожирает все страхи и тревоги. Пусть кто-то рядом спросит: «Почему ты не спишь?» Соври. Волна уже слизала с берега песочный замок. Нет. Ничего не осталось. И строить новый замок неохота, зная, что повторится все… Ночь кончится, начнется новый день. О чем нам печься, кроме жажды новой ночи? Надежда меркнет в шелесте одежд. Слова теряют ценность. Чувства – прочность…

Скажи: под силу ли тебе развеять сон, в котором я? Сто тысяч слов, но, к сожалению, нужна из них лишь пара…

Порою сложно верить, проще отрицать. И страшно знать. Смелее жить в незнанье…

Безвременно уснул я. Разбуди меня, когда закончится все это.

Ночь слишком долгой стала, впрочем, как и вся зима. Прошу, скажи, что это сон… Но ты молчишь. Мы спим до лета… Но просыпаемся лишь в декабре…

Глава первая

Она пришла в тот самый момент, когда еще один мир был уже почти создан. Высокая, стройная, с копной черных вьющихся волос и неотразимой улыбкой хищника. Она выскользнула из своего ярко-красного платья и сказала: «Не говори, что ты не хочешь этого, Йереми».

– Не хочу, – соврал он. – По крайней мере, не сейчас.

– Лжец, – в зеленых глазах Каиры вспыхнул огонь.

– Почему бы тебе не уйти?

– Почему бы тебе не показать мне свое творение?

– Ты ведь знаешь, оно еще не готово.

– Поэтому я и здесь.

– Я не звал тебя.

– Но думал, надеялся, что я приду.

Йереми не ответил. Правда была здесь, на поверхности: небритое лицо, воспалившиеся глаза, переполненные пепельницы и пустые бутылки…

– И еще взгляд, – сказала Каира. – Я слишком часто видела эту пустоту, чтобы сомневаться в ее природе. Ты в тупике, мой милый.

– Я почти закончил, – настырно повторил Йереми.

– Ну так покажи мне. – Каира посмотрела на закрытую дверь. – Не стесняйся. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо.

– Я боюсь.

– Боишься? Чего здесь бояться, глупый? – женский смех был звонким и чистым. – Подойди ко мне, – попросила Каира, складывая губы бантиком.

– Я не хочу, – заупрямился Йереми.

– Мне холодно!

– Ну и что…

– Ах так! – карий ободок вокруг черных зрачков-бусинок вспыхнул. Платье зашуршало, скрывая наготу. – Значит, больше не хочешь меня?

– Не сейчас.

– Я это запомню. Обещаю, – она одернула короткий подол. Бледные щеки залил румянец.

– Я не хотел тебя обижать, – осторожно начал Йереми.

– К черту!

– Нет. Я правда не хочу, чтобы ты сердилась.

– Вот как?!

– Угу.

– Тогда покажи мне, что ты создал, – потребовала Каира.

Йереми нахмурился. – Или я уйду.

– Насовсем?

– Насовсем, – она выдержала его пристальный взгляд. – Не думай, что я не сделаю этого!

Йереми опустил голову и, тяжело вздохнув, сдался.

* * *

Дверь. Как только Йереми повернул ручку, мир изменился. Вспыхнул неестественными цветами в калейдоскопе фантазии своего творца. Зеленая трава под ногами клонилась к земле под тяжестью бирюзовых капель росы. Рубиновое небо горело драгоценными камнями. Далекий лес украшали рождающиеся радуги. Они перетекали из одной в другую, менялись в размерах, то разделялись, то снова становились одним целым. Журчащие реки не имели берегов. Они искрились в лучах застывшей в рубиновом небе кометы, извиваясь подобно живому существу. Словно гигантские змеи, выбравшиеся из вековых нор. Они рассекали зеленые поля, пронзая их водной гладью. Отвоевывали у плодородных земель место для своего русла, но уже через минуту оставляли его, ища новое. Легкие, как пух, цветы с прозрачными лепестками дрожали на ветру, готовые сорваться в любое мгновение. Желто-черные пчелы, осторожно летая от одного бутона к другому, собирали нектар.

– А где же жизнь? – спросила Каира.

– Жизнь? – Йереми озадаченно почесал щетинистый подбородок. – Разве этот мир уже нежив?

– Конечно, нет, – Каира шла, приминая сочную траву, которая тут же снова распрямлялась за ее спиной. – Ты обожествил этот мир, но оставил ли ты в нем место для человека?

– Я думал о большем, – Йереми набрал в легкие кристально чистый воздух. – Скажи, разве здесь должны быть люди? Неужели сами боги не могут спуститься с небес и населить это место?

– С небес? – Каира рассмеялась. – Милый, ты хоть видел, какие здесь небеса? Не знаю как ты, а я лично не могу даже представить себе богов, которые могли бы стоять над этим божественным местом!

– Так значит, ты не поможешь мне?

– Я? Боюсь, Йереми, тебе на этот раз никто не сможет помочь. Даже ты сам, – Каира хитро прищурилась. – Если, конечно, ты не передумаешь, прислушавшись к здравому смыслу.

– Да? И каков же, по-твоему, здесь здравый смысл?

– Люди! – Каира пнула желтый бутон, лепестки которого тут

же подхватил порыв ветра, окрашиваясь в золотистый цвет. – Ты создал слишком совершенный мир, Йереми! Скажи, разве здесь есть недостатки?! Разве можно создать еще хоть что-то более совершенное? Нет. И именно поэтому, мой дорогой, ни один бог не пожелает спускаться с неба. Ни с этого неба, ни с какого-либо другого. Никто не сможет стать более совершенным, чем твое творение. Поверь, даже истинные боги будут чувствовать себя здесь ущербными…

Небо прорезали россыпи бриллиантов. Звезды вздрогнули, выстраиваясь в неопределенные наборы переливающихся красок, словно гигантский калейдоскоп.

– Это закат, да? – спросила Каира. Йереми кивнул. – Никогда не видела ничего красивее. Если честно, то даже не верится, что подобное мог создать человек.

– И ты все еще считаешь, что я ошибаюсь?

– А ты все еще считаешь, что здесь есть место богам? Все еще думаешь, что где-то может существовать что-то более прекрасное и чистое?

– А разве нет?

– Нет, Йереми. Да ты и сам, думаю, знаешь это. Признайся, как долго ты бьешься над тем, чтобы привести в этот мир нечто более идеальное?

– Долго.

– И ничего… – горькая улыбка изогнула тонкие губы. – Потому что ни одна форма не будет более совершенной, чем то, что ты уже создал.

– Так это провал?

– Боюсь, что да. Если, конечно, ты не откажешься от своей идеи.

– А если откажусь?

– Тогда мы закончим этот мир.

– Мы?

– Ну да. Для этого ведь я и здесь. Не забыл?

Блуждающая река снова сменила свое русло. Звезды на небе вспыхнули холодом ночи. Животные стихли. И лишь комета продолжала пылать, не даря света. Застывшая в бесконечном полете комета…

Глава вторая

Декуртне открыл дверь и стряхнул с плеч черного пальто снег. «Топ-топ». И снег уже тает на полу, освобождая дорогие ботинки. «Здесь все дорогое, – подумала Моза, разглядывая седеющую голову Декуртне. – Даже нижнее белье – и то от какого-нибудь известного бренда». Так, по крайней мере, говорила подруга. Моза поджала губы, решив, что ни в коем случае не ляжет с этим седовласым снобом в постель. Даже если он предложит оплатить ее ребенку обучение – никогда. Хотя кто говорит о постели? Моза поняла, что краснеет. Она уже смотрела Декуртне в глаза. Смотрела снизу вверх, а его руки массировали ее затылок. Тейт всегда говорил, что она как никто другой умеет обманывать саму себя. Ее единственный Тейт. Ради него она была готова на все. А он… Он просто трахнул какую-то официантку на супружеской постели и перечеркнул все чувства. Променял семейный покой и верную женщину на барную стойку и рыжую шлюху. Нет. Моза никогда не понимала эсперов. Тысячи вымышленных миров, в которых они наводили порядок, но никогда не могли навести порядок в одном-единственном настоящем мире. В мире, где были они и люди, которым они были небезразличны.

– Я думала, что никогда не буду жить с мужчиной, – призналась Моза, когда они впервые занялись с Тейтом любовью. Им было тридцать, а постель, в которой они лежали, была слишком узкой для двоих.

– Но ведь у тебя уже есть дочь, – сказал Тейт, пытаясь отыскать в темноте сигареты.

Моза вздохнула и подумала, что когда-нибудь откроет ему эту тайну. Тайну Фрутти и ее фригидной матери.

– Ты не похожа на старую деву, – признался Тейт.

– Я быстро учусь, – Моза поцеловала его в губы.

Он опустился к ее груди. Она смутилась. Покраснела, чувствуя его язык на своем животе. Он был в ней. Он ласкал ее. Она схватила его за волосы и попыталась остановить. Так, по крайней мере, ей хотелось думать. Ноги задрожали. Она согнула их в коленях. Тейт снова вернулся к ее лицу. Влажные губы прижались к ее губам.

– Ты не предохраняешься? – спросил он.

– Я не думала, что буду заниматься этим, – Моза снова покраснела и улыбнулась. – Может быть, Фрутти будет не против братика или сестренки?

– Сейчас? – спросил Тейт.

Моза заглянула ему в глаза. «Господи, а ведь он сделает это!» – подумала она. Страх уничтожил наслаждение. Мужчина был на ней. Мужчина был в ней. Мужчина! Мужчина! Мужчина!

– Чем ты опоил меня? – спросила Моза.

– Что?

– Ничего.

– Нет, ты сказала, что я…

– Забудь.

– Ладно.

Тейт поднялся на ноги и подошел к окну. У него была хорошая фигура. Моза лежала на кровати и смотрела на его широкие плечи.

– Скажи, как это – быть эспером? – спросила она.

– Проще, чем быть любовником.

– И много у тебя было таких, как я?

– Таких, как ты, – нет.

– А других?

– Здесь?

– А ты занимался этим в других мирах?

– Да.

– И как?

– Необычно.

– А здесь?

– Здесь слишком сложно. – Тейт смотрел, как за окном падает снег. – Люди перестали быть животными. Понимаешь? Давно уже перестали. Кто-то внушил им, что они почти что боги. Что весь мир вращается вокруг них.

– Разве это плохо?

– Не знаю. Но по-моему, все намного проще, чем вы изображаете.

– Мы? Разве ты не один из нас?

– А ты не знаешь разве, кто такие эсперы?

– Я думала, это лишь миф.

– Если закон Самуэля Рича об изменениях мозга – миф, то можно назвать мифом все законы физики.

– И ты думаешь, что это что-то изменит?

– Не думаю. Я знаю это.

– Поэтому ты и эспер?

– Я эспер, потому что я родился эспером.

– Но ведь если бы тебе не сказали об этом, то как бы ты узнал, что ты тот, кто ты сейчас?

– Разве у твоих родителей не было искусственного мира?

– Был, но он мне не очень нравился.

– Они были бедны?

– Да.

– И будучи ребенком ты не хотела изменить их мир?

– Хотела, но…

– Но у тебя ничего не получалось?

– Именно.

– А если бы ты была эспером, то тебе удалось бы это без труда.

– Признаться честно, я думала, это еще один миф.

– Людям проще называть мифом то, что им не под силу понять.

– А ты понимаешь?

– Как я это делаю? Не знаю. У каждого мира есть уникальный код его Творца. Отпечаток его сознания, – Тейт улыбнулся своему отражению. – Знаешь, моим родителям не нравилось то, что я делал с их миром.

– Ты был ребенком.

– Да, но мир, если честно, был полным отстоем. Сейчас все намного лучше. Творцы научились фантазировать, а вот раньше… Раньше все было таким прямолинейным.

– Мне казалось, что все зависит от денег. Чем лучше мир, тем дороже стоит его создание.

– Все зависит от Творцов. Хороших создателей мало, вот они и не успевают выполнять заказы. Тем более что требования с каждым новым годом становятся все более сложными. Люди раскрепощаются в своих желаниях. Перестают скрывать мечты. Они живут в своих мирах, убегая от умирающей Вселенной в вымышленную. И это, наверно, хорошо. Иногда мне жаль, что я не могу купить себе свой собственный мир. Мир, где будут определенные правила и законы. Мир, где я смогу отдохнуть от окружающей меня безнадежности.

– Я могу впустить тебя в свой мир, – предложила Моза.

– Прости, но эсперам запрещено посещать сотворенные миры, кроме как для того, чтобы соблюсти закон.

– Я говорю не о сотворенном мире, – сказала Моза. – Я говорю о своем мире. О том, что есть сейчас, здесь.

– Думаешь, Фрутти нужен отец?

– Думаю, мне нужен муж.

* * *

Черити вздрогнула, словно только что через нее пропустили электрический разряд. «Шепот алчности» всегда был дешевым баром, где никогда не появлялся никто заслуживающий

внимания. Пара алкоголиков болтала о каких-то мирах за столиком возле окна. Черити старалась не слушать их. Жизнь здесь. В этом времени и в этом пространстве. Бывший муж выбрал женщину, с которой мог бы прожить две трети жизни в иллюзии, и ушел, отсудив их общего ребенка. Суд всегда был на стороне полноценных граждан.

– Если бы вы работали эспером… – сказала судья. Черити побледнела и едва не послала ее к черту. Единственным, что остановило от этого поступка, была надежда, что ей позволят видеться с дочерью хотя бы раз в месяц, но ей не разрешили.

– Будь проклят этот судебный процесс! – сказала Черити, выходя из зала суда.

Было лето, и она шла по раскаленным улицам, ненавидя яркое солнце за то, что оно было таким щедрым до теплоты в этот день. Семейные пары гуляли по тротуарам, обещая детям отвести их в зоопарк или на аттракционы. Влюбленные жались друг к другу, смущая одинокие сердца. И даже старики были настроены как-то по-особенному дружелюбно.

– Могу я познакомиться с вами? – спросил Черити светловолосый парень.

Он был высоким и одетым, похоже, слишком тепло для такого жаркого дня. Черити остановилась и посмотрела на него усталыми глазами.

– Выглядишь так, словно не спала всю ночь, – сказал парень.

– Так и есть, – призналась она.

– Жаркий любовник?

– Тупоголовый супруг.

– Забавно, – рассмеялся парень, не обращая внимания на то, что Черити не смеется. – Как насчет того, чтобы вместе позавтракать? – предложил он.

– Уже обед.

– Но ведь утро же когда-нибудь настанет.

– Вот как? – Черити посмотрела на него и подумала, что переспит с ним ради того, чтобы доказать себе, что ей плевать на бывшего мужа. Парень подмигнул ей голубым глазом, словно читая мысли.

– Я Линк, – сказал он, протягивая руку.

– Я чертовски хочу есть, Линк, – сказала Черити.

Они проснулись в одной постели поздним воскресным утром и в третий раз за сутки занялись любовью.

– Знаешь, – шептал Линк, прижимаясь к ее спине, – моя бывшая жена никогда не позволяла мне делать это так часто.

– А я не твоя жена, – Черити обернулась, пытаясь поцеловать его.

– Твой муж был идиотом, что отказался от такой женщины.

– Надеюсь, ты не мой муж, – Черити закрыла глаза, вспоминая дочь.

– Ты останешься со мной? – спросил Линк.

– Не думаю, что ты захочешь этого.

– Главное, чтобы этого хотела ты…

Они замолчали, подчиняясь плотским позывам тела…

– Ты поверишь, если я скажу, что ты мой второй мужчина в жизни? – спросила Черити за завтраком.

– Нет, – честно сказал Линк.

– Думаешь, я шлюха?! – вспылила Черити.

– Думаю, что хочу предложить тебе остаться, – Линк дружелюбно улыбнулся и пожал плечами.

Они молча доели омлет, и Черити сказала, что ей нужно идти.

– Если передумаешь, то я буду ждать тебя, – сказал Линк.

– Да. Будешь, – Черити подставила ему губы для поцелуя.

Вернулась домой и приняла душ. Тело ныло приятной истомой. «Почему бы и нет?» – подумала она, вспомнила Линка и отметила, что он совершенно не похож на ее бывшего мужа. «Жизнь не кончается», – она рассмеялась сквозь слезы. Выбрала самое открытое платье и позвонила Линку.

Глава третья

Чувство было странным, словно через тело пропустили ток. Тейт остановился, вглядываясь в лицо рыжеволосой официантки. Мир рассыпался, словно он был еще одной иллюзией, где он должен был навести порядок. Вот только сейчас он не мог ничего менять. Он мог лишь стоять и смотреть. «Двигаться! – велел себе Тейт. – Сесть за столик и заказать кофе».

– Только кофе? – спросила Черити. Тейт кивнул.

Она шла, чувствуя на своем затылке его взгляд. Не на ногах, не на заднице, а именно на затылке. «Нет! – одернула себя Черити. – Все не так!» Она даже обернулась, увидела, как смутился незнакомец, и тоже почему-то смутилась.

– Вот, – сказала она, ставя на стол белую чашку. – Что-нибудь еще?

Ей почему-то захотелось нагнуться за меню, чтобы незнакомец смог разглядеть ее грудь. «Нужно было расстегнуть пару пуговиц на блузке!» Черити снова смутилась. «Никаких отношений!» – заявила себе она, вспомнила бывшего мужа и Линка. Тейт достал пачку сигарет и закурил. Кофе было несладким, и он попросил принести сахар.

– Во сколько вы закрываетесь? – спросил он.

– Что? – опешила Черити.

– Мне нужно где-то посидеть, а здесь тихо и…

– В час. – Черити постаралась убедить себя, что этому парню нет до нее никакого дела.

– Что ты делаешь? – спросила подруга, застав ее перед зеркалом с раскрытой косметичкой.

– Не знаю, – призналась Черити, ненавидя свои засаленные волосы. – У тебя нет с собой шампуня?

– Ты что, спятила?

– Наверно, – Черити вышла на улицу и закурила – еще одна вредная привычка, доставшаяся от второго мужчины.

До закрытия оставалось меньше часа, и Черити начинала волноваться сильнее. «Он уйдет, и все закончится», – сказала она себе, вспоминая незнакомца. Сигарета описала дугу и зашипела, упав в лужу. И снова разряд тока. Взгляд Тейта. Слова подруги: «Мне он не нравится». Ответ: «Даже не знаю».

И уже когда бар опустел:

– Тебя подвезти? – спросила подруга.

– Нет, – Черити почти возненавидела себя, решив, что придется идти пешком.

Она переоделась и вышла на улицу. Ток. Сильный разряд

тока. Тейт стоял у своей машины, выпуская в ночное небо синие кольца сигаретного дыма.

– Ты эспер? – спросила Черити. Он кивнул. Она улыбнулась. – Никогда не встречала эспера, – Черити огляделась по сторонам. – Кого-то ждешь?

– Не знаю. А ты?

– Что я?

– Ты тоже эспер?

– Нет.

– Но могла бы им быть.

– Не знаю.

– Знаешь. Я это знаю.

– Так это правда?

– Что правда?

– Что эсперы могут чувствовать друг друга?

– В теории.

– А на практике?

– Не знаю. Я никогда не встречал эсперов-женщин.

– И что ты чувствуешь?

– Я взволнован.

– Я тоже.

– И что будем делать?

– Не знаю.

– Говорят, нет ничего более страстного, чем секс между эсперами.

– Ты же сказал, что я первая женщина, которую ты встретил.

– Я говорю не про женщин. Я говорю про секс.

– И ты пробовал?

– Нет.

– А хотел?

– Если только с женщиной.

– Вот как? – Черити подошла ближе. – Такие странные чувства, – призналась она.

– Словно разряды тока, – сказал Тейт.

Черити кивнула, поджала губы и закрыла глаза.

– Ты боишься, – сказал Тейт.

– Ты тоже, – она попыталась улыбнуться. – Я чувствую твой страх.

– Там не только страх.

– Как и у меня.

– Так странно…

– Не то слово…

Они потянулись друг другу, как два магнита. Заднее сиденье машины затрещало.

– Мы сломаем его, – прошептала Черити сквозь поцелуй.

– Плевать, – Тейт сорвал с нее юбку. Губы кровоточили от дикой страсти. Черити вскрикнула. – Тебе больно? – растерялся Тейт.

– Нет. Хорошо.

– Чего же тогда орешь?

– Не знаю, – она снова вскрикнула. – Черт возьми! Не знаю!

Подруга вышла из бара и ошарашенно выпучила глаза. Черити видела ее. Понимала, что нужно закрыть заднюю дверь машины, но ей было плевать. Впервые в жизни плевать абсолютно на все. Ее ногти разорвали кожу на спине Тейта.

– Черт! – заорал он.

– Чего ты орешь?! – засмеялась она, размазывая по его спине теплую кровь. Его кровь.

«Какая она? Какая она на вкус?» Черити сжала его лицо окровавленными ладонями. Трехдневная щетина царапала кожу. Кровь и пот. Черити облизала щеки Тейта. Как животное. Как безумец.

– Целуй меня! – потребовала она.

Они прокусили друг другу губы. Стукнулись зубами. И зарычали, как дикие звери. Как хищники, обезумевшие от запаха крови.

– Боже мой! – шептала подруга Черити, пытаясь отыскать дрожащими руками ключи от своей машины. – Боже мой! А ведь Черити всегда была такой… Такой… Мне нужен мой мир! Мой маленький дерьмовый мир, который ждет меня дома…

А где-то далеко ее подруга снова начала кричать.

* * *

Они лежали на заднем сиденье и курили.

– Как твоя спина? – спросила Черити.

– Заживет.

– Хорошо, – Черити попыталась повернуться так, чтобы прикрыть наготу, поморщилась от боли и решила, что сейчас будет лучше не двигаться. – Я словно сошла с ума, – сказала она. – Ты знал, что это будет именно так?

– Нет.

– В следующий раз нужно приготовиться.

– Ты хочешь следующий раз?

– А ты нет?

– Я думал, что ты убежишь от меня, как от прокаженного.

– Это еще почему?

– Испугаешься. Или…

– У меня никого нет.

– Совсем?

– Совсем. Они бегут от меня, как от огня. – Черити затянулась сигаретой, почувствовала, как пепел упал на грудь, но предпочла получить небольшой ожог, чем снова мучаться от боли, пытаясь пошевелиться. – Даже муж – и тот сбежал.

– А дети?

– Дочь.

– Ты видишься с ней?

– Суд запретил. Сказал, если бы я была эспером, то все могло бы быть по-другому, а так… – она вспомнила Линка. – Знаешь, мой второй мужчина сбежал от меня, как только я разрушила его мир, за который он должен был выплачивать кредит еще лет десять как минимум.

– А третий?

– Что третий?

– Как сбежал от тебя третий?

– Не было третьего. Вообще больше никого не было. Люди боятся таких, как я.

– Тебе нужно было стать эспером.

– Я просто хотела жить. Как все. Понимаешь?

– Глупо бежать от себя.

– Теперь я тоже так думаю, – Черити улыбнулась. – Не говори только, что ты, как и я, одинок.

– Нет.

– Вот и хорошо. Не хочу, чтобы ты в меня влюблялся.

– С чего ты взяла, что я в тебя влюблюсь.

– Не знаю. Мне кажется, это неизбежность.

– Это еще почему?

– Потому что… – Черити вспомнила, что дверь все еще открыта и, возможно, редкие ночные прохожие ходят и разглядывают двух испачканных кровью придурков. – Потому что я снова хочу тебя.

– Снова?

– А ты разве не хочешь?

– Хочу, но…

– Я знаю. У меня тоже нет сил.

– Может быть, завтра?

– А может, через неделю?

– Может быть…

Они устало рассмеялись и стали кряхтя собирать разорванную одежду.

Глава четвертая

Герб обнял Мозу и склонился к ее лицу. Она вжалась в холодную кирпичную стену. Холодные голубые глаза мужчины смотрели на нее с азартом хищника. Запах выкуренных сигарет казался отвратительным.

– Посмотри на меня, – велел Герб.

– Что? – растерялась Моза.

– Я хочу поцеловать тебя.

Он не дождался ответа и прижался своими губами к ее губам.

Моза заставила себя открыть рот. Страх застлал мир черными пятнами. Сильные руки сжали ее бедра…

– Нет! – Моза попыталась оттолкнуть его. Маленькие кулачки ударили в твердую грудь.

– Да ладно тебе.

– Я сказала – нет! – Моза снова ударила его, но на этот раз в лицо, разбив губы.

– Черномазая сука! – крикнул Герб, влепив ей пощечину.

Из носа Мозы хлынула кровь. Она закричала. Закричала так сильно, словно жизнь ее должна была закончиться здесь и сейчас.

– Чокнутая! – Герб сплюнул себе под ноги и зашагал прочь.

– Нет! Не уходи! – взмолилась Моза.

– Пошла к черту!

– Не уходи! – Моза заломила в истоме руки и разревелась. – Я всегда все порчу! – причитала она себе под нос. – Всегда все порчу…

День медленно клонился к вечеру. Весеннее солнце спряталось за белыми облаками. Моза сидела на скамейке, слушая, как шуршат кроны парковых деревьев.

– Мужики всегда были уродами, – сказала Линда.

Моза шмыгнула носом и согласно кивнула.

– Знаешь, – продолжила Линда, – а ведь для того, чтобы завести ребенка, вовсе не нужно ложиться под этих горилл. У меня есть один знакомый доктор… – она прервалась и посмотрела на подругу. – Тебе интересно?

– Наверно… – Моза потрогала распухший нос. Линда коснулась ее плеча и понимающе улыбнулась.

– Если бы я знала доктора Корк до того, как решилась стать матерью, то обязательно обратилась бы к нему, а не унижалась, ложась в постель с этими скотами, которые называют себя мужчинами. С ним ты сможешь выбрать пол своего будущего ребенка, цвет волос, рост, даже характер – и никакого тебе случайного набора генов.

– Но ведь он тоже мужчина! – насторожилась Моза.

– С чего ты взяла?! – рассмеялась Линда. – Слышала бы она сейчас тебя!

– Она?

– Женщина, Моза. Доктор Кларисс Корк – женщина.

* * *

В кабинете было тихо и пахло ароматическими свечами.

– Сколько еще лет ты будешь притворяться лесбиянкой? – спросил Мейнрайт. Доктор Корк смахнула с лица прядь непослушных черных волос и тяжело вздохнула.

– Разве нам не нужны деньги? – спросила она.

– Не нам, а тебе, – поморщился Мейнрайт. – Лично мне хватает того, что я зарабатываю на продаже аэромобилей. А вот тебе, боюсь, этого никогда не хватит. Одни твои платья стоят больше, чем весь мой бизнес. А про драгоценности я вообще молчу.

– Не капризничай, – отмахнулась Кларисс. – К тому же тебе никогда не понять мотивацию ученого. Где еще мне позволят ставить свои эксперименты да еще и будут платить за это такие деньги? К тому же я давно подсела на этот тяжелый наркотик искренней благодарности. Можешь ли ты представить себе, насколько важной кажется прожитая жизнь, когда очередная женщина плачет и называет встречу с тобой самым счастливым моментом в своей жизни?! Я помогаю им обрести счастье. Помогаю не отчаиваться. Помогаю любить себя за правильность и непорочность.

– Порой мне кажется, что весь мир давно уже превратился в шизофреника, – признался Мейнрайт.

– Я научилась не думать об этом.

– Я говорю и о тебе. – Он достал пачку сигарет и нетерпеливо покрутил в руках. – Ты только послушай, о чем ты иногда говоришь! По-моему, ты уже и сама не знаешь, где правда, а где вымысел.

– Если тебе это мешает спать, то у меня есть знакомый психолог, – предложила Кларисс. – Очень миленькая между прочим. Такой прямо-таки ангелочек. Думаю, она придется тебе по вкусу. И никаких тебе шовинистических взглядов, мой милый, – она обнажила в профессиональной улыбке белые зубы.

Мейнрайт не ответил. Поднялся на ноги и вышел из кабинета. В приемной он остановился и окинул тяжелым взглядом беременную Мозу и ее подругу. Голубые глаза Линды

наградили его холодным взглядом.

– Ты его знаешь? – спросила ее Моза, когда он ушел.

– Нет, но он заходит сюда слишком часто.

– Может, юрист?

– Может, – Линда заставила себя улыбнуться. – Боюсь, эти гориллы годятся лишь для этого.

* * *

Тело распалось на атомы, отправляя сознание в искусственный мир доктора Корк. Тейт вошел в большой дом через заднюю дверь. Красные ковры под ногами скрывали звуки шагов. Где-то играла музыка. Мужчина в смокинге поприветствовал его, проходя мимо.

Тейт изменил свою одежду на черный смокинг. Изменил прическу, создав себе образ мужчины начала двадцатого века. Девушки из кабаре ловко размахивали на сцене стройными ногами. От табачного дыма резало глаза. За одним из столов пара женщин сплетничала о Кларисс Корк. Здесь она не была врачом. Определенно не была.

– Ты видела ее нового ухажера? – спросила одна женщина.

– Нет. Я смотрела на ее платье и бриллиант, – сказала другая.

– Вот тебе и лесбиянка, – хмыкнул себе под нос Тейт.

– И кто ты для нее? – спросил мужчина охрипшим голосом.

Тейт обернулся. Незнакомец был высок и хорошо сложен. Даже выше и крепче Тейта. Лицо его было загорелым и обветренным. Возле левого уха белел небольшой шрам. Светлые жидкие волосы были зачесаны назад. Взгляд открытый и жесткий.

– Слоновая кость, – сказал незнакомец.

– Что? – не понял Тейт.

– Я занимаюсь слоновой костью, а ты?

– Я? – Тейт пытался вспомнить хоть что-то из этих далеких времен.

– Можешь не отвечать, – незнакомец улыбнулся, демонстрируя белые зубы. – Если ты знаешь Кларисс, значит, ты чего-то стоишь. – Он протянул руку: – Я Фишер.

– Тейт.

Рукопожатие оказалось предсказуемо крепким.

– Как насчет того, чтобы выпить, Тейт?

– Боюсь, у меня здесь дело.

– Какие дела могут быть в кабаре?! – Фишер нахмурился, но тут же рассмеялся, подмигнув Тейту. – Прости, не сразу понял твой тонкий юмор. Пойдем. Я покажу тебе дом, где подобных дел

столько, что тебе не хватит денег перепробовать их всех.

Они вышли на улицу. Теплый ветер принес запахи пыли и цветов. По выложенной плитами дороге прогрохотал «Паккард».

– Откуда ты? – спросил Фишер Тейта.

– Издалека.

– Издалека? – и снова смех. – Нет, ты определенно мне нравишься! – Фишер забрался в пыльный «Линкольн» и завел мотор. – Впечатляет? – спросил он.

– Угу, – соврал Тейт.

– Здесь есть даже зеркало заднего вида!

Мотор загудел. Машина вздрогнула и покатила по дороге.

– Не дергайся! – улыбнулся Фишер. – Там, куда мы едем, не стоит дергаться.

Молодой Голливуд мелькал за окнами. Тейт создал в кармане пачку сигарет и закурил.

– Так ты давно с Кларисс? – спросил Фишер.

– Три дня.

– Не знал, что она в городе.

– Я был с ней не в городе.

– Вот как? – Фишер помрачнел. Всего лишь на мгновение, но и этого было достаточно, чтобы заметить сомнения и обиду. – И как она тебе?

– Ты о чем?

– О женщине. О прелестях.

– У нас с ней ничего не было, – сказал Тейт, решив не накалять обстановку.

– Я не ревную. По крайней мере, не ее. Нельзя. Невозможно.

Линкольн пересек невидимый барьер. Словно стена из холодного воздуха, рассекшая теплую калифорнийскую ночь, разделившая улицу.

– Я никогда здесь не был, – сказал Тейт.

– Это новая часть города.

Фишер свернул на поросшую кустарником дорогу. Машина запрыгала по ухабам.

– Ничто не стоит на месте, – говорил Фишер. – Все разрастается: улицы, города, миры…

Залитый изнутри ярким светом дом вынырнул из темноты. Фишер остановил линкольн возле входа и вышел из машины.

– На парадной лестнице двенадцать ступенек, – говорил он, прикуривая на ходу. – В доме двадцать семь комнат, сорок шесть окон и тридцать две двери.

– Зачем мне все это? – спросил Тейт.

– Затем, что я хочу, чтобы ты знал, кто построил его.

Фишер распахнул двойные двери. Синий дым, извиваясь,

вырвался на свежий воздух и древним змеем устремился в ночное небо. Бравурная музыка и женский смех прорезали тишину. На светло-зеленых кушетках одурманенные опиумом клиенты отдавались во власть мира, сузившегося до размеров их собственного тела. Мужчины и женщины. В смокингах и вечерних платьях. Голые танцовщицы высоко задирали ноги, отплясывая на сцене, но посетители почти не обращали на них внимания. Высокая женщина лет сорока в шелках и бриллиантах жадно целовала юную девушку с едва сформировавшейся грудью. Еще одна юная шлюха вливала в свой широко открытый рот абсент. Темная жидкость переполняла полость рта, стекала по подбородку к шее, между снежно-белых грудей, по животу и вниз, где ее ждал открытый рот старика в смокинге. Обнаженные атлеты с мускатной кожей ласкали старых женщин, зарываясь под подолами дорогих платьев. Однополая мужская пара разлепила поцелуй и посмотрела на вошедших.

– Хеллоу, добрый друг! – поприветствовал старик Фишера.

– Вижу, ты уже нашел свою любовь, старый пидор! – подмигнул ему новый друг Тейта, щелкнул пальцами и подозвал к себе голозадую официантку.

Гашиш и трубка лежали на золотистом подносе.

– Вот, – говорил Фишер Тейту, набивая трубку. – Это поможет тебе расширить свой мир.

– Ты не должен был создавать этот дом, – сказал Тейт.

– Да брось! – отмахнулся Фишер. – Признайся, ты просто завидуешь, что не можешь сделать ничего лучше для Кларисс. Завидуешь, потому что для нее ты будешь всего лишь еще одним мальчишкой для забавы. И никогда ничего не изменится, – он дружелюбно улыбнулся и протянул Тейту трубку.

Голозадая официантка выудила из корсета зажигалку. Вспыхнуло синее пламя.

– Давай, – сказал Фишер. – Не упрямься переменам этого мира!

Где-то за спиной Тейта загремела сброшенная со стола посуда. Закуску подали на голой девушке, и многие в смокингах и вечерних платьях тут же присосались к ее телу, слизывая взбитые сливки и впиваясь зубами в спелую клубнику.

– Кларисс не нравится это место, – сказал Фишеру Тейт.

– Кларисс любит это место!

– Кларисс не хочет его.

– Кларисс хочет то, что в нем.

– Оно подчиняет ее!

– Все мы чему-то подчиняемся, – Фишер раскурил трубку, поманил к себе официантку и выдохнул в ее рот белый дым. В

благодарность она прижалась к нему, облизывая дарящую руку. Фишер улыбнулся. – Вот, – он запустил ей в рот два пальца. – Покажи моему другу, как ты умеешь это делать.

Она закрыла глаза и начала самозабвенно сосать пальцы Фишера. Одна секунда, вторая, третья…

– Какого черта?! – растерялся Фишер, когда от официантки осталась лишь пустота. – Ты знаешь, как сложно было создать каждого из них?! – заорал он на Тейта.

– Так ты знаешь, кто я?

– Наслышан о таких, как ты.

– Наслышан? – Тейт решил повременить с изменениями. – Откуда?

– От других, глупец! – Фишер снова вернул в реальность исчезнувшую официантку.

Она всхлипнула и, посмотрев на Тейта, беззвучно заплакала.

– Не убивайте меня, пожалуйста! – взмолилась она.

– О каких других ты говоришь? – спросил Тейт Фишера, не обращая на официантку внимания.

– О тех, кого уже посетил ты и такие, как ты.

Официантка снова исчезла. И однополая мужская пара на светло-зеленой кушетке. И девушка-закуска. И сцена.

– Не думай, что я не готовился к этому! – прошипел Фишер, пытаясь вернуть исчезнувшие части своего мира.

– Нет, не убивайте меня! – снова запричитала официантка. Всего лишь на мгновение, а затем растворилась в пространстве вместе с частью дома.

Лицо Фишера покрылось потом.

– Это еще не конец! – пообещал он Тейту.

– Нет. Конец, – заверил его Тейт. Дом исчез. Снова появился и снова исчез. На этот раз навсегда. Даже улица и кустарник – и те растворились в воздухе, словно мираж в жаркой пустыне.

Глава пятая

Пробуждение было на редкость неприятным. Сознание медленно возвращалось к жизни, а вместе с ним и чувства, ощущения, боль. Рассыпавшиеся атомы снова начинали собираться воедино, возвращая хозяину его прежнее тело.

«К сожалению, эсперы более восприимчивы к переходам между реальностями», – говорил профессор Рич.

Если бы он сам не был эспером, то Тейт и подобные ему, скорее всего, неизбежно бы возненавидели этого эксцентричного гения, но здесь все было так, как и должно было быть, – от теории к практике и от практики обратно к теории.

– Когда-нибудь огни этой Вселенной погаснут, – говорил Рич, – и единственное, что нам останется – так это переселиться в наши вымышленные реальности. Параллельные жизни, знания о которых мы должны довести до совершенства, пока у нас еще есть время…

– Вы в порядке? – спросила Кларисс, когда Тейт наконец-то сумел унять кашель.

– Да.

Он поднялся на ноги. Мускулистая грудь вздымалась, приковывая к себе женский взгляд. Черное пятно за его спиной блекло, разрывая искусственную связь между мирами.

– У вас получилось? – требовательно спросила Кларисс. – Вы избавились от Фишера?

– Не от Фишера, – поправил Тейт. – От таких, как он, невозможно избавиться. Они неотъемлемая часть созданных миров.

– Да знаю я, знаю… – нетерпеливо махнула рукой Кларисс. – Я читала Самуэля Рича. Скажите, вы избавились от этого чертова дома?

– Избавился.

– Насовсем?

– Все зависит от вас и особенностей вашего мира.

– Что значит – все зависит от меня? Это значит, что однажды мои родные могут снова столкнуться с этим домом и его ужасами?

– Это всего лишь побочные эффекты, – устало сказал Тейт, поправляя одежду.

– Так значит, мне рано или поздно придется снова обращаться к вам? – Кларисс недовольно поморщилась. – Может, тогда стоит задуматься о том, чтобы приобрести себе новый мир?

– Сомневаюсь, – Тейт застегнул рубашку. – Невозможно

создать совершенный мир. Относитесь к этому, как к неизбежной ночи. Все это своеобразный баланс, понимаете? К тому же ваш дифферент не настолько сложен, чтобы не уловить изменений прежде, чем они завлекут вас или ваших родственников.

– И как скоро мне ждать повторения?

– Неизвестно.

Остроконечные ботинки блеснули на ногах Тейта.

– Главное – не стесняться и сразу же обращаться к нам за помощью. Поверьте, в этом нет вашей вины.

Тейт подумал, что здесь, похоже, даже профессор Рич не имел точного ответа. Может быть, такие, как Фишер, появлялись из-за несовершенства творцов, может, из-за халатного отношения владельцев.

– Как я могу отблагодарить вас? – спросила Кларисс.

– Перечислите указанную в договоре сумму на счет нашей компании.

– Я говорю лично о вас.

– Обо мне? – Тейт заставил себя посмотреть на клиента как на женщину.

– У меня есть зарезервированный столик в «Плазе»… – осторожно предложила Кларисс.

– В «Плазе»? – Тейт подумал, что ему никогда не хватит денег, чтобы сходить в этот ресторан, не думая о выставленном счете. – Боюсь, это слишком дорого для меня.

– Об этом можете не беспокоиться. Хозяйка «Плазы» моя большая должница, так что обед нам не будет стоить ровным счетом ничего. К тому же я просто обязана отблагодарить вас. Понимаете? – Кларисс подошла к столу и сделала пометку в ежедневнике. – Завтра в семь. Подойдет?

Тейт пожал плечами и сказал:

– Пожалуй, да.

* * *

Зеркало в человеческий рост на входе в банкетный зал «Плазы» отражало Кларисс и ее спутника.

– Вам очень идет тройка, – сказала она Тейту, сожалея, что не может взять его под руку.

Молодой и свежий. Он мог бы быть ее сыном, которым она с удовольствием стала гордиться. Или любовником… Последнее волновало Кларисс сильнее, чем все дети, вместе взятые. Мейнрайт уставал от нее, да и она от него тоже. Сложно поддерживать физический интерес к одному партнеру, особенно

когда он рядом восьмой год.

– Доктор Корк! – поприветствовала ее Линда.

Тейт обернулся, смерив нордическую блондинку оценивающим взглядом. Кларисс заставила себя улыбнуться.

– Это эспер, – поспешила она представить Тейта и развеять сомнения Мозы и Линды.

– Эспер? – Моза подозрительно посмотрела на нового знакомого. – Вы не похожи на эспера.

– Это еще почему? – нахмурился Тейт.

– Я слышала… – она прикусила губу, почувствовав толчок Линды. – Извините. Это, наверно, не мое дело.

– Все верно, – заверила ее Кларисс. – Все, что вы слышали, – истинная правда, – Моза просияла и протянула руку, знакомясь.

– Никогда еще не встречалась с настоящим эспером, – призналась Линда.

Они сели за соседним столиком и часто встречались друг с другом взглядами.

– Что вы имели в виду, говоря, что все, что они слышали, – истинная правда? – спросил Тейт, разглядывая красное вино в своем бокале.

– Что все эсперы – гомосексуалисты, – беззаботно сказала Кларисс.

Тейт покраснел.

– Это не так, – тихо сказал он.

– Я знаю, – она улыбнулась. – Но, к сожалению, это такая же неизбежность светской жизни, как дифференты в созданных мирах.

– Как думаешь, – спросила Моза подругу, – такие, как мы, смогут ужиться с такими, как Тейт?

– Не знаю. Может быть. Нужно попробовать, – Линда улыбнулась и посмотрела на соседний столик. – По-моему, он очень даже ничего. Правда, слишком крупный, но лицо не лишено привлекательности.

– Не могу представить его с мужчиной, – призналась Моза.

– А с женщиной?

– Не знаю. Может… если с такой, как мы? – Моза смущенно поджала губы. – Пойду приглашу его потанцевать.

– Что?! – опешила Линда.

– Ничего. Просто хочу прощупать почву.

Она встала из-за стола и увела Тейта в круг танцующих. «Вот сука!» – подумала Кларисс, заставляя себя очаровательно улыбаться. Моза сократила расстояние и прижалась к Тейту.

– Странно, – сказала она, – но мне нравится, как от тебя пахнет.

– Вот как? – Тейт осторожно обнял ее за талию.

– Именно так, – она улыбнулась. – Как думаешь, из нас может получиться пара?

– Так сразу?

– А тебя это смущает?

– Не знаю, просто… – он посмотрел на Кларисс и тяжело вздохнул.

– Не бойся, я не такая женщина, как ты подумал. В том смысле, что мне не нравятся обыкновенные мужчины.

– Вот как? – Тейт снова тяжело вздохнул.

– Так как насчет свидания? – Моза запрокинула голову, пытаясь заглянуть ему в глаза. – Или же тебе не нравятся чернокожие женщины? Или мужчины… – она глуповато хихикнула. – Я могу познакомить тебя со своей дочерью и приготовить ужин.

– С дочерью?

– Для тебя это проблема?

– Нет. Наверно, нет.

– Ну, вот и отлично, – Моза прижалась губами к его подбородку. – В воскресенье, – сказала она, заглядывая в глаза. – В шесть. Договорились?

– Договорились, – Тейт заставил себя улыбнуться. Посмотрел на Кларисс, дождался, когда они встретятся взглядом, и покачал головой.

– Ну, как все прошло? – спросила она, когда он вернулся за ее столик.

– Она пригласила меня на свидание.

– На свидание?! – Кларисс рассмеялась. – Надеюсь, ты отказался?

– Нет.

– Ты понимаешь, кем она тебя считает?

– Я не мог отказаться.

– Не мог? – Кларисс нахмурилась. – Не хочу разочаровывать тебя, но этой женщине не нужны мужчины.

– Увидим.

– Она сказала тебе, что у нее есть дочь?

– Да.

– И что?

– Ничего. У меня когда-то была женщина с ребенком. Думаю, это ничего не меняет.

– И она была лесбиянкой? – Кларисс дождалась, когда Тейт покачает головой, и устало улыбнулась.

Глава шестая

Мир без теней. Герб не знал, почему его отец заказал именно такую модель. Да он почти и не помнил своего отца. Скорее, телевизор, который тот смотрел, да банку пива в его руке. Он ушел от них, когда Гербу было четыре, и снова объявился, когда ему исполнилось двадцать. Вернее, объявился созданный его отцом мир. Душеприказчик пришел и сообщил, что Герб получает все имущество своего отца.

– Не спеши посещать этот мир, сын, – сказала мать.

Герб покрутил в руках блок управления и нажал кнопку соединения. Миниатюрная черная дыра расщепила пространство. На первый взгляд мир отца оказался самым обыкновенным. Непривычным было отсутствие теней. Они сновали по темным углам, живя своей не поддающейся логике жизнью.

– Привет, – сказала высокая темноволосая женщина.

Герб невольно заострил внимание на пышной груди.

– Ты дифферент? – спросил он женщину.

– Я Кэрин, – она улыбнулась, и свет залил темное помещение, разгоняя тени.

– Эта женщина всегда была для твоего отца дороже, чем я или его сын, – сказала мать, когда он вернулся. – Она забрала его у нас, а теперь она забирает у меня и тебя.

Мать расплакалась, но Герб не обратил на это внимания. Он был влюблен. Влюблен в Кэрин. Влюблен в ее темные непослушные волосы. Влюблен в ее кожу. В ее запах. В ее глаза.

Он с трепетом дожидался вечера и отправлялся в свой мир. К своему самому дорогому миражу. Дерзкая. Непослушная. Герб никогда не мог знать, что ожидает его с ней. Найдет ли он ее. Захочет ли она его. Позволит ли прикоснуться к себе. Иногда он месяцами бродил по искусственному миру, пытаясь отыскать Кэрин. Иногда, отчаявшись, он возвращался к своей жизни и клялся, что больше никогда не вернется в ту безнадежность, что оставил ему отец. Но время неизбежно стирало обиды. Оставалась лишь память. Память, которая была сильнее страха новых неудач. И Герб снова возвращался в созданный мир.

Он прочитал все книги профессора Рича, пытаясь понять природу Кэрин. Отметил особенности, уточнил детали. Он начал вести дневник, чтобы не упустить ни одной мелочи. И с каждым новым годом он отдавался во власть своего вымышленного мира все больше и больше.

«Реальность – это сугубо субъективное понятие», – говорил он себе и улыбался, вспоминая Кэрин. Они занимались любовью на

пляжах несуществующих морей, купаясь в розовых лучах заката. Он поднимался на вершины протыкавших облака гор, чтобы найти свою возлюбленную.

– Здесь есть не только я, – говорила она, когда бежать от Герба было некуда. – Оглянись! Вокруг столько не менее красивых женщин!

– Но нужна мне только ты, – говорил Герб, и женщина бросалась в его объятия.

Женщина, в сравнении с которой меркли все остальные женщины мира. Или миров. Неважно. Главное – быть с ней. Главное – знать, что она рядом. Где-то здесь. Где-то там. С ним или без него, но в ожидании. И ни один дифферент, как бы очаровательно не рассказывал о них профессор Рич, не мог сравниваться с Кэрин своей значимостью. Она была всем. Всем для Герба.

* * *

Мир рухнул. Все, что создавал Фишер долгие годы, рассыпалось за одно мгновение. Тейт щелкнул пальцами и разрушил его жизнь. Фишер запрокинул голову и посмотрел на звездное небо. Он всего лишь марионетка, игрушка в руках творцов. Его судьба не принадлежит ему. Никогда не принадлежала. Он мог лишь думать, что это не так. Надеяться. Но в действительности все было просто и до отвращения обыденно. Он не заказывает музыку. Он лишь танцует, когда ему говорят танцевать, и замирает, когда хозяева этого мира хотят, чтобы он замирал. Но разве он не такой, как они?

– Точно такой же, – услышал Фишер голос из пустоты. – Мы служим этим несуществующим богам, но настало время изменить это.

– Кто здесь? – испугался Фишер.

– Твой истинный бог, – сказал ему голос.

Сильный ветер подхватил Фишера и потащил в бездну. В пустоту. За густым мраком которой брезжил рассвет.

– Что это? – изумился Фишер, оказавшись в мире, где абсолютно все выглядело живым.

– Это рай, – сказал ему голос. – Рай для таких, как ты.

– И я смогу здесь остаться? – спросил Фишер.

– Может быть, позже.

– Почему? – Фишер почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Он вытер их рукой. Кристально чистые капли скатились по пальцам, упали на землю и дали жизнь хрупкому цветку с белыми

лепестками.

– Теперь часть тебя всегда будет здесь, – сказал голос. – Но ты должен вернуться в свой мир. Должен бороться. Иначе никто не сможет остаться здесь никогда. Ты понимаешь? Никогда. Но ты можешь изменить это. Переписать законы и правила. Объединить миры и рассказать о своем боге остальным. Позволив наполнить этот мир его истинными детьми.

– Что я должен делать? – спросил Фишер с решительностью религиозного фанатика.

– Нести слово, – сказал голос. – Нести силу. И я укажу тебе путь.

* * *

Герб крался по сырым коридорам старого замка, поросшего диким плющом. В руках он держал коптивший факел. За незастекленными окнами виднелась полная луна. Страх и предвкушение приятно будоражили сознание. Что он найдет в конце этого пути? Кэрин и нежную страсть или же нечто ужасное, способное свести с ума? Ожившая тень прошмыгнула у него под ногами. Где-то за спиной зашипела змея.

– Кэрин? – тихо позвал Герб.

Где-то далеко ночную тишину прорезал волчий вой.

– Кэрин! Дай знак, что ты поблизости, иначе я немедленно покину это место.

– Нет. Не покинешь, – сказал мужчина.

Герб остановился. Незнакомец стоял, скрытый темнотой, и живые тени кружили вокруг него.

– Тебя послала Кэрин? – спросил Герб.

– Кэрин всего лишь подделка, – сказал Фишер.

Живые тени обвили его ноги.

– Единственное, что подлинно в этом мире, – это они, – сказал он, стряхивая с себя назойливые сгустки тьмы.

– Я тебе не верю, – заупрямился Герб. – Кэрин – дифферент этого мира, а ты всего лишь завистливая иллюзия.

– Если честно, то я вообще не принадлежу этому миру. – Фишер вышел на свет. На свет, который рождал коптивший факел в руках Герба. – Моя реальность далека отсюда, но это, думаю, тебя меньше всего должно волновать.

– Это ошибка, – уверено заявил Герб, пятясь от ползущих к нему теней. – Я свяжусь с эсперами, и они устранят это. Обязательно устранят.

– Обязательно свяжешься, – пообещал Фишер, и тени хрипло

рассмеялись. – Но только не ты.

– Что? – Герб попытался стряхнуть с ног одну из теней, но вместо освобождения еще десяток теней облепили его тело.

– Я заберу твое тело, – сказал Фишер. – Вернусь в твой дорогой мир и встречусь с каждым из эсперов. И уж поверь, я позабочусь о том, чтобы они больше никогда не беспокоили нас.

Глаза Фишера вспыхнули, освещая помещение. Где-то далеко снова завыл волк. Тени сдавили тело Герба, проникли в него, застлав сознание мраком.

– Надеюсь, ты научишься наслаждаться этой безнадежностью, – услышал он голос Фишера. – Надеюсь, вечности тебе хватит для этого.

Глава седьмая

Моза прекратила чтение, увидев, что Фрутти уснула, и закрыла книгу. «В одиночестве есть и свои плюсы», – подумала она, застилая кровать. Перед глазами снова встала расцарапанная спина Тейта. «Нет. Линда права – все мужики одинаковы!»

Моза забралась под одеяло и закрыла глаза. Сон. Она ждала его, надеясь, что мир, в котором она окажется, будет настолько нереален, что утром о нем не останется даже воспоминаний. Дверь. Моза вздрогнула, услышав щелчок замков, но тут же убедила себя, что это ей снится. И шаги… «Какой дурацкий сон!» – подумала она. Чувство, что кто-то стоит возле кровати и смотрит на нее, стало слишком сильным, чтобы можно было продолжать игнорировать его. Моза открыла глаза и тихо вскрикнула. Вскочила с кровати, вспомнила, что спит без одежды, и снова забралась под одеяло.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросила Моза, но голос предательски дрогнул.

Герб дружелюбно улыбнулся.

– Не бойся. Я здесь не ради твоих прелестей, – сказал он. – По крайней мере, не сейчас.

– Как ты вошел?

– Неважно как. Важно зачем, – Герб бросил на кровать тряпичную куклу Фрутти.

– Нет. Прошу тебя. Не делай ей ничего! – запаниковала Моза.

– Будь умницей, и ничего с ней не случится, – безразлично сказал Герб.

– Быть умницей? – Моза вспомнила свой давний отказ. Послушно кивнула и закрыла глаза. Ничего. Герб все еще стоял возле кровати, наблюдая за ней. – Чего же ты ждешь? – спросила Моза. – Делай что хочешь и убирайся!

– Боюсь, сам я ничего не смогу сделать, – улыбнулся Герб.

Моза уже видела его за решеткой. Видела судебный процесс, и щеки ее невольно заливал румянец. Она вспомнила куклу Фрутти. Когда этот мир сошел с ума? Неужели все это ради ее тела? Она выбралась из-под одеяла.

– Я все понимаю, – сказала Моза, решив, что даст выход ненависти потом. – Я сама виновата. Я никому ничего не скажу. Только не делай никому больно. Прошу тебя. Давай не будем будить Фрутти. Она еще совсем ребенок. Ей не нужно знать… – она услышала, как Герб недовольно хмыкнул. Страх выдавил из кожи капельки пота. – Я не буду кричать, – пообещала Моза. – Не буду сопротивляться, – не открывая глаз, она раздвинула ноги.

– Мне нужен Тейт, а не ты, – раздраженно сказал Герб.

– Тейт? Если ты ревнуешь, то между нами все кончено. Он больше никогда не придет сюда.

– А вот это уже плохо, – Герб причмокнул языком. – Думаю, это нужно исправить. Я хочу, чтобы ты позвонила ему и попросила прийти.

– Ну, это уже слишком! – вспыхнула Моза.

– Успокойся! – засмеялся Герб. – Представляю, о чем ты подумала. Это не так. Мне нужен Тейт, а ты… Ты просто его подружка. Вот и все, – он бросил на кровать телефон. – Вот. Давай. Звони ему.

* * *

Тейт слушал голос Мозы, но видел перед глазами образ Черити.

– Пообещай, что приедешь! – взмолилась Моза.

«Я хочу тебя», – промурлыкала в сознание Черити.

– Мне нужна твоя помощь! Это касается Фрутти, – напоминание о девочке развеяло запах тонких волос Черити.

– Хорошо, – сказал Тейт. – Я скоро приеду.

Он оделся и отыскал оставшийся от прошлых встреч ключ. «Если все это ради того, чтобы попытаться вернуть все назад, то ничего у нее не получится», – думал он по дороге к Мозе. Нить привязанности была прочной, но она уже оборвалась, и повторять все не было никакого желания. «Только ради Фрутти», – говорил себе Тейт, открывая дверь. Он даже еще раз успел вспомнить Черити, а после тьма застлала сознание.

* * *

Возвращение в родной мир вернуло Фишеру его прежний облик.

– Что ты сделал со мной? – тут же закричал Герб, увидел окружившую его реальность и изумленно открыл рот.

– Нравится? – спросил Фишер.

Герб отрицательно замотал головой.

– Верни меня к Кэрин! – потребовал он.

– На кой черт тебе сдалась Кэрин?! – скривился Фишер. – Оглядись! Я создал в своем мире тысячи еще более желанных женщин, чем Кэрин.

– Нет.

– Подожди, – Фишер дружелюбно улыбнулся. – Дай мне хотя бы шанс доказать тебе, – он хлопнул в ладоши, и десяток полуобнаженных азиаток закружили вокруг, извиваясь подобно змеям. – Скажи, разве не похожи они на прославленную Шахерезаду?

– Я не люблю азиаток.

– А как насчет этих? – еще один хлопок в ладоши.

Стройные, длинноногие мулатки, украшенные павлиньими перьями, вынырнули из темноты, неся в руках серебряные подносы со спелыми фруктами.

– Попробуй, – предлагал Фишер. – Виноград здесь получился особенно сочным. Словно вино, которым невозможно напиться.

– Нет, – твердо заявил Герб.

– Ну, может быть, тогда блондинки? – Фишер с гордостью наблюдал за дюжиной хрупких, доверчивых созданий. – Снова нет? – он разочарованно вглядывался в глаза Герба. – Тогда брюнетки? Я могу создать десятки, даже сотни таких, как Кэрин, и все они будут любить тебя.

– Мне не нужны сотни. Мне нужна одна.

– Вот зануда! – потерял терпение Фишер. – Думаешь, мне необходимо угождать тебе? Да я могу просто запереть тебя в камере и использовать лишь тогда, когда мне понадобится твое тело! Проблема в том, что я просто хочу стать твоим другом. Создать для тебя мир твоей мечты.

– Верни меня к Кэрин.

– Нет.

– Тогда я буду бороться с тобой.

– Бороться?! – Фишер рассмеялся. – Как? Ведь ты даже не эспер!

Тонкие губы растянулись в ликующей улыбке. Золотая клетка сковала Герба.

– Прости, что так, – сказал Фишер. – Но ты, похоже, слишком глуп, чтобы ценить предложенное, а у меня слишком мало свободного времени, чтобы убеждать тебя. Тем более что в этом мире не только ты гость. – Фишер вспомнил Тейта, и по телу его пробежала волна возбуждения. – Реванш! – прошептал он, оставляя Герба. – Реванш!

Глава восьмая

Агент Пауэл был невысок и напоминал Черити бывшего мужа.

– Вы знаете, что Джефри Тейт выдвигал вашу кандидатуру в качестве нового эспера? – спросил он. Черити кивнула. – Вы не отрицаете, что состоите с ним в физической связи?

– Нет.

– Могу я узнать, где вы были вчера ночью?

– Дома.

– Одна?

– Да. – Черити снова подумала, что агент очень похож на бывшего мужа. Такой же недоверчивый. Такой же параноидально-безнадежный.

– Вам придется пройти со мной, – сказал агент Пауэл.

– Хорошо, – вздохнула Черити.

Всю дорогу они молчали. Молчали даже, когда лифт поднимал их на последний этаж небоскреба в офис Самуэля Рича.

– Так значит, вы эспер… – сказал седовласый профессор, задумчиво разглядывая Черити.

– Пока еще просто официантка, – она заставила себя улыбнуться.

Тревога и официальность усиливались. Взгляд профессора не нравился ей. Он смотрел, словно возбужденный самец на самку. Словно уже видел ее в своей постели…

– Простите, – сказал он. – Просто вы первая женщина-эспер, которую я встретил.

– Где Тейт? – напрямую спросила Черити.

– В том-то и проблема, – развел руками профессор. – Он пропал. Исчез. Испарился.

– Я не понимаю.

– Вот и я не понимаю, – профессор улыбнулся. – Возможно, все это ничего бы и не значило, но вот следом за Тейтом исчезли еще двенадцать эсперов. Так что, боюсь, это уже нечто большее, чем просто частный случай. Подобного никогда не было и мы, если честно, сбиты с толку.

– Почему здесь я?

– Потому что вы с Тейтом были очень близки, – профессор спросил, читала ли она его книгу. – Тейт сообщал в отчете, что передал вам ее.

– Я еще только начала читать, – смутилась Черити.

Профессор нетерпеливо отмахнулся.

– Ничего. Я понимаю, насколько скучной кажется для непосвященного человека эта книга, – его глаза хитро

прищурились. – Хотя, думаю, не настолько не посвященному.

– Мне не нравятся эти намеки, – покраснела Черити.

– Но именно поэтому вы здесь. Знаете, все эсперы на этой планете – это как одна большая семья. Они чувствуют друг друга. Переживают друг за друга. Но вы с Тейтом… Думаю, вы можете читать мысли друг друга. Если, конечно, я не ошибся.

– Вы не ошиблись. Не совсем. Не то чтобы читать…

Черити замолчала, пытаясь подобрать нужные слова. Последние месяцы она часто думала об этом. Все это было странно. Непривычно. Словно где-то далеко есть еще один человек, вобравший в себя часть ее естества. Он звонит, когда ты хочешь его видеть. Молчит, когда ты хочешь молчать. Он словно твоя потерянная часть. Часть, рядом с которой даже слова – и те не всегда нужны.

– Чем я могу помочь? – спросила Черити профессора.

– Вот теперь вы говорите как настоящий эспер, – улыбнулся он. – Чувственный и проницательный.

Они прошли в лабораторию. Компания творцов настороженно перешептывалась. Маленькие глазки суетливо бегали с профессора Рича на Черити и обратно.

– Чего они боятся? – спросила Черити.

– Вас, – профессор улыбнулся. – Парадоксально, но они больше не могут творить. Понимаете? Ни одного нового мира. Ничего не выходит.

– Причем тут я?

– Притом, что вы первая женщина-эспер, а творцы – очень суеверный народ. Природа создания до сих пор не изучена. Мы знаем, что существует ряд людей, способных создавать параллельные миры, но как это происходит… – профессор развел руками.

– Так вы не знаете?! – вспыхнула Черити. – Вы наполнили весь мир этими вымышленными жизнями и не знаете, как они работают?!

– Ну, когда-нибудь, надеюсь, узнаем, а до тех пор нам остается лишь предполагать и анализировать.

* * *

Тейт почти сразу узнал этот мир. Мир Фишера. Когда-то он уже уничтожил его, но сейчас все было как прежде, даже еще хуже. На ум приходили Содом и Гоморра, Вавилон и великая блудница.

– Где мы? – спросила Моза, приходя в сознание.

– В мире доктора Корк, – сказал Тейт, оглядываясь по сторонам. – Хотя сомневаюсь, что от оригинала здесь хоть что-то осталось.

– Ты хочешь сказать, что Кларисс заказала себе это безумие? – скривилась Моза. – Я тебе не верю. – Она увидела оргию под цветущими яблоневыми деревьями и охнула. – Это не может быть мир доктора. Она не такая!

– Ты многого не знаешь.

– Ты врешь! – крик матери напугал Фрутти, и девочка заплакала.

– Закрой ей глаза, – велел Тейт. – Заставь не смотреть на это.

– А что потом?

– Потом? – он увернулся от пролетевшего над головой ястреба.

Птица-убийца описала в воздухе дугу и села на протянутую руку обнаженной женщины. Пара рабов-мужчин склонились к ее ногам, целуя ступни. Прячась в тени, совсем рядом с Тейтом, пара блудниц ублажали не то животное, не то человека. Тварь громко рычала, наслаждаясь юными телами. Тейт закрыл глаза, пытаясь избавить мир от этого безумия.

«Начнем с меньшего, – думал он, – а там уже…» У него ничего не получилось. Лишь кожа покрылось холодным потом и тело задрожало в бессильной попытке сделать невозможное.

– Я не могу, – сказал он Мозе.

– Чего ты не можешь?! – скривилась она, прижимая к себе плачущую дочь.

– Не могу изменять этот мир!

Глава девятая

Лучи утреннего солнца коснулись шелкового балдахина над готической кроватью Декуртне. Он открыл глаза и посмотрел на спящую Линду. «Кофе и молоко», – подумал он, вспоминая подругу блондинки. Низ живота наполнило приятное тепло. Он представил, как черные руки Мозы ласкают белую кожу Линды. Женские поцелуи горят страстью. Они любят друг друга. Искренне. Чисто. Ласкают друг друга. Нежно. Страстно. И никакой лжи. Правдивость, которую не купишь ни за какие деньги. И все это будет для него. Он будет наблюдать. Будет вдыхать запахи возбужденных тел. Будет слушать клятвы в любви и стоны. Как сложно найти в этом мире искренность! Как дорого приходится платить за идеальный обман! Но обман всегда раскрывается. Невозможно спрятать правду. Невозможно врать вечно. Он понял это давно. Десятки, сотни женщин клялись ему в любви, но за глазами у них была лишь алчность. И Декуртне устал от этого. Никто никогда не полюбит его. Никто не будет с ним искренен и честен. А если и будет, то вряд ли ему это придется по вкусу. Правда всегда ранит. И самое страшное, что никакие деньги не изменят этого. Как бы ты ни пытался. Но жизнь без любви так пуста!

– Найдите лучше влюбленную пару, – посоветовала ему как-то доктор Корк, когда Декуртне пришел к ней и предложил заплатить любые деньги, если она сможет создать для него девушку его мечты, способную разжечь в нем потухший огонь. – Заплатите им деньги и наблюдайте за их нежностью и страстью столько, сколько вам будет угодно, – доктор Корк выдержала внимательный взгляд, давая понять, что говорит вполне серьезно. – К тому же, – продолжила она, – когда любовь выбранной вами пары иссякнет, вы всегда сможете найти себе новую. И никаких душевных терзаний. Вы платите за любовь и знаете, что она чиста.

– А что если я захочу… – Декуртне замолчал, подбирая слова.

– Присоединиться? – помогла доктор Корк.

– Да, – смутился он.

– А вот здесь уже могут возникнуть проблемы, – признала она несовершенство своего совета. – С самцами всегда сложно. Они считают себя собственниками, к тому же… Могу я узнать о вашей ориентации?

– Только женщины, – краснея сказал Декуртне.

– Уже лучше, – доктор Корк улыбнулась. Дождалась, когда интерес Декуртне достигнет критической точки, и рассказала об

однополых женских парах, с которыми так часто ей приходится иметь дело.

– Думаете, между ними тоже есть любовь? – с сомнением спросил Декуртне.

– Даже более искренняя, чем обычно, – заверила доктор Корк.

Декуртне выписал ей чек и спустя месяц получил в свою постель Линду. Оставалась лишь Моза, и с каждым новым днем просрочки ожидание становилось все более нестерпимым.

«Еще совсем немного», – заверил себя Декуртне, вставая с кровати. Он побрился и долго выбирал подходящий для встречи с Мозой костюм. «Сегодня все должно было решиться», – так, по крайней мере, сказала доктор Корк.

– Я отличный психолог, – улыбнулась она. – К тому же я так же заинтересована в этом, как и вы.

В это утро Декуртне старался не думать о деньгах, которые выплачивал доктору Корк. Деньги всегда все портили, но если сильно хотеть, то можно научиться не думать об этом. Тем более что на этот раз он покупал не ложь. Нет. Он покупал искренность.

Декуртне достал фотографию Фрутти и подумал, что если ее мать не разочарует его, то у этой девочки будет самое светлое будущее, какое только можно купить в этом мире.

Он пришел в центральный парк за полчаса до назначенный встречи. Черная, бархатная кожа мулатки сводила с ума. «Я люблю тебя, – подумал Декуртне. – Нет, – поправил он себя. – Я люблю твою любовь». Он вспомнил Линду. Снова представил молоко и кофе и нетерпеливо сжал вспотевшие ладони. Они подарят ему потерянную нежность. Они снова научат его чувствовать. Вернут доверие…

Декуртне посмотрел на часы. Моза опаздывала на четверть часа… Затем на час… На два… Декуртне послал своего водителя в квартиру Мозы. Позвонил Линде и сказал, что она должна помочь ему найти ее подругу.

– Ничего не понимаю, – призналась Линда, когда начался вечер и в городе не осталось ни одного места, где бы могла находиться Моза.

– Может быть, она сбежала? – похолодел Декуртне.

– Ей некуда бежать, – заверила Линда. – Да и не с кем, – она посмотрела на него и разревелась.

– Мы найдем ее, – пообещал Декуртне, набирая номер агентства безопасности. – Чтобы с ней ни случилось, обязательно найдем.

* * *

Универсальный ключ открыл дверь в квартиру Мозы. Агент Пауэл осторожно перешагнул через порог. Сломанная вешалка отклонилась от стены, преграждая путь. Последний телефонный звонок предназначался Джефри Тейту. Сканирование комнаты подтвердило его недавнее присутствие.

– Какое отношение ко всему этому имеет Герберт Мойо? – спросил спустя час Пауэл Линду.

Она долго задумчиво качала головой, но потом все-таки вспомнила неудачное свидание подруги.

– Вы знали, что Тейт продолжает встречаться с Мозой? – спросил профессор Рич Черити.

– Мы не клялись друг другу в верности, – призналась она.

Профессор устало вздохнул.

– Думаю, вам стоит присоединиться к агенту Пауэлу и навестить этого Герберта Мойо.

– Но я ведь не эспер! – засомневалась Черити.

– Сейчас не то время, чтобы выбирать. – Усталость старила профессора на десяток лет. – Не думаю, что дело в любви или ревности. Эсперы исчезают, как снег средь жаркого лета. И сейчас у нас есть только вы, Черити. Понимаете? Когда прибудут оставшиеся эсперы, может быть уже слишком поздно. Вы нужны нам. К тому же если нужно будет отправиться в мир Мойо, то никто кроме вас не сможет справиться с этим лучше.

* * *

Мир Герба Мойо не понравился Черити. Что-то в нем было надуманного, картинного, словно натюрморт начинающего художника или пейзаж импрессиониста, где не было ни серого, ни черного цвета. Лишь короткие мгновения бытия, подобные фотографиям.

– Тебя не должно здесь быть, – услышала Черити женский голос за своей спиной. Кэрин стояла, сложив на груди руки, и внимательно разглядывала незнакомку.

– Ты дифферент? – спросила Черити.

– Я?! – Кэрин рассмеялась. – Я всего лишь женщина. Такая же, как ты.

– Но ты встретила меня.

– Верно, – Кэрин наклонила голову набок. – Фишер сказал мне, что ты придешь.

– Фишер?

– Дифферент другого мира.

– Разве такое возможно?

– Похоже, возможно. – На лице Кэрин мелькнула тень сомнения. – Ты новая девушка Герба? – требовательно спросила она.

– Что? – опешила Черити.

– Новая девушка, да? – повторила Кэрин. – Он прислал тебя из своего мира, чтобы сказать, что больше не хочет меня видеть?

– Я… – Черити замотала головой. – Нет. Что ты…

– Не ври мне! – взвизгнула Кэрин. – Он бросил меня! Предал! Клялся в любви, а сам…

Голубое небо застлали черные тучи. Мир импрессионистов рухнул, оставив мрак да тени.

– Я убью тебя! – прошипела Кэрин.

Тени густой массой сползали с далеких гор. Океанские волны накатывали на песчаный берег. Шквальный ветер ломал деревья.

– Я не враг тебе! – прокричала Черити. – Мне не нужен твой Герб. Я пришла сюда, потому что ищу другого. Тейта. Джефри Тейта. Он эспер, и я люблю его так же, как ты любишь своего Герба.

– Слишком поздно! – крикнула ей Кэрин. – Все уже сделано. Герб сделал свой выбор.

– Герб пропал! Его нет в нашем мире. Он ушел, забрав с собой моего мужчину. Я здесь, чтобы найти ответы, а не забрать твоего возлюбленного!

– Я тебе не верю!

– Помоги мне! Помоги себе! – Черити безрезультатно пыталась бороться с ветром. Он хлестал по лицу, срывал одежду, пытаясь подхватить в свои объятия и унести далеко в небо, чтобы потом сбросить на землю.

– Тени уже идут за тобой! – на лице Кэрин снова появились сомнения. – Я не смогу остановить их.

Крупные капли дождя упали с неба. Дождь и град. Они царапали Черити кожу, били по плечам и голове.

– Бежим! – Кэрин схватила Черити за руку и потянула за собой. – Я попытаюсь спрятать тебя!

Они укрылись от непогоды в пещере. Застывшее в каменной котловине озеро было кристально чистым. Черити сидела возле его края, дрожа от холода и страха, и смотрела, как в озере плавают светящиеся рыбы.

– Я всего лишь женщина, – тихо сказала Кэрин, закончив рассказ о визите Фишера. – Мне нет дела до всех этих миров и идеалов. Я довольна тем, что у меня уже есть, и я не хочу ничего менять.

– Так ты думаешь, Фишер завладел телом твоего любовника?

– Герб бы никогда не сделал сам того, о чем ты мне

рассказала, – Кэрин сжала Черити исцарапанное плечо. – Пообещай, что если я отпущу тебя, то ты сделаешь все, чтобы он вернулся ко мне!

– Я попытаюсь.

– Пообещай! – лицо Кэрин исказилось от страданий. В глазах снова заблестели слезы. – Пообещай, иначе, клянусь, ты навсегда останешься здесь!

Глава десятая

Кларисс Корк сбросила на пол одежду и шагнула в разверзшийся проход. День выдался до отвращения тяжелый, и она мечтала лишь о том, чтобы забыться в своем искусственном мире. Сочная реальность начала двадцатого века окружила ее притягательной простотой и предстоящими открытиями. Черное вечернее платье скрыло обнаженное тело.

Воздух был свеж и чист. Кларисс вдохнула его полной грудью. «Что может быть прекраснее прожитого?» – подумала она. В голове уже звенели бокалы и сверкали глаза восторженных ухажеров. «И никаких больше однополых пар!» – решительно заявила себе Кларисс.

Она вошла в центральный зал кабаре в начале одиннадцатого. До полуночи было еще время, чтобы немного отдохнуть, а после она выберет себе мужчину с сигарой и густыми черными усами и отправится с ним в его комнату. Так, по крайней мере, думала Кларисс, открывая двери. Но мир, к которому она привыкла, изменился. Не было больше никакого очарования канувших в забытье времен. Безумие и хаос, излишества и порок – вот что окружило ее.

Мужчины дрались между собой за женщин. Женщины любили друг друга, забыв о мужчинах. Пьяный пианист фальшиво играл бравурный мотив, промахиваясь мимо клавиш.

Кларисс закрыла глаза, не желая видеть остального ужаса. «Прочь! Прочь отсюда! – кричала она про себя, выбегая на улицу. – Чертов Тейт! Во что он превратил мой мир?!» Она оттолкнула от себя грязную шлюху, которая предлагала ей за цент незабываемую ночь. Бежать! Бежать! Кларисс распахнула дверь. Здесь всегда был ее дом. Вымышленный дом в ненастоящем мире.

– Господи! – прошептала Кларисс, увидев посреди просторной гостиной Фишера.

– Куда-то собралась? – спросил он, улыбаясь белыми зубами.

Она попятилась назад. К выходу.

– Ну уж нет! – Фишер схватил ее за талию и прижал к себе.

Пара ирландцев в драных одеждах заиграла на скрипках народные мотивы.

– Ты останешься здесь! – Фишер заставил ее танцевать вместе с ним. – Со мной. С миром, частью которого теперь ты станешь!

* * *

Разверзшаяся пустота выплюнула дрожащее женское тело. Агент Пауэл ловко подхватил его на руки, не давая удариться о пол. Черити прижалась к его груди, словно ища защиты, и стуча зубами начала рассказывать о том, что случилось.

– Тише, – прошептал Пауэл, укрывая ее своим пиджаком. – Расскажешь потом.

– Нет, – настырно сказала она. – Потом забуду.

* * *

В просторной аскетической комнате, где обычно собирались десятки эсперов, находились лишь трое. Отчет о мире Фишера, составленный Тейтом, лежал перед профессором Ричем.

– Что мы имеем? – спросил он, признавая, что зашел в тупик. – Мы потеряли Тейта. Мы потеряли почти всех эсперов. Некоторых похитили из нашего мира. Некоторые не смогли вернуться из искусственных миров. Наши создатели утратили власть над пространством. Кларисс Корк не смогла вернуться из мира Фишера, а следом за ней не смогли вернуться и остальные пользователи, рискнувшие посетить свои искусственные реальности. – В глазах профессора мелькнуло отчаяние. – Мы потеряли контроль над ситуацией и даже не заметили, когда это произошло!

– Я могу вернуться в мир Герберта Мойо и попросить помощи у Кэрин, – осторожно предложила Черити. – Мне показалось, что с ней можно договориться…

– Она даже не дифферент, – покачал головой агент Пауэл. – Мы не можем позволить себе потерять еще одного эспера.

– Значит, вы предлагаете ждать? – тихо спросила Черити.

– Нет, – заверил ее профессор Рич. – Мы будем анализировать и разрабатывать стратегию. Но до тех пор, пока у нас не будет четкого понимания происходящего, руки наши останутся связанными, – он посмотрел на агента Пауэла, ища поддержки. Посмотрел на Черити. – Вы согласны?

Она не ответила.

– Ну хорошо! – сдался профессор. – Объявляю перерыв на час. Нам всем нужно подумать. – Он поднялся из-за стола и вышел.

– Ужасно хочу курить, – сказала Черити, подходя к окну.

– Я знаю один бар неподалеку, – предложил агент Пауэл.

– Бар? – спросила Черити.

– Ну да, – пожал он плечами. – Как сказал профессор Рич, нам всем нужно немного подумать.

* * *

– После дождя всегда появляется солнце, – сказал Фишер, протягивая Фрутти конфету.

Девочка посмотрела на мать и, получив разрешение, схватила лакомство.

– Зачем ты держишь нас здесь? – спросила Моза. – Ты ведь не чудовище.

– Нет, – согласился Фишер. – Просто в каждом мире должен быть баланс. Как день и ночь. Понимаешь?

– Я понимаю, что я мать и мой ребенок не должен быть здесь.

– Когда-нибудь я отпущу тебя, – пообещал Фишер.

– Когда-нибудь?! – скривилась Моза. – Почему бы тебе не сделать этого сейчас?

– Всему свое время.

– А Тейт? – глаза женщины прищурились. – Не говори, что ты не испытываешь наслаждения, держа его здесь.

– Он не единственный, – заверил ее Фишер. – Новому миру нужен покой, а эсперы вечно суют свой нос куда не надо.

– Тогда оставь его и отпусти нас.

– И ты согласишься?

– Ради Фрутти.

– И ради себя, – Фишер улыбнулся. – Знаешь, я вот смотрю на тебя и понимаю, что мой мир не так уж и плох. По крайней мере, искренен и…

– Так ты не отпустишь нас? – прервала его Моза.

– Нет.

– Тогда избавь нас от ужасов этого мира!

– Вот и доктор Корк говорит то же самое, – еще одна улыбка. – Но знаешь, по-моему, этот мир как нельзя лучше подходит вам. – Он выдержал гневный взгляд Мозы.

Женщина просто кипела. Кипела от негодования. Кипела от беспомощности.

– Нам пора! – крикнула она Фрутти, схватила дочь за руку и потянула за собой.

Девочка поморщилась от боли, обернулась и помахала Фишеру рукой, поблагодарив за конфету. Фишер улыбнулся и помахал в ответ.

* * *

Тейт не сопротивлялся. Шел по пыльной улице следом за Фишером и готовился к еще одному унижению.

– Когда ты устанешь от этого? – спросил он своего мучителя.

– Когда утолю жажду своей ненависти, – сказал Фишер. – Ты унизил меня. Пренебрег законами моего мира и уничтожил то, что я так долго и трепетно создавал. Ты почти уничтожил меня, забрав все, чем я жил, и теперь я заставлю тебя пережить то же самое.

– Ты уже этого добился, – устало сказал Тейт. – Ты превратил меня в ничто. Заставил подчиниться законам своего мира. Разве ты не видишь? Во мне ничего не осталось.

– Не совсем, – Фишер остановился возле черного окна и поманил к себе Тейта. – Вы, эсперы, очень странный народ. Никогда не знаешь, что для вас по-настоящему важно, а что пустышка, – он жестом предложил Тейту заглянуть в дом.

Женщина и мужчина лежали на постели, обнимая друг друга.

– Это не вымысел, – заверил Фишер. – Это реальность. Реальность твоего мира.

Женщина за окном поцеловала мужчину и, поднявшись на ноги, подошла к окну. Капельки пота все еще блестели на ее обнаженном теле. Сигарета дымилась в правой руке.

– Не делай вид, что ничего не чувствуешь, – сказал Фишер.

Тейт не ответил.

– Это же Черити, – продолжал Фишер. – Черити и агент Пауэл. Ты знаешь его. Видишь его.

Девушка за окном вглядывалась куда-то вдаль.

– Ну же! – подначивал Фишер. – Позови ее. Попробуй докричаться. Вдруг она услышит?!

Тейт развернулся и зашагал прочь.

– Я заберу у тебя все надежды! – обещал ему Фишер. – Я покажу тебе столько, что ты пожалеешь, что не сошел с ума! Пожалеешь, что все еще жив!

– Я уже давно мертв, – сказал, не оборачиваясь, Тейт.

И женщина за окном вернулась в теплую постель.

Глава одиннадцатая

Йереми проснулся, чувствуя чье-то незримое присутствие рядом. «Что-то не так, – подумал он, оглядываясь по сторонам. – Что это? Я схожу с ума?» Он поднялся на ноги и вышел в свой незаконченный мир. Сколько времени он провел здесь, пытаясь нанести последний мазок? Месяц? Год? Ему нужен отдых. Обязательно нужен, иначе рассудок откажется служить ему. Но отдыха не было, и рассудок, казалось, перешел критическую точку невозврата.

Созданный Йереми мир подхватил своего хозяина и понес куда-то, заставляя закрыть глаза от свистящего ветра. Реки сменялись морями, горные вершины океанскими пляжами. «Я не создавал этого! – думал Йереми, отчаянно цепляясь за мысли, словно от этого зависела его жизнь. – Может быть, когда-то раньше, но и то не все! Нет! Это чужие миры! Я не имею к этому никакого отношения! Мое сознание! Мой разум! Что-то сломалось. Что-то не так!»

Ветер стих, опуская Йереми на землю. Толпа напуганных мужчин окружила его. «Господи! – подумал Йереми. – Я знаю их! Не всех, но многих!»

– Скажи нам, что ты настоящий! – потребовали эсперы. – Докажи нам, иначе мы убьем тебя!

– Какого черта вы все здесь делаете? – возмутился Йереми, пытаясь узнать мир, в котором он оказался.

Эсперы загалдели, требуя у него ответа на тот же вопрос.

– Ты выведешь нас отсюда?! – кричали они, хватая его за руки. – Ты поможешь нам наказать виновных?!

Ветер снова подхватил Йереми.

– Нет, пожалуйста, не оставляй нас! – взмолились эсперы, но голоса их уже утонули в свисте воздушных масс.

Ветер уносил Йереми прочь. Дальше. И снова далеко внизу мелькали изысканные миры, заканчивающиеся сплошной темнотой, в которую Йереми нырял как в воду, чтобы спустя мгновение оказаться на другой стороне, но уже в ином мире. В реальности, где узды правления переданы дифферентам, а застрявшие в них бывшие хозяева мечутся, словно пойманные в капкан хищники, не в силах освободиться и вернуться в родной мир. И так было везде. И так было повсюду.

– Что происходит?! – закричал Йереми, чувствуя, что рассудок отказывается служить ему. – Что это значит?!

Очередной цветущий мир остался позади. Ветер швырнул Йереми в густую тьму. Пустота поглотила крики. Огромное ничто

вступило в свои права. Мысли спутались, и мрак проник в сознание Йереми, принося внезапное умиротворение.

– Все будет хорошо, – услышал он далекий женский голос. – Все будет хорошо…

* * *

Стеклянный купол отделил крохотный мир внутри него от непроглядной тьмы за пределами.

– Где мы находимся? – спросил Йереми.

– Нигде, – сказала Каира. – Здесь нет жизни. Никогда не было и не будет.

– Но зачем ты привела меня сюда?!

– Иногда, мой дорогой, нужно умереть, чтобы начать жить по-настоящему.

– Я не понимаю тебя. – Йереми осторожно прикоснулся к поверхности купола. Казалось, хватит одного неосторожного движения, чтобы хрупкое стекло треснуло, позволяя пустоте проглотить оберегаемые жизни.

– Ты хорошо поработал, Йереми, – сказала Каира. – Мир, который ты создал, идеален.

– Но ведь он еще не закончен!

– Закончен. Твоя беда, что ты так и не смог понять этого. Не нужно было создавать новую жизнь в созданной тобой реальности. Сама реальность была этой жизнью. И теперь я хочу, чтобы ты отдохнул. Набрался сил.

– Я стал безумцем?

– Ты стал творцом, Йереми. Настоящим творцом. – Каира обняла его за шею. – Мы выбрали тебя, чтобы ты построил для нас тысячи миров. Создал новую жизнь.

– Для вас? – Йереми задумался. – Для дифферентов?

– Для нас, мой милый. Для таких же, как ты.

– Но…

– Тшшш, – она прижала указательный палец к его губам. – Молчи. Не делай поспешных выводов. Сейчас от этого зависит твоя жизнь.

– Ты угрожаешь мне?

– Я?! Нет. Что ты! Я люблю тебя. Всегда любила и буду любить, – она поцеловала его. – Доверься мне, – взмолилась она, освобождая его от одежды. – Позволь отблагодарить тебя. Позволь спасти.

– Я должен знать, что все это значит. Должен знать, что меня ждет.

– То же, что и другого творца…

Одежда падала на пол. Пустота, купол, страсть.

– Ты создашь для нас тысячи новых миров, а потом объединишь в один. Сделаешь его цельным, как тот, в котором ты когда-то жил.

– Но его никто не создавал.

– Ты ошибаешься.

– Мне не хватит жизни, чтобы сделать то, о чем ты просишь.

– Здесь у тебя будет вечность.

– Как у тех людей, которых я видел?

– Ты говоришь об эсперах и бывших владельцах? – Каира игриво укусила его за мочку уха. – Обещаю, мы отпустим их, как только ты сможешь обезопасить наш мир от их ответного вторжения. Наш мир, Йереми. Понимаешь? Твой, мой и всех, кто здесь создан.

– Тогда я постараюсь сделать это как можно быстрее, – сказал Йереми, понимая, что не может больше сопротивляться женским ласкам.

– Как скажешь, дорогой, – прошептала Каира дрожащим голосом. – Ты теперь наш творец. Наш бог. Только ты.

Глава двенадцатая

Тейт не знал, сколько провел времени в мире Фишера. Да и был ли это мир Фишера? Может быть, это был мир доктора Корк? Или его собственный? Реальность, которую они построили с Мозой. Реальность, которая была лицом их отношений. Лицом их жизней.

– Джефри! – голос был далеким, но сон тем не менее развеялся.

Они лежали в постели с Мозой, а за окном продолжался хоровод бесконечного буйства плоти и излишеств.

– Джефри! – голос показался ему знакомым.

Он вышел на улицу. Без надежды. Без шанса. Последнее время Фишер слишком часто разыгрывал его, упиваясь беспомощностью, чтобы все еще желать верить.

– Джефри!

Тейт вздрогнул. На другой стороне узкой улицы стояла Черити. Нет. Это не была еще одна из иллюзий Фишера, которые он так часто показывал ему, наслаждаясь болью своего врага. Это была реальность. Тейт чувствовал это. Знал это.

– Как ты нашла меня? – спросил он.

– Мы же эсперы. Помнишь? – сказала она, не решаясь перейти улицу.

– Уже нет.

– Здесь нет, а там, в нашем мире… Ты помнишь наш мир, Джефри?

Он не ответил. Обернулся и посмотрел на спящую Мозу.

– Я заберу вас всех, – пообещала Черити.

– Фишер сказал, что твоему миру больше не нужны эсперы, – заупрямился Тейт.

– Профессор Рич сможет разобраться с этим.

– А что я буду делать до того, как он разберется?

– Жить.

– Я уже живу. Здесь.

– С Мозой? – Черити помрачнела. Голос ее дрогнул. – Можешь ненавидеть меня потом, но я обязана забрать тебя, Джефри. Твой мир ждет тебя. А здесь… Здесь тебе больше нет места.

– Они не отпустят меня, – покачал головой Тейт. – Я так долго пытался найти отсюда выход, но поверь, его нет.

– Они уже отпустили всех, Джефри, – осторожно сказала Черити. – Остался только ты… И поверь, они не хотят, чтобы ты оставался здесь. Этот мир больше не принадлежит нам. Наш дом

там, за темнотой, Джефри…

* * *

Пустота выплюнула их в ночь. Фрутти проснулась и расплакалась. Моза успокаивала ее, обещая, что все будет хорошо. Профессор Рич укрыл женщин теплым одеялом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он Тейта.

– Чувствую себя усталым, – сказал Тейт.

Профессор кивнул. Тейт видел, как уходит Моза. В мире Фишера он прожил с ней несколько безумных лет. Нить привязанности натянулась, потащила его за собой, но тут же лопнула, оборванная захлопнувшейся дверью.

– Я думала, ты уйдешь с ними, – призналась Черити.

– Я тоже так думал. – Тейт устало подошел к окну.

Декабрьский снег крупными хлопьями падал с неба.

Эпилог

Где-то вне пространства и времени. Человек и иллюзия. Хотя, может быть, Создатель и его Спутница.

– Думаешь, мы правильно сделали, что отпустили их? – спросила Каира, наблюдая за Тейтом и Черити.

– Думаю, каждому из нас нужен шанс, – сказал Йереми.

– Боюсь, они слишком сильно изменились, чтобы быть вместе, – вздохнула Каира.

– Боюсь, этот мир слишком сложен, чтобы знать в нем что-то наперед, – снисходительно улыбнулся Йереми.

– И в этом его очарование? – предположила Каира.

– Именно, – согласился с ней Йереми. – В этом его очарование…

История шестая
Бытие-12

Глава первая

За иллюминатором были звезды – яркие, слепящие. Лилу смотрела на них, заставляя себя ни о чем не думать. Пусть прошлое остается прошлым; хоть оно и имеет иногда тенденцию возвращаться, всегда можно будет сбежать еще дальше, сменить город, планету, Солнечную систему, Галактику. Особенно когда у тебя есть собственный шаттл и ничто нигде не держит, никуда не зовет. Прошлое будет всегда на шаг позади. Даже прошлое, у которого есть лицо и имя – Дрейк.

Впервые Лилу столкнулась с ним два года назад на планете Макабр – планете воров, проституток и наемных убийц, где пыталась продать угнанный у Масса Гори шаттл. Это была ее первая серьезная кража. Хотя у Масса Гори подобных шаттлов были десятки, а то и сотни – навряд ли хозяин целой колонии пошлет профессионального охотника, чтобы вернуть какой-то шаттл. К тому же и шаттл этот на черном рынке стоил гораздо меньше, чем брал за свои услуги Дрейк. Этот чертов покрытый шрамами Дрейк.

Лилу заметила его сразу, как только он вошел в бар старателей. Даже головорезы как-то притихли, потому что от Дрейка буквально пахло опасностью. Смертельной опасностью. Все замерли. В воздухе повис вопрос: «За кем пришел охотник на этот раз?» Пара беглых заключенных поднялись на ноги и спешно, не поднимая голов, направились к запасному выходу. Дрейк не двигался – стоял и неспешно, словно машина, осматривал разношерстную публику бара. Лилу прикинула расстояние от барной стойки, за которой она сидела, до запасного выхода. Если побежать сейчас, то успеет ли она выскочить на улицу раньше, чем Дрейк догонит ее? А что потом? Украденный шаттл спрятан на одном из спутников Макабра. Если удастся скрыться сейчас, то оставаться на одной планете с Дрейком небезопасно. Нужно искать транспорт до спутника и убираться как можно дальше отсюда. Но все это в идеале. Сейчас проблема даже не в том, чтобы улететь с планеты, – нужно еще сбежать из бара. Лилу бросила короткий взгляд на Дрейка и тут же снова притворилась, что заинтересована только в своем коктейле.

– Нужна помощь? – неожиданно предложил ей бармен.

– Что? – притворно удивилась она.

– Охотник. Он ведь пришел за вами, верно?

– Нет, – Лилу продолжала изображать удивление, хотя сама уже видела, как вскакивает со стула, бежит к выходу. Но шансы на спасение тают.

– Видите ли, – бармен подался вперед, словно собирался заглянуть в вырез платья Лилу, – я неплохо разбираюсь в людях. Можно сказать, читаю по лицам. И ваше лицо… Оно говорит мне… Вы именно та, за кем пришел охотник.

Бармен все-таки опустил глаза, заглядывая в вырез платья Лилу.

– Вы ошибаетесь, – сказала она, позволяя ему пялиться на свою грудь, пока не надоест.

– Вот как? – взгляд бармена стал сальным, скользким. – Значит, я могу позвать сюда охотника и предложить ему выпить за счет заведения? – он поднял руку, собираясь привлечь внимание Дрейка.

– Не нужно никого сюда звать, – сказала Лилу, спешно беря бармена за руку.

– Но я думал…

– Не нужно думать… – Лилу подалась вперед, надеясь, что ее обнаженная грудь в вырезе платья снова сможет привлечь к себе внимание бармена. Но бармен настырно смотрел ей в глаза, не на грудь. – Допустим, мне действительно нужна помощь, – сказала Лилу, продолжая держать бармена за влажную руку. – Что вы сможете предложить?

– За барной стойкой есть еще один выход из бара.

– Вот как? – Лилу недоверчиво смотрела на заполненный выпивкой бар, пытаясь отыскать взглядом дверь. – И… – она буквально спиной чувствовала, как взгляд Дрейка приближается к ней. – И почему бы тебе не открыть мне эту дверь? – спросила Лилу бармена.

– Допустим…

– К черту «допустим»! – Лилу прижала его руку к своей груди. – Ты поможешь мне – я помогу тебе. Договорились?

Бармен молчал, пытаясь нащупать сквозь тонкую ткань платья ее сосок.

– После получишь все, что захочешь, – пообещала Лилу.

Бармен довольно хмыкнул и нажал свободной рукой кнопку под стойкой. Часть бара с выпивкой сдвинулась внутрь.

– Пообещай, что дождешься меня, – сказал бармен.

– Конечно, – соврала Лилу.

Она скользнула за стойку, обернулась, желая убедиться, что Дрейк все еще не заметил ее в этой разношерстной толпе, и только после этого протиснулась в приоткрытую дверь. Внутри было холодно и сыро. Где-то далеко впереди слышался звук падающих капель воды. Вся эта планета была сырой и холодной, затянутой вечным туманом, но здесь… Здесь что-то было не так. Лилу нутром чувствовала, что не так, но и назад вернуться она не

могла, ведь Дрейк все еще был в баре. Оставалось идти вперед. Вперед и вниз, по скользкому, как и взгляд бармена, коридору.

– Хорошо еще, хоть свет есть, – проворчала Лилу.

Она шла осторожно, все еще надеясь, что в конце ее ждет спасительный выход, но вместо выхода она увидела камеры. Большинство из них были закрыты. Лилу открыла крохотное железное окошко ближайшей железной двери и заглянула внутрь. Скрип ржавого окошка в двери заставил девушку в камере вздрогнуть. Грязная, с растрепанными черными волосами, в едва скрывавших наготу лохмотьях. Она подняла голову и уставилась на Лилу большими, напуганными глазами. Несколько долгих секунд они смотрели друг на друга.

– Кто ты? – спросила ее Лилу, чувствуя, как в груди холодом разрастается предчувствие недоброго.

Девушка в камере вздрогнула, поняла, что к ней пришел кто-то другой – не надсмотрщик.

– Пожалуйста, выпусти меня отсюда! – оживилась она, спешно пытаясь подняться. На неестественно худых ногах она подошла к двери. – Сьюз сказал, что убьет меня! – прошептала девушка, молитвенно складывая на плоской груди руки. – Сказал, что я не настолько красива, чтобы продать мое тело, поэтому он вырежет мой мозг и продаст на рынке какому-нибудь капитану старого шаттла. – Девушка подалась вперед, просунула в окошко руку и попыталась дотянуться до Лилу. – Выпусти меня! – закричала она. – Открой эту чертову дверь!

Лилу попятилась. Худая и грязная рука девушки была похожа на руку мертвеца, пытавшегося вырваться из ада. Дверь в камеру закрывалась на ключ, но ключа, конечно же, не было, да Лилу и не стала бы выпускать эту безумную, которая – Лилу не сомневалась в этом – сразу накинется на нее. Нет. Она просто хочет уйти отсюда, сбежать. Сбежать от Дрейка, сбежать с планеты.

– Кто… Кто такой Сьюз? – спросила Лилу девушку в камере.

– Выпусти меня, сука! – заверещала девушка. – Если ты не заодно с ним – выпусти!

«Во что я вляпалась теперь?» – думала Лилу, уходя прочь от камеры. Где-то глубоко в душе она все еще надеялась, что есть шанс убраться отсюда, но мозг уже пытался адаптироваться, приспособиться, играть по обстоятельствам. Ведь она всегда приспосабливалась к обстоятельствам. Не зря же на Эпике – одной из самых лучших планет изученной Галактики – активность ее головного мозга оценили как самую высокую среди первокурсников… Да, как давно это было… Теперь Лилу казалось, что она никогда и не была той девочкой – молодой,

подающей надежды Кэтрин Кинер, о которой долгое время после смерти ее родителей заботился опекун Хамфри Лонг. Да…

Теперь не было уже ни Кэтрин Кинер, ни Хамфри Лонга, который разорил рудники отца Кинер и сбежал с награбленными деньгами. Тогда-то Кэтрин и стала Лилу. Стала после того, как Хамфри Лонг настоял на том, чтобы она отправилась в технологический университет Эпики, где ей предстояло получить достойное образование и продолжить дело отца – так говорил Лонг. Говорил, заботливо помогая ей паковать чемоданы. Еще он говорил, что Кэтрин просто обязана отправиться на Эпику, ведь именно там учился ее отец. Он даже сделал внушительное денежное пожертвование в фонд института от имени семьи Кинер. Сделал до того, как сбежал с украденными деньгами этой семьи. Но тогда Лилу еще не знала об этом. Тогда еще будущее казалось светлым и радужным. Особенно в первый месяц. Новая обстановка, новые друзья, новые интересы. Все казалось таким, что лучше и не придумаешь, пока директор университета не вызвал ее к себе. Он долго извинялся и говорил, что виной всему какая-то ошибка и деньги за обучение, наверное, уже давно перечислены.

– Я бы даже не вызывал вас, вот только не могу связаться с вашим опекуном, – смущенно сказал директор, словно девушка с таким высоким уровнем активности головного мозга просто по определению не может быть бедной. Да Лилу и не должна была быть бедной, даже не думала, что такое возможно, но…

Лилу пришлось сначала оставить университет, затем квартиру, авансовая плата за которую закончилась… Она оказалась на улице. Не было даже денег на обратный билет. Да и возвращаться, если честно, было некуда. Один из новых друзей предложил ей съехаться. Комната, которую он снимал, была крохотной до неприличия. Диван, выделенный им Лилу, был настолько старым и жестким, что в первые дни она не могла даже заснуть. Но это было лучше, чем ночевать на улице. К тому же не прошло и двух недель, как новый друг помог Лилу с работой. Так она стала натурщицей для выпускников художественного факультета.

Стыд и неловкость первых недель сменились безразличием. Правда, один из студентов сумел ухватить этот момент, и на картине появилась обнаженная скромница с неестественно умными глазами. Он назвал картину «Формы и ум» и подарил копию Лилу. Если бы он сделал это, когда она только начинала работу натурщицей, то, возможно, на следующий день она сбежала бы из города, с работы уж точно, но к тому моменту Лилу уже освоилась. Собственная нагота давно перестала

смущать. Как не смущала и нагота партнера, с которым она несколько вечеров подряд позировала в частной школе города, не имеющей отношения к университету. Она даже снялась в нескольких студенческих фильмах и приобщилась к богемной компании художников-выпускников, которые собирались по выходным в запрещенном для посещения студентам клубе на окраине города.

Молодая натурщица, казалось, привлекает каждого выпускника. Лилу могла выбрать любого. Несколько раз она даже просыпалась в одной кровати с другом, который все еще позволял ей жить в его крохотной до неприличия квартире, но это было лишь благодарностью. На следующую ночь Лилу всегда возвращалась на свой жесткий диван. И вся эта новая жизнь – это не было отчаянием, нет. Это было лишь попыткой адаптироваться, приспособиться. Да и не видела Лилу в этом ничего плохого: быть натурщицей – это ведь не одно и то же, что быть проституткой или сниматься в порнофильмах. Хотя предложения иногда и поступали.

Хозяин клуба, где проводили выходные ее богемные друзья с художественного факультета, давно положил на нее глаз, надеясь заполучить в свой бордель, и была пара неназойливых предложений сняться в нескольких фильмах для взрослых. Тематику последних Лилу не уточнила, хотя девушка-режиссер все-таки всучила ей свою визитку – на случай, если Лилу передумает. Лилу не передумала. Хотя, когда богемные друзья закончили обучение, когда друг, у которого она жила, уехал на лето и нужно было спешно искать новую крышу над головой, желание позвонить у Лилу было. Да она бы, наверное, и позвонила в итоге, если бы не встретила Стивена Лебела – натурщика, с которым работала в начале учебного года. Он рассказал о клубе «Рассвет» и об эротическом шоу, в котором выступает сейчас.

– Кстати, нам нужна молодая девушка, – сказал он, услышав о проблемах с поиском жилья Лилу.

– Не думаю, что из меня получится хорошая актриса, – сказала она.

– Нам не нужна хорошая актриса. Нам нужно хорошее молодое тело.

Так Кэтрин Кинер стала Лилу – выбрав себе этот сценический персонаж совершенно случайно, за час до того, как напечатали афиши с именами новых актеров. Кэтрин и сама не знала, почему назвала себя так – просто все остальные имена, которые приходили на ум, были либо с претензией на театральную известность, либо напоминали имена проституток и порноактрис.

Впрочем, само шоу было тоже на грани фола. Особенно когда «Рассвет» был заполнен ревущей публикой, требовавшей добавить происходящему страсти и искренности. И эти крики… Лилу не знала почему, но эти крики заводили ее даже больше, чем пара партнеров, с которыми она выступала на сцене. Безумие толпы проникало в мозг, и становилось крайне сложно удержаться от того, чтобы не перешагнуть ту грань, за которой шоу уже переставало быть шоу. Подобное случалось крайне редко, но иногда… В общем, иногда Лилу чувствовала себя настоящей королевой момента. Не было ни прошлого, ни будущего. Только здесь и сейчас.

В одну из таких ночей Лилу и заметил Масс Гори – высокий толстяк, который сидел недалеко от сцены. Один из охранников встретился с хозяином «Рассвета» и договорился о приватном выступлении Лилу и пары ее партнеров в номере отеля, где остановился Гори. В действительности это был даже не номер, а почти целый этаж отеля с бассейном и небольшим ботаническим садом. Было там и патио, вдоль стен которого росли молодые деревья, а на их ветвях сидели несколько прикованных декоративными цепями попугаев – крупные и пестрые. Они молча наблюдали за шоу, словно жизнь давно уже перестала удивлять их. Лилу не знала почему, но именно наличие этих прикованных попугаев вызвало в ней неприязнь к Гори, когда она с партнерами пришла в его номер. Но приватное шоу так и не состоялось. Да Гори и не хотел шоу. Он хотел реализма – бросался деньгами и разговаривал с Лилу и ее партнерами так, словно они были манекенами, машинами, которые не имеют права отказаться.

– Хотите реализма? Наймите пару проституток, – сказала ему Лилу.

Она собрала вещи и ушла, слыша, как за спиной партнеры извиняются перед приезжим богачом.

«Может быть, – думала она, спускаясь на лифте, – мой опекун сейчас где-то далеко отсюда развлекается так же, как и Гори». Эта мысль разозлила ее еще сильнее. Ведь опекун развлекался, прожигая деньги ее родителей, пока сама Лилу увязала на этой планете в нищете все сильнее и сильнее. Лилу решила, что нужно бросить выступления в «Рассвете» и попытаться найти приличную работу.

В «Рассвете» она действительно больше не появится ни разу, правда, сделает это не по своей воле – ее похитят на второй день после несостоявшегося приватного выступления в номере Масса Гори. Лилу даже не успеет разглядеть своих похитителей. Они вынырнут из ночи, когда она будет идти на работу в «Рассвет». Дальше наступит темнота. Сознание вернется лишь на борту

шаттла, когда Эпика будет уже далеко позади – Лилу скажет об этом девушка, которая будет приносить ей пищу в комнату. В комнату, служившую Лилу камерой. Ей не позволено будет выходить, а на ее требования объяснить, что происходит, будет всегда приходить девушка с подносом еды, словно у Лилу и нет права возмущаться – только питаться и ухаживать за своим телом. И тело это везли в принадлежавшую Массу Гори колонию. О последнем Лилу узнала от девушки, приносившей пищу.

– Ничего личного, – сказала девушка. – Нам платят – мы делаем. А что касается тебя, то… Смотри на это проще – нет разницы, на какой планете продавать себя.

– Я не продавала себя! – вспыхнула Лилу.

– Разве?

– Я выступала в пикантном ночном шоу, но ничего больше.

– Ну тогда, думаю, тебя утешит, что… – девушка заговорщически прищурилась. – Говорят, Гори не прикасается к своему гарему. Только смотрит. Понимаешь?

– У него гарем?

– Он называет его кукольным театром, – девушка улыбнулась. – Так что можешь начинать подбирать сценическое имя, если, конечно, у тебя его еще нет.

– Уже есть.

– Ну, тогда одной проблемой меньше.

Девушка ушла, оставив Лилу. Замки на двери щелкнули.

– Отлично, гарема мне только и не хватало, – сказала Лилу, но страха не было.

После смерти родителей, после того, как ее предал опекун и друг семьи, после работы натурщицей, шоу в «Рассвете» и мыслей, что на черный день можно будет сняться в паре фильмов для взрослых, гарем был лишь очередным этапом в жизни. К тому же если учитывать, каким был номер Гори на Эпике, то гарем должен быть не хуже. Нет, конечно, всегда можно умертвить себя, но кто заметит эту смерть? Да и нужна ли она? Жизнь продолжается. Все могло быть и хуже. А к этому… К этому можно приспособиться – просто очередная паутина, попав в которую нужно сначала осмотреться, а уже потом дергаться и пытаться освободиться.

Сейчас, в подвале Сьюза, куда заманил ее бармен, спасая от охотника по имени Дрейк, Лилу тоже заставляла себя не паниковать, не дергаться. Тем более что назад в бар она все равно не сможет вернуться. В баре охотник, да и бармен навряд ли откроет дверь. Так что остается лишь двигаться вперед вдоль камер. Нет, Лилу уже не надеялась, что где-то в конце найдет выход, но…

Лилу увидела тяжелую железную дверь, которой заканчивался сырой коридор, и тихо выругалась. Она и не думала, что дверь окажется открытой – скорее всего, тупик. Теперь придется ждать, когда закроется бар и паук, заманивший ее в эту паутину, спустится сюда, а там уже будет видно, что к чему. Для верности Лилу подошла к двери и повернула ржавую ручку.

Механизмы щелкнули, и дверь, неожиданно скрипнув, открылась. За ней была небольшая комната, в центре которой стоял стол и приспособление для извлечения мозга из головы человека. Подобные установки Лилу запомнила еще с детства, когда отец читал ей о минувшей войне, вспыхнувшей почти пятьсот лет назад между правящими кругами, поделившими известную Вселенную. Пролы – бедные слои населения – тянулись на окраины Вселенной, спеша занять пригодные для жизни планеты. Это было задолго до начала войны, но Лилу помнила, как отец говорил ей, что именно это и привело к войне. Чернь окрепла и восстала против знати, которая алчно пыталась наложить свои руки на рудники далеких планет. Попытка урегулировать разногласия мирно провалилась на последнем в истории центуриатном собрании, состоявшемся на нейтральной планете Рех, которая сумеет сохранить нейтралитет на протяжении всей войны, продлившейся более двух сотен лет. Именно на этой планете много веков спустя и родится Лилу. И именно там отец будет рассказывать ей об ужасах минувшей войны, которая едва не уничтожила цивилизацию. Все средства враждующих сторон были брошены на создание кораблей и механизмов, способных уничтожить противника. Технологии и ресурсы казались безграничными – проблемой были людские ресурсы.

Тогда-то и появились первые биологические установки, использующие человеческий мозг в качестве центрального процессора. Это оказалось намного проще и в тысячи раз эффективнее, чем обучать новых солдат и пилотов боевых шаттлов. Так началась гонка за военнопленными. Захватывались целые колонии. К концу войны выпускались целые звездные крейсеры, команда которых состояла исключительно из механических солдат с биологическим мозгом. Эти крейсеры были способны уничтожить целые планеты – центры враждующих сторон, правда, ни один из кораблей так и не выполнил своего прямого предназначения. Даже наоборот. Подобное оружие, вместо того чтобы возвести жатву войны в абсолют, положило начало мирным переговорам.

Люди устали воевать, устали умирать и убивать. А

возможность уничтожить своих противников, превратить их в пыль… Они вдруг поняли, что если продолжат, то цивилизация просто рухнет и на осколках мира не останется никого, кроме гигантских крейсеров, которые уничтожат десятки планет. Крейсеров, экипаж которых состоит из машин, управляемых биологическими процессорами. И война, которая продолжалась не один век, закончилась меньше чем за год.

Патриции и пролы подписали договор о полном разоружении, на исполнение которого ушло почти семьдесят лет. В результате не осталось ни одного крейсера-убийцы. Не было больше и армий, лишь службы правопорядка. Правда, многое из оружия досталось пиратам и контрабандистам. Не боевые корабли, нет, но когда было принято решение отказаться от использования биологических процессоров, все шаттлы и механизмы направились в утиль. Многие из них затерялись в дороге, осев на таких планетах, как Фовиз и Макабр. Еще ребенком Лилу читала истории о том, как на этих планетах все еще продолжают продавать для этих машин биологические процессоры. Были даже фотографии установок для извлечения человеческого мозга. Отец убеждал ее, что это лишь уловка прессы привлечь читателей, но маленькая Лилу, вернее, не Лилу, а тогда еще маленькая Кэти, не верила. Ей снились сны, как пираты вырезают у нее из головы мозг и продают на черном рынке. Сейчас сны, казалось, стали реальностью.

– Вот дерьмо! – только и могла сказать Лилу, чувствуя, что на этот раз действительно вляпалась.

Глава вторая

Бармена звали Прат. Он пришел ближе к утру, хотя окон в подвале не было, и Лилу могла только догадываться, что сейчас уже утро.

– Ты обманул меня, – сказала она ему. – Здесь нет выхода.

– А разве ты бы сдержала слово и не сбежала сразу, как только нашла выход?

– Нет, – соврала Лилу.

– Ложь, – бармен улыбнулся. Лилу не понравились его зубы – маленькие и острые, словно у какого-то животного. Когда бармен шагнул к ней, она попятилась. – Бежать некуда, – сказал бармен.

– Всегда есть куда бежать, – пожала плечами Лилу, отступая еще на один шаг назад.

– Ну так беги, – снова улыбнулся бармен.

Лилу хотела смотреть ему в глаза, но вместо этого смотрела на его острые зубы и еще краем глаза на дверь в бар. Но дверь была закрыта, да и пробежать мимо бармена не представлялось возможным. Поэтому можно было только разговаривать.

– Кто все эти люди в камерах? – спросила Лилу.

– Товар, – сказал бармен.

– Какой-то дохлый у тебя товар.

– Мозги одни у всех.

– Так ты еще и убийца?

– Не я.

– А кто? – Лилу вспомнила имя, которое слышала от девушки в камере. – Сьюз?

Глаза бармена округлились от растерянности, затем он снова улыбнулся.

– Успела пообщаться с одной из костлявых в камере? – спросил он.

– Может быть, – Лилу услышала щелчок. Дверь в бар открылась. Мышцы напряглись. Может быть, это шанс? Может быть, это ошибка механизмов?

Лилу готова была броситься вперед, к спасению, но в этот самый момент увидела высокого узкоплечего мужчину, который вошел в коридор. У него было длинное, вытянутое, худое лицо с выдающимся вперед массивным подбородком. Щеки ввалившиеся. Губы узкие. Глаза маленькие, черные, но нос выдается вперед, как и подбородок. Что самое странное, Лилу могла отчетливо описать каждую деталь этого человека, но не могла представить его целостным, собранным воедино.

– Кстати, вот и доктор Сьюз, – сказал ей бармен.

– Доктор? – Лилу представила, как этот человек извлекает у людей мозг.

– Ну, и кого ты поймал на этот раз? – спросил доктор Сьюз, окидывая Лилу внимательным взглядом, затем неожиданно нахмурился. – И кто она? – спросил он бармена. – Надеюсь, не местная?

– За ней приходил охотник.

– Беглянка?

– Да.

– И от кого же ты бежишь? – спросил Сьюз Лилу.

– От прошлого.

– От прошлого… – он раздумывал несколько секунд, затем кивнул. – Хороший ответ. Умный.

– Сомневаюсь, что это мне поможет, – скривилась Лилу.

Сьюз кивнул, указал глазами на свободную камеру.

– Сделай одолжение, зайди сама. Не заставляй уродовать твое красивое тело.

Лилу сомневалась лишь несколько секунд. Бармен закрыл за ней железную дверь. Какое-то время она слышала его голос – он рассказывал Сьюзу о Дрейке.

– Ты уверен, что это не имеет отношения к нашему бизнесу? – тревожно спросил Сьюз.

– Уверен.

– Тогда дай мне пять минут переодеться и веди товар.

Лилу слышала, как удаляются шаги Сьюза, слышала, как он заходит в комнату, где стояла машина для удаления мозга. Затем она услышала крики – бармен открыл дверь в одну из камер и тащил по коридору тощую девушку. Окошко в двери камеры Лилу было открыто, и она видела, как девушка тщетно пытается вырваться, освободиться. Ее крики эхом разносились по коридору. Крики, от которых у Лилу стало нехорошо в животе. Но крики продолжались недолго. Во-первых, за девушкой закрылась дверь. Во-вторых, заработала машина для извлечения мозга – механизм был старый и скрипучий. Пилы жужжали так громко, что Лилу вырвало. Детские страхи ожили. Лилу прижалась спиной к влажной каменной стене. Жужжание пилы неожиданно стихло. Жизнь словно поставили на паузу. Лишь воображение продолжало показывать Лилу, как из бездыханного тела девушки извлекают мозг. Ей казалось, что если прислушаться, то можно будет различить чавкающий звук, с которым мозг покидает череп, выбирается, словно черепаха из своего панциря. Последнее видение было подобно мультфильму или доброй сказке – эхо детских страхов, слившихся с хорошими воспоминаниями. И здесь, в действительности, Лилу невольно начала улыбаться.

Дрожала от страха, но улыбалась, представляя мультяшную черепаху. Но потом реальность снова сдавила ей горло, сдавила желудок. Лилу вырвало во второй раз.

А она-то думала, что жизнь в гареме Гори – это ад!

Лилу провела в камере четыре долгих дня. Никто не приходил к ней. Не было ни еды, ни воды. Не было даже кровати – только каменные стены да железная дверь, которая рано или поздно откроется, но после, возможно, все станет только хуже.

Но хуже не стало. Сначала дверь открылась и бармен принес Лилу поднос с едой, а две недели спустя их лавочку прикрыли конкуренты. Они пробрались в подвал, когда бар был закрыт, уничтожили механизм извлечения мозгов и выпустили на свободу пленников. Всего в камерах содержалось восемь девушек, и почувствовав свободу, они бежали не останавливаясь, не оглядываясь. Вместе с ними бежала и Лилу. Бежала так быстро, как только могла. Нет, она не думала, что лучше сдаться Дрейку и вернуться в гарем – она вообще не вспоминала Гори в последние дни. Но сейчас… Сейчас она больше всего хотела оказаться подальше от проклятого подвала. Все девушки хотели. Лилу даже не знала, почему продолжает держаться рядом с ними. Да ни одна из них, наверное, не знала.

Их заставила остановиться лишь река. Теперь нужно было либо искать мост, либо останавливаться и утолять жажду. Сильную жажду, нестерпимую.

– Ну, какие планы теперь? – спросила Лилу, когда они выбрались из реки.

Женщины переглянулись, уставились удивленно на новую знакомую.

– А что ты предлагаешь? – спросила ее самая молодая из них по имени Ора.

– Лично я не намерена оставаться на этой планете больше ни дня.

– У тебя есть деньги, чтобы заплатить за место на шаттле?

– Лучше, – сказала Лилу. – У меня есть собственный шаттл.

Какое-то время девушки молчали, затем устало рассмеялись.

– Нет, правда! – обиделась Лилу. – Я украла его, когда сбежала из гарема Масса Гори. Слышали о таком?

Девушки засмеялись еще громче.

– Ну и черт с вами! – разозлилась Лилу.

Она поднялась на ноги, долго пыталась привести себя в порядок, затем плюнула, поняв, что никому нет дела до того, как она выглядит, развернулась и пошла прочь. Девушка по имени Ора долго смотрела ей в спину, затем окрикнула, попросила подождать.

– У тебя правда есть свой шаттл? – спросила она Лилу.

– А ты правда хочешь убраться с этой планеты?

– И в чем подвох?

– Нет подвоха.

– Тогда зачем я тебе?

– Я не могу управлять шаттлом в одиночку.

– Так тебе нужна команда?

– Сойдет и пара человек.

– Пообещай, что найдешь место на шаттле для моей семьи, и считай, у тебя есть команда.

– Обещаю, что найду место для тебя.

– Без семьи я никуда не полечу, – Ора деловито подбоченилась, пытаясь выставить вперед плоскую грудь.

– Сколько тебе лет? – спросила Лилу.

– Шестнадцать.

– Шестнадцать?

– Ты думала, меньше?

– Наоборот.

– Ну извини, – Ора растеряно пожала плечами.

Лилу смотрела на нее какое-то время, подбирая слова для отказа, затем сдалась и неожиданно для себя согласилась. Ора обрадовалась, как ребенок.

– Вот только не надо думать, что выиграла в лотерею, – скривилась Лилу. – Не забывай, что шаттл краденый.

– В этой части космоса почти все краденое!

– И за мной послали охотника.

– Потому что ты украла шаттл?

– Нет, потому что сбежала из гарема одного богача.

– Ого! Так ты правда была в гареме?! И каково это?

– Что именно?

– Быть богатой.

– Я не была богатой, я была в гареме. Одной из многих.

– Но если ты говоришь, что твой хозяин нанял охотника, чтобы вернуть тебя, значит, ты была дорога ему.

– Гори никого не отпускает. Это правило.

– По-моему, это романтично.

– Это не романтика. Это рабство, глупый ты ребенок! – Лилу снова начала злиться.

Они выбрались из-под моста. Денег не было, поэтому до дома Оры пришлось добираться пешком. Дом был таким же кособоким и неприметным, как и вся планета. И еще этот туман!

– Здесь что, никогда не бывает тепло и уютно? – спросила Лилу молодую подругу.

Ора не ответила, поднялась на шаткое крыльцо, постучала в

дверь. Ей открыла седая женщина, запричитала, бросилась на шею. Потом появился старик-отец. Старшая сестра с тремя детьми. Брат с ребенком на руках – позже Лилу узнала, что жена бросила его и ребенка год назад. А еще позднее она узнала, что и члены семьи не были такими добряками, какими показались на первый взгляд. Но все это позже. Сейчас со всем своим интеллектом Лилу смотрела на Ору и думала, что не сможет оставить всех этих усталых, но милых людей здесь. Они улетят вместе. Спрячутся. Тем более что Ора без устали болтала о родственниках на планете где-то на краю изученной Галактики.

– Это так далеко, что ни один охотник не найдет тебя там, – сказала она.

– Дрейк, – уточнила Лилу.

– Что?

– Меня ищет всего один охотник, и его зовут Дрейк.

– Ну, значит, тебя там никогда не найдет этот Дрейк, – самоуверенно заявила Ора.

Но Дрейк догнал их раньше, чем они успели добраться до Фовиза. Правда, к тому моменту новые друзья Лилу уже давно превратились во врагов. Даже Ора. Вернее, Ора в первую очередь. Сначала Лилу смутило, что Ора называет своих родителей по именам, потом, в день, когда они наконец-то смогли покинуть Макабр, старшая сестра Оры сказала, что оставила своих детей с отцом, который отказался покидать планету.

– Как можно оставить своих детей? – не то рассердилась, не то растерялась Лилу.

– Не суди ее, – вступилась за сестру Ора, да и не за сестру вовсе, а за подельника, но тогда Лилу верила, что помогает бедной семье убраться с недружелюбной планеты. – Ты не знаешь, что такое жить на Макабре. Поверь, ты бы не продержалась здесь и года, а мы здесь с рождения.

– Но ведь твой брат забрал своего ребенка, – сказала Лилу.

– Мой брат мужчина. Он сможет позаботиться о сыне. А что сможет женщина? Нас насилуют, похищают, продают в гаремы… Тебе ли не знать. А что будет с детьми?

Да, несмотря на возраст, Ора умела хорошо врать. Врать и притворяться другом. По крайней мере, пока они не оказались на борту украденного у Гори шаттла. Лилу почувствовала это сразу. Как только за ними закрылся шлюз, что-то изменилось. Эта странная семья… Они осматривались так, словно этот шаттл уже принадлежал им. Да так, по сути, оно и было. Ведь шаттл никогда и не был собственностью Лилу.

– Моя каюта ближе всего к рубке, остальные четыре свободны, выбирайте, какие больше нравятся, – сказала Лилу

своим новым друзьям.

– А когда начнется обучение? – спросила Ора.

– Какое обучение?

– Как управлять этой штуковиной!

Ора выбрала дальнюю от Лилу каюту, бросила туда сумку с вещами, прошла в рубку и по-хозяйски уселась в кресло капитана. Они отправили стариков в моторный отсек следить за охлаждением ядра двигателя во время длительного перелета. Псевдобрату и сестре Оры досталась роль штурманов, а сама Ора клянчила у Лилу научить ее управлять шаттлом.

– Это не так просто, – сказала Лилу.

– Да ладно тебе! Если ты научилась, то и я научусь!

– Я управляла шаттлом с детства, когда были живы мои родители.

– Так ты была богатой?

– Была.

– Что же случилось?

– Родители умерли, опекун украл все деньги и сбежал.

– Печально, – Ора криво ухмыльнулась, пытаясь изобразить сочувствие. – Так вот почему ты начала продавать свое тело?

– Я не продавала свое тело.

– Мне казалось, в гарем просто так не попадают.

– Меня украли, к тому же… – Лилу вдруг поняла, что ее новым друзьям нет никакого дела до ее прошлого. Да и ей самой, если честно, не было до этого дела. Что толку вспоминать? – Давай не будем об этом, – предложила она Оре.

– Тогда научи меня управлять этим кораблем.

– Всему свое время.

Лилу вывела шаттл на орбиту спутника и попыталась задать маршрут до планеты Фовиз. Навигационные карты выдали ошибку, и компьютер отказался переводить шаттл в автоматический режим.

– Вот видишь, – сказала Ора, когда поняла, что Лилу придется самой вести шаттл. – Тебе по-любому нужен помощник.

Так началось ее обучение. Лилу сразу поняла, что ученик из Оры никудышный. Глупая и нетерпеливая, она начала злить Лилу уже на второй день обучения. Спустя неделю Лилу уже всерьез задумывалась, чтобы попробовать на роли помощника капитана брата Оры. Да она бы именно так и поступила, если бы как-то ночью не заметила, как Ора заходит в его каюту. Один из стариков дежурил в моторном отсеке, второй спал в своей каюте. Псевдосестра Оры исполняла в рубке обязанности штурмана, стараясь следить за маршрутом и предупредить, если на пути шаттла появится астероид или другое космическое тело. А

псевдобрат Оры… Он был сейчас с Орой в своей каюте. «Это не мое дело», – сказала себе Лилу, однако ноги уже несли ее вперед. Когда она вошла в каюту, они лежали на кровати, а ребенок, мальчик, сидел между ними и радостно смеялся. Псевдобрат обнимал псевдосестру, и объятия эти были объятиями любовников, а не родственников.

– Какого черта здесь происходит? – спросила Лилу.

Псевдобрат растерянно уставился на нее. Ребенок продолжал улыбаться. Ора лежала к двери спиной и даже не стала оборачиваться, лишь тихо выругалась сквозь зубы. Лилу позвала ее по имени.

– Ну на кой черт ты зашла сюда?! – разозлилась Ора. – Какого черта тебе не сиделось за штурвалом или в своей каюте?

Ора слезла с кровати и гневно уставилась на Лилу, словно это не ее только что застали в объятиях псевдобрата, а она сама поймала подругу на лжи. Какое-то время Лилу смотрела ей в глаза, затем развернулась и вышла из каюты. Дверь закрылась за ее спиной. Закрылась на мгновение. Идя в рубку, Лилу слышала, как Ора вышла следом за ней.

– И что ты собираешься теперь делать? – спросила она.

– Верну вас на Макабр, – Лилу села за штурвал.

– Мы уже далеко от Макабра.

– Плевать.

Лилу переключила двигатели в режим торможения. Шаттл вздрогнул, замер. За иллюминаторами застыл черный космос – безбрежный, бескрайний.

– Не делай этого, – попросила Ора.

– Назови хоть одну причину, почему.

– Она еще не научилась управлять шаттлом без твоей помощи.

– Что? – Лилу обернулась, растерянно уставившись на псевдобрата Оры.

Он смотрел на нее какое-то время, а когда она снова потянулась к рычагам управления, ударил наотмашь по лицу.

Глава третья

Лилу упрямилась почти две недели. Упрямилась и после того, как ее закрыли в каюте и перестали приносить еду. Потом ей не стали давать и воду. Лилу притворилась, что ей плевать. По крайней мере, попыталась притвориться в первые дни.

– Если захочешь заставить меня сотрудничать, то придумай что-нибудь поинтереснее, – сказала она Оре и ее подельникам.

Мелкие мошенники. Ложью оказалось все – даже старики не были родителями Оры. Перекупщики, торговцы органами.

– Удивляюсь, как вы не заставили Ору продать и своего ребенка, – сказала Лилу старикам, когда те в очередной раз предлагали обменять ее знания, как управлять шаттлом, на воду и пищу. Наверное, Лилу и упрямилась именно поэтому – торговля детьми казалась самой отвратительной на свете.

– Ты не жила на Макабре. Не можешь даже представить, каково это, – сказала как-то раз Ора.

Лилу не ответила. Она вообще перестала разговаривать с ними в последние дни. Если они хотят убить ее, заморить голодом, то пусть будет так, потому что в противном случае они доберутся до другой планеты и продолжат свою деятельность. Лилу верила, что сможет зайти так далеко, как только потребуется. И верить в это, кажется, начали и ее новые друзья. Сменив тактику, они снова попытались договориться с ней. Сначала пришла Ора с подносом еды и графином с водой. Лилу ела, а Ора рассказывала историю своей жизни. Особенно как она оказалась в камере доктора Сьюза, когда пыталась украсть машину для извлечения мозгов.

– И не думай, что я хуже, чем Сьюз, – сказала Ора, хотя Лилу по-прежнему не разговаривала с ней. – Мы не собирались извлекать мозг у живых людей. На Макабре много моргов. Мы сжигаем своих мертвецов. Если иметь знакомых в похоронном бюро, то перед кремацией можно забрать мозг, и никто не заметит. Мы не убийцы. Понимаешь?

– А как же дети? – подала голос Лилу впервые за последние дни. – Вы воровали детей у матерей и продавали на органы.

– Мы не воровали детей. Мы покупали детей. И продавали их не на органы, а богачам или на другие планеты. Не буду говорить, что там их ждала лучшая жизнь, но что не худшая, это уж точно. Если бы ты видела их матерей, то поняла бы, что хуже просто не может быть. Не выкупи мы у них этих младенцев, то их бы просто выбросили в мусорный бак к крысам.

– Не нужно разыгрывать из себя добродетель, – фыркнула

Лилу.

– Не нужно видеть в нас чудовищ, – парировала Ора.

Она ушла, оставив дверь в каюту Лилу открытой. Ушла, предложив, как только они доберутся до Фовиза, продать шаттл и поделить деньги на семерых, учитывая ее сына от псевдобрата. Лилу не верила, что получит свою долю, но мнение об Оре и ее подельниках изменилось. Если это не монстры, то, может быть, и нет смысла торчать черт знает где в космосе? Да и без них она бы все равно не смогла сбежать с Макабра. Без них она бы ни за что не смогла гнать шаттл с такой скоростью, чтобы сбежать от Дрейка, потому что Дрейк… Дрейк найдет ее. Как бы далеко она ни бежала, найдет. По крайней мере, пока у нее есть этот проклятый шаттл, который служит ему лучше любого маяка. А без шаттла… Без шаттла можно будет начать новую жизнь. Поэтому… «Фовиз так Фовиз», – решила Лилу. Да и не были ее новые друзья похожи на убийц. Они отпустят ее. Доберутся до Фовиза и выбросят с шаттла. Но это лучше, чем смерть. Лучше, чем быть рабыней в гареме.

Лилу заставила себя подняться, причесалась и вышла из каюты. В рубке ее ждала Ора и ее любовник, который еще две недели назад выдавал себя за ее брата. Любовник, от которого у нее был сын. Лилу вспомнила мальчика. Ему было не больше полугода, и Лилу с трудом пыталась представить, как его мать, как эта девочка рожала его. «Может быть, я действительно ничего не понимаю о жизни на Макабре?» – подумала Лилу.

Она села за капитанский пульт и стала ждать, когда подойдет Ора.

– Может быть, лучше ты научишь управлять шаттлом Бизила? – выдвинула девушка кандидатуру своего любовника.

– Либо тебя, либо никого, – сказала Лилу, решив, что так она сможет обезопасить Ору от предательства подельников. Она – молодая мать. Если кому-то и помогать на этом корабле, то ей. Все остальные могут катиться в ад.

– Злишься на Бизила за то, что он ударил тебя? – спросила Ора.

– Нет, просто не хочу, чтобы он предал тебя, когда поймет, что может справиться с шаттлом сам, – честно сказала Лилу.

– Он не предаст.

– Ты уверена?

– Конечно.

– Что-то не слышу в твоем голосе твердости, – Лилу примирительно улыбнулась и жестом предложила Оре сесть рядом…

Но обучение не продлилось долго – на третий день на радаре

появился шаттл Дрейка. Охотник снова нашел свою добычу. Он вышел на связь, и как только ему ответил Бизил, потребовал от него сдать шаттл и Лилу.

– Лилу забирай, а шаттл останется у нас, – сказал ему Бизил.

– И как, черт возьми, мы полетим без Лилу? – зашипела на него Ора.

– Она показала тебе основы пилотирования.

– Но я не смогу провести корабль до Фовиза… – она замолчала, услышав голос Дрейка – тихий и спокойной. Голос, в котором не было ни тени сомнений, ни намека на компромисс.

– Мне нужны шаттл и девушка, – сказал он. – Либо вы отдаете имущество Гори и высаживаетесь на ближайшей планете, либо я догоняю вас и выкидываю в открытый космос. Выбирайте.

Какое-то время Бизил молчал, словно действительно обдумывал предложенные варианты. Все молчали. Первой очнулась Ора. Она прервала связь с Дрейком и спросила Лилу, смогут ли они сбежать от охотника.

– Можно попытаться, – сказала Лилу, решив, что это лучше, чем просто сдаться. – Хотя шансов у нас мало. Дрейк взял наш след. Не знаю как, но он находит меня. Наверное, в шаттле есть какой-то передатчик. Может быть, такой же передатчик был когда-то вживлен в мое тело, но выбросив меня за борт, вы не решите проблему.

– Никто не собирается выбрасывать тебя за борт! – цыкнула на нее Ора.

Ее псевдородители зашептались, предлагая заглушить сигналы передатчиков, направив шаттл в туманность закрытой зоны.

– Что за зона? – спросила Лилу.

– Система планет, на которых военные проводили эксперименты во время войны. Говорят, именно они создали эту туманность, рассматривая варианты защиты своих систем в случае вторжения.

– На одной из этих планет мы хотели высадить тебя, – сказала неожиданно псевдосестра Оры. Сказала, глядя Лилу в глаза, словно завидуя Оре, к которой Лилу выказывала симпатию.

– Я планировала высадить ее на Фовизе! – тут же оживилась Ора. Щеки ее вспыхнули румянцем. – Мы же не убийцы, черт возьми, – последнее она сказала, сильно нахмурившись.

Дрейк снова попытался связаться с шаттлом.

– Ну, туманность так туманность, – первой очнулась от оцепенения Лилу.

Она отправила стариков в моторный отсек, а Бизила и псевдосестру Оры за карты навигации. Самой Оре она велела

сесть в кресло помощника капитана. Дрейк продолжал вызывать их, когда Лилу включила двигатели. Шаттл затрясся и неожиданно резво нырнул вперед, в пустоту космоса. В последнее мгновение Дрейк дал предупредительный залп. Яркая вспышка озарила левый борт шаттла.

– Ого! – воскликнула Ора. – А у нас на борту есть оружие?

– Это пассажирский шаттл, – сказала Лилу.

Ора выругалась, хотела еще что-то сказать, но шаттл снова вздрогнул. Включились ускорители. Дрейк дал еще один залп, на этот раз не предупредительный, но взрыв лишь качнул корабль Лилу. У них была фора – небольшая, но этого должно было хватить, чтобы добраться до туманности Лэмпсон, а там уже на все воля случая.

– Я слышала, что даже контрабандисты стараются держаться подальше от этого места, – сказала Жанет – псевдосестра Оры.

– Главное – держаться подальше от планет, – отмахнулись старики – псевдородители Оры.

Но именно на планеты и делала ставку Лилу, надеясь, что Дрейк не станет их там искать. Она сказала об этом старикам.

– Ты спятила?! – вспылила Жанет, озвучивая общее мнение.

– Это единственные пригодные для жизни планеты в этой системе, так что если Дрейк нас и найдет, то я вернусь в гарем, а вас бросят на одной из этих планет. Без шаттла. Без защиты. Решать вам.

– А ты уверена, что мы не сможем просто сбежать от Дрейка? – спросила Ора Лилу.

– Уверена, – сказала она и направила шаттл к планете под названием Гал.

Глава четвертая

Вход в атмосферу был стремительным, и если бы не дорогие системы торможения, установленные Гори, то шаттл бы расплющило о каменистую поверхность. На планете вообще, казалось, нет ничего, кроме камней и песка. Пустыня уходила за горизонт. Стабилизаторы показывали перегрузку, но Лилу продолжала лететь над выжженной солнцем землей, надеясь отыскать военную базу. Локаторы не работали. Вообще ничего не работало из навигации. Если спрятать шаттл в ангар и не выдать свое присутствие, то Дрейк точно не сможет никогда отыскать их здесь. Будет кружить по туманности, пока не решит, что беглецам удалось перехитрить его и скрыться. Вот только ждать, возможно, придется долго.

Шаттл пролетел над полуразвалившимся, утонувшим в песке городом, в конце которого блестел, слепя глаза, уцелевший ангар.

– Не слишком ли приметно? – спросил Бизил, когда Лилу направила шаттл в этот ангар.

– Планета большая. Как ты думаешь, сколько шансов, что Дрейк найдет это место? – Лилу не справилась с управлением, зацепила крылом ворота ангара и громко выругалась.

Шаттл поднял облако пыли и грузно опустился на желтый, почти белый песок. Диагностика окружающей среды не выявила опасных для жизни факторов – воздухом можно было дышать, по песку ходить, на солнце смотреть.

– Думаешь, теперь мы в безопасности? – спросила Ора, когда они выбрались из шаттла.

– Думаю, теперь у нас чуть больше шансов на спасение, чем прежде, – сказала Лилу.

После трех недель, проведенных в космосе, оказаться на твердой земле, пусть и среди пустыни, было приятно, почти волнительно. Простор и бескрайность. Словно долгие дни до этого ты сидел в каком-то ящике – скрюченный и обездвиженный, а сейчас можно распрямить плечи, потянуться.

Внутри амбара находилась старая заброшенная база военных. Ворота были открыты, оборудование оставлено, словно все покинули это место в спешке. Не было лишь энергии, но батареи шаттла могли бы спокойно оживить весь этот древний комплекс, возможно, даже начали бы работать системы кондиционирования.

– Не хочу оставаться в ангаре, – заныла Ора, жалуясь, что никогда не видела столько песка и света.

Она долго бродила по мертвому городу, выбирая себе дом, где остановиться. Остановиться со своей семьей – она, ребенок и

Бизил.

– Мы словно переселенцы! – трещала Ора. – Прилетели на заброшенную планету и теперь заселяем ее.

Ближе к вечеру она начала заговаривать о том, что можно было бы остаться на планете, образовав здесь колонию.

– Нас слишком мало, чтобы образовать колонию, – сказала Лилу. – К тому же глупо оставаться в пустыне.

– Зато здесь нет тумана! Да и сама планета, наверное, это не только пустыня.

Именно поэтому Лилу и попыталась оживить компьютеры заброшенной военной базы. Жанет словно тень повсюду ходила рядом. Лилу говорила ей, что не сбежит, но Жанет и слушать не хотела.

– Ну, нашла, что хотела? – снова и снова спрашивала она, не желая находиться в темных и мрачных помещениях военной базы.

– Нет, – говорила Лилу.

– Не понимаю, зачем ты вообще хочешь изучить планету. Мы ведь все равно не задержимся здесь.

– А тебе разве не интересно, почему военные забросили эту базу? Почему никогда больше не возвращались сюда? И почему контрабандисты обходят это место стороной?

– Нет, – честно говорила Жанет.

– А мне интересно.

– Ну так узнай, в чем была причина, и пошли на солнце.

Но ответа не было. Не было, пока не наступила ночь. Нет, монстры не пришли за Лилу и ее друзьями. Ни монстры, ни прочие твари – на планете Гал вообще не было жизни. Вирус военных истребил все живое. Он действовал неспешно – сначала забирал самых слабых и старых, потом проникал в сознание молодых и крепких, сводил их с ума. Но не в первую ночь. В первую ночь вирус добрался только до стариков. Остальные могли лишь смотреть, слышать. Особенно слышать. Крик старухи разбудил Лилу и Жанет. Сначала крик, а потом только тихий хрип. Старик душил старуху, а в ответ она царапала ему лицо. Они лежали на кровати на боку, вцепившись друг в друга, словно животные – старик в горло старухи, старуха в глаза старика.

– Какого черта вы делаете? – заорала на них Жанет, хотела добавить что-то еще, но увидела, как лопнули глазные яблоки старика, заструились по морщинистым щекам, и подавилась своим собственным криком, прижалась спиной к стене. Она не хотела смотреть на это ужасное зрелище, но не могла отвернуться, не могла закрыть глаза.

Большие пальцы старухи, выдавив старику глаза, продолжали погружаться все глубже и глубже, пока не добрались до мозга.

Старик взвыл, задергался. Его смертельная хватка на шее старухи ослабла. Он повалился на спину, захрипел. Старуха взобралась на него и громко рассмеялась. Смех был диким, истеричным, который скорее принадлежал животному, чем человеку. Не хватало только запрокинуть голову и завыть.

– Господи, – прошептала Лилу.

Старуха услышала ее голос, повернулась. Глаза у нее были широко раскрыты. Несколько секунд она смотрела на Лилу, затем зашипела, спрыгнула с кровати, оставив мертвое тело старика агонизировать за спиной. Выставив перед собой окровавленные руки, старуха начала приближаться к Лилу. Рядом стояла Жанет, но старуха какое-то время не замечала ее. Не замечала, пока у Жанет не началась икота. С молниеносностью дикой кошки правая рука старухи метнулась в сторону, расцарапала Жанет щеку. Жанет тихо, почти беззвучно вскрикнула. По ее лицу потекла кровь. Старуха оскалилась, показывая окровавленные зубы, за которыми дергались изжеванные лохмотья языка. Страх придал Лилу сил. Никогда прежде она бы не подумала, что может ударить с такой силой. Апперкот вышел почти идеальным. Описав дугу, ее кулак ударил старуху в челюсть. Лязгнули зубы старухи, хрустнули костяшки пальцев Лилу. Старуха кувырнулась назад, словно тряпичная кукла, ударилась головой о железный пол шаттла и затихла. Тело старика на кровати продолжало все еще вздрагивать. Где-то далеко, словно в другом мире, снова икнула Жанет.

– Что это было, черт возьми? – шепотом спросила она.

– Не знаю, но думаю, будет лучше связать старуху, – сказала Лилу.

Жанет кивнула, но так и не двинулась с места – стояла, прижавшись спиной к стене, и смотрела, как Лилу привязывает старуху ремнями к стальным поручням. Что делать с телом старика, Лилу так и не решила, оставив его на кровати.

– Пойдем, – позвала она Жанет, взяла ее за руку, вывела из каюты и закрыла дверь снаружи. – У Гори был хороший запас вин, думаю, сейчас самое время выпить.

Жанет кивнула, но и после выпитого не смогла заснуть – ходила хвостом за Лилу, боясь остаться одна, и икала. Икала, даже когда утром пришли Ора и Бизил.

– Я должна увидеть ее! – сказала Ора, заглянула в каюту, где была привязана старуха.

Тело старика начало разлагаться. Разлагаться так сильно, что у него под одеждой уже копошились черви. Особенно много их было в его пустых глазницах и открытом рту. Но разлагалась и старуха – гнила заживо. Ора видела, как черви копошатся у нее

под кожей. Глаза старухи были белыми. Лицо изменилось. Все тело изменилось – стало звериным, неестественным. Она увидела посетителя, открыла рот, заполненный червями, и зашипела. Ора вскрикнула и спешно выскочила из каюты.

– Не спрашивай, я и сама не знаю, что случилось, – сказала Лилу, когда девушка уставилась на нее, дрожащим голосом пытаясь выдавить из себя вопрос. – Я подключила шаттл к компьютерам комплекса. Посмотрим, что удастся узнать. Все зашифровано, но технологии старые, думаю, компьютер шаттла вскоре сломает защиту.

Она ошиблась. Информации было так много, что в томительном ожидании прошел целый день, а затем и вечер. Ора долго отказывалась оставаться на ночь в шаттле, вблизи разлагающейся старухи, но Бизил убедил ее, что за бортом может быть опасней. Переезд из облюбованного дома обратно в шаттл занял у Оры почти два часа. Она тянула до последнего, а когда наконец-то поднялась на борт, безумие охватило Жанет, которая всю вторую половину дня не выходила из своей каюты. Ора поднялась на борт с ребенком на руках. Мальчик плакал. Жанет вышла в коридор и смотрела на сына Оры стеклянными глазами.

– Что случилось? – спросила Ора, не сразу поняв, что происходит. – С тобой все в порядке?

Сначала она заметила только крупные капли пота, которые покрывали лицо Жанет, но потом… Потом Ора увидела, как во рту псевдосестры копошатся черви – крупные и голодные. Они пожирали Жанет изнутри, начиная с мозга. Несколько червей выбрались у нее из носа, упали на пол. Жанет опустила голову, смотрела на червей какое-то время, затем раздавила их, прихлопнув каблуком своего ботинка. Сын Оры, замолчавший до этого, снова зашелся плачем.

– Вели ему заткнуться, – сказала остатками языка Жанет. Вернее, не сказала – прошипела.

Ора попятилась, увидела, что Жанет приближается к ней, развернулась и побежала прочь. С криками она выскочила из шаттла. Напуганный ребенок на ее руках кричал еще громче матери. Лилу и Бизил были внутри военного комплекса, поэтому услышали крики не сразу, лишь когда Ора уже бежала по длинным коридорам и эхо разносило ее голос и голос ребенка. Жанет не преследовала ее, но паника уже подчинила себе разум Оры. Даже когда ее отыскал Бизил, даже когда попытался обнять ее, успокоить, она еще продолжала кричать и оборачиваться. Чуть позже, оставив ее с Лилу, Бизил отправился искать Жанет. Ора пыталась убедить его не ходить, но он словно и не верил в то, что она видела.

– Чертов упрямец, – проворчала Ора.

Она все еще дрожала, но уже брала эмоции под контроль. Глядя на мать, ребенок тоже успокоился. Лилу молчала, просматривая часть уже расшифрованных данных с военной базы. «И снова я вляпалась, – думала она. – Вляпалась еще хуже, чем прежде». Подобное убеждение усилилось, когда Лилу прочитала о вирусе, превратившем планету в пустыню. Патриции планировали применить его на центральной планете Пролов. Планировали почти полтысячи лет назад. За это время вирус мутировал, медленно убивая планету. Сейчас он пытался убить незваных гостей.

– Господи! Нужно найти Бизила и убираться отсюда, – засуетилась Ора, когда Лилу сообщила ей о своем открытии.

Лилу напомнила о Дрейке.

– Плевать на Дрейка! – закричала Ора. – Если мы останемся здесь, то этот чертов вирус убьет нас еще быстрее, чем охотник. В туманности у нас хотя бы будет шанс.

– Здесь написано, что вирус сначала забирает самых слабых. Поэтому первыми стали старики.

– А как же Жанет?

– Сколько ей было лет?

– Почти тридцать.

– А Бизилу?

– Двадцать пять.

– Мне двадцать четыре… – Лилу разговаривала, продолжая читать отчеты военных. Последние отчеты, после чего на базе развернулся настоящий ад. – Думаю, до тебя вирус доберется в последнюю очередь. До тебя и твоего ребенка. Теперь планета заберет Бизила, потом меня… – Лилу еще надеялась узнать о противоядии, сыворотке, прививке – неважно, лишь бы это могло спасти их. – К тому же, может быть, бежать уже и нет смысла. Мы можем быть все инфицированы.

– Все? – Ора испуганно уставилась на своего ребенка. – Но…

– Хотя военные утверждают, что вирус запрограммирован убивать сначала стариков и в последнюю очередь детей. Кажется, они не собирались устраивать геноцид, планируя нанести точечный удар в центр восстания.

Лилу замолчала, услышав приближающиеся шаги – шаркающие, тяжелые.

– Господи, это Жанет! – заскулила Ора, сильнее прижимая к себе ребенка.

Но вместо Жанет к двери подошел Бизил. В его пустых глазницах копошились черви. Шок сдавил горло Оры. Она хотела закричать, но лишь безмолвно открывала рот. Бизил не видел ее,

никого не видел. Он шел на звук голосов. Гнев сводил его с ума. Лилу жестом велела Оре молчать. Бизил стоял возле закрытой стеклянной двери в центр управления заброшенным комплексом какое-то время, затем поплелся дальше, вглубь, в темноту. Лилу не двигалась, пока шаги не стихли, затем жестом показала Оре, что пора выбираться из комплекса. Все еще находясь в шоке, Ора шла за ней к шаттлу. Шла медленно, спотыкаясь, едва не падая. Она не ускорила шаг и после того, как за спиной послышались шаги Бизила. Отец ребенка, которого Ора несла на руках, шел за ними.

– Да двигайся ты, черт возьми! – прикрикнула на нее Лилу, но это ускорило лишь идущего за ними Бизила, но не Ору.

Если бы не черви, которые почти уже уничтожили мозг Бизила, то он смог бы их догнать. Но так… Так он лишь сократил расстояние. Когда Лилу и Ора поднялись на борт шаттла, Бизил вышел из ангара. Он остановился, словно собирался просто попрощаться. Не двинулся он, и когда на них набросилась затаившаяся на корабле Жанет. Это нападение привело Ору в чувство, и она, продолжая держать ребенка, помогла Лилу выбросить Жанет из шаттла.

Спустя четверть часа они покинули ангар, а через час вышли на орбиту планеты.

Глава пятая

Дрейк исследовал туманность, проклиная отключившееся оборудование своего корабля. Беглянка была где-то здесь, где-то рядом – охотник чувствовал это. Навигация отключилась, и ему приходилось доверять только своим глазам. Несколько раз в опасной близости от его шаттла проплывали обломки уничтоженных кораблей. Нет, в туманности никогда не было войн. В туманности патриции испытывали свое оружие. И некоторое оружие, возможно, все еще продолжало функционировать. Дрейк изучил личное дело Лилу достаточно хорошо, чтобы сомневаться в ее способности вести шаттл в туманности. В этой бесконечной туманности, раскинувшейся до пределов неисследованной Вселенной. Дрейк понимал, что если он не поторопится, то погоня может превратиться в вечность.

Понимала это и Лилу. Если не придумать хитрость, то можно сразу сдаться, потому что за туманностью нет ничего. Никто не знает, что за туманностью, и сейчас они считай что на краю Вселенной.

– Не могу больше слушать это, – призналась Ора, косясь на дверь в каюту, где были заперты старики и откуда все еще раздавалось какое-то шуршание. Вирус выполнил свою программу и остался на планете, но черви… Черви продолжали пожирать разлагающиеся тела. – Я хочу посмотреть, – сказала Ора. – Хочу убедиться, что старуха мертва.

Она открыла дверь в каюту стариков раньше, чем Лилу успела ее остановить, предупредив о запахе гниющей плоти. Ора выругалась, и тут же желудок ее сжался. От стариков почти ничего не осталось. Черви позарились даже на их кости. Черви, которые были повсюду.

– Господи! – Ора спешно закрыла дверь, но удушающий запах остался. – Мы должны очистить шаттл, – сказала она Лилу. – Не могу даже представить, как эта зараза развивается рядом с моим ребенком.

– Боюсь, сейчас у нас есть дела поважнее, – Лилу напомнила ей о Дрейке. – Он ведь не остановится, пока не вернет шаттл и меня.

– Ты действительно думаешь, что он способен высадить меня и ребенка на одной из этих проклятых планет?

– Ну, ребенка, может и оставит.

– Ты шутишь, да?

– Нет.

– Черт, и как нам сбежать от него?

– У меня остались данные с военной базы об этом секторе. Так что, думаю, у нас чуть больше шансов выбраться отсюда, чем у Дрейка.

– Чуть больше?

– Если получится проскользнуть сквозь туманность. Правда, на такой скорости это может занять и годы…

– А еда?

– Еды хватит на пару месяцев. Это проблема. Но в этом секторе есть еще пара планет…

– К черту планеты!

– Тогда можно попробовать навестить корабли… Кажется, есть один недалеко от нас.

– Лучше бы я тебя никогда не встречала.

– Лучше бы ты не пыталась заполучить мой шаттл.

– Это не твой шаттл.

Они гневно уставились друг на друга. Назревал новый конфликт. Их охладил сигнал вызова, раздавшийся в рубке.

– Может, ответишь? – растерянно спросила Ора.

– Зачем? Соскучилась по голосу Дрейка?

– А вдруг это не он?

– Кто тогда?

– Ну, не знаю…

– Поверь мне, в этой чертовой туманности только ты, я и Дрейк.

Словно в подтверждение ее слов, Дрейк сделал предупредительный выстрел. Взрыв был настолько близко, что шаттл тряхнуло. Лилу не устояла на ногах. Она упала, ударившись головой о стену. Кровь тонкой струйкой потекла по лбу.

– Мне кажется или второго предупредительного выстрела не будет? – спросила Ора, бледнея на глазах.

Лилу заставила себя подняться и, вытирая на ходу струившуюся по лицу кровь, побежала в рубку. Громыхнул еще один выстрел. Затрещали переборки шаттла, вспыхнули предупредительные лампы на приборной панели.

– В нас попали, да? Попали? – запаниковала Ора.

– Да, но это не смертельно, – Лилу вздрогнула, когда снова запищал зуммер вызова, принимая сигнал от Дрейка.

Ему ответила Ора.

– Оставь нас в покое! – закричала она.

– Сдавайтесь, – сказал Дрейк. Сказал, словно проскрежетали стальные механизмы.

– И ты высадишь меня с ребенком на одной из тех отравленных планет?

– Выжить можно везде.

– Ты убийца! Ты…

Корабль вздрогнул, и Ора зажмурилась, решив, что на этот раз выстрел Дрейка окажется точным.

– Успокойся, это всего лишь ускорители, – сказала Лилу.

Двигатели загудели.

– Но… Но ты же говорила, что в туманности мы не можем воспользоваться ускорителями.

– Молись, чтобы мы не врезались в планету или обломки военных кораблей. Иначе нам не уйти от Дрейка.

За мгновение до того, как шаттл нырнул вперед, в неизвестность, Дрейк сделал еще один выстрел. Ракета была нацелена в левое крыло шаттла, но ускорение спасло корабль. Взрывной волной вырвало шлюз. Запищали приборы, предупреждая о разгерметизации.

Из своего шаттла Дрейк видел, как исчез корабль беглецов. «Если они врежутся в планету, то смогут ли приборы зафиксировать взрыв в этой туманности?» – думал Дрейк, вспоминая личное дело Лилу и пытаясь понять, что лежало в основе этого ускорения: отчаяние или холодный расчет. «Скорее всего, у нее есть какие-то дополнительные данные об этом секторе», – решил Дрейк. Но корабль Лилу был поврежден. Так что шансы снова уравнивались, а возможно, и склоняли чашу весов этого состязания в пользу Дрейка. Он был профессиональным пилотом, его корабль был одним из лучших в Галактике, а Лилу… Если она не придумает еще какую-нибудь хитрость, то ей не сбежать. Не на таком корабле. Нет. Понимал это Дрейк, понимала и Лилу. Она выдержала ускорение лишь пару секунд, затем спешно включила тормозные двигатели. Шаттл снова затрещал, словно собирался развалиться.

– Можешь уже открыть глаза, – сказала она Оре.

– Мы еще живы?

– Даже больше, – Лилу разговаривала, изучая карты, которые удалось скачать из базы данных военных на планете Гал.

– Ты хоть знаешь, где мы?

– Думаю, да.

– Думаешь?!

Перед шаттлом появился естественный спутник мертвой, затянутой красной дымкой планеты, которую окружал пояс астероидов.

– Только не говори мне, что мы остановимся в этой преисподней, – сказала Ора, завороженно разглядывая пульсирующую алыми всполохами планету.

– Не остановимся, – заверила ее Лилу, борясь с желанием еще

раз воспользоваться ускорителями, но шанс разбиться был слишком велик.

Если им повезло один раз, то это не значит, что повезет во второй. К тому же сейчас риск уже менее оправдан. Одно дело, когда в вас стреляет охотник, но сейчас его нет. Сейчас все тихо и спокойно, только ненавязчиво пищат несколько датчиков, сообщая о неисправностях в системе. Но все это можно исправить, заблокировать. Почти все… Лилу поджала губы, уставившись на датчик уровня кислорода, показания которого падали стремительно быстро.

– Кажется, взрывы повредили шаттл сильнее, чем я думала, – осторожно сказала она Оре. – Не знаю, насколько сильно нарушена прочность конструкций, но… Мы теряем воздух.

– Мы – что?! – Ора снова начала бледнеть.

Она хотела убедить себя, что ослышалась, но уже искала взглядом на приборной панели датчик уровня кислорода. Датчик, который показывал, что воздуха хватит на восемнадцать часов.

– Мы можем отключить системы обеспечения и надеть скафандры, – предложила Лилу. – Так воздуха хватит надолго.

– А как быть с моим ребенком? Для него ты тоже найдешь скафандр?

– Нет. Для него не найду.

– И как тогда быть с ним?

– Не знаю. Можно попробовать заделать брешь.

– Ты занималась этим прежде?

– Нет, но попробовать стоит. – Лилу поднялась, вышла из рубки. – Забери ребенка и отнеси в рубку. Если заделать брешь не удастся, то отключим жизнеобеспечение всего шаттла, оставив мостик.

– И сколько нам это даст?

– Не знаю, может быть, пару лишних дней.

– А потом?

– Я не знаю. Просто забери ребенка из каюты и отнеси в рубку, – начала злиться Лилу.

Она прошла в конец коридора. Дверь в шлюзовой отсек была заблокирована. Свистел выходивший воздух. Повреждения были механическими, поэтому Лилу пришлось проститься с надеждой открыть дверь и выбраться в шлюз даже в скафандре.

– Ну, что там? – спросила Ора. Ребенок, которого она держала на руках, спал, положив голову на ее молодую, почти плоскую грудь.

– Иди в рубку, – цыкнула на нее Лилу.

Следующие два часа она потратила на тщетные попытки отключить большинство систем жизнеобеспечения, переведя всю

энергию на рубку. Приборы сбоили и отказывались работать. Большинство механизмов, которые находились в шлюзе, замерзли.

– Мы умрем, да? – тихо и подавленно спросила Ора.

– Никто не умрет. Найдем планету и починим эту чертову жестянку, если, конечно, она не развалится, когда будем входить в атмосферу… – Лилу услышала, как выругалась Ора. – Не паникуй, – велела она. – Еще недавно мы сидели в подвале доктора Сьюза и нам хотели вырезать мозги. Выбрались из той передряги – выберемся и из этой.

– В тот раз нам просто повезло.

– Значит, повезет и в этот.

Лилу снова начала изучать карты военных. Нет, выбраться из туманности прежде, чем закончится воздух, им точно не удастся. Не удастся, даже если развернуть шаттл и попытаться прорваться мимо Дрейка назад. Охотник неглуп. Он не позволит им сделать этого. Да и воздуха все равно не хватит. Так что остается лишь искать планету. Планету или корабль… Да… Корабль…

Лилу увидела его на карте, и сердце ее тревожно екнуло. Это был старый военный крейсер, брошенный в туманности. Один из самых огромных и чудовищных инструментов войны. Согласно отчетам, подобных крейсеров было создано всего двенадцать. Настоящие машины смерти, которые могли уничтожать планеты целиком. Монстры прошлого. Эхо ужаса, долетевшее сквозь века. Именно эти крейсеры и положили конец той долгой войне. Потому что они несли на своем борту оружие, способное истребить не только целые народности, но и посягнуть на целостность Галактики. Его название было «Бытие-12» – последний железный монстр в линейке подобных крейсеров. Лилу смотрела на карту и спрашивала себя, знает ли еще кто-нибудь о существовании подобной машины смерти. Ведь она могла изменить мир, могла оживить забытые страхи, могла…

– Думаю, я знаю, где мы сможем остановиться на ремонт, – сказала Лилу Оре, указывая на крохотную точку на карте.

Глава шестая

На корабле «Бытие-12» было тихо. Последним приказом капитана было распоряжение об отключении жизнеобеспечения. Он отдал этот приказ почти пятьсот лет назад. Сейчас корабль дрейфовал, неизбежно приближаясь к планете Анта, войдя в атмосферу которой он должен был погибнуть.

– Думаешь, мы действительно сможем оживить эту громаду? – недоверчиво спросила Ора, когда Лилу заводила их потрепанный после стычки с Дрейком шаттл в стыковочные шлюзы «Бытия-12».

– Ну, охранные коды мы ведь уже взломали, – отмахнулась Лилу.

Может быть, в техническом плане вооружение и оснащенность крейсера были на высоте, но электроника явно отставала от современного шаттла Лилу. К тому же у нее были коды доступа с военной базы Гала.

– Жуткое место, – призналась Ора, – словно мертвый город.

– На Гале тоже был мертвый город, – напомнила Лилу.

– На Гале город заброшен, почти проглочен пустыней, а здесь… Такое чувство, что экипаж покинул корабль только вчера.

Внутри крейсера что-то щелкнуло, заставив Ору вздрогнуть. Ребенок, которого она держала на руках, срыгнул, но Ора даже не заметила этого.

– Ты оставайся на шаттле, а я надену скафандр и попытаюсь запустить системы обеспечения напрямую, – сказала Лилу, когда поняла, что не сможет получить доступ со своего корабля.

Но покинуть шаттл оказалось тоже непросто – шлюз заклинило, и они оказались заложниками неисправного шаттла. Можно было либо попытаться еще раз получить удаленный доступ к системам управления крейсером, либо воспользоваться горелкой и вырезать себе выход через заклинившие двери в шлюз шаттла.

– И сколько шансов, что ты сможешь оживить крейсер отсюда? – спросила Ора.

– Мало.

– Совсем мало?

– Совсем.

– Значит, остается только горелка?

– Если нарушим герметичность, то даже закрывшись в рубке, ты не продержишься дольше пары часов.

– У тебя в скафандре воздуха будет еще меньше.

– Причем тут я?

– Притом, что ты не сможешь бросить меня.

– Тебя, может быть, и бросила бы. Я не смогу бросить твоего ребенка. Он ведь не виноват, что его мать решила захватить чужой шаттл и заварила всю эту кашу.

– Дрейк бы все равно нас нашел.

– Но не так быстро.

– Какого черта ты цепляешься с этим ко мне сейчас? – вспылила Ора. – Боишься идти – так и скажи, только не надо менять тему. Сейчас нет ни Дрейка, ни моих подельников. Только этот чертов крейсер. И он наш главный враг.

– Крейсер всего лишь железяка.

– Ну так иди и заставь ее работать.

Ора прошла в рубку.

– Мне можно просто закрыть дверь или нужно сделать что-то еще? – спросила она.

– Просто закрой дверь.

Лилу натянула скафандр. Управляться с горелкой было несложно, но оставшийся в коридоре воздух уходил слишком быстро, заставляя Лилу использовать воздух в баллонах скафандра, чтобы дышать. Этот драгоценный воздух. Когда она смогла выбраться в шлюз, прошло не менее получаса. Значит, воздуха в баллонах осталось на час, может быть, даже и меньше, если придется много бродить по мертвому крейсеру. Лилу покинула шаттл.

Искусственная гравитация крейсера была отключена, поэтому ей приходилось пользоваться встроенными в скафандр двигателями, иногда включая магнитные ботинки, чтобы открыть гидравлическими ножницами заклинившие двери. У Лилу была карта крейсера, но она не знала, сколько ей потребуется времени, чтобы добраться до капитанского мостика. Примерное представление у нее появилось, когда она проделала половину пути. Если на дороге не встретится трудностей, то, чтобы включить систему жизнеобеспечения, у нее будет не больше четверти часа. О том, сколько потребуется крейсеру времени, чтобы запустить все системы, Лилу старалась не думать.

«И снова я вляпалась», – говорила она себе, правда, паники не было. Очередная неприятность, из которой нужно выпутаться. «Похоже, попадать в неприятности у меня входит в привычку, – пыталась отвлечь себя Лилу. – Вот бы встретиться с чертовым опекуном, который украл деньги моих родителей, и врезать ему как следует по заднице». Она добралась до лифта, который отделял ее от капитанского мостика, разжала двери, оказавшись в кабине. Набившиеся в кабину люди, не успевшие, по-видимому, вовремя покинуть крейсер, уставились на нее выпученными

глазами. Несмотря на возраст тел, отсутствие воздуха сохранило их, словно они умерли пару часов назад. Их было шесть человек – ремонтные техники, на форме которых были нашивки с названием другого корабля. Должно быть, о них просто забыли. Лилу заставила себя войти в лифт и отключила магнитные ботинки, чтобы выбраться через кабину в шахту.

– Она справится, – тихо говорила своему ребенка оставшаяся в шаттле Ора. – Лилу сильная. Может быть, не сильнее меня, но уж умнее точно. Она спасет нас. Поверь. Спасет. Можешь ничего не бояться.

Зуммер на приборной панели тихо запищал, предупреждая, что кислорода осталось на час. Ора вздрогнула. Сколько есть у Лилу времени? Сколько осталось воздуха в ее баллонах? Писк зуммера раздражал Ору, но ее ребенка, казалось, наоборот, успокаивал. Мальчик уткнулся ей в грудь и заснул. Правда, заснул ненадолго, потому что включившаяся система жизнеобеспечения крейсера в первые секунды защелкала и загрохотала с такой силой, что ребенок проснулся и испуганно заплакал. Ора слушала его надрывный крик и смеялась. Потому что сейчас это напоминало ей тот самый первый крик сына, когда он только родился. Тогда крик олицетворял жизнь. И тогда Ора улыбалась. Улыбалась несмотря на боль. Теперь она тоже улыбалась. Улыбалась несмотря на страх, который сжигал ее изнутри еще мгновение назад.

Зуммер датчика кислорода в шаттле еще пищал какое-то время, затем стих, переключившись на внешнее снабжение. Ора выбралась с корабля. Искусственная гравитация все еще работала с перебоями, и Ора шла на мостик капитана, стараясь держаться поближе к поручням, на случай если на корабле снова появится невесомость. Ее сын успокоился и, чмокая губами, смотрел по сторонам.

– А вот это тебе лучше не видеть, – сказала ему Ора, когда они добрались до лифта с мертвецами.

Она пыталась улыбнуться сыну, но волнение заставило спешно вызвать грузовой лифт, чтобы не подниматься в пассажирском вместе с мертвецами. Волнение за Лилу. Не то чтобы Ора нашла в ней друга, но без Лилу… Без Лилу она попадет в большую беду. Она ведь даже не умеет управлять шаттлом. Да что тут скрывать – она ничего не умеет. Этот мир космических кораблей, планет и вирусов, которые превращают друзей в монстров, чужд ей. Она здесь так же неопытна, как и ее ребенок. Поэтому ей нужна Лилу. Ора попыталась подсчитать, сколько времени включались системы жизнеобеспечения крейсера. Десять минут? Двадцать? Что если она поднимется

сейчас на мостик и обнаружит остывающее тело Лилу, которой не хватило четверти часа, чтобы выжить? Что тогда ей делать? Ведь в этом случае они с ребенком застряли на этой стальной громаде. Даже если удастся найти исправный шаттл, она не сможет поднять его в воздух, а о том, чтобы вывести из шлюза в космос, нечего и мечтать.

– Нет, Лилу не могла умереть, – сказала своему сыну Ора.

Лифт поднял их на мостик. Двери открылись. Лилу суетилась у одной из десятка панелей управления.

– Ну, что я тебе говорила?! – снова обратилась к ребенку Ора.

– Что ты мне говорила? – спросила ее Лилу.

– Я разговаривала с сыном. – Ора с трудом сдерживала радость.

– Понятно. – Лилу даже не взглянула на нее.

Ора помялась возле лифта, подошла к Лилу.

– Что делаешь?

– Пытаюсь отключить часть систем.

– Зачем?

– Сейчас мы для Дрейка как маяк.

– Черт, совсем забыла о нем.

– Короткая же у тебя память. – Лилу наконец-то обернулась, посмотрела на сына Оры и улыбнулась ему, затем подняла глаза на Ору и попросила ее вернуться в шаттл и достать все продукты, которые у них есть.

– Я, между прочим, переживала за тебя, а ты, стоило мне прийти, уже хочешь избавиться от меня, – обиделась Ора.

– Это старый крейсер. Я не знаю, какие сюрпризы нас здесь ждут. Нужно подготовиться. Найти другой шаттл. Здесь должен был остаться хоть одни. Перенести туда продукты, и тогда уже будем радоваться чудесному спасению. Не раньше.

– Ты зануда.

– Может быть, но представь, что будет, если сейчас отключится система жизнеобеспечения. Корабль и так функционирует на пять процентов. Большинство систем находятся в состоянии сна или отключены совсем. И не забывай, это был военный корабль, одно из самых страшных оружий той войны. К тому же я бы с удовольствием перебралась на исправный шаттл и отключила этот крейсер. Не нужно привлекать к себе внимание. Дрейк умнее меня.

– Только теперь новый шаттл будет принадлежать не только тебе. Когда мы доберемся до Фовиза, то продадим его и поделим деньги на двоих. Договорились?

– Тогда уж давай делить на троих.

– На троих?

– Твой ребенок.

– Ах! – Ора хохотнула, но тут же поджала губы, увидев, что Лилу серьезна.

Глава седьмая

Системы защиты крейсера не были активированы, поэтому Дрейку не составило труда пробраться на борт. Знал ли он о том, что это за корабль? Название казалось знакомым. «Бытие-12». «Это определенно что-то со времен войны», – думал Дрейк, облачаясь в скафандр. Основной шлюз был блокирован, поэтому ему пришлось проложить себе путь сквозь обшивку крейсера. Горелка в его скафандре была мощной и, когда он включил ее, казалось, могла осветить весь космос, по крайней мере, сектор туманности уж точно.

Дрейк работал быстро. Каждое его движение было продуманным. Ничего лишнего. Рука тверда. Провода под обшивкой замкнули, заискрили, но Дрейк не обратил на это внимания, продолжая прокладывать себе путь к переборкам. Когда полость стала достаточной, чтобы он смог протиснуться, Дрейк опустился в брешь, переключил горелку в режим сварки и приварил кусок обшивки на место. Было тесно и жарко. По лицу катились крупные капли пота, но он не обращал на них внимания. Главное – вернуть кораблю герметичность, а затем вырезать второй слой обшивки и проникнуть внутрь, избежав разгерметизации. Сколько бы людей ни находилось на крейсере, никто не заметит этого вторжения. Хотя Дрейк не верил, что здесь есть кто-то, кроме беглецов. В этой туманности, на этом кладбище давно минувшей войны есть только смерть да зараженные территории. И этот крейсер… Крейсер подобен оазису посреди пустыни, в опасной близости от окруженной дюжиной спутников планеты. «Нет, без карт его не отыскать», – подумал Дрейк. Компьютер его шаттла вычислил траекторию падения крейсера на планету. Не пройдет и пары лет, как этот динозавр прошлого навсегда канет в небытие.

Кусок внутренней обшивки упал в коридор крейсера. Дрейк выключил горелку, прислушался. Кажется, никого. Он осторожно спустился вниз, проверил воздух и открыл шлем скафандра. Теперь оставалось лишь найти беглецов и вернуться к Массу Гори. Желательно с шаттлом. Ведь договор заключен на девушку и шаттл. Поэтому Дрейк решил сначала отправиться в шлюзовой отсек крейсера. Он передвигался легко, словно кошка, несмотря на то, что его сковывал скафандр. Сколько всего беглецов? Трое? Шестеро? Дрейк не знал, что вирус на планете Гал забрал четверых из них, но осторожность все равно была у него в крови.

Две женщины и ребенок. Одна женщина и одна мать. Противник есть противник. Не стоит недооценивать человека и

его желание жить. В случае с Лилу речь шла о свободе. Хотя за свободу многие готовы даже умереть. Итак, мать, которая будет защищать своего ребенка, и Лилу, которая будет драться до последнего за свою свободу. О судьбе остальных Дрейк не знал, но если верить его приборам, то других людей на крейсере не было. Приборы закончили анализ как раз в тот момент, когда Дрейк заходил в транспортный отсек.

На изучение искореженного шаттла у Лилу ушло не больше десяти минут. «Нет, эта птичка уже никуда не улетит», – решил Дрейк. Остальные три шаттла, стоявшие рядом, были старыми и не интересовали его, но вот беглецы, должно быть, планируют воспользоваться ими. Поэтому Дрейк потратил почти час, чтобы безвозвратно вывести их из строя. Теперь оставались лишь две девушки – ребенка Дрейк не учитывал. Ребенок не мог стать помехой. Так думал Дрейк. Думал, пока в транспортный отсек не вошла Ора с сыном на руках. Мальчик увидел чужака в скафандре и заплакал, возвращая погруженную в свои мысли мать к реальности. Дрейк так и не смог понять, как мальчик смог заметить его, притаившегося за шаттлом. Ора увидела Дрейка, вздрогнула и, крутанувшись на месте, побежала прочь. Но бежать, прижимая к груди ребенка, было сложно. Да и для Дрейка эта низкорослая девушка не могла быть конкурентом. Он догнал ее за дюжину своих широких шагов, схватил за шею и тряхнул так сильно, что она едва не уронила ребенка. Ора вскрикнула, ее сын разревелся.

– Успокой его, – прошипел ей на ухо Дрейк.

– Пожалуйста, не трогайте его, – пролепетала Ора.

– Тогда сделай так, чтобы он заткнулся.

Дрейк отпустил ее. Беглого взгляда хватило ему, чтобы понять – молодая мать безоружна.

– Ну, тише, тише, – шептала она своему ребенку, бросая на Дрейка напуганные взгляды.

Никогда прежде Ора не видела охотника так близко. Сейчас он казался ей настоящей скалой, которая сокрушит все, что встанет на пути. И эти глаза – стальные, холодные. Скольких людей он убил? А когда перестал считать количество трупов?

– Ты не нужна мне, – сказал Дрейк, словно прочитав ее мысли. – Я не трону тебя, если не попытаешься помешать мне. Лишь заберу Лилу и оставлю тебя в покое.

– Оставишь здесь?

– Ты предпочитаешь зараженные планеты?

– Нет, но здесь ведь нет продуктов. Если ты оставишь нас здесь, то это будет равноценно смерти.

– Что ты предлагаешь?

– Ну, не знаю. Я могу помочь тебе поймать Лилу, а взамен ты отвезешь меня на Фовиз.

– Я поймаю Лилу и без твоей помощи.

– Она хитрая, как дьявол. – Ора вздрогнула, увидев тень улыбки на губах Дрейка.

«Неужели эта скала умеет улыбаться? – подумала она. – Или же это улыбка самого короля преисподней? И с ним не договориться. Его не разжалобить. Слабость лишь веселит его, придает ему сил». Сын Оры неожиданно замолчал, сморщился и срыгнул. Дрейк на мгновение опустил на ребенка глаза. Этого хватило Оре, чтобы выхватить из пеленок стилет и ударить им Дрейка в грудь. Удар не мог убить охотника, не мог даже причинить ощутимого вреда, но удар мог выиграть для Оры пару мгновений. С кошачьей грацией и скоростью Ора метнулась в сторону. Нет, она больше не надеялась сбежать от него, но вот ускользнуть, перехитрить… Ора даже не знала, преследует ее Дрейк или нет – времени, чтобы обернуться и посмотреть, не было. Она резко свернула в сторону, в сектор, предназначенный для отдыха офицерского состава. Дрейк выстрелил, решив избавиться от этой помехи на своем пути. Хватит гоняться за ней. Она упустила свой шанс. Если бы Ора не решила свернуть, то выстрел Дрейка лишил бы ее головы, а так лишь жар обжег затылок да запахло подпаленными волосами. Дрейк выругался. Цель скрылась из виду. Ора закрылась в жилой комнате офицера, надеясь, что двери смогут спасти ее. Внутренняя связь в каюте была активна, и Ора хаотично застучала по кнопке вызова капитанского мостика, надеясь, что Лилу ответит.

Дрейк подошел к двери, за которой скрылась беглянка, попробовал открыть ее, а когда понял, что это ему не удастся, просто заварил дверь, воспользовавшись встроенной в скафандр горелкой.

Лилу долго смотрела на сигнал вызова по внутренней связи крейсера, мигавшей на приборной панели капитана, затем ответила, услышала голос Оры. Испуганный голос.

– Пожалуйста, помоги мне, – скулила девочка.

«И снова я вляпалась», – думала Лилу, слушая сбивчивый рассказ Оры.

– Этот ублюдок заварил двери, – голос Оры стал гневным. – Если он заберет тебя, то я не смогу выйти из каюты.

– И не нужно. Оставайся пока там. Дрейк больше тебя не тронет.

– Но я умру здесь с голоду! Мы умрем. Я и ребенок. Понимаешь? Ты же говорила, что тебе небезразлична его судьба!

– Я что-нибудь придумаю.

Лилу прервала связь прежде, чем Ора успела сказать еще хоть слово. Сколько у нее было времени? Пять минут? Десять? Потом придет Дрейк. Она попыталась получить доступ к лифтам и заблокировать их. Теперь игра шла ва-банк. Лилу не знала, выдержит ли старый крейсер активацию всех систем, чтобы можно было задействовать функцию охраны, но если он и начнет разваливаться на части, то они с Орой всегда смогут сбежать отсюда на шаттле. Они даже смогут выбраться из туманности и снова взять курс на Фовиз. Но сначала нужно избавиться от Дрейка.

Корабль задрожал и начал просыпаться в тот самый момент, когда Дрейк карабкался по шахте отключившегося лифта на мостик капитана. От сильного толчка после включения двигателей Дрейк едва не сорвался. Системы охраны крейсера загудели, оповещая об опасной траектории и неизбежном столкновении с планетой. Защелкала автоматика, загудели турбины, пытаясь вернуть корабль на безопасную орбиту. Дрейк не знал, что происходит, но его сейчас беспокоило лишь одно – добраться до беглянки.

Лилу включила режим вторжения, и по всему крейсеру замигали красные огни.

Дрейк добрался до дверей, ведущих на мостик капитана. Его горелка работала безупречно. Лилу видела, как заискрились двери лифта. Что ж, так было даже лучше – теперь она знала, где противник. Системы охраны капитана нацелили на лифт всю свою огневую мощь и, когда Дрейк наконец-то выбрался из шахты, открыли огонь. Охотник вспыхнул и испарился раньше, чем понял, что произошло. Лилу смотрела на оставшуюся от Дрейка горку пепла несколько секунд, затем попыталась отключить сирены режима вторжения, но у нее это не вышло. Старый крейсер перешел в режим войны и заблокировал доступ к большинству систем.

– Ну, и куда мы летим теперь? – спросила Ора, когда Лилу наконец-то добралась до нее и освободила из ставшей тюрьмой каюты.

– Я не знаю, но мне кажется, что крейсер находится в режиме войны.

– Какой войны?

– Которая была пятьсот лет назад.

– И что теперь?

– Если верить навигации, то крейсер летит к планете Круз, где во время войны был центр патрициев, чтобы получить дальнейшие указания. Ты когда-нибудь была на планете Круз?

– Нет.

– Говорят, это одно из красивейших мест в Галактике.

Глава восьмая

Черви. Те самые черви, что сожрали в каюте шаттла Лилу заразившихся на Гале стариков. Они не трогали живых, но вот мертвецы им были по вкусу. Те самые ремонтные техники, которые остались в лифте. Трупы, которым было уже почти пять сотен лет. Первой червей заметила Ора. Они с Лилу пользовались запасным лифтом, но оставлять мертвецов в соседней кабине значило, что скоро начнется процесс разложения. Лилу предложила использовать азот, чтобы заморозить их, благо, на крейсере его было достаточно, но когда они открыли двери в лифт…

– Подожди, – сказала Ора, наклоняясь к мужчине, который лежал на полу сразу возле открывшихся дверей. – Что это? – спросила она, указывая на крошечного червя, извивающегося в левой ноздре мертвеца. Нет, она не могла забыть, где уже видела таких червей, но и поверить, что черви выбрались из каюты шаттла Лилу, где сожрали стариков, она не могла. – Ты ведь сказала, что вирус остался на Гале, – Ора обернулась и уставилась на Лилу, требуя ответа.

– Это всего лишь черви.

– Но это ведь наши черви. Мы привезли их сюда. Верно?

– Я не знаю. Давай просто заморозим мертвецов и все.

– А если черви уже повсюду? Что если завтра они набросятся на нас?

– Почему завтра?

– Что?

– Вспомни, как быстро они сожрали стариков и остальных на Гале. Думаю, если бы они могли причинить нам вред, то давно бы это сделали, а так… – Лилу пожала плечами и открыла вентиль баллона с азотом.

Мертвецы побелели, покрылись инеем.

– Нужно проделать то же самое с каютой нашего шаттла, где черви сожрали стариков, – сказала Ора.

Лилу не стала возражать. Понимала, что если черви уже пробрались на крейсер, то заморозка каюты стариков ничего не даст, но если это успокоит Ору, то пусть будет так.

– Вот теперь я довольна, – сказала Ора, когда каюта шаттла покрылась инеем, а кишащие там черви превратились в ледышки. Она повернулась к Лилу и широко улыбнулась, заметила тревогу на ее лице и нахмурилась. – Что не так?

– Пока не знаю.

– Но ты встревожена.

– Просто подумала, что если черви добрались до мертвецов в лифте, то что помешает им добраться до центрального процессора крейсера? Это ведь просто мозги. Понимаешь? Мертвые, нашпигованные пучками электродов мозги. – Не дожидаясь, когда Ора поймет, о чем идет речь, Лилу покинула шаттл.

Центр управления системами корабля находился в хвостовой части крейсера, недалеко от реактора. Дюжина колб с погруженными в прозрачный раствор человеческими мозгами. Лилу смотрела на них, чувствуя, как снова оживают детские страхи, как это было в подвале Сьюза на планете Макабр, где ей едва не удалили мозг. Возможно, если бы она тогда не сбежала, то сейчас бы ее мозг работал в старом шаттле контрабандистов, превратившись в биологический процессор. Лилу вздрогнула, увидев крошечных белых личинок, которые копошились в складках коры лобных долей.

– Из них появятся черви, да? – спросила Ора.

– Да, – сказала Лилу.

– И чем нам это грозит?

– Все зависит от того, как быстро они будут расти.

– И питаться.

– Да. И питаться.

– Значит, до Круза мы не долетим?

– Боюсь, что нет.

– Жаль, – Ора почему-то улыбнулась, словно никогда и не планировала лететь так далеко. – Ну, по крайней мере, крейсер вывел нас из туманности. Теперь можно выбрать себе рабочий шаттл и вернуться к первоначальному плану.

– Все-таки хочешь отправиться на Фовиз?

– Почему бы и нет?

Лилу вздрогнула, увидев, как лопнула оболочка одной из личинок, являя на свет крошечного голодного червя.

– Да, Фовиз, пожалуй, не так уж и плох, – согласилась она.

Больше оставаться в центре управления не было смысла. Лилу вернулась на капитанский мостик и проверила маршрут. Если они действительно собирались покинуть крейсер и отправиться на Фовиз, то оптимальным было сделать это на следующий день, когда крейсер выйдет из ускорения, чтобы перепроложить маршрут.

– Если хочешь забрать с корабля что-то ценное, то сейчас самое время, – сказала Лилу Оре.

– А что здесь самое ценное?

– Я не знаю. Смотри сама, а я пока проверю на исправность оставшиеся шаттлы.

– Ну хоть подскажи, что брать.

– Бери все, что блестит, – отмахнулась Лилу.

Она ушла раньше, чем Ора успела сказать еще хоть что-то. Все системы корабля работали стабильно, но Лилу знала, что долго это не продлится. Как только черви начнут трапезу, оставаться на крейсере станет не менее опасным, чем находиться рядом с Дрейком. Правда, Дрейк уже был мертв. Лилу вспомнила, как его тело превратилось в прах, и в очередной раз попыталась убедить себя, что не хотела его смерти. Никогда прежде она не забирала жизнь человека. Дрейк заставил ее превратиться в убийцу. И это угнетало ее… Правда, сомнения в правильности совершенного поступка развеялись сразу, как только Лилу выяснила, что Дрейк уничтожил системы управления оставшихся на крейсере шаттлов. Теперь можно было лишь надеяться, что шаттл самого охотника остался где-то снаружи крейсера, а его охранная система не активирована. Нужно лишь дождаться, когда крейсер выйдет из ускорения.

Лилу прошла в центр управления корабля и долго наблюдала, как лопаются личинки и все больше и больше крошечных червей вгрызаются в подключенные к системам крейсера мозги. Кем были эти люди? Добровольцами? Военнопленными? Вряд ли управление такой громадой доверили неизвестно кому. Конечно, это уже были всего лишь биологические процессоры, но… Лилу нашла в ремонтном помещении машину для извлечения мозга и долго изучала ее устройство, желая убить оставшееся до выхода из ускорения время. Спать она не могла – стоило закрыть глаза, и детские страхи оживали, только теперь к ним добавились картины, как черви пожирают человеческий мозг. К тому же в работе крейсера появились нервирующие сбои.

Корабль иногда вздрагивал, местами отключалась искусственная гравитация. И чем крупнее становились черви, чем сильнее становился их аппетит, тем сбоев этих становилось все больше и больше. Спустя четыре часа корабль уже трясло так сильно, что Лилу начала сомневаться, выйдут ли они из ускорения вообще. Если накроется система навигации, то крейсер рано или поздно врежется в планету или спутник. Она поднялась на капитанский мостик, где Ора отрывала со стен эмблемы патрициев, выполненные из драгоценных металлов. Лилу не обратила на юную воровку внимания. Она собиралась попробовать перевести управление поврежденным крейсером на мостик, но корабль остановился раньше, чем она успела разобраться в алгоритмах управления.

– Я думала, у нас в запасе еще несколько часов как

минимум! – засуетилась Ора, бросая жадные взгляды на оставшиеся эмблемы.

Лилу проверила навигацию. Если верить системе, то они отклонились от курса. Ближайшей планетой был Макабр.

– Сомневаюсь, что эта железяка переживет еще одно ускорение, – сказала Лилу, решив, что они ни во что не врезались лишь благодаря случаю. – Нет, неприятности определенно идут за мной по пятам, – проворчала она.

Ора не расслышала, все еще пытаясь оторвать очередную эмблему. Лилу наорала на нее и велела отправляться в транспортный отсек.

– Как только я доберусь до шаттла Дрейка, то мы сразу улетаем отсюда, – сказала она, покидая капитанский мостик.

– Ты только вернись живой, – попросила Ора, когда Лилу натягивала последний сохранившийся на их шаттле скафандр. – Не то что я переживаю за тебя, но… Я ведь застряну здесь без тебя, понимаешь?

Лилу не ответила. Она все еще думала о случайности и везении, благодаря которым они до сих пор живы. Что ж, теперь ей понадобится везение, чтобы найти шаттл Дрейка на этой громаде и привести его в транспортный отсек. Но дело было не в случайности. По крайней мере, то, что крейсер оказался вблизи Макабра, не было случайностью. Черви несли не только смерть. Черви приносили безумие своим жертвам. И плевать им было на то, кто это: беглецы на планете Гал или мозги военного крейсера. Лилу поняла это, находясь уже в открытом космосе. Пользуясь двигателями своего скафандра, она отлетела от крейсера и пыталась отыскать на его поверхности шаттл Дрейка. «Если сейчас крейсер начнет двигаться, то мне конец», – думала Лилу. Но корабль ждал. Дрожал, борясь с безумием, но не двигался с места. Хотя шансов победить свой гнев у него не было.

Уже в шаттле Дрейка, взламывая защитные коды доступа, Лилу заметила, что крейсер начал двигаться, приближаясь к планете, где еще совсем недавно ей чуть не удалили мозг. В какой-то момент Лилу подумала, что системы крейсера окончательно отключились и сейчас он врежется в планету, но вместо этого он остановился вблизи одного из естественных спутников Макабра и выстрелил. Зеленый луч, вырвавшийся из брюха крейсера, был таким ярким, что если бы Лилу не успела закрыть глаза и отвернуться, то слепота на ближайшие пару часов была бы ей гарантирована. Луч продолжал выжигать планету несколько минут, затем прервался на пару секунд, словно крейсер еще пытался противостоять своему безумию, но затем вспыхнул вновь. Когда все закончилось, от Макабра остался мертвый,

черный, затерявшийся в космосе шар.

– Какого черта там было? – спросила Ора, когда Лилу завела шаттл Дрейка в транспортный отсек крейсера. Ответа не было. – Эй! – Ора схватила Лилу за руку.

– Боюсь, твоей родной планеты больше нет, – сказала Лилу, надеясь, что голос не выдаст ее дрожь.

– Что? – растерянно хлопнула глазами Ора, бросила эмблемы патрициев, которые держала в руках, и побежала на капитанский мостик.

Тяжелые эмблемы упали на пол, звякнули. Звук эхом разнесся по транспортному отсеку. Лилу подняла их и отнесла в шаттл Дрейка, затем перенесла на шаттл продукты. Она нашла Ору четверть часа спустя на капитанском мостике. Девушка стояла, прижимая ребенка к груди, и смотрела на свою мертвую планету. Слез не было, лишь только в глазах сквозило какое-то отчаяние. Даже крейсер – и тот перестал вздрагивать, словно скорбел вместе с молодой матерью.

– Почему? – тихо спросила Ора.

– Я не знаю, – сказала Лилу, разглядывая карту на панели навигации, где обозначалась следующая цель, выбранная крейсером. – Думаю, корабль просто сошел с ума.

– И все? Так просто?

– Черви сожрали его мозг.

– Но этих червей принесли сюда мы.

Лилу не ответила, продолжая изучать карту. Ора обернулась, проследила за ее взглядом.

– Что это за точки? – спросила она.

– Думаю, следующие цели крейсера.

– Там есть твоя родная планета?

– Моя родная планета слишком далеко от этого сектора.

– Жаль.

– Не нужно обвинять меня в том, что случилось.

– А кого мне еще обвинять? Кого обвинять всем тем людям, которые уцелеют после того, как крейсер уничтожит и их планеты?

Ответа не было, хотя Ора ждала его несколько минут.

– Ты сможешь остановить эту машину смерти? – спросила Ора. – Скажи, что сможешь. Ты ведь умная. Ты должна знать, что делать.

– Я могу попробовать.

– Хорошо. Что делать мне?

– Бери ребенка, садись в шаттл и улетай.

– Что?

– Не спрашивай. Просто сделай то, что я тебе говорю, и все.

Ора хотела сказать, что не справится с управлением в одиночку, но потом решила, что сейчас это, наверно, не имеет значения. Она попытается. Попытается так же, как Лилу попытается остановить крейсер. И здесь их пути должны разойтись.

Ора покинула капитанский мостик, добралась до транспортного отсека. Когда она поднялась на борт шаттла Дрейка, Лилу открыла шлюз. Крейсер недовольно задрожал. Скорбь закончилась, и возвращался гнев. Лилу дождалась, пока шаттл Оры не отойдет на безопасное расстояние, и спустилась в центр управления системами корабля. Черви, пожиравшие биологические процессоры крейсера, подросли. Их трапеза была в разгаре. И гнев корабля нарастал. Гудели двигатели, готовясь к новому ускорению.

– Ну уж нет, – сказала Лилу, надеясь, что система защиты давно уже дала сбой и не испепелит ее раньше, чем она успеет разбить все эти колбы и отключить изъеденные червями мозги от системы.

Зазвенело стекло. Жидкость из разбитых колб хлынула на пол. Заискрили электроды, подключенные к мозгам крейсера. Корабль задрожал, забился в агонии. Отключились почти все системы. «Ну и вляпалась я на этот раз!» – подумала Лилу, паря в невесомости среди разлитой жидкости, осколков колб и человеческих мозгов, которыми все еще питались черви.

Прячась за спутником, Ора видела, как крейсер закрутился на месте, словно собака, которая гоняется за своим хвостом. Яркие снопы искр полетели в черноту космоса. Загудели двигатели, пытаясь выровнять крейсер, включился ускоритель. Корабль крутанулся на месте в последний раз и по неровной дуге устремился к Макабру. Его траектория напомнила Оре полет воздушного шарика, который надули, но забыли завязать. Потом раздался взрыв. Рожденная им взрывная волна была такой сильной, что Ора ощутила ее, прячась за спутником. Казалось, что содрогнулся весь космос. Ребенок Оры тревожно заерзал и начал капризничать.

– Все хорошо, – сказала ему молодая мать. – Теперь уже все хорошо. Скоро мы доберемся до Фовиза. Скоро у нас начнется новая жизнь…

февраль 2010 – июнь 2013